АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 180

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1971

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 180

В. М. МАССОН

ПОСЕЛЕНИЕ ДЖЕЙТУН

(ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ЭКОНОМИКИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1971

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Вадим Михайлович Массон

ПОСЕЛЕНИЕ ДЖЕЙТУН
(ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ЭКОНОМИКИ)

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства В. Т. Бочевер. Технический редактор И. М. Татаринова
Корректоры Ж. Д. Андронова и Е. А. Гинстлинг

Сдано в набор 14/IV 1970 г. Подписано к печати 30/VI 1971 г. Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Печ. л. 13 = 21.84 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 20.96. Изд. № 4385. Тип. зак. № 893. М-10590.

Тираж 1800. Бумага № 2. *Цена 1 р. 70 к.*

1-6-2

Ленинградское отделение издательства «Наука». Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

66—71 (I)

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ВВЕДЕНИЕ

Изучение неолитического поселения Джейтун и всей джейтунской культуры в целом тесным образом связано с развитием первобытной археологии Средней Азии. По периодизации Анау, предложенной Р. Пампелли—Г. Шмидтом, наиболее раннее место в колонке первобытных культур Южного Туркменистана занимал комплекс Анау IA, относимый к раннему энеолиту.[1] Такое положение долгое время господствовало в литературе, хотя уже в 30-е годы начали появляться новые данные, свидетельствующие о необходимости изменения сложившихся представлений. Однако отсутствие публикаций и даже должным образом оформленных архивных материалов не способствовало их использованию тогда и затрудняет воссоздание картины истории изучения этих памятников в настоящее время.

Как свидетельствуют имеющиеся данные, впервые керамика и орудия джейтунского типа были обнаружены гидрогеологом Распоповым при шурфовке в окрестностях станции Келята Ашхабадской железной дороги. В 1935 г. соответствующие находки были сделаны А. А. Марущенко на Новой Нисе,[2] а в 1939 г. на поселении Тоголок-Депе.[3] Однако в то время во всей Средней Азии основное внимание уделялось изучению памятников античного времени; в Туркменистане, в частности, усилия археологов были сосредоточены на раскопках парфянской Нисы. Тем не менее А. А. Марущенко счел возможным сформулировать некоторые выводы на основе новых материалов, ставших известными в результате осмотра названных выше памятников. В статье, опубликованной в 1939 г., исследователь писал о культуре Анау: «Древнейшая стадия ее (выделенная по находкам у Келяты и неизвестная Р. Пампелли) характеризуется перерастанием оседлого собирательства в земледелие, появляется керамика. Она может быть датирована порой среднего неолита».[4] Ряд новых памятников джейтунской культуры был обнаружен в 40—начале 50-х годов (Джейтун, Кепеле, Найза-Депе, Бами, Чопан-Депе), но раскопки на них не производились и даже собранный на поверхности материал оставался неопубликованным.

Для изучения первобытной археологии Средней Азии этапным, с нашей точки зрения, явился 1952 г., когда в Южном Туркменистане были произведены работы отряда ЮТАКЭ, возглавленного Б. А. Куфтиным.[5] Результатом этих работ можно считать не только создание новой периодизации анауских культур, но и выход первобытной археологии Средней Азии на арену широкой исторической проблематики, связанной в первую очередь с археологией и историей Ближнего Востока.

Б. А. Куфтин совместно с А. А. Марущенко посетил Джейтун и заложил там шурф, прорезавший двухметровый культурный слой, в котором были отмечены следы

---

[1] R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. I. Washington, 1908, p. 104.

[2] А. А. Марущенко. Краткий отчет о работе Кабинета археологии Туркменского государственного института истории. МЮТАКЭ, в. 1, 1949, стр. 182.

[3] О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита. Автореф. дисс. Ашхабад, 1965, стр. 4. По сведениям О. К. Бердыева, А. А. Марущенко обследовал Джейтун в 1937 г., тогда как, по данным старейшего ашхабадского археолога С. А. Ершова, это произошло лишь в 1944 г. (С. А. Ершов. Холм Чопан-Депе. ТИИАЭ, т. II, 1956, стр. 22).

[4] А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. В кн.: Архитектурные памятники Туркмении, в. 1. М.—Ашхабад, 1939, стр. 101.

[5] Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, стр. 5.

не менее пяти глинобитных полов.[6] Правда, у Б. А. Куфтина оставались сомнения в принадлежности к этому же культурному слою кремневых изделий «мезолитических форм», но в целом этот исследователь с поразительной прозорливостью определил историческое значение памятника. Характеризуя высокий уровень оседлоземледельческого хозяйства в пору Анау IБ, Б. А. Куфтин писал: «В связи с этим в предшествующей стадии, если она действительно иллюстрируется поселениями на границе песков типа Джейтуна, следует видеть не охотничьи коллективы с собирательным хозяйством, а оседлых мотыжных земледельцев, обладавших домашней собакой и, по-видимому, овцой, снимавших сложными кремневыми серпами жатву со своих богарных посевов на „каирных" землях».[7]

Вместе с тем сам характер Джейтуна как памятника вызывал сомнение у ашхабадских археологов, склонных излишне архаизировать соответствующую культуру и упорно именовавших Джейтун стоянкой.[8] Такое мнение, казалось бы, подтверждали раскопки, произведенные С. А. Ершовым на другом памятнике этого типа — холме Чопан-Депе. Заложенный там шурф установил шестиметровую толщу культурных слоев, изучение которых привело С. А. Ершова к выводу, что здесь отсутствовали прочные глинобитные дома, а имелись лишь постройки какого-то легкого типа, возможно, столбовой конструкции.[9]

Было совершенно ясно, что для выяснения этого вопроса, так же как и для получения достаточно надежного и обширного археологического комплекса, необходимы не повторные сборы подъемного материала, а систематические раскопочные работы. Они были предприняты осенью 1955 г., когда XIV отряд ЮТАКЭ, возглавленный автором настоящих строк, приступил к систематическому исследованию раннеземледельческих поселений Южного Туркменистана. Раскопки Джейтуна, изучавшегося одновременно с целым рядом энеолитических поселений, осложнялись его расположением в зоне первых барханных цепей Каракумской пустыни (табл. I). Уже разведочные раскопки 1955 г. установили наличие на Джейтуне глинобитной архитектуры, использующей батонообразные «протокирпичи».[10] В 1956 г. это наблюдение было подтверждено на раскопе площадью в 100 м^2, а повторное обследование Чопан-Депе указало на наличие и там подобных строительных остатков, не замеченных С. А. Ершовым.[11] Наконец, в 1957 г. на Джейтуне был открыт тип своеобразных однокомнатных домов, стоящих в начале длинной цепи эволюции жилых строений у раннеземледельческих племен.[12] Большие стационарные работы 1958 г., вскрывшие центральную часть поселения, дали массовый материал, позволивший прочно ввести термин «джейтунская культура» в науку.[13]

Тем временем значение Джейтуна переросло рамки южнотуркменистанской проблематики. Изучение древнейших оседлоземледельческих комплексов, проблема становления земледельческой культуры стали одним из центральных вопросов ближневосточной археологии. Оказалось, что таким хрестоматийным комплексам, как Хассуна в Ираке и Сиалк I в Иране, в действительности предшествовал длительный период развития оседлоземледельческой культуры, насчитывавший не одно тысячелетие. Из области археологических раскопок и публикации добытых материалов вопрос был переведен в область исторических и социологических обобщений. Этому в немалой степени способствовали исследования американского археолога Р. Брейдвуда, открывшего в горах Северного Ирака поселение Джармо и поставившего в широких масштабах проблему становления производящего хозяйства на Древ-

---

[6] Б. А. Куфтин. 1) Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН ТССР, 1954, № 1, стр. 27; 2) Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 271—274.

[7] Б. А. Куфтин. Полевой отчет..., стр. 284—286.

[8] А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. ТИИАЭ, т. II, 1956, стр. 5—7.

[9] С. А. Ершов. Холм Чопан-Депе, стр. 13, 15.

[10] В. М. Массон. Джейтун и Кара-Депе. СА, 1957, № 1, стр. 144—146.

[11] В. М. Массон. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1, стр. 35—36.

[12] В. М. Массон. Древнейшая земледельческая культура Средней Азии. ИАН ТССР, 1960, № 1.

[13] В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, 1960, стр. 37—109.

нем Востоке.[14] Вскоре стало ясно, что эта архаическая стадия отличается сравнительно высоким уровнем развития культуры: в нижних слоях Иерихона, датируемых VII—VI тыс. до н. э., были открыты остатки обводной стены из бутового камня, поразившие воображение многих археологов.[15] Материалы Джейтуна, перекликающиеся в ряде отношений с культурами Джармо и Иерихона, оказались имеющими непосредственное отношение к решению вышеназванных вопросов и проблем.[16]

В связи с этим было решено продолжить раскопки Джейтуна, вскрыв поселение целиком на уровне одного строительного горизонта. При помощи бульдозера была сдвинута барханная цепь, частично перекрывавшая памятник, и в 1959 г. осуществлены раскопки западной части поселка.[17] В 1962 г. было проведено вскрытие значительного участка в центре, а в 1963 г. раскопки восточной окраины Джейтуна[18] завершили в основном выполнение поставленной задачи.

Вместе с тем изучение джейтунской культуры уже не ограничивалось раскопками и публикацией материалов одного памятника. Новые раскопки, произведенные в 1957—1959 гг. на Чопан-Депе С. А. Ершовым и А. А. Марущенко, дали дополнительный материал по ее эволюции.[19] В 1959—1961 гг. были открыты поселения джейтунской культуры на юго-востоке Туркмении; одно из них — Чагыллы-Депе — в 1962—1963 гг. стало объектом стационарных раскопок.[20] Специальному рассмотрению подвергались фаунистические остатки[21] и орудия труда Джейтуна,[22] рассматривались вопросы палеогеографии[23] и мелкой пластики.[24] Особое значение имеют предпринятые О. К. Бердыевым усилия по публикации накопленного материала[25] и основанная на этих данных его сводная работа, в которой был выделен ранее неизвестный самый поздний этап развития джейтунской культуры.[26] Наконец, в специальном исследовании Г. Ф. Коробковой кремневая индустрия этой культуры была подвергнута детальному и всестороннему анализу, намечена ее эволюция и связи с другими неолитическими комплексами Средней Азии.[27]

Настоящее издание ставит своей целью полную публикацию результатов раскопок на поселении Джейтун. Именно эти раскопки дали количественно основной архео-

---

[14] R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. 1) Jarmo. A Village of Early Farmers in Iraq. Antiquity, № 96, 1950, pp. 189—195; 2) Earliest Village Communities of South-Western Asia. J. World History, 1953, № 1; R. J. Braidwood. The Near East and Foundations for Civilization. Oregon, 1952.

[15] K. Kenyon. Jericho and Its Seeting in Near East History. Antiquity, № 120, 1956, pp. 183—193. О дискуссии в этой связи см.: В. М. Массон. Докерамический неолит Иерихона. СА, 1958, № 3, стр. 250—252.

[16] V. M. Masson. 1) The First Farmers in Turkmenia. Antiquity, № 139, 1961, pp. 203—207; 2) The Neolithic Farmes of Central Asia. VI Internat. Congr. of Prehist. and Protohist. Sciences. Reports and Communications by archaeologists of the USSR. Moscow, 1962.

[17] В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Депе. СА, 1962, № 3, стр. 157—161.

[18] В. М. Массон. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений. КСИА, в. 108, 1966, стр. 40—42.

[19] Д. Дурдыев. Итоги полевых работ Сектора археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР, 1954—1957 гг. ТИИАЭ, т. V, 1959, стр. 7—8.

[20] О. К. Бердыев. 1) Чагыллы-Депе. ИАН ТССР, 1964, № 1; 2) Чагыллы-Депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. В кн.: Материальная культура Средней Азии и Казахстана. М., 1966. Об исследованиях памятников джейтунской культуры в районе Геок-Тепе в 1967—1968 гг. см.: О. К. Бердыев. 1) Изучение памятников эпохи неолита. В сб.: Каракумские древности, в. I, Ашхабад, 1968; 2) Новые раскопки на поселениях Песседжик-Депе и Чакмаклы-Депе. Там же, в. II, 1968.

[21] А. И. Шевченко. К истории домашних животных Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, стр. 464—477.

[22] Г. Ф. Коробкова. Определение функций костяных и каменных орудий с поселения Джейтун по следам работы. ТЮТАКЭ, т. X, стр. 110—133; О. К. Бердыев, Г. Ф. Коробкова. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагыллы-Депе. ИАН ТССР.

[23] Г. Н. Лисицына. 1) Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита, по палеоботаническим данным. КСИА, в. 98, 1964, стр. 53—54; 2) Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965, стр. 24—26, 44—45, 89—90.

[24] А. Я. Щетенко. Терракотовая головка с поселения Джейтун. ИАН ТССР, 1960, № 4, стр. 82—83.

[25] О. К. Бердыев. 1) Стратиграфия Бамийского поселения. СА, 1963, № 4; 2) Стратиграфия Тоголок-Депе в связи с расселением племен джейтунской культуры. СА, 1964, № 3; 3) Неолит Новой Нисы. СА, 1965, № 2.

[26] О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита.

[27] Г. Ф. Коробкова. 1) Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии (по данным функционального анализа). Автореф. дисс. Л., 1966; 2) Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, 1969,

логический материал, характеризующий джейтунскую культуру в целом, а яркость и выразительность этого материала делают Джейтун эталонным памятником. Вместе с тем в настоящей работе поставлены и вопросы возможной исторической интерпретации полученных археологических данных. Полное вскрытие неолитического поселка и массовый материал, при этом полученный, открывают известные возможности в решении сложной проблемы реконструкции общественного строя древних племен, изучаемых археологическими методами. С течением времени повышается также первостепенная важность джейтунских материалов для изучения проблемы становления производящего хозяйства и ранних этапов его эволюции. На Ближнем Востоке соответствующий материал увеличивается почти в геометрической прогрессии, причем особенное значение имеет открытие блестящей культуры Хаджилара и Чатал-Гуюка на юге Малой Азии.[28] Эта непрерывно возрастающая источниковедческая база становится все более надежной основой для построения общих исторических выводов и заключений.[29] Археологические исследования в Мезоамерике, где под руководством Р. Мак-Нейша открыты две серии памятников, ярко рисующих картину культурной и хозяйственной эволюции,[30] придают решению этой проблемы уже глобальное значение. Есть основания надеяться, что сравнительное изучение соответствующих материалов Старого и Нового Света окажет решающее влияние на установление общих закономерностей развития человечества в эпоху первобытного строя. Было бы наивным полагать, что подобные вопросы можно решить или сколько-нибудь обоснованно поставить на материалах одного памятника или локально ограниченной группы памятников. Лишь комплексное изучение достаточно многочисленных и разнообразных материалов позволяет надеяться наметить правильный путь. Одним из таких памятников, входящих составной частью в источниковедческий фундамент, является наряду с Джармо, Иерихоном, Чатал-Гуюком и среднеазиатский Джейтун, которому посвящена настоящая публикация.

Историческая интерпретация полученных материалов привела к необходимости остановиться и на некоторых теоретических вопросах археологии и первобытной истории, прежде всего на проблеме становления производящего хозяйства.

В многолетних раскопках Джейтуна принимал участие значительный коллектив археологов Ашхабада, Ленинграда, Москвы и Ташкента. Автор с благодарностью вспоминает участников этих изысканий: археологов Ю. Ф. Бурякова, А. Ф. Ганялина, В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопина, геоморфолога Г. Н. Лисицину, аспирантов А. Аскарова, О. К. Бердыева и А. Губаева, студентов Ленинградского университета И. С. Клочкова, С. А. Панарина, А. Я. Щетенко, студента Ташкентского университета Г. Дадабаева. Нормальная работа и функционирование лагеря в безводной пустыне были бы невозможны без четкой работы шоферов О. Амандурдыева, М. Кулиева, К. Мирзоянца, Н. И. Наймушина, Р. Тухтаева. Большую помощь оказал в сложных условиях бульдозерист В. Н. Кинякин. Внимательно и самоотверженно трудились рабочие из числа жителей селения Багир и обитателей южнокаракумских урочищ. В обработке джейтунских материалов большую помощь автору оказали А. И. Шевченко и И. В. Цалкин, определившие остеологический материал, и Г. Ф. Коробкова, детально изучившая коллекцию кремневого инвентаря. Чертежные работы были выполнены Е. С. Матвеевым, Т. Е. Трошкиной и А. К. Филипповым, фотографические — М. Г. Агаронян и М. В. Казанковой. На разных этапах настоящая работа обсуждалась в Секторе Средней Азии и Кавказа, где содержательные замечания и советы в немалой степени способствовали ее посильному улучшению.

---

[28] И. Mellaart. Earliest Civilizations of the Near East. London, 1965.

[29] Courses Toward Urban Life. VEPA, 1962, № 32; K. V. Flannery. The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia. Science, v. 147, № 3663, 1965, march 12.

[30] G. R. Willey. Mesoamerica. Courses Toward Urban Life. VFPA, № 32, 1962, pp. 88—89; R. S. Mac Neish. Ancient Mesoamerican Civilization. Science, v. 143, № 3606, 1964, feb. 17.

Часть I

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ДЖЕЙТУН

ГЛАВА 1. АРХИТЕКТУРА ДЖЕЙТУНСКОГО ПОСЕЛКА

Поселение Джейтун находится к северо-северо-западу от Ашхабада, в 30 км от него, в зоне первых песчаных гряд Каракумов. Оно расположено на вершине песчаного бугра, включенного в одну из барханных цепей, вытянутых в меридиональном направлении. Размеры бугра с севера на юг 60 м, а с запада на восток около 120 м. Следует учитывать, что последний размер является в известной мере условным, поскольку на западе часть поселения полностью развеяна. Здесь встречаются фрагменты керамики, обломки костей животных и кремневые изделия, расположенные прямо на песке. Вместе с тем результаты раскопок позволяют считать, что развеянные участки не были заняты жилыми домами, а представляли собой окраины поселения с отвалами мусора. Бугор, на котором расположено поселение, возвышался над окружающей поверхностью на высоту около 5.5 м.

К моменту раскопок восточная и особенно западная части поселения были перекрыты песчаными наносами мощностью 1.5—2 м, снятие которых пришлось производить с помощью бульдозера ДТ-54. До этого Джейтун, полуприкрытый песчаной грядой и обильно поросший кустарником, производил впечатление обычного песчаного бугра, мало отличимого от окружающего ландшафта (табл. I). Местное население называет этот бугор Чакмакдаш-Бейик, т. е. «возвышение с каменными кресалами», имея в виду частые находки кремневых пластин на его поверхности. Собственно Джейтуном именуется находящаяся поблизости заброшенная водосборная яма («как»). Название Джейтун было условно принято для самого поселения в целях большего удобства.

Стратиграфическое изучение Джейтуна показало, что поселение уже в древности было расположено на вершине песчаного холма. Разрез культурных слоев около «платформы А», т. е. практически у северной окраины поселения, показал, что их мощность здесь сравнительно невелика — 1.7—1.8 м. Ниже идет жёлтоватый барханный песок. Близкую цифру дал и шурф, заложенный в пределах пом. 6, где дома с белыми известковыми полами, сменяя друг друга, располагались практически на одном и том же участке поселения. Так, пол самого верхнего дома, принадлежащего первому строительному горизонту Джейтуна, был обнаружен на глубине 25 см от современной поверхности и имел высотную отметку от единого репера, принятого для поселения, — 140 см. Ниже располагалось последовательно восемь полов с известковой обмазкой: на глубине 160, 215, 252, 268, 278, 290, 305, 310 см. Кроме того, на глубине 177 и 185 см были отмечены горизонтальные красные прослойки, указывающие на какие-то древние уровни. Под самый нижний пол была подведена глинобитная вымостка, имеющая в толщину 10—15 см, ниже которой уже шел барханный песок.

Однако уже в шурфе № 1, заложенном в 1957 г. к югу от пом. 4, мощность культурных слоев оказалась куда более значительной. Участок, выбранный для шурфа, располагался на 1.5 м ниже реперной точки, и поэтому раскопки, производившиеся ярусами по 50 см, практически начались с IV яруса (рис. 1). Сверху здесь шел слой барханного песка толщиной 25—30 см, а ниже началось напластование культурных

слоев, составленных остатками глинобитных стен и рыхлыми культурными слоями, часто с примесью золы и красноватой обгорелой земли. Уровни полов отмечаются или по глинобитным промазкам, или по уплотненным слоям из красноватой обгорелой земли. Всего по уровням полов можно отметить 5 строительных периодов, причем некоторые стены сохраняли свое значение в течение двух из них. Интересно, что

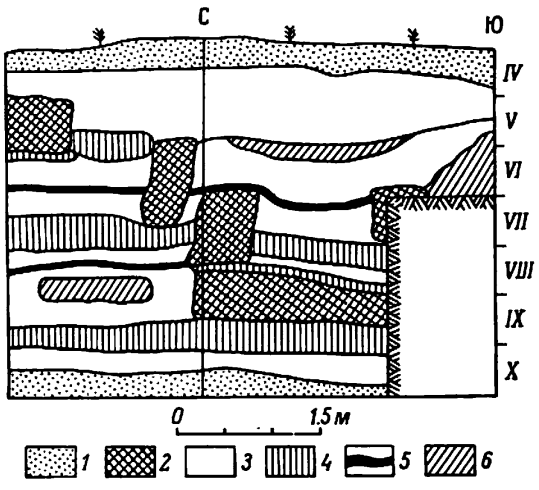

Рис. 1. Профиль шурфа № 1.

1 — желтый барханный песок; *2* — глинобитные стены; *3* — рыхлые культурные слои; *4* — слои с золой и угольками; *5* — слои красноватой обгорелой земли; *6* — рыхлые слои с красноватой землей.

иногда под стенками идут горизонтальные прослойки золы. Это, вероятно, связано с тем, что при возведении новых стен старые подрубались и выравнивалась строительная площадка, засыпаемая строительным мусором. О таком приеме свидетельствует и сохранение стен в нижних ярусах шурфа на сравнительно небольшую высоту, т. е. они были явно подрублены. В качестве примера можно указать на стену в VIII—IX ярусах, шедшую параллельно стенам шурфа и поэтому давшую длинный разрез. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в отличие от более поздних памятников строительные завалы сравнительно немногочисленны. Сами стены, пройденные в шурфе, при первом осмотре производят впечатление глинобитных, но при более детальном изучении можно установить, что они, подобно стенам, обнаруженным на раскопе, сделаны из глиняных блоков. В нижней части шурфа идут полуметровые культурные слои без строительных остатков. Возможно, древние стены просто не попали в наш шурф. Менее вероятно, что в эту пору еще не было глинобитных построек. Немногочисленная керамика и кремневый инвентарь на протяжении всех слоев шурфа не обнаруживают каких-либо изменений. Несомненно, все вскрытые слои принадлежат одному этапу джейтунской культуры.

В основании всех культурных слоев в конце X яруса находился желтоватый барханный песок. Таким образом, в районе шурфа № 1 культурные слои имеют толщину 3.5 м, т. е. почти вдвое превосходят мощность культурных слоев более северных участков. Скорее всего в древности первые обитатели Джейтуна поселились на песчаном бугре и их южные дома располагались значительно ниже по склону, чем постройки северной части поселка. С течением времени накопление культурных слоев несколько сгладило эту разницу, но наклон с севера на юг наблюдается нередко даже в пределах одного помещения, как это, например, отмечалось в пом. 7. Разница оказывается еще более значительной, если сопоставить уровни полов в домах, отстоящих сравнительно далеко друг от друга. Так, уровень верхнего пола в пом. 1, принадлежащем второму строительному горизонту, 110 см, а в пом. 61 того же горизонта он почти на 1.5 м ниже (—252 см).

Таким образом, на месте Джейтуна первоначально находился сравнительно высокий песчаный холм, возможно входивший в цепочку одной из каракумских гряд (рис. 2). После возникновения на холме поселения песок оказался погребенным под культурными слоями и бархан превратился в обыкновенное тепе, образованное напластованиями целого ряда глинобитных построек. Как типичное тепе выглядел, надо полагать, Джейтун после ухода жителей и оплыва строений верхнего слоя. Затем джейтунское тепе было частично погребено барханной цепью, поросло пустынной растительностью и вновь стало напоминать своим внешним видом обычный бархан Каракумской пустыни.

Древний край Джейтунского поселения изучался в стратиграфическом разрезе, осуществленном в 1963 г. к северу от «платформы А» (рис. 3). Здесь в пору существо-

вания второго строительного горизонта располагался жилой дом с известковым полом (пом. 24), но его северная стена не сохранилась. В разрезе этому горизонту соответствует зольная прослойка, ниже которой

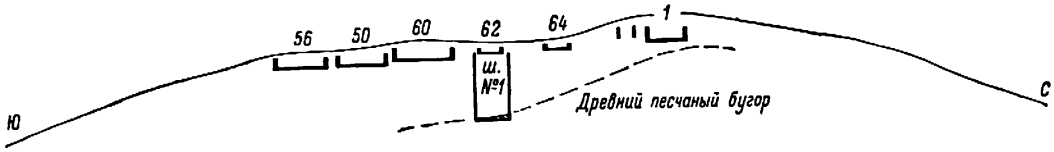

Рис. 2. Разрез поселения по линии СЮ.
Арабские цифры — номера помещений.

идут песчаные слои, содержащие обломки костей и другие включения, характерные для культурного слоя. Хорошо сохранились наружные стены помещений третьего и четвертого строительных горизонтов. В пору третьего строительного горизонта здесь располагалось помещение шириной немногим более 2 м. Однако если южная стена этого строения имеет в толщину около 25 см, то северная стена, наружная для всего поселения, достигает в толщину 45 см. В таком утолщении наружных стен нельзя не усмотреть сознательную преднамеренность. Можно было бы предполагать, что эта стена является остатками глинобитного забора, ограждавшего Джейтун с севера. Однако произведенные раскопки вскоре достигли ее поворота внутрь поселения, установив, что перед нами внешний фас одного из домов. Глиняная обмазка пола идет почти на двухметровое расстояние и к северу от этой стены, вероятно, предохраняя песчаный край холма от выветривания. Тот же прием, но в значительно больших масштабах был применен при возведении стены четвертого строительного горизонта, являющегося в этой части поселения самым древним. Стены здесь возведены на глинобитной подушке, покрывающей материковый песок бархана. Подушка эта толщиной 25—30 см спущена вниз по склону на 1.3 м, чтобы предотвра-

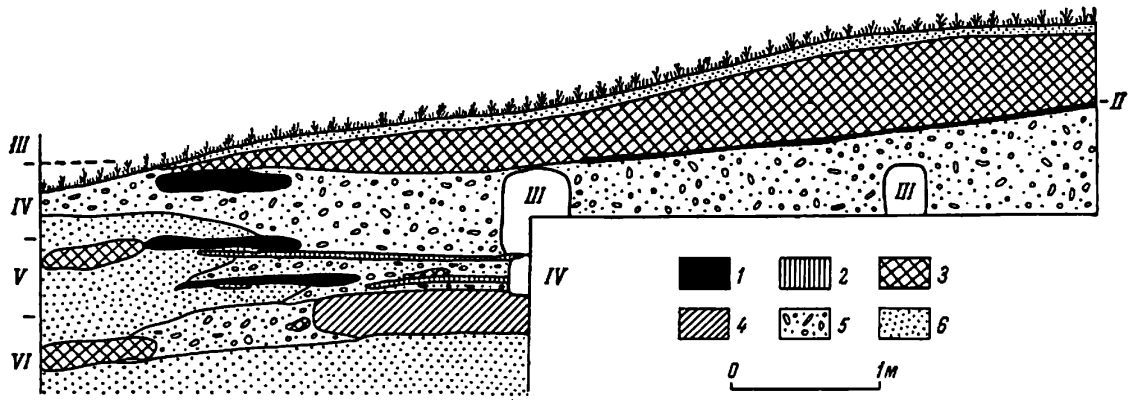

Рис. 3. Разрез северного склона поселения.
1 — зольно-песчаные слои; *2* — глинобитные обмазки пола; *3* — оплывы строительных остатков; *4* — глинобитная вымостка; *5* — песок с обломками костей и мусора; *6* — барханный песок.

тить выветривание песчаного края холма. Дома самых первых обитателей Джейтуна строились на песке, что, естественно, побуждало к принятию соответствующих мер для их большей прочности.

Основные усилия при раскопках Джейтуна были направлены на полное вскрытие этого поселка по уровню достаточно хорошо сохранившегося строительного горизонта. Таким уровнем оказался второй строительный горизонт, тогда как более верхние строения почти полностью уничтожены дефляцией. Отдельные остатки этих строений отмечались в ходе раскопок в ряде мест

поселения, но не смогли дать единой цельной картины (рис. 4). Всего в настоящее время можно говорить об остатках семи жилых домов первого горизонта, устанавливаемых главным образом благодаря покрытым известковой обмазкой полам, сохраняющимся значительно лучше, чем глинобитные стены. В основном остатки таких домов концентрируются в северной части поселения. Один жилой дом, судя по остаткам пола, располагался над пом. 1. Над большей частью пом. 17 и северной частью пом. 4 можно было проследить остатки известкового пола другого жилого дома. В ряде мест пол сохранил красную окраску. Этот дом был ориентирован примерно так же, как и пом. 17, и в его северо-восточном углу отмечена небольшая оградка, образующая отсек, пол и стены которого покрыты известковой обмазкой, подкрашенной красной краской. Третий жилой дом первого периода почти полностью соответствует пом. 6. На полу этого дома пятнами сохранилась черная и красная краска. Не вполне ясно, куда была обращена дверь дома. Во второй период дверной проем в пом. 6 был устроен в восточной стене. Однако в пору первого периода он едва ли мог там находиться, поскольку непосредственно с востока примыкает четвертый жилой дом — пом. 8. Он сохранил белый известковый пол и частично стены, прослеживавшиеся в высоту на 10—15 см. У восточной стены располагался массивный очаг, характерный для жилых домов Джейтуна. Под полом дома имелся невелировочный глинобитный слой толщиной 15—20 см. Возведение этого своеобразного фундамента было вызвано тем обстоятельством, что ниже располагались рыхлые слои двора, существовавшего здесь в пору второго строительного горизонта. Наконец, остатки известкового пола жилого дома были встречены над центром и северной частью пом. 69. Несомненно, что по соседству с описанными жилыми располагались и различные хозяйственные постройки, но следы их не могут быть прослежены в первую очередь потому, что они имели обычный глинобитный, а не известковый пол. Лишь в районе пом. 7 отмечены остатки каких-то стен, возможно принадлежавших этим хозяйственным постройкам.

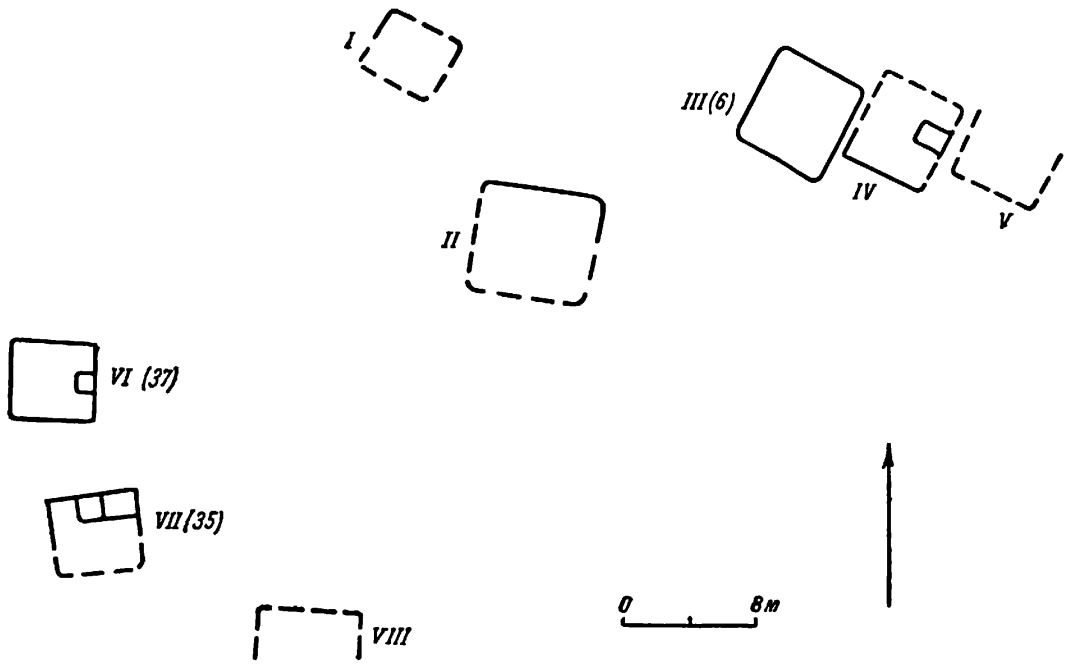

Рис. 4. Схема расположения домов первого строительного горизонта.
Римские цифры — номера домов 1-го горизонта; *арабские* — 2-го горизонта.

В западной части Джейтунского поселения также был отмечен целый ряд остатков

строений верхнего слоя. Почти полностью уничтоженные временем, эти остатки настолько незначительны, что не позволяют воссоздать полную картину древней планировки, хотя и свидетельствуют, что принципы этой планировки были те же, что и на поселении второго слоя.

При возведении построек верхнего слоя нижележащие помещения, как правило, забутовывались, и часто эта забутовка отмечается даже в тех случаях, когда от самих строений верхнего слоя на данном участке раскопа не сохранилось никаких следов. Всего в западной части Джейтуна были установлены остатки двух жилых домов верхнего слоя.

Один из них — шестой дом первого строительного горизонта — это пом. 37, весьма плохо сохранившееся. В восточной его части сохранился очаг благодаря тому, что прокаленный огнем сырец не поддался действию дефляции. Вокруг очага, там, где следовало бы ожидать наличие стен, идет уплотненный, слежавшийся серый песок. Уровень пола пом. 37 118 см (оно расположено к югу от пом. 31, а в целом слои Джейтуна, как мы видели, понижаются к югу). Помещение заполнено натечно-надувными слоями с обломками глиняных блоков. Под полом помещения идет глинобитная нивелировочная заливка толщиной 14 см. Ниже этой заливки идет песок, под которым уже находятся строения второго слоя.

Седьмым жилым домом первого горизонта является пом. 35, сохранившееся также весьма плохо, особенно в южной и западной частях. Очаг дома располагался у северной стены, а северо-восточный угол занимал хозяйственный отсек. Это позволяет предполагать, что выход из дома вел на восток. Пол дома и хозяйственного отсека был покрыт известковой обмазкой, сохранившейся отдельными пятнами. Дом заполняли плотные натечные слои, в которых около очага встречены куски галек, частью закопченных. Наконец, остатки восьмого жилого дома первого горизонта отмечены над пом. 56. Здесь обнаружены часть известковой обмазки пола и остатки очага, располагавшегося у северной стены дома.

На западе поселения, как и на его северном участке, не сохранилось целиком ни одной хозяйственной постройки, относящейся к верхнему слою. Однако обрывки стен этих построек были отмечены в целом ряде мест. Так, две стены подобной постройки, образующие угол, находились над забутованным пом. 30, принадлежащим к числу жилых домов второго слоя. Другой жилой дом этого слоя — пом. 32 — в северо-западном углу также был перекрыт стенкой, сложенной из блоков, относящейся к верхнему слою. Поскольку в обоих случаях около стен верхнего слоя не отмечено следов известковых полов, можно считать, что эти стены принадлежали не жилым домам, а хозяйственным строениям.

Весьма странными являются строительные остатки верхнего слоя, отмеченные к востоку от пом. 20. Здесь находилась сложенная из блоков подквадратная в плане «тумба» (около 80×70 см), причем на двух ее сторонах видны следы красноватой краски. К сожалению, это сооружение в высоту сохранилось всего на 15 см, так что трудно судить об его характере и тем более назначении. Вместе с тем нельзя не вспомнить, что кубические «тумбы», покрытые черной краской, были встречены на Кара-Депе при разведочной шурфовке на раскопе № 1 слоев времени Намазга I—Анау IБ.[1] В результате как будто намечается картина преимущественного сосредоточения жилых домов первого горизонта в северной части поселка. В опубликованном отчете о раскопках центральной части Джейтуна был даже сделан вывод о сокращении числа домов и о медленном угасании поселения в последний период его существования.[2] Однако масштабы этого угасания, видимо, не следует преувеличивать, поскольку многие из домов второго горизонта плотно забутованы. Забутовка предполагала скорее всего возведение каких-то построек, в настоящее время совершенно несохранившихся.

Раскопки второго строительного горизонта вскрыли более выразительную картину древней застройки (рис. 5). Здесь прежде всего выделяется стандартный тип жилых домов: квадратных в плане, с крупным очагом, выступом с нишкой на стене, противоположной очагу, и белым известковым полом. Этот тип домов и взаимное расположение отдельных элементов выдерживались с такой последовательностью, что доста-

---

[1] В. М. Массон. Джейтун и Кара-Депе. СА, 1957, № 1, стр. 151.

[2] В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, 1960, стр. 45.

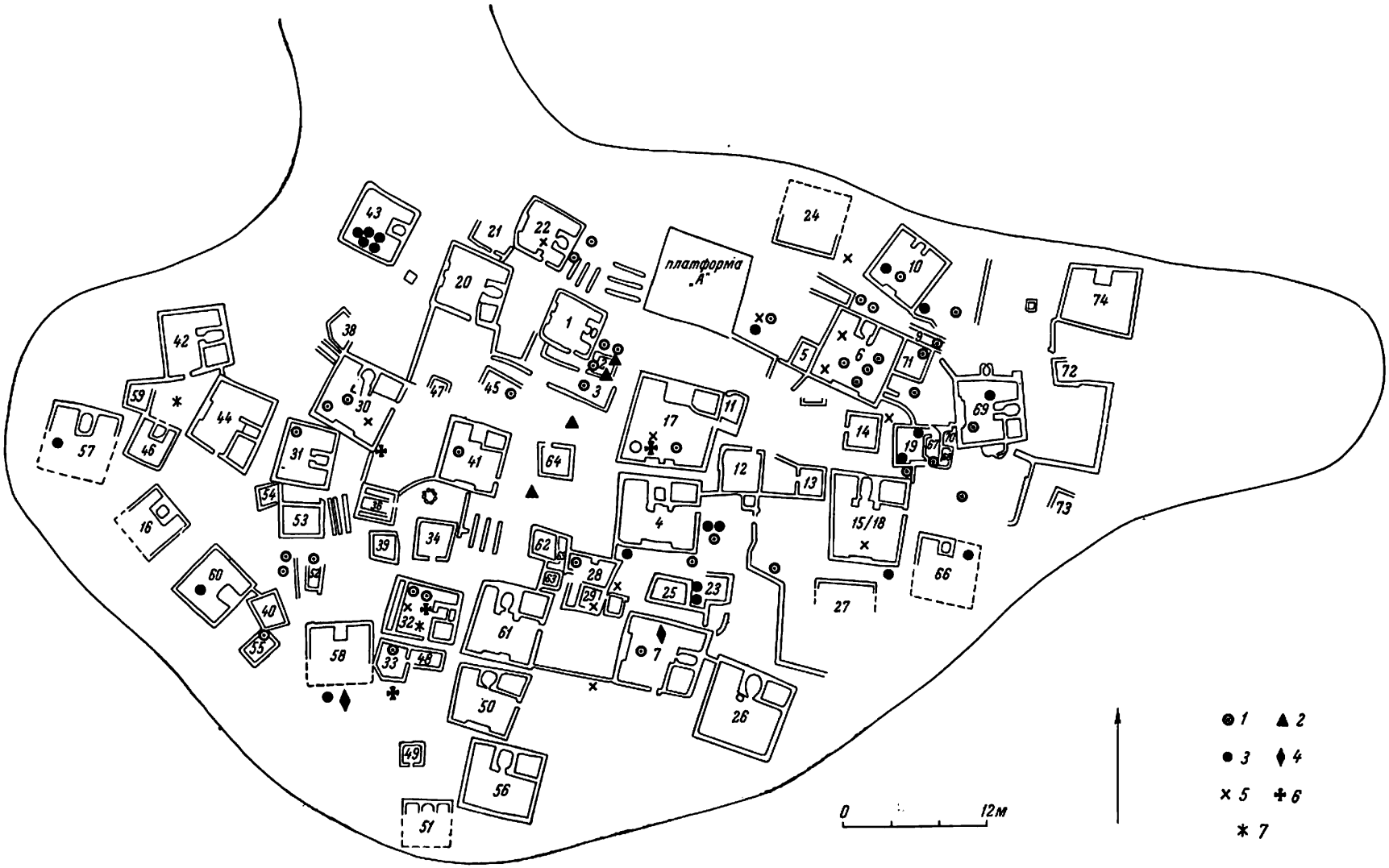

Рис. 5. План поселения на уровне второго строительного горизонта.

1 — терракотовые поделки; *2* — каменные поделки; *3* — глиняные фигурки животных; *4* — глиняные фигурки людей; *5* — костяные бусы; *6* — бусы из раковин; *7* — каменные бусы.

точно было в ходе раскопок обнаружить один из составных элементов (дверь, очаг или выступ), чтобы вполне определенно наметить планировку всего дома, неизменно подтверждающуюся при дальнейшем вскрытии. Около домов находились небольшие хозяйственные строения, а ограждение стенами замкнутого пространства, примыкавшего к домам, указывает и на наличие дворов. Хозяйственные постройки возводились менее тщательно, чем жилые дома, и часто переделывались. Жилые дома были более долговечны, а стремление возводить их на одном и том же месте позволяет в ряде случаев наметить внутреннюю стратиграфию отдельных помещений. Несомненно, эта стратиграфия имеет в каждом случае лишь сугубо конкретный характер, и было бы неразумно распространять ее на все поселение в целом, пытаясь установить периоды всеобщих перестроек. Сам характер замкнутой архитектуры однокомнатных домов предполагал индивидуальное направление переделок и перестроек.

Обращаясь к описанию вскрытых построек, следует отметить, что обычно каждый однокомнатный жилой дом имел примыкающие к нему небольшой двор и хозяйственные постройки (в основном типа небольших кладовок). По таким хозяйственно-жилым комплексам мы и рассмотрим строения второго периода. Все дома тогда возводились из глиняных блоков, овальных в сечении, имеющих в ширину 20—25 см и в длину от 60 до 70 см. В глину в большом количестве подмешивался крупнорубленный саман. Эти своеобразные «протокирпичи» клались на глиняно-саманном растворе. Такова же по составу была и обмазка стен всех построек.

Самым крайним строением на западе является пом. 57. Оно представляет собой остатки жилого дома, сохранившегося в виде обширного участка пола, покрытого известковой обмазкой, со следами красновато-коричневой окраски. Изучение западной окраины поселения первоначально производилось в 1958 г., когда здесь был заложен раскоп № 2. В нем не было обнаружено следов сколько-нибудь значительных глинобитных строений, а культурные слои расположены наклонно с востока на запад, как бы обтекая песчаный бугор, лежащий в основании поселения. Культурные слои здесь представлены главным образом зольно-песчаными напластованиями и, видимо, образованы тем мусором, который обитатели Джейтуна выкидывали за пределы поселения, спуская его под откос. Обращает на себя внимание бедность этих слоев костями животных и особенно фрагментами керамики. Последнее, впрочем, в известной мере характерно для всего поселения в целом. Вместе с тем на раскопе № 2 довольно часты находки каменных орудий. Здесь встречены два тесла-топора из темно-зеленого камня, большое количество кремневых сверл, трапеций и особенно вкладышей от серпов (55 экз.). Найдена и каменная подвеска в виде головы барана. Мощность культурного слоя здесь невелика — 50—70 см. На этой глубине серые зольно-песчаные слои сменяет желтый песок того бархана, который оказался перекрытым Джейтунским поселением.

При некотором расширении раскопа № 2 на восток было обнаружено пом. 16. Стены этого помещения плохо сохранились, и лишь сравнение с аналогичными строениями позволило заключить, что перед нами обычный жилой дом. Это было подквадратное в плане строение размером около 4.6×4.6 м. Стены сохранились в высоту на 20—25 м, а в юго-западной части помещения не прослеживаются вовсе. Покрывавшая пол белая известковая обмазка также сохранилась лишь отдельными островками. Ее наличие, а также крупный прямоугольный очаг с хорошо прокаленным подом у северной стены свидетельствуют о принадлежности этого строения к типу однокомнатных жилых домов, характерных для Джейтуна. Оно существовало сравнительно небольшой срок — сразу под его стенами идут рыхлые культурные слои. Если сильно размытые дома, расположенные на самой окраине поселения, позволяют только установить сам факт их существования, то для большинства строений второго периода можно с уверенностью говорить о выделении хозяйственно-жилых комплексов. При их описании мы будем начинать с характеристики самого жилого дома, являвшегося естественным центром такого комплекса.

Таково пом. 43 — небольшой жилой дом с очагом, расположенным у восточной стены. Помещение заполнено рыхлым барханным песком желтого цвета, а в нижней части — рядами глиняных блоков, положенных без промазки (забутовка). Пол покрыт белой известковой обмазкой. Под полом на

глубине 1.5 см идет обмазка более раннего уровня. Среди находок можно указать на 68 фрагментов керамики, в основном принадлежавших одному или двум крупным кубковидным сосудам без росписи. При раскопках дома также обнаружены колесико с отверстием посередине и 5 обломков галек, в том числе один обломок со следами воздействия огня.

Двор этого дома располагался к югу и востоку от него. В основном его заполнение составляют рыхлые песчаные слои, но в северной части двора (к востоку от пом. 43) отмечен плотный сырцовый завал. В южной его части (к северу от пом. 30) идут рыхлые слои земли коричневого цвета.

К хозяйственным постройкам дома можно отнести пом. 38, пристроенное к внешнему углу пом. 30. К западной стене пом. 30 были также пристроены две параллельные стенки длиной около 2 м, возможно игравшие роль основания для деревянного помоста. Пом. 38 заполнено рыхлыми слоями серо-желтого песка с зольными прослойками.

Одним из наиболее крупных и тщательно сделанных жилых домов второго периода является пом. 30. Оно имеет очаг у северной стены и прямоугольный выступ на противоположной, южной стене. К западной части очага пристроен глинобитный массив, выступающий внутрь помещения и покрытый частично известковой штукатуркой. Такой же обмазкой, сохранившей следы красновато-коричневой окраски, покрыт пол, находившийся на уровне —141 см. Северо-восточный угол помещения отгорожен стенкой и забутован на высоту около 40 см от пола. По краю образовавшейся площадки, отделяя ее от помещения, шел валик высотой около 15 см. И этот валик и поверхность забутованного участка покрыты известковой обмазкой. Узкая дверь с невысоким порогом была сделана в восточной стене. Снаружи дома у входа имелась небольшая площадка из утрамбованной глины, заметно выделяющаяся в рыхлых зольно-песчаных наслоениях двора.

Насколько удалось проследить, пом. 30 имело следующее заполнение. Непосредственно на полу отмечены глинистые натечные слои толщиной 5—10 см. Выше, до уровня —103 см, шла забутовка помещения правильными рядами глинобитных блоков, имевших зеленоватый оттенок. Блоки были положены без раствора, и пространство между ними заполнено желтым барханным песком. Сверху забутовка перекрыта горизонтальным слоем глиняной промазки зеленоватого цвета. Выше слои были неодинаковы в разных местах помещения. В северо-западном углу шел рыхлый барханный желтый песок с включением угольков и кусочков глины. Восточная часть помещения была частично перекрыта стеной постройки верхнего периода и заполнена плотным серым песком с включением кусков глины и глиняных блоков.

Среди 104 фрагментов керамики, обнаруженных в пом. 30, 7 принадлежит венчикам массивных нерасписных салатниц.

Двор этого жилого дома находился к востоку от него и заполнен желтым барханным песком с включениями золы. Следует отметить, что заполнение желтым песком вообще характерно для северной части поселения, видимо, наиболее подверженной воздействию ветров, приносивших каракумский песок. К числу хозяйственных построек рассматриваемого жилого дома можно отнести пом. 47 — небольшое строение, в плане имеющее вид буквы П. Оно заполнено в верхней части рыхлыми надувными слоями, в нижней темно-серым песком с примесью золы. Возможно, к этому же хозяйственному комплексу тяготеет и пом. 45.

Пом. 41 также представляет собой остатки крупного жилого дома. Его стены сохранились плохо, поскольку пол расположен несколько выше пола дома 30, т. е. ближе к современной поверхности. Возможно, это свидетельствует об относительно более поздней постройке дома. Его пол покрыт известковой обмазкой. Очаг расположен у северной стены. В углу помещения к западу от очага известковый пол сменяется серым золистым слоем, и здесь была сосредоточена основная масса находок керамики и костей животных. Количество фрагментов керамики необычно велико для Джейтуна. Всего встречено 68 обломков нерасписных сосудов и 5 расписных. Обнаружено также 6 расколотых камней со следами воздействия огня.

Хозяйственный двор пом. 41 находился к востоку от него и в течение долгого времени оставался незастроенным. Это был едва ли не самый обширный хозяйственный участок на всем поселении. Он заполнен

рыхлыми слоями темно-коричневой земли с включениями золы, небольших раздробленных костей, обожженных камней (35 экз.), обломков керамики и мелких остатков строительных материалов. Последние, как это характерно для джейтунских дворов, весьма незначительны. В северной части двора находилось пом. 3 со скругленными углами, в плане близкое к овалу. В центре двора располагалось небольшое хозяйственное строение — пом. 64, существовавшее очень непродолжительное время: прямо под его стенами идут рыхлые слои двора, перекрывающие также оплывшие остатки стен. Развал этих стен невелик. Видимо, они и в древности не достигали большой высоты и пом. 64 представляло собой нечто вроде ограды. Возможно, подобными оградами были и некоторые другие хозяйственные строения Джейтуна. Внутри пом. 64, так же как и двор, заполнено рыхлой коричневой землей. В рассматриваемом дворе имелось еще одно сооружение: три параллельных отрезка стен, не соединенных между собой и служивших скорее всего основанием для помостов. Сверху эти стены перекрыты плотной забутовкой, представлявшей, по-видимому, остаток фундамента строений первого строительного горизонта, на этом участке поселения не сохранившегося. Сооружения из параллельных отрезков стен, обычно располагавшиеся во дворах, известны также по целому ряду южнотуркменистанских поселений энеолитической эпохи.[3]

К числу жилых домов, образовавших в древности северный край поселения, очевидно, относится пом. 42. Его очаг находится у восточной стены, а дверной проем — в южной. Плохая сохранность западной стены не позволяет с уверенностью судить, был ли здесь выступ, аналогичный выступам других домов. Юго-восточный угол дома занимает обширный хозяйственный отсек, почти подквадратный в плане. Дверной проем расположен не около хозяйственного отсека, как обычно в жилых домах, а смещен к противоположному углу дома, что, видимо, связано с косоугольной планировкой дворика. Будь проем расположен «стандартно», выходящий из него сразу бы столкнулся со стеной пом. 44. Расположенный на уровне —107 см пол рассматриваемого жилого дома отмечен утрамбованным плотным слоем и покрыт сероватой известковой обмазкой. Помещение было заполнено в верхней части рыхлыми песчаными слоями, а в нижней забутовано кусками глиняных блоков. Находки, сделанные при его вскрытии, весьма бедны: 8 фрагментов керамики и 5 кремневых пластин.

Хозяйственный участок находился к югу от пом. 42 и был очень мал, так как его стесняли внешние стены двух жилых домов (пом. 44 и 46), видимо уже существовавших к моменту постройки нашего жилого дома. Он заполнен рыхлым песчаным слоем. Здесь обнаружены 3 обломка расколотых галек.

С запада дворик замыкает хозяйственное строение — пом. 59. Как и дворик, оно заполнено рыхлыми, в основном песчаными слоями.

Пом. 46 несомненно также принадлежит к числу жилых домов, но отличается малыми размерами. Очаг его располагался у северной стены, длина которой (внутри помещения) около 2.8 м. Таким образом, перед нами самый маленький жилой дом на поселении Джейтун. Его дворовый участок находился южнее, но из-за плохой сохранности культурного слоя подсобные строения здесь обнаружить не удалось.

Довольно крупным жилым домом было пом. 44. Очаг в нем располагался у восточной стены, а на противоположной, западной стене имелся выступ. Хозяйственный отсек занимал юго-восточный угол дома, и около него находился дверной проем, выводивший из дома на юг. Хозяйственный отсек внутри был оштукатурен известью. Пол дома (отметка —118 см) образован плотным утрамбованным слоем, возможно, с подсыпкой золы, придавшей этому уровню сероватый цвет. Помещение было заполнено рыхлыми натечно-надувными слоями с кусками глиняных блоков. Нижние слои имеют темно-серый цвет от включения значительного количества золы. Специальной забутовки, как в ряде других домов, здесь не отмечено.

---

[3] И. Н. Хлопин. Геоксюркская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, стр. 21, 25, 49; В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка..., стр. 352, 354. Изображения зернохранилищ такого типа известны по месопотамским печатям. Сооружения из параллельных отрезков стен известны в Гавре, где считаются закромами для зерна или иных продуктов (см.: A. Tobler. Excavations at Tepe Gawra, v. II. Philadelphia, 1950, p. 39).

Среди сделанных при раскопках находок отметим 3 обломка растрескавшихся галек.

Судя по положению дверного проема в южной стене, хозяйственный участок данного жилого дома находился к югу от него.

В течение длительного времени существовал жилой дом, представленный пом. 32 (табл. II), и эта длительность существования отразилась в его планировке. Очаг был пристроен к восточной стене и имел двухчастный план. Юго-восточный угол дома занимал хозяйственный отсек, отгороженный от остального пространства внутри дома тонкой, но высокой стенкой. Рядом с отсеком в южной стене располагался узкий проход. Пол дома, находившийся на уровне —181 см, был покрыт известковой обмазкой и красновато-коричневой краской. Позднее площадь дома несколько сократилась — изнутри параллельно западной стене была построена новая стена (ее основание стоит на известковом полу), а пространство между двумя стенами было забутовано. Видимо, западная стена оказалась неустойчивой и появилась необходимость в дополнительной поддержке. Это неудивительно, учитывая весьма небольшую толщину стен джейтунских построек и такую не совсем удобную форму строительного материала, как овальный в сечении глиняный блок. Очевидно, тогда же была утолщена и северная стена очага, возможно прогоревшая насквозь. Аналогичное утолщение очага можно было наблюдать и в пом. 4.

Верхняя часть дома была заполнена плотными натечными слоями, а в северо-западном углу сохранился кусок стены первого горизонта. Нижняя часть дома оказалась забутованной глиняными блоками, имевшими зеленоватый цвет. При раскопках дома неподалеку от очага найдено несколько растрескавшихся галек со следами пребывания в огне. Кроме того, были обнаружены каменное ядро для пращи, 2 керамические поделки, бусина из отрезка трубчатой кости и раковина-каури со спиленной спинкой.

Судя по всем данным, хозяйственный участок пом. 32 располагался к югу от него и в какой-то мере был общим с пом. 58. Дворовый участок заполнен рыхлым песчаным слоем, часто имеющим серовато-черный цвет от большого количества золы. Местами встречается рыхлая земля коричневого цвета с белыми известковыми включениями. В этом дворике обнаружено около 230 фрагментов керамики и 15 обломков галек частично со следами копоти. В южной части двора расположено небольшое хозяйственное строение — пом. 49.

Сразу же к югу от пом. 32 находились подсобные постройки — пом. 33 и 48. Стены этих построек и южная стена пом. 32 образовывали узкий коридор, в котором были обнаружены фрагменты крупной «салатницы», хумчи с волнистой росписью и крупного красноглиняного кубковидного сосуда без росписи. Многие из черепков имели овальные отверстия, сделанные, по-видимому, кремневыми сверлами. Возможно, эти крупные обломки были собраны еще в древности и предназначались для починки путем стягивания черепков тонкими ремешками.

Подквадратное в плане пом. 33 имеет скошенный юго-западный угол. Оно было заполнено плотными натечно-надувными слоями, в которых встречались зольники, кости животных и обломки обгорелых галек. Продолговатое пом. 48 кажется пристроенным к пом. 33.

Сравнительно плохо сохранился другой жилой дом — пом. 31, с очагом у восточной стены. Пол, уровень которого отмечен плотным сероватым песком, видимо, с подсыпкой золы, представлял собой своеобразный суррогат более обычных для Джейтуна полов, покрытых толстой известковой промазкой. Внутри помещение заполнено плотным слежавшимся песком и завалом глиняных блоков, из которых были сложены его стены. Стены в западной части стоят также на уплотненном слое песка. Помимо фрагментов керамики в помещении были найдены 3 куска расколотых галек со следами пребывания в огне.

Хотя дверной проем в этом доме проследить не удалось, он, судя по положению очага, располагался скорее всего в южной стене, на юге находился и хозяйственный двор комплекса. К числу подсобных строений следует отнести пом. 52—54. Пом. 54 представляет небольшой закуток, плотно забутованный строительным завалом. Плотные слои характерны и для заполнения пом. 53, но это натечно-надувные слои с включением лишь кусков глиняных блоков. В нижней части помещение заполнено темно-серым песком с прибавлением золы.

Возможно, сюда же тяготеет и обширный участок с рядом строений, расположенный

к югу от пом. 41. Стремление оградить этот участок ясно видно по отрезкам стен, отходящим от южной стены данного жилого дома. Однако в таком случае двор пом. 31 будет не только весьма обширным, но и наиболее богатым подсобными строениями (6 помещений). Он заполнен рыхлыми слоями, имеющими серый цвет из-за большого количества зольных включений. Непосредственно к югу от пом. 41 находится очаг, овальный в плане, размером около 115×115 см. Он сделан из поставленных вертикально, с большими зазорами глиняных блоков, овальных в сечении (сохранились лишь их нижние части). Это пока единственный на Джейтуне очаг такого типа.

К числу хозяйственных построек, связанных с этим дворовым участком, относятся пом. 34, 36 и 39. Пом. 34 было заполнено плотным песком серого цвета, в северной его части имелся завал из кусков блоков. Дверь из этого помещения как будто выводила на юг. Пом. 36 внутри было разделено на три узких отсека двумя поперечными стенками. Возможно, подобное устройство должно быть как-то сопоставлено с тремя параллельными отрезками стен, отмечавшимися выше для двора пом. 41. Пом. 36 было плотно забутовано обломками глиняных блоков, лишь в юго-западном углу на уровне пола было встречено зольное пятно. Пом. 39, подквадратное в плане, было плотно забутовано и не дало никаких находок.

Три жилых дома замыкали на юго-западе вскрытую планировку Джейтунского поселения. Таково прежде всего пом. 58, большая часть которого была уничтожена при постройке более позднего пом. 35. Очаг его располагался у северной стены, а двор, как мы уже отмечали, был, видимо, общим с пом. 32.

Другой дом представлен пом. 60, имевшим очаг, который можно условно считать расположенным у восточной стены, поскольку ориентация стен дома сбита несколько необычным для Джейтуна образом. Его хозяйственный участок находится, надо полагать, к югу от дома, а к числу подсобных строений следует относить пом. 40 и 55. Из них выделяется хорошей сохранностью подпрямоугольное в плане пом. 40. В отличие от всех прочих хозяйственных построек оно, подобно жилым домам, имеет пол, покрытый известковой обмазкой (в частности, такой пол отсутствует и в хозяйственном пом. 55, пристроенном к пом. 40).

Дворовый участок этого дома заполнен рыхлой коричневой землей. Обращает на себя внимание большое число найденных здесь фрагментов расписной керамики преимущественно от хумчи. Всего здесь встречено 43 фрагмента расписных черепков. Возможно, нижней нерасписной части этих же сосудов принадлежат и некоторые из 75 найденных тут же фрагментов нерасписной посуды. Может быть, здесь находились хумчи, врытые в землю, образующие как бы особое хранилище. Нечто подобное как будто имело место к югу от пом. 4. Во всяком случае эти находки при общей бедности культурных слоев Джейтуна фрагментами керамики достаточно интересны.

Весьма небольшим был жилой дом, представленный пом. 51. Очаг этого дома располагался у северной стены.

Перейдем теперь к описанию домов, вскрытых в центре Джейтунского поселка. Отметим сразу, что в большинстве своем они отличаются крупными размерами, четкой ориентацией стен по странам света и относительно богатыми находками. Правда, здесь, на северном краю, располагались три дома сравнительно небольшой величины: пом. 20, 22 и 1.

Пом. 20 представляет собой типичный жилой дом с крупным прямоугольным очагом у восточной стены (табл. II). На западной стене прямо против очага находился выступ. Хотя стены помещения сохранились на небольшую высоту, тем не менее в выступе можно заметить очертания нишки, имевшей в ширину 45 см, а в глубину до 15 см. Нишка прослеживается лишь в плане, и судить о ее высоте не представляется возможным. Показательно, что она располагалась невысоко над полом. На южной стене помещения отмечены следы черной краски. Дверной проем находился в южной стене, а юго-восточная часть дома была отделена невысокой загородкой, образующей около очага хозяйственный отсек. Сам очаг разрушен поздней ямой, одной из тех, что так сильно нарушают древнюю планировку в центре Джейтунского поселения. Эти ямы, видимо, были вырыты людьми, посещавшими уже оплывшие развалины поселения, и обычно заполнены желтым барханным песком. Хозяйственный участок располагался к югу от дома. От дворика

дома 43 он отгорожен стеной, соединяющей углы пом. 20 и 30. Двор заполнен рыхлыми зольно-песчаными слоями. Возможно, к числу подсобных строений этого хозяйственного комплекса принадлежит пом. 45.

Абсолютно идентична планировка и другого жилого дома — пом. 22. Северная часть его выходит на край поселения и поэтому плохо сохранилась, а часть стены с очагом разрушена поздней ямой. Своеобразной особенностью этого дома является выступ с внутренней стороны около двери. Хозяйственный участок находился к югу от дома и совершенно четко ограничен двумя другими домами (пом. 20 и 1) и специальной стеной. Западнее находилось небольшое пом. 21. Принадлежность этого помещения к тому или иному хозяйственному комплексу пока остается неясной.

Третий жилой дом, располагавшийся в этой части Джейтуна, — пом. 1 — близок по размерам и ориентации двум описанным строениям (табл. III). На его западной стене путем пристройки дополнительного ряда блоков был образован выступ с нишкой. Длина ее 40 см, высота 20 см, глубина 20—25 см. У противоположной, восточной стены находился крупный глинобитный очаг, первоначально имевший прямоугольную форму (1.65×1.00 м). Позднее к очагу были приделаны два выступа, видимо, ограничивавших участок, куда выгребались угли, и тем самым образовывалось нечто вроде жаровни. Глинобитный пол в этом месте прокален от длительного воздействия огня. В центре очага также была построена поперечная перегородка. Для помещения может быть отмечено несколько периодов существования. Первоначальный пол в виде известковой промазки толщиной 1—1.5 см находился на глубине 140 см от реперной точки. Описанная выше нишка располагалась на высоте 60 см от этого пола. Аналогичные полы в виде толстой известковой промазки шли выше, располагаясь на уровне 130, 120, 110 и 70 см. Между полами имелся плотный строительный завал из кусков глины с саманом. Таково же было заполнение помещения выше пола с отметкой 70 см, но здесь к строительному завалу примешан барханный песок. Этот пол частично перекрывал нишку западной стены. В последующее время пом. 1 было окончательно заброшено, стены его сниве-лированы и построено новое помещение, относящееся уже к первому строительному горизонту. На уровне 25—30 см сохранились остатки известкового пола этого помещения. Оно имело какую-то иную планировку, поскольку его пол местами перекрывает стены пом. 1. На стенах рассматриваемого помещения можно установить три слоя штукатурки. Первый — обычный глиняно-саманный, второй — также глиняный, но покрытый черной краской, третий слой, видимо, покрыт какой-то желтоватой краской. Особенно эффектный вид имело помещение, окрашенное черной краской («черный фон»), в состав которой, очевидно, была включена зола.

Дверь рассматриваемого жилого дома выходила на юг. Здесь же, на юге, располагались хозяйственные строения, тяготеющие к пом. 1. За время существования пом. 1 они подвергались неоднократным перестройкам, и в их существовании может быть отмечено несколько периодов (рис. 6). В соответствии с ходом раскопок отсчет строительных периодов велся сверху вниз.

В первый период к югу от помещения располагался узкий коридор, в который выходила дверь помещения. В свою очередь из коридора была дверь на юг. На востоке коридор заканчивался небольшим подквадратным в плане строением — пом. 2. В этом помещении было найдено значительное количество костей животных. К югу от коридора находилось довольно большое продолговатое помещение. Какая-то комната располагалась и к северу от пом. 2, поскольку в 1956 г. был расчищен отрезок стены, продолжавшей на восток линию северного края пом. 1. К северу от пом. 1 находились расчищенные в 1956 г. пятиугольное глинобитное сооружение (2.3×1.8×1.1×1.4×1.8 м), возможно являвшееся суфой, и две прямоугольные глинобитные «ванночки» (1.6×0.8 м каждая), видимо игравшие роль хозяйственных помещений для хранения припасов.

Во второй период к югу от пом. 1 располагалось оригинальное строение — пом. 3, имевшее в плане форму вытянутого овала (3.1×2.7 м). Одна из его стен сохранилась на высоту около 60 см, и по ней заметен наклон стен внутрь помещения. В помещении был найден массивный каменный отбойник. К северу от пом. 1 в это время находились два своеобразных сооружения, состоящих каждое из трех параллельных от-

резков стен без каких-либо следов поперечных перемычек. Видимо, перед нами основания для помостов, аналогичные сооружениям во дворе пом. 41.

Постройки третьего строительного периода были расчищены лишь к югу и к западу от пом. 1. Они представляли собой подквадратные в плане комнатки (2.5×2.35 м и 1.8×1.85 м), причем бóльшая из них была еще внутри перегорожена поперечной стеной на два отсека. Как можно видеть, лишь пом. 1, которое являлось типичным жилым домом, сохраняло свою планировку на протяжении всех трех строительных периодов, хотя эти периоды нашли в нем отражение в возведении новых полов и обмазке стен несколькими слоями штукатурки. Располагавшиеся около этого дома помещения имели подсобное хозяйственное назначение, их планировка неоднократно менялась.

Описанные жилые дома образовывают отдельную группу в центральной части северного края Джейтунского поселения. К ним тяготеет и сооружение, названное нами «платформой А». Эта платформа сплошь глинобитная, имеет подквадратный план и в настоящее время сохранилась на высоту от 1 до 1.3 м. Разрез платформы поперечной траншеей дал следующую картину. В основании лежит небольшое песчаное всхолмление — часть древнего бархана, на котором было основано поселение. Над песком находится горизонтальный глинобитный слой, покрытый несколькими известковыми промазками. Не доходя до южного края платформы, эти промазки обрываются, и можно проследить вертикальную грань заложенной стены. Данное обстоятельство, а также размеры платформы, близкие размерам крупных жилых домов Джейтуна, ясно указывают, что первоначально здесь находился обычный жилой дом. Позднее этот дом был забутован и превратился в «платформу А». На ней были сделаны два продолговатых углубления, вытянутых с запада на восток. Изнутри эти углубления (условное название — «ванночки») были обмазаны известковой штукатуркой. Существовали они, видимо, в течение весьма длительного времени, так как обмазка неоднократно возобновлялась. Стенки северной «ванночки», особенно на восточном и западном краях, несут следы длительного воздействия огня. Здесь в большом количестве встречаются куски обожженных блоков иногда весьма значительной величины.[4] Интересно отметить, что к востоку от «платформы А» в культурном слое было встречено значительное количество комков обго-

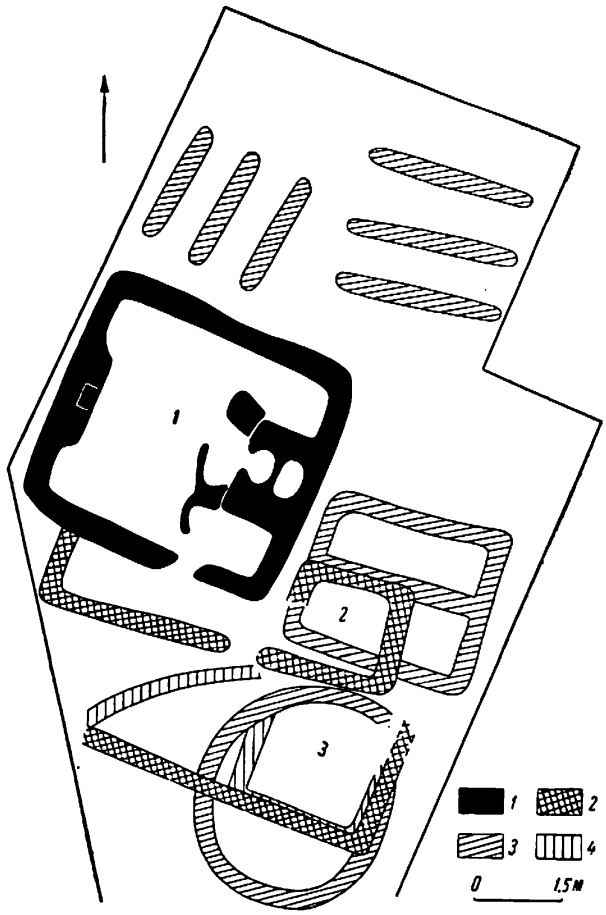

Рис. 6. Перепланировка подсобных строений в районе пом. 1.

1 — строения, существовавшие на протяжении трех периодов; *2* — строения, существовавшие в течение первого периода; *3* — строения, существовавшие в течение второго периода; *4* — строения, существовавшие в течение третьего периода.

релой глины — так называемые жужелицы. Все это как будто заставляет видеть в северной «ванночке» место обжига глиняной посуды. Остается неясным, производился ли этот обжиг в углублении простым, «ямным»

[4] Такой завал обожженных блоков был обнаружен при разведочных раскопках 1955 г., когда еще не было ясно, что он находится в восточной части «ванночки» на «платформе А» (см.: В. М. Массон. Джейтун и Кара-Депе, стр. 144, рис. 1).

способом или уже возводились какие-то примитивные горны. Большие куски обожженных блоков как будто свидетельствуют в пользу второго заключения. Во всяком случае, как мы увидим при дальнейшем описании, древние джейтунцы уже умели перекрывать очаги, располагавшиеся в жилых домах. Если подобное предположение относительно северной «ванночки» правильно, то южная, не имеющая следов воздействия пламени, могла служить для подсобных работ при изготовлении посуды, например для замеса глины. Отметим также, что следы горения находятся лишь в восточном и западном участках северной «ванночки», а ее средняя часть совершенно не обожжена. Не свидетельствует ли это о существовании двух горнов?

Значительный участок поселения, находившийся между «платформой А» и пом. 22, был занят хозяйственными постройками, описанными выше. Отметим, что они могли относиться в равной мере к хозяйственному комплексу и пом. 22 и пом. 1. Культурный слой этого участка весьма беден и в значительной мере включает в свой состав желтый песок. Видимо, уже в древности его во множестве приносил ветер на северную окраину поселения. В центральной части Джейтуна песчаных отложений в таком большом количестве не встречается.

К югу от «платформы А» находился крупный жилой дом (пом. 17), который в пору первого строительного горизонта был полностью забутован. На этом месте появилось новое строение, отмеченное выше. Первоначально подлинное назначение пом. 17 не было установлено, и в отчете 1957 г. оно фигурирует как «платформа Б».[5] После раскопок 1958 г. стало ясно, что перед нами типичный жилой дом со стенами сравнительно хорошей сохранности (табл. IV). Уровень его пола 214 см. На южной стене дома был сделан большой выступ с хорошо сохранившейся нишкой шириной 50 см, высотой и глубиной 30 см. Выступ, так же как и часть известкового пола, сохранил следы окраски красной краской. Находившийся у противоположной стены очаг плохо сохранился. К западу от очага встречено большое количество фрагментов толстостенных нерасписных сосудов. Восточнее его был устроен хозяйственный отсек. Значительный интерес представляет яма диаметром 80 см, глубиной около 80—100 см, сделанная в юго-западном углу помещения. Стенки ее обмазаны глиняно-саманной штукатуркой, обожженной здесь же, в яме. Аналогичные хозяйственные ямы были широко распространены на раннеземледельческих поселениях Ближнего Востока.

Вдоль западной стены пом. 17 была возведена какая-то пристройка, но неясно, появилась ли она в пору функционирования этого жилого дома или сделана в процессе забутовки. Более вероятным кажется первое, тем более что западная и южная стены сильно наклонились внутрь и эта пристройка могла играть роль контрфорса. Такой наклон стен наблюдается и в других помещениях Джейтуна и явно свидетельствует, что возводившиеся здесь дома с их тонкими стенами (толщ. 30 см) не были особенно прочными.

Дверь рассмотренного жилого дома обращена на восток. Видимо, там находился хозяйственный комплекс, тяготеющий к пом. 17. Здесь мы встречаем значительный незастроенный участок — древний двор, обрамленный строениями и сплошными стенами. Двор заполняли слои рыхлой земли коричневого цвета и большие зольные отложения. Пом. 12 и небольшие хозяйственные клетушки, обозначенные как пом. 11 и 13, видимо, принадлежали к числу подсобных строений дома 17. Возможно, это относится и к пом. 14, на полу которого была найдена раздавленная керамическая «салатница». В 1962 г. во дворе в песчаном выдуве к югу от пом. 6 было расчищено плохо сохранившееся детское погребение (рис. 7). Скелет расположен на правом боку, головой на запад, с подогнутыми ногами. До сих пор это единственный случай обнаружения на территории Джейтуна человеческого захоронения.

К югу от пом. 17 располагался другой большой жилой дом — пом. 4. Стены его тонкие, сложенные из глиняных блоков. В западной стене находился проход шириной 50 см. Около северной стены имелся прямоугольный очаг, топка которого первоначально примыкала непосредственно к стене помещения. Но затем, видимо, эта стена сильно пострадала от действия огня и топка была отодвинута в глубь помеще-

[5] В. М. Массон. Древнейшая земледельческая культура Средней Азии. ИАН ТССР, 1960, № 1, стр. 72.

ния. Одновременно часть северной стены была утолщена на один блок. Имеет утолщение в виде выступа и южная сторона помещения. На этом выступе сохранились следы многоцветной росписи (черным, белым и красным). К востоку от очага находился отсек, отделенный стенкой от остальной части помещения. Эта стенка один раз надстраивалась, причем одновременно к очагу были пристроены два выступа так, что перед ним образовалось нечто вроде жаровни, упомянутой выше (см. стр. 20).

Верхний пол пом. 4 находился на уровне 180 см от репера, т. е. на 1 м ниже верхнего пола пом. 1. Пол этот образован известковой обмазкой толщиной 1—1.5 см, местами сохранившей красную окраску. Второй пол, по которому и было расчищено помещение, находился на уровне 200 см от репера. Следующие полы, также образованные известковыми обмазками, шли на глубине 237 и 280 см. На стенах помещения заметны следы черной краски. Дверь из пом. 4 открывалась на восток, в небольшой двор, огражденный стеной, имеющей узкий проход, ведущий уже в следующий дворовый участок. В южной части двора и к югу от самого дома находились различные хозяйственные строения. Часть этих строений плохо сохранилась. К югу от пом. 4, видимо, располагалось своеобразное хранилище, поскольку здесь найдено значительное количество фрагментов небольших хумов с росписью (их было, судя по этим фрагментам, не меньше шести). Хозяйственное назначение, по-видимому, имели пом. 23 и 25. Интересно отметить, что в пом. 23 и в непосредственной близости от него найдены в целых экземплярах и во фрагментах 8 костяных проколок и 10 орудий из лопаточных костей животных, служивших для скобления кож.

К числу крупных, добротно сделанных домов, располагавшихся в центральной части Джейтуна, относится и пом. 61 (табл. V). Его массивный очаг пристроен к северной стене, а напротив, у южной стены, находится выступ (табл. VI). В отгороженном северо-восточном углу дома образован хозяйственный отсек. Пол покрыт известковой обмазкой в 1—2 см толщиной и окрашен красной краской. Эта же краска отмечена на выступе и на стене отсека. Хозяйственный отсек возвышается над полом за счет небольшой платформы и покрыт изнутри известковой обмазкой, также окрашенной в красный цвет. Как и в пом. 41, в северо-западном углу дома известковый пол не сохранился — его заменяет утрамбованный глинистый слой. Возможно, этот угол дома предназначался для такого рода деятельности, в ходе которой известковый пол мог быть поврежден. Как и многие другие жилые дома, пом. 61 было забутовано — строительный завал забутовки иногда с примесью песка расположен прямо на известковом полу. Отсутствие глинистых натеков на

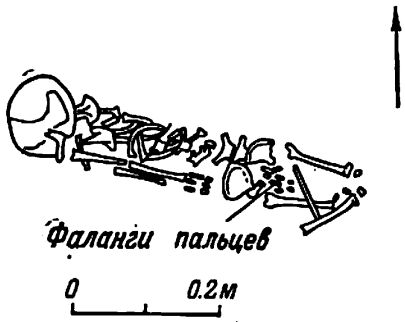

Рис. 7. Погребение во дворе пом. 17.

таком полу показывает на отсутствие какого-либо значительного перерыва между существованием дома и его забутовкой. Следует отметить находку в доме 4 камней со следами воздействия огня.

Двор дома 61 находился к востоку от него и отделен от двора пом. 50 стенкой-забором. Он заполнен рыхлыми слоями коричневой земли со значительной примесью песка и включениями золы. Обнаружено также несколько камней со следами воздействия огня. В северной части двора группировались хозяйственные постройки — пом. 28, 29, 62 и 63. В узкой щели между пом. 61, 63 и 29 обнаружены обломки двух расписных сосудов и большое количество костей животных. Видимо, эти остатки попали сюда еще в древности при уборке двора.

Из числа хозяйственных строений наиболее сложную историю претерпело пом. 62, трижды перестраивавшееся за время существования жилого дома. Вполне естественно, что более основательно строившиеся жилые дома существовали дольше подсобных строений. Небольшим хозяйственным отсеком являлось пом. 63. Из двух рядом расположенных кладовок — пом. 28 и 29 — наибольший интерес представляет последняя, в которой на полу найдена каменная

ступка с остатками красной краски. Следует также заметить, что в узком пространстве между пом. 61 и 32 были найдены обломки двух крупных нерасписных сосудов.

Расположенное южнее описанного дома пом. 50 также является остатком жилого дома, правда, несколько меньшей величины и сделанного более небрежно. Очаг дома расположен у северной стены, рядом с очагом — небольшая загородка — хозяйственный отсек. Пол помещения и пол отсека покрыты неровной известковой обмазкой, окрашенной в черный цвет. В северо-восточном углу дома известковая обмазка отсутствует — пол на этом участке представлен утрамбованным слоем темно-серого цвета (примесь золы) и большим количеством мелких костей. Внутри пом. 50 заполнено забутовкой из строительных материалов, а среди находок следует отметить 3 обгорелых камня. Обгорелые камни были найдены и во дворе пом. 50, расположенном к востоку от самого дома. Двор заполнен рыхлыми песчаными слоями (близость к южной окраине поселения) с незначительной примесью золы.

Еще далее на юг, как бы продолжая линию домов в центре поселка, расположено пом. 56, также представляющее собой остаток жилого дома с очагом у северной стены и черной краской на известковой обмазке пола. Этот дом, находящийся на южной окраине поселения, сохранился плохо, особенно в южной части, где строительные остатки выклиниваются и сменяются плотными песчаными слоями. Интересно отметить, что пом. 50 сохранило остатки двух известковых полов, разделенных 18-сантиметровой глиняной прослойкой, причем оба пола окрашены в черный цвет. Внутри помещение заполнено строительным завалом и плотным серым песком. Двор пом. 56, так же как и дома 50, располагался на востоке.

Крупный, несколько косоугольный дом в центральной части Джейтуна представлен пом. 7 (табл. VII). У верхнего известкового пола в северной части дома отметка — 260 см, у второго пола — 312 см. Полы имеют заметный наклон к югу, объясняющийся расположением дома на склоне древнего песчаного бугра. Очаг находился у восточной стены, а выступ — на западной. При этом восточная стена была сильно наклонена. Возможно, наклонное положение всего дома ускорило его разрушение. На стене с выступом сохранились следы черной краски. Все помещение заполнено главным образом рыхлой коричневой землей. Хозяйственный отсек находился в юго-восточном углу дома, к югу от очага. Дверь дома была обращена на юг, и именно там расположен его хозяйственный участок.

Следует иметь в виду, что дома 61, 50 и 56 располагались едва ли не в самой широкой части поселения. Далее на восток южная окраина Джейтуна заметно поворачивает в южном направлении и число жилых домов, расположенных по меридиональной линии, несколько сокращается. При этом сохранность домов южной окраины даже на уровне второго строительного горизонта заставляет, как правило, желать много лучшего.

Это касается, в частности, пом. 26 — жилого дома с очагом у северной стены и двумя уровнями полов, отмеченными известковой обмазкой со следами черной краски. Внутри помещение заполнено забутовкой из строительных материалов и плотным песчаным слоем. Судя по планировке дома, его двор располагался к востоку, но там уже проходит край поселения, разрушенный дефляцией.

На восточной окраине Джейтуна, где обжитая площадь становится у́же, следуя конфигурации песчаного холма, послужившего основанием поселения, можно отметить две линии, из трех домов каждая, вытянутые в меридиональном направлении. Первая такая линия состоит из пом. 10, 6 и 15/18 (табл. VIII).

Крайним на севере является пом. 10, у которого северная часть с очагом сохранилась сравнительно плохо. На южной стене прямо против очага находился выступ, покрытый, так же как и известковый пол, красной краской. Двор этого дома располагался к востоку, а к числу хозяйственных построек принадлежало, надо полагать, узкое пом. 9, открытое в 1958 г. и являвшееся скорее всего, судя по раскопкам 1963 г., частью уже знакомых нам параллельных отрезков стен — основания для помоста. Двор дома 10 огражден с востока узкой стеной и заполнен дольно-песчаными наслоениями с небольшой примесью строительных материалов.

К числу лучших домов Джейтуна принадлежит пом. 6 (табл. IX), существовавшее, как мы отмечали выше, в течение

весьма длительного времени, то увеличиваясь, то сокращаясь в размерах. Его три верхних пола с известковой обмазкой, окрашенной в красный цвет, располагались соответственно на уровнях —140, —160 и —215 см.

Пом. 6 было раскопано до уровня третьего белого пола, относящегося ко второму периоду существования построек. В пору второго известкового пола помещение имело размеры 5.75 × 5.3 м. Перед очагом была сделана небольшая пристройка, напоминающая описанную выше жаровню в пом. 1. Остается неясным, в какой из стен находился дверной проем. Пол и выступ на южной стене были окрашены красной краской. В юго-западной части дома пол плавно повышался на 10—15 см, образуя нечто вроде невысокой лежанки. В пору третьего известкового пола жилой дом имел меньшие размеры — 5.3 × 4.8 м. Дверь находилась в восточной стене. Особенно хорошо сохранился на этом уровне очаг, у которого осталось ненарушенным перекрытие, состоявшее из сильно обгоревших блоков, положенных поперек очага. У стены в перекрытии оставалась узкая щель, и сильная закопченность штукатурки в этом месте свидетельствует о том, что щель играла роль дымохода. Может быть, такая щель между двумя блоками была оставлена и в начале очага, что облегчило бы установку на нем сосудов. Однако перекрытие здесь частично обрушено и трудно судить об этом с достаточной достоверностью. Вполне возможно, что аналогичное перекрытие имели и очаги в других домах Джейтуна. Около очага в большом количестве были найдены небольшие камни, закопченные и растрескавшиеся, видимо, от долгого пребывания в огне. К западу от очага кучкой лежало 9 нуклеусов, очевидно забытых обитателями дома и случайно попавших в забутовку.

Двор пом. 6 в пору второго и третьего известковых полов располагался восточнее жилого дома. С востока он ограничен стеной пом. 69. Ясно прослеживается выход из двора на север, во двор помещения 10, тогда как выход на юг был прегражден поперечной стенкой и мелкими клетушками. В существовании двора отмечаются два периода. В раннем в его пределах находилась небольшая хозяйственная клетушка — пом. 71. Отметим, что ее взаимоотношение с жилым домом такое же, как пом. 17 и 11. Двор в основном заполнен рыхлыми песчаными слоями с включениями обломков строительных материалов, но в его южной части преобладают слои рыхлой коричневой земли.

Наконец, последний, третий дом в описываемой нами линии представлен пом. 15/18, получившим такой двойной номер благодаря тому, что хозяйственный отсек и собственно жилой дом первоначально были ошибочно определены как различные помещения. Очаг дома расположен у северной стены, выступ со следами красной краски — на южной. В доме отмечены два пола: верхний на уровне — 220 см, представленный обычной известковой промазкой, и нижний на уровне —240—245 см, утоптанный, с красноватой прослойкой. В хозяйственном отсеке, расположенном в северо-восточном углу, дважды перестраивавшемся за время существования дома, найдены фрагменты толстых керамических плиток с крупными отверстиями.

Двор рассматриваемого дома располагался на востоке и достигал довольно значительной величины, возможно, благодаря тому, что служил также двором частично и для пом. 69. К числу хозяйственных строений можно отнести пом. 19 и небольшие клетушки — пом. 67, 68 и 70. Двор заполнен уплотненными зольно-песчаными слоями с редкими включениями рыхлой коричневой земли. В южном направлении культурные слои резко понижаются, сменяясь барханным песком. Во дворе обнаружены камни со следами воздействия огня и сравнительно много обломков костей животных.

Следует отметить, что остается неясной принадлежность участка, располагавшегося к западу от пом. 15/18. В первом развернутом отчете о раскопках Джейтуна было высказано предположение, что перед нами двор пом. 27.[6] Но при продолжении работ здесь не удалось выявить достаточно четкую архитектуру, а отсутствие следов известкового пола позволяет считать пом. 27 скорее хозяйственной постройкой, чем жилым домом. В таком случае рассматриваемый участок следует считать территорией, имеющей общее для всего поселка значение и, в частности, облегчающей проход к дворам пом. 4 и 7.

---

[6] В. М. Массон. Джейтунская культура..., стр. 54.

Вторая линия жилых домов, замыкающих восточную окраину Джейтуна, состоит из пом. 74, 69 и 66. Из них два крайних дома сохранились особенно плохо. Так, стены пом. 74 в высоту имеют всего 10—15 см. Очаг располагался у северной стены, а внутри дома в ряде мест отмечены участки известкового пола без следов какой-либо окраски. Дом заполняют преимущественно плотные песчаные слои. При охарактеризованной выше традиционной планировке жилых домов Джейтуна, казалось бы, дверь пом. 74 должна находиться в восточной стене. Однако из-за плохой сохранности не удалось проследить наличие дверного проема в какой-либо из стен этого строения. Вместе с тем на восток от пом. 64 располагалась окраина Джейтунского поселка, что позволяет предположить, в порядке исключения, наличие двери в западной стене пом. 74.

Действительно, здесь, западнее рассматриваемого дома, находился огороженный дворовый участок, не тяготеющий ни к какому другому дому Джейтуна. Вполне возможно, что в данном случае конкретные особенности участка для застройки заставили отойти от столь тщательно выдерживаемой канонической планировки. Двор пом. 74 несколько выделяется наличием в нем двух очагов. Один из них, подквадратный в плане, расположен посередине двора, другой, весьма массивный, по типу аналогичный очагам в жилых домах, пристроен к северной стене дома 69. Внутри последнего очага был обнаружен керамический сосуд, не имеющий, однако, следов пребывания в огне. Двор заполнен рыхлыми зольно-песчаными слоями с включениями большого количества белых известковых образований.

Значительно лучше сохранился жилой дом 69 (табл. VI). Его очаг расположен у восточной стены, а напротив него был устроен выступ. Во время существования дома выступ пришлось ремонтировать, и он был утолщен на 20 см, причем глиняные блоки клались непосредственно на белый известковый пол. Этот пол в ряде мест имеет как бы сероватую окраску, возможно, за счет подсыпки золы. Над полом дома находился 15-сантиметровый рыхлый слой из мелких материалов разрушения и песка. Выше идет плотная забутовка глиняными блоками. В основании забутовки находится прослойка из серой золы и коричневой земли, — видимо, перед забутовкой площадка специально выравнивалась.

Дверь дома выходила на юг; там с наружной стороны стены была сделана глинобитная площадка. При таком положении двери можно заключить, что двор у пом. 69 и 15/18 был общим. Вместе с тем к востоку от пом. 69 расположено замкнутое пространство, вполне могущее быть двором этого дома. Участок заполнен рыхлой коричневатой землей, однако к югу в наслоениях начинает заметно преобладать песок.

Последний жилой дом Джейтуна — пом. 66 — представлен очагом, располагавшимся у его северной стены, и остатками белого известкового пола. Даже ничтожные остатки глинобитных стен почти не прослеживаются в плотных песчаных слоях, характеризующих эту юго-восточную окраину неолитического поселка.

Кстати, именно на востоке Джейтуна удалось широким фронтом выйти на древнюю окраину поселения, не нарушенную дефляцией. Уже внешние стены двора пом. 69 имели двойную толщину по сравнению с обычными дворовыми оградами, что как бы подчеркивало его окраинное положение. К востоку от стен двора какие-либо строения отсутствуют и вообще характер слоев резко изменяется. Здесь преобладает коричневатый песок, лишенный примесей строительного материала, что указывает на отсутствие в древности в этом районе глинобитных сооружений. Судя по всему, на восточной окраине Джейтуна находился значительный незастроенный участок того песчаного бугра, на котором располагалось поселение.

В строительных завалах и песчаном заполнении описанных выше строений и дворов были найдены различные предметы, характеризующие хозяйство и быт их древних обитателей. К рассмотрению различных категорий этих вещей мы и переходим в следующей главе.

ГЛАВА 2. ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОЙ ИНВЕНТАРЬ

В процессе раскопок Джейтунского поселения был получен весьма обширный комплекс различных вещей, связанных с трудовой деятельностью и бытом его обитателей. Существуют различные системы описания материалов такого рода. Обычно

преобладает деление всей массы найденных предметов на группы по характеру материала, из которого они изготовлены, — кость, камень, керамика и кремень. Подобная система была принята и при публикации джейтунских материалов раскопок 1957—1958 гг.[1] Ее преимущества неоспоримы и заключаются прежде всего в удобстве и простоте, позволяющих наметить классификацию уже на стадии первичных исследований, не прибегая к специальным лабораторным изысканиям. Вместе с тем, если иметь в виду не подобную первичную публикацию, а общую картину жизни и быта обитателей изучаемого поселка, могут быть предложены категории более высшего порядка. С этой точки зрения все изделия, обнаруженные на Джейтуне, могут быть распределены по следующим трем группам.

I. Орудия труда и побочные продукты их производства.

II. Бытовой инвентарь, в первую очередь глиняная посуда.

III. Украшения и предметы особого назначения, связанные как с идеологическими представлениями, так и просто с развлечениями древних людей.

Рассмотрим в этом плане джейтунские находки, располагая вещи уже внутри названных групп по материалу, из которого они изготовлены. При этом следует иметь в виду, что многие виды изделий до нас не дошли. Так, в силу природных условий совершенно не сохранились деревянные или плетеные вещи. Конкретная история поселка (уход жителей) также способствовала исчезновению многих категорий предметов, особенно ценимых его древними обитателями. В этом отношении показательно полное отсутствие рукоятей при обилии кремневых вкладышей, в то время как на одном из джейтунских поселений — Чопан-Депе — была найдена превосходная костяная основа жатвенного пожа.

После подобных предварительных замечаний перейдем к конкретному рассмотрению обнаруженных материалов по предложенной схеме. Наиболее многочисленной при этом оказывается группа орудий труда и побочных продуктов их производства, что, впрочем, типично для памятников каменного века. С наступлением эпохи металла картина обычно резко меняется; в ее раннем периоде (энеолите) орудия труда представлены буквально единичными экземплярами. Джейтун еще полностью принадлежит к финальным этапам каменного века, среди обнаруженных здесь орудий труда каменные орудия господствуют полностью и безраздельно. Несмотря на то что подобные изделия составляют один из традиционных археологических объектов, их классификация представляет известные трудности.

Кремневая индустрия Джейтуна была подробно рассмотрена Г. Ф. Коробковой с точки зрения функционального анализа с уделением вместе с тем значительного внимания также и типологии предметов. Предложенная Г. Ф. Коробковой классификация джейтунских орудий по их назначению весьма важна для реконструкции экономики неолитического общества и будет нами использоваться в соответствующих разделах настоящей работы. Однако следует иметь в виду, что функциональная классификация пока еще применима в ограниченных масштабах, поскольку не во всех случаях, особенно при подъемном материале, сохраняются следы работы на древних орудиях, а число специалистов, владеющих этим методом, предельно ограничено. Поэтому совершенно ясно, что в археологической практике еще долгое время будет употребляться типологическая классификация кремневого инвентаря, позволяющая охватывать сопоставимыми критериями различные комплексы, чтобы выяснить их сходство и различия для решения проблем хронологии и локальной вариабельности. С этой целью в настоящем разделе сохранен по возможности принцип типологической классификации. Опираясь на типологический анализ кремневого инвентаря Джейтуна, уже имеющийся в литературе,[2] остановимся на общей его характеристике.

Прежде всего кратко обратимся к вопросам общего порядка. Широко известны недостатки, связанные со стихийным субъективизмом в выделении и обозначении различных типов и групп орудий. В области нижнего палеолита в последнее время ведется большая работа по упорядочению ис-

[1] В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, 1960, стр. 56—63.

[2] Г. Ф. Коробкова. 1) Определение функций костяных и каменных орудий с поселения Джейтун. ТЮТАКЭ, т. X, 1960; 2) Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, 1969.

пользования типологического метода с целью широкого привлечения статистических приемов в обработке материалов.[3] Особенно значительных успехов в выработке упорядоченной типологии палеолитических изделий достиг Ф. Борд.[4] Ведутся исследования по приложению разработанной Ф. Бордом методики к верхнепалеолитическим комплексам[5] и мезолитическим материалам.[6] Представляется, что выработка единой классификационной схемы для мезолитических и неолитических индустрий с их преимущественно пластинчатым инвентарем явится значительно более простым делом, чем для предметов нижнепалеолитического возраста. К сожалению, в археологической практике как в СССР, так и за рубежом исследователи исходят из классификационных схем, практически индивидуальных в каждом отдельном случае.[7] При этом зачастую принципы типологической и функциональной классификации выступают в нерасчлененном симбиозе. Так, для верхнего палеолита и мезолита Крыма Н. О. Бадер[8] предлагает следующее «типологическое подразделение»: нуклеусы; скребки и функционально близкие им орудия; резцы и функционально близкие им орудия; геометрические орудия и наконечники стрел.

Таблица 1

Тип изделий	Количество изделий	Процент в пределах группы	Процент к общему количеству
I группа			
Нуклеусы и их обломки	100	100	1.5
II группа			
Пластины и их обломки	4507	76.1	59.6
Пластины со скошенным краем	267	4.5	4
Пластины с головкой	9	0.1	0.1
Скобели	130	2.2	2
Сверла	95	1.6	1.4
Скребки конусные	58	1	0.9
Микроскребки	501	8.5	7.7
Геометрические микролиты	350	6	5.4
Итого	5917 (91.5%)		
III группа			
Скребки на отщепах	27	6	0.4
Отщепы, осколки, чешуйки	430	94	7
Итого	457 (7%)		

Между тем, как совершенно ясно из текста статьи, трассологические исследования ее автором не производились, и нет никакой гарантии, что среди геометрических орудий не обнаружатся изделия, функционально близкие скребкам, как это, например, установлено Г. Ф. Коробковой на джейтунских материалах. С точки зрение единства принципа типологическая классификация должна исходить только из морфологических признаков предметов, применяя «функциональную» терминологию только как условное обозначение орудий определенных форм (сверла, скребки, резцы, скобели и т. п.).

Ниже нами предпринята попытка дать общую характеристику кремневого инвентаря Джейтуна по типологической схеме, построенной в первую очередь на морфологических признаках изделий, хотя и с при-

[3] В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, № 131, 1965.

[4] F. Bordes. Typologie du paléolithique ancien et moyen. Publ. de l'Institut de préhistoire de l'Universite de Bordeaux. Mémoire, № 1, Bordeaux, 1961.

[5] D. Sonneville-Bordes, de et J. Perrot. 1) Essai d'adaptation des méthodes statistiques au Paléolithique supérieur. BSPF, t. L, 1953, pp. 323—333; 2) Lexique typologique du Paléolithique supérieur. BSPF, t. LI, 1954, pp. 327—335; t. LII, 1955, pp. 76—79; t. LIII, 1956, pp. 408—412, 547—559.

[6] G. Laplace-Jauretche. Application des méthodes statistiques à l'étude du Mesolithique. BSPF, t. LI, 1954, pp. 127—139; J. Tixier. Typologie de l'épipaléolitique de Maghreb. Paris, 1963.

[7] См., например: Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, № 79, 1959; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 54—58; Н. О. Бадер. О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа. СА, 1961, № 4.

[8] Н. О. Бадер. О соотношении культуры..., стр. 15.

менением «функциональной» терминологии. Соответственным образом даны и цифровые подсчеты, отличающиеся от подсчетов орудий по их назначению, произведенных Г. Ф. Коробковой, и используемых нами в разделах об экономике Джейтуна. По внешним, морфологическим признакам все кремневые изделия Джейтуна могут быть разделены на 3 группы: I — нуклеусы; II — пластины и изделия из них; III — отщепы и изделия из них. Поскольку в основе такой классификации лежит типологический критерий, а не техника производства, ряд микролитических изделий, изготовленных на миниатюрных отщепах и по внешнему виду идентичных изделиям из пластин, отнесен во вторую группу. Обратимся к краткому обзору соответствующих предметов.

Все они изготовлены из кремня преимущественно светло-коричневого оттенка. Цветовые вариации, представленные сероватыми и красноватыми экземплярами, в целом незначительны. В редких случаях использовался полупрозрачный светлый кремень.

К I группе кремневых изделий отнесены нуклеусы, представленные как целыми образцами, так и их обломками (табл. X). Характерной чертой для большинства нуклеусов является сохранение с одного края валунной корки. Как отметила еще Г. Ф. Коробкова,[9] в джейтунских материалах можно различать нуклеусы двух типов: призматические (табл. X, *10—12*) и конические (табл. XI, *3*). Первый тип безусловно преобладает и представлен 39 целыми нуклеусами и 28 обломками. Большей частью это изделия приземистых пропорций. Много двухплощадочных нуклеусов. Конические нуклеусы сравнительно редки — всего 7 экз. Остальные изделия этой группы представлены обломками трудно определимых форм. Функциональное исследование показало, что ряд нуклеусов использовался в качестве отбойников.

Во II группе наиболее многочисленны сами пластины, являющиеся основным компонентом кремневой индустрии Джейтуна. В основном они небольшие, призматические, правильной формы, с острыми краями (табл. XII). В виде единичных исключений встречаются пластины длиной 7—10 см. Средняя ширина пластин 0.9—1.2 см. Очень редко встречаются образцы шириной 1.5—2.0 см. Незначительны и нижние колебания этого стандарта, микропластины на Джейтуне практически отсутствуют. Наименьшая ширина весьма редких узких пластин 0.6—0.7 см. Чрезвычайно мало был распространен на Джейтуне прием дополнительной обработки ретушью продольных краев пластин. Подобная ретушь отмечена лишь в единичных случаях и то, по наблюдениям Г. Ф. Коробковой, в основном как подправка изношенного рабочего края орудия. Среди обширной коллекции кремневых изделий Джейтуна имеется лишь одна пластина с зубчатой ретушью.

Именно неширокая пластина служила основной заготовкой для большинства джейтунских орудий. Нередко для этой цели применялись пластины со скошенным концом, оформленным ретушью, иногда заходящей на один из продольных концов (табл. XIII, *3*). Много реже встречаются пластины, одному концу которых придан вид головки при помощи двух противолежащих выемок, обработанных ретушью (табл. XIII, *1*). На наличие таких пластин сравнительно редкой формы в неолите Северного Кавказа указывает А. А. Формозов.[10]

Использование пластин в качестве орудий было весьма многообразным, что в большинстве случаев, за исключением вкладышей серпов с ярко выраженной заполированностью рабочего края, могло быть установлено только в результате микроанализа. Изучение следов орудий установило, что в пору неолита типологически сходные пластины использовались в качестве серпов, боковых скребков, скобелей, пилок и ножей.[11] Все эти виды орудий прекрасно представлены в материалах Джейтуна. Первое место по количеству занимают здесь пластины, употреблявшиеся в качестве вкладышей составных серпов, вставлявшихся в паз параллельно рукоятке. Костяная основа такого прямого серпа (или, точнее, жатвенного ножа) была обнаружена на Чопан-Депе, одном из памятников джейтунской культуры в Южной Туркмении (табл. XIV). Для серпов использовались пластины ши-

[9] Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 110.

[10] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. стр. 58, 59, рис. 25, *8*.

[11] Г. Ф. Коробкова. Применение метода микроанализа к изучению функций каменных и костяных орудий. Археология и естественные науки. МИА, № 129, 1965, стр. 193—194.

риной 0.9—1.2 см и длиной 4—4.5 см, хотя отдельные экземпляры достигают в длину 8.5 см (табл. XV). Иногда применялись пластины, сохраняющие на одном конце желвачную корку. Среди вкладышей серпов имеется 136 пластин со скошенным краем, причем, учитывая наличие большого количества фрагментированных пластин, можно предполагать, что в древности этот процент был более значительным. При рассмотрении бесспорно целых пластин со скошенным краем, использовавшихся в качестве вкладышей серпов, получены следующие размеры: 2.9—3 см (4 пластины); 3.4—4.8 см (6 пластин); 5—5.9 см (5 пластин). Следует отметить, что к числу вкладышей серпов принадлежит и 6 пластин с выделенной головкой, тогда как 3 других изделия этого типа следов работы не имеют. У одной из таких пластин скошен край, а на другом конце выделена головка (табл. XV, *9*).

Среди боковых скребков, для которых применялись пластины длиной до 8.3 см, также имеются образцы со скошенным краем. Целые экземпляры таких пластин варьируют в длину от 4.1 до 5.4 см. Это касается и пластин, использовавшихся в качестве ножей, среди которых имеются образцы длиной 4.3 и 4.5 см, и пилок. Для последних иногда употреблялись пластины шириной 1.4—1.7 см, а максимальная длина соответствующих орудий достигает 8.6 см, т. е. вполне укладывается в джейтунские стандарты пластин. Следует отметить, что из 267 пластин со скошенным краем, обнаруженных на Джейтуне, 200 использовались в качестве орудий, тогда как лишь на 67 следы работы не были обнаружены, может быть, из-за нахождения в употреблении в течение слишком короткого срока. Эти пластины — типичные изделия индустрии Джейтуна, и их форма, вероятно, связана со стремлением прочнее закрепить вкладыши в рукоятке составного орудия.

Из пластин стандартных джейтунских размеров изготовлялись и скобели. Типологически к этому виду изделий отнесены орудия с крутой заостряющей ретушью на рабочих краях, нередко с выемками, оформленными подобной ретушью (табл. XII, *10—15*). Максимальная длина скобелей 7.5 см, минимальная 2.5 см. Для изготовления скобелей зачастую также использовались пластины со скошенным краем. Длина целых пластин этого типа варьирует от 3.2 до 6.6 см. Следует отметить, что по результатам функционального анализа к числу скобелей был отнесен ряд изделий, которые не имеют выраженных морфологических признаков, достаточных для чисто типологической классификации.

Пластины служили исходным материалом и для изготовления сверл, нередко именуемых в отечественной литературе проколками (ср., однако, в англоязычной литературе — drill). Как отметила Г. Ф. Коробкова, на Джейтуне бытуют сверла двух типов: с вытянутым симметричным жальцем (табл. XVI, *10*, *11*) и в виде пластинки (табл. XVI, *2*, *5*), постепенно сужающейся к заостренному рабочему краю.[12] Орудия первого варианта, нередко очень тщательно выделанные и изящные, представлены на Джейтуне 22 экз., тогда как изделия второго варианта были распространены более широко — 48 экз. В ряде случаев наличие лишь фрагментированной рабочей части орудия не позволяет с уверенностью восстановить его форму. Для сверл, как и для других орудий, использовались иногда пластины со скошенным краем. Функциональный анализ показал, что ряд орудий, типологически объединенных в группу сверл, употреблялся в качестве так называемых разверток — для расширения отверстия, сделанного собственно сверлом.

Достаточно характерной чертой кремневой индустрии Джейтуна является наличие концевых скребков, сделанных на пластинах с овальным рабочим концом, заостренным мелкой ретушью (табл. XVII, *8—11*). Изучение следов работы показало, что ряд пластин, типологически относящихся к числу концевых скребков, использовался в качестве вкладышей серпов.

Специфической чертой джейтунского кремневого инвентаря является его микролитоидный характер. Уже целый ряд концевых скребков, изготовленных на мелких сечениях пластин, по существу принадлежит к микролитам. Особенно ярко выражена эта микролитоидность у значительного количества изделий, объединенных в группу микроскребков. Изготовлявшиеся в большинстве случаев на небольших пластинах и более редко на отщепах, эти орудия зачастую достигают предельной миниатюризации, так

[12] Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 121.

что их трудно даже просто держать в руках. По внешнему виду наиболее характерный подтип образуют своеобразные микролитические орудия в виде острия с заостренным концом, оформленным высокой крутой ретушью (табл. XVII, *1—6*). Количество таких изделий преимущественно миндалевидных очертаний достаточно велико — 137 экз. Среди других вариантов микроскребков отметим округлые скребки с ретушью, охватывающей всю окружность орудия (табл. XVII, *15*, *16*), и скребки на сечениях пластин с оформленной ретушью продольной гранью. Иногда эта ретушь образует выпуклый рабочий край (табл. XVII, *17*, *18*), в других случаях она заходит и на попереченые грани использованной части пластины (табл. XVI, *19*). По данным функционального анализа, микроскребки использовались для обработки шкур животных.[13] Работа над материалами, поступившими с Джейтуна после 1958 г., позволила выделить среди этих изделий также группу резчиков-скобелей.[14]

Еще более показательно наличие на Джейтуне значительного количества микролитов геометрических форм, специфический облик которых делает их весьма важным элементом построений, связанных с вопросами относительной хронологии и локальных вариантов. Тем более огорчителен терминологический разнобой, господствующий в описании этих изделий. Одни исследователи при их классификации придают главное внимание форме изделий, тогда как другие выделяют различные типы в зависимости от места и способа нанесения ретуши. Широко употребляются прилагательные «низкий», «высокий», «мелкий», которые, будучи не подкрепленными цифровыми критериями, открывают широкие возможности для субъективизма. Представляется, что наиболее удачным путем идут французские исследователи, исходящие прежде всего из формы классифицируемых предметов.[15]

Автор далек от мысли предложить новую классификацию соответствующих изделий, тем более что джейтунские материалы отнюдь не исчерпывают всего многообразия форм геометрических микролитов. Однако представляется желательным вести описание с указанием числовых критериев, применяемых для выделения подтипов. В целом на Джейтуне распространены геометрические микролиты четырех основных подтипов: I — трапеции; II — сегменты; III — треугольники; IV — прямоугольники.

Таблица 2

Варианты	Количество изделий	Процент в пределах подтипа	Процент в пределах типа
I подтип			
Мелкие (основание до 2 см)	205	77.7	59.1
Средние (основание от 2 до 2.5 см)	29	11	8
Крупные (основание более 2.5 см)	6	2.3	1.7
Удлиненные (верх более 1 см)	24	9	7
Итого	264 (75.5%)		
II подтип			
Мелкие (основание до 2 см)	37	67	10.5
Средние (основание от 2 до 2.5 см)	10	18	2.8
Высокие (высота : основание=1 : 1)	8	14.5	2.3
Итого	55 (15.5%)		
III подтип			
Мелкие (основание до 2 см)	29	100	8
IV подтип			
Мелкие (основание до 2 см)	2	100	0.6

[13] Там же, стр. 118.

[14] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 5.

[15] G. Laplace-Jauretche. Application des méthodes statistiques..., pp. 128—129 (выделяется 9 типов геометрических микролитов); J. Tixier. Typologie..., pp. 129—137 (выделяется 19 типов).

Все изделия, основание которых меньше 2 см, отнесены к числу мелких, с основанием от 2 до 2.5 см — к числу средних и с основанием свыше 2.5 — к числу крупных. Вместе с тем представилось желательным ввести и иные подразделения. Так, трапеции с верхней гранью более 1 см именуются удлиненными, а сегменты с отношением основания к высоте как 1 : 1 — высокими. Иногда могут быть колебания в отнесении некоторых изделий к числу сегментов или низких треугольников. Соотношение выделенных подтипов и вариантов может быть проиллюстрировано табл. 2.

Как можно видеть, основную массу геометрических микролитов, общее количество которых 350, составляют трапециевидные орудия. Среди них преобладают трапеции правильной симметричной формы (табл. XVIII, *8—10*), иногда имеющие как бы выпрямленные боковые грани, приближающие их к прямоугольникам (табл. XVIII, *10*). Встречаются трапеции и асимметричных форм (табл. XVIII, *17*), но без резкого подчеркивания этой асимметрии. Постоянной величиной является высота трапеций, зависящая от ширины исходного материала — пластины, которой эта высота и равна (в основном 1.4—1.7 см). Боковые грани трапеции обработаны крутой ретушью, нередко заходящей и на верхнюю грань. На основании трапеции иногда встречаются выщербинки, появившиеся в процессе использования орудий. В литературе широко распространено мнение об использовании геометрических микролитов в качестве вкладышей для составных наконечников метательного оружия. Абсолютное отсутствие на Джейтуне наконечников стрел и копий наряду с бесспорным наличием охоты делают такое заключение для наших материалов весьма вероятным. Вместе с тем, как показало функциональное исследование, проведенное Г. Ф. Коробковой, использование джейтунских трапеций было довольно разнообразным. Часть из них — около 70 экз. — использовалась в качестве вкладышей для серпов. Преимущественно это были мелкие трапеции, но имеется несколько средних и удлиненных. Размеры последних по основанию варьируют в пределах от 2.5 до 3.9 см. Мелкие и удлиненные трапеции использовались в качестве вкладышей для стругов. Одна удлиненная трапеция с обработанной ретушью нижней гранью служила скобелем, другая трапеция, средняя, — боковым скреблом. Видимо, вкладыши-трапеции удобно сочетались с пластинами со скошенным краем, использовавшимися с этой же целью. По существу трапеции, особенно удлиненной формы (табл. XIX, *32—35*), представляют собой ту же пластину, у которой скошен не один конец, а два.

Менее удобными для этой цели, видимо, были сегменты (табл. XX, *10—24*), чем и объясняется, надо полагать, их меньшее количество. Тем не менее отмечено использование одного сегмента в качестве вкладыша серпа, а другого как бокового скребка. Возможно, именно сегменты с их острыми углами служили в первую очередь для оснащения метательного оружия. Так же как среди трапеций, среди треугольников Джейтуна преобладают фигуры правильных очертаний, близкие равнобедренным треугольникам (табл. XX, *5—8*), хотя имеются экземпляры и асимметричных форм (табл. XX, *9*). Два миниатюрных прямоугольника являются, по-видимому, случайной вариацией формы малой трапеции.

Третья выделенная нами группа сравнительно невелика, и из числа орудий сюда входят собственно лишь немногочисленные скребки на отщепах. Это изделия преимущественно небольшой величины, рабочий край их оформлен крутой ретушью (табл. XVII, *26*).

Приведенный краткий обзор позволяет достаточно рельефно оттенить характерные особенности кремневой индустрии Джейтуна. Это пластинчатая индустрия; орудия, сделанные на отщепах, численно незначительны и практически могут быть рассматриваемы как случайные. Второй характерной чертой кремневой индустрии Джейтуна является предпочтительное использование для большинства орудий нересушированных пластин. Совершенная техника скалывания доставляла значительное количество пластин с тонкими острыми краями, которые с успехом использовались практически без дополнительной обработки. Разумеется, это значительно повышало производительность самого процесса изготовления орудий труда. Многие из форм джейтунских кремневых орудий, как например скобели с выемками или сверла, не составляют специфически местной особенности, а достаточно характерны для целого ряда культур и археологических комплексов. Представляется, что

в качестве специфических признаков кремневой индустрии Джейтуна могут быть отмечены три следующих момента. Во-первых, широкое распространение пластин со скошенным краем (lame à troncature, по Ж. Тексье [16]). Индекс этих пластин в Джейтуне по формуле

$$ILT = \frac{\text{пластины со скошенным краем} \times 100}{\text{общее количество пластин}}$$

составляет 5.8.

Вторым таким признаком можно считать высокую степень микролитоидности комплекса. Соответствующий индекс по формуле $\frac{\text{микролиты} \times 100}{\text{пластины и изделия из них}}$ будет равен 14.5.

Наконец, третий специфический признак джейтунской коллекции — значительное число геометрических микролитов. Соответствующий индекс (IMG) в отношении к общему количеству пластин и изделий из них — 6, что является весьма высокой цифрой по сравнению, например, с прикаспийскими комплексами или памятниками кельтеминарского круга. Можно заключить, что среди частных признаков, характеризующих индустрию Джейтуна, большое значение будет иметь индекс трапеций среди прочего числа геометрических микролитов. По приведенным в этой работе материалам, IT=75.5. Следует надеяться, что большее обращение исследователей мезолита и неолита Средней Азии к вопросам упорядочения типологии и статистическим методам позволит уже в ближайшее время сравнить индексы Джейтуна с наблюдениями, сделанными на материалах других памятников и культур.

Значительно менее обширна коллекция каменных орудий. Частично это объясняется удаленностью Джейтуна от соответствующих местонахождений. На других памятниках джейтунской культуры, на которых мы остановимся в следующей главе, находки каменных изделий более многочисленны. На поселении у Бами даже отмечена выкладка из камня фундаментов стен. Среди каменных изделий Джейтуна обращают на себя внимание шлифованные орудия. Таковы тесла-топорики, представленные 4 целыми экземплярами (табл. XXI, *1*, *2*; XXII, *3*, *4*). Примечательно, что все целые топорики обнаружены в юго-западной части поселка. Все они прекрасно отшлифованы. Два топорика изготовлены из мыльного камня темно-зеленого цвета, камень двух других более светлый. Лезвия топориков, обычно именуемых в западной литературе каменными кельтами, сильно изношены от длительного употребления. Обушок одного из них использовался также в качестве ретушера. К числу шлифованных каменных изделий принадлежит и плоская плитка с тремя великолепно заполированными желобками — так называемый выпрямитель древков стрел (табл. XXII, *2*). Такое назначение подобных орудий известно по этнографическим материалам, а для джейтунского экземпляра подтверждается и результатами микроскопического анализа.[17]

Значительный интерес представляют находки зашлифованных каменных поделок с просверленным у одного из краев отверстием, обнаруженных в целом ряде помещений и хозяйственных участков (табл. XXIII, *1—4*). По своему внешнему виду эти изделия весьма близки оселкам, в Средней Азии хорошо известным по кочевническим погребениям эпохи железа. Правда, М. П. Грязнову удалось показать, что эти поздние оселки в действительности использовались лишь как простые подвески.[18] Специальное изучение джейтунских поделок, произведенное Г. Ф. Коробковой, показало, что перед нами отжимники-ретушеры, в которых для удобства ношения хозяевами сделаны отверстия. В качестве отжимников-ретушеров использовались и камни, лишенные отверстий. Их плоские, прекрасно заполированные стороны указывают, что они играли также роль терок для растирания каких-то мягких веществ, скорее всего охряной краски (табл. XXIV, *1—4*). С приготовлением этой краски связаны, кстати, многие каменные орудия Джейтуна. Для ее дробления использовались песты как массивных размеров (табл. XXIV, *4*), так и более миниатюрные (табл. XXIV, *5*). Иногда в роли пестов, измельчающих минеральную краску, выступали шарообразные камни. В одном случае для этой цели использовалась плоская плитка, которая, таким образом, выполняла тройную функцию: песта, ретушера и

[16] J. Texier. Typologie..., pp. 124—126.

[17] Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 126.

[18] М. П. Грязнов. Так называемые оселки скифо-сарматского времени. В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, стр. 139—144.

краскотерки. Интересно отметить, что единственная каменная ступка, найденная на Джейтуне в хозяйственном пом. 28 (табл. VII), также сохранила внутри, на дне, остатки измельчавшейся в ней охры. Возможно, джейтунцы употребляли ее не только для окраски глиняной посуды, полов и стен домов, а также и для незатейливого самоукрашения. Во всяком случае в ряде погребений, обнаруженных на памятниках джейтунской культуры, отмечена охряная окраска костей скелета, перешедшая на них, видимо, с тела погребенного.

В керамическом производстве каменные орудия также находили свое применение. К их числу относятся обломки шпателя (табл. XXIII, *7*) и каменные шарики, использовавшиеся, судя по следам работы, в качестве керамических лощил (табл. XXIV, *6*). Не исключено, что каменные изделия аналогичной формы употреблялись в качестве ядер для пращи.

Поразительно мало каменных орудий, связанных с обработкой продуктов земледелия. По существу мы имеем лишь один пест (табл. XXIV, *4*) и несколько сравнительно небольших обломков зернотерок, изготовлявшихся из серого известняка (табл. XXIV, *8*, *9*). Едва ли ступка со следами охры на дне употреблялась для изготовления подкрашенной муки. Видимо, эту особенность джейтунского инвентаря следует связывать с крайней редкостью на данном памятнике каменных изделий вообще. В этом отношении прямую противоположность представляет Чагыллы-Депе — памятник, находившийся ближе к горам, относящийся, правда, уже к позднеджейтунскому времени. Ступки, куранты и зернотерки там были найдены буквально в изобилии.

В условиях сухого и жаркого климата, характерного для района Джейтуна, превосходно сохранились костяные изделия. Однако среди них совершенно нет основ вкладышевых орудий, что заставляет предполагать их преимущественное изготовление из дерева или особую бережливость в обращении с ними. Значительная часть джейтунских костяных орудий является проколками, изготовлявшимися из заостренных расщепленных трубчатых костей. В одном случае заостренный конец слегка обожжен, видимо, для большей крепости изделия. Большинство проколок, особенно в рабочей части, сильно залощено от длительного употребления. Всего на поселении обнаружено 47 проколок и 2 иглы, лишенные ушка. Наиболее распространенным типом проколок были орудия, сделанные на сравнительно широких костях длиной 9—18 см. Заточены они обычно равномерно с обеих сторон (табл. XXVI, *1*, *2*), но иногда вырез, образующий рабочее острие, делался лишь с одной стороны (табл. XXVII, *10*). В тех случаях, когда проколки сохранились полностью, видно, что верхний конец их был плоским — эпифиз удалялся. Таковы же и маленькие (5—6 см) проколки — второй тип (табл. XXVII, *7*). Одна из небольших проколок сделана как двустороннее орудие (табл. XXVII, *4*). Третий тип представлен проколками, у которых эпифиз был сохранен в качестве своеобразного упора. К этому типу принадлежат весьма изящная проколка (табл. XXVI, *4*) и более массивная, представляющая почти половину крупной трубчатой кости (табл. XXVI, *7*). К четвертому типу можно отнести проколки-иглы, подквадратные или овальные в сечении (табл. XXVII, *3*). Даже самые миниатюрные из них не имеют ушка. Возможно, к этой группе следует отнести и обломки, сохранившиеся в виде палочек.

Большой интерес представляют орудия из лопаток животных и первоначально даже не выделявшиеся в общей массе остеологического материала. Между тем оказалось, что число соответствующих изделий весьма велико — вместе с фрагментами 70 экз. Для их изготовления лопатка обламывалась так, что из средней стенки образовывался рабочий край обычно неровных, волнистых очертаний (табл. XXVIII). Рукояточной частью орудия служили эпифиз и утолщенный край лопатки. Специальное изучение соответствующих орудий С. А. Семеновым и Г. Ф. Коробковой показало, что их следует рассматривать как скребки, употреблявшиеся преимущественно для очистки кожи от мездры.[19]

Таким образом, большинство костяных орудий джейтунцев оказывается связанным с кожевенным производством. Это относится и к лощилам для кожи, изготовленным из реберных костей. Едва ли не единственным исключением является массивное долото, обнаруженное к югу от пом. 41.

---

[19] Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 127.

Вторая группа джейтунских изделий, условно названная бытовым инвентарем, представлена, как отмечалось выше, главным образом глиняной посудой. Ее количество еще сравнительно невелико, формы грубы и архаичны, а орнаментация примитивна. Словом, все указывает на первые ступени развития гончарного мастерства, и это впечатление лишь усиливается при более близком знакомстве с соответствующими объектами. Примечательны уже количественные характеристики. При раскопках западной окраины Джейтуна в 1959 г. на площади около 1100 м² было найдено 1076 фрагментов керамики, т. е. в несколько раз меньше, чем изделий из кремня, включая в их число пластины без видимых следов обработки и сравнительно редкие на Джейтуне отщепы. В то же время на таком памятнике позднего энеолита, как Кара-Депе, на площади в 400 м² были обнаружены 5693 фрагмента керамики.[20] На неолитическом Джейтуне глиняный черепок является более редкой находкой, чем кремневое орудие.

Вся глиняная посуда Джейтуна леплена от руки ленточным способом, что хорошо видно по толстостенным сосудам. Поверхность сосудов тщательно заглаживалась, и в отдельных случаях можно говорить о наличии лощеных сосудов. В глину в большом количестве подмешивалась рубленая солома. Наличие нередко в середине черепка черного спека, а на боковых сторонах сосудов более темных и более светлых пятен говорит о том, что в процессе обжига терморегулирование еще не достигло должной высоты. Вместе с тем качество черепка заставляет предполагать, что обжиг производился в примитивных горнах или печах,[21] в частности на «платформе А», находящейся на северной окраине поселка.[22]

По наиболее характерному внешнему признаку всю керамику Джейтуна можно разделить на расписную и нерасписную. Как это обычно для «культур расписной керамики», орнаментированная керамика, количественно уступая нерасписной посуде, является одной из наиболее выразительных черт облика всей культуры. Соотношение этих двух групп может быть представлено табл. 3.[23]

Таблица 3

Участок поселения	Год раскопки	Расписная керамика	Нерасписная керамика	Общее количество
Западная окраина . .	1959	116 (10.7%)	962 (89.3%)	1078
Центральный	1962	$\frac{61}{18}$ (8.8%)	$\frac{634}{137}$ (91.2%)	$\frac{695}{155}$
Восточная окраина . .	1963	$\frac{117}{52}$ (19%)	$\frac{472}{83}$ (81%)	$\frac{589}{135}$
Итого		294 (12%)	2068 (88%)	$\frac{2362}{290}$

Примечание. В дробях числитель — общее количество фрагментов, знаменатель — число венчиков.

Расписная керамика представлена образцами различной цветовой гаммы, что, однако, объясняется главным образом разными условиями обжига. Роспись же производилась, видимо, одной и той же красной краской (следы растирания ее можно видеть на целом ряде каменных орудий) по неангобированной поверхности черепка, приобретавшей после обжига светло-терракотовый или желтовато-рыжий цвет. Изредка встречаются терракотовые черепки. В результате обжига различные оттенки приобретала и роспись. Чаще всего она темно-коричневая или кашт-

[20] В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Депе. СА, 1962, № 3, стр. 167.

[21] В. И. Сарианиди. Керамические горны восточноанауских поселений. КСИА, в. 93, 1963, стр. 84.

[22] В. М. Массон. Джейтунская культура..., стр. 50—51.

[23] В 1958 г. на Джейтуне производился учет лишь расписной керамики.

тановая, реже малиновая или темно-каштановая. Главным объектом для росписи служили цилиндро-конические корчаги различной величины, являвшиеся, видимо, сосудами для хранения. Характерный признак этих сосудов — наличие в придонной части подкоса, иногда приобретающего форму выкружки (табл. XXIX, *23*). Ребро, разделяющее стенки сосуда и скошенную часть, часто сглажено и лишь в единичных случаях выступает с подчеркнутой резкостью (табл. XXIX, *24*). Верхняя часть сосуда обычно цилиндрической формы и заканчивается прямым венчиком (табл. XXIX, *6*, *11*), иногда слегка отогнутым наружу (табл. XXIX, *8*). В единичных случаях встречаются венчики с утолщением в верхней части (табл. XXIX, *4*). Изредка верхняя часть сосудов имеет не цилиндрическую, а слегка коническую форму, с заметным сужением тулова к горловине. По существу из этого вида корчаг развивается форма горшковидных сосудов, появляющихся на среднем этапе джейтунской культуры.

Помимо корчаг другие сосуды, употреблявшиеся джейтунцами, расписывались сравнительно редко. Так, роспись иногда встречается на чашах, обычно имевших подкос в придонной части и сглаженное или угловатое ребро. Еще реже попадаются расписные фрагменты небольших четырехугольных сосудиков — «салатниц». В шурфе на восточной окраине Джейтуна, далеко за пределами застроенной части поселка, была обнаружена часть расписной крупной чаши конической формы (табл. XXX, *17*).

Неудивительно стремление древних гончаров к расписыванию именно корчаг, сравнительно значительная наружная поверхность которых была весьма удобной для нанесения рисунка и построения различных орнаментальных схем. При всей ограниченности элементов росписи и примитивизме общего рисунка в джейтунской керамике можно выделить несколько типов орнаментации; из них многие обнаруживают вполне ощутимые связи с блестящей расписной посудой энеолитической эпохи. На примере джейтунской керамики можно проследить зарождение тех орнаментальных принципов и схем, которые затем во многом определили облик прикладного искусства раннеземледельческих племен.

Едва ли не наиболее распространенным видом орнаментации на Джейтуне была струйчатая роспись. Она представлена волнистыми вертикальными линиями, свободно пущенными по гладкому фону (табл. XXIX, *11*) и лишь в редких случаях переплетающимися друг с другом (табл. XXIX, *16*). Обычно по ребру корчаги, с которого начинался перегиб, проводилась широкая полоса и расписывались стенки сосуда выше этой полосы. В одном случае такая полоса заменена тремя узкими параллельными линиями. Имеются и образцы, где волнистая роспись спускается ниже этой ограничительной линии. Таков, в частности, фрагмент, обнаруженный на восточной окраине Джейтуна. Правда, здесь заметно, что мастер явно делал завершающие мазки, оканчивая волнистые линии своеобразными крючками.

Второй тип джейтунской росписи представлен скобчатой орнаментацией. Она состоит из вертикальных рядов скобочек, образующих несколько горизонтальных поясов. Встречаются различные варианты этой орнаментации — от геометрически организованных (табл. XXIX, *13*) до свободно сдвинутых и как бы напоминающих волнистую роспись (табл. XXIX, *8*). Великолепная крупная корчага с росписью первого варианта была обнаружена во дворе пом. 61. В этом орнаменте уже заложена тенденция к геометрической росписи, определившая дальнейшую линию развития расписной керамики Южного Туркменистана. Иногда скобчатая роспись при стремлении к выпрямлению превращается в сетчатый рисунок. Имеется случай, когда «сдавленные» скобки дали ячеистый орнамент. Корчага с ячеистой росписью интересна в том отношении, что в нижней ее части изображен ряд контурных треугольников — мотив, уводящий нас к росписи раннеэнеолитической керамики Южного Туркменистана (табл. XXXI, *1*). Теоретически вполне вероятно происхождение скобчатой росписи от струйчатого орнамента, но на Джейтуне черепки с соответствующими рисунками представлены почти равным числом образцов. Так, в 1962 г. при раскопках центральных домов поселка было обнаружено 19 фрагментов со скобчатой росписью и 17 со струйчатым орнаментом. Вскрытие восточной окраины, осуществленное в 1963 г., дало 55 фрагментов со скобчатой росписью (в том числе 18 обломков венчиков) и 35 со струйчатым рисунком (в том числе 21 фрагмент венчика).

Третий тип орнаментации джейтунской керамики — сетчатый рисунок. Частосетчатая роспись, генетически восходящая к скобчатому орнаменту, представлена на Джейтуне 1 экз. — уже упоминавшейся чашей из шурфа на восточной окраине поселения (табл. XXX, *17*). Одним сосудом (крупной массивной корчагой) представлен здесь и крупносетчатый рисунок (табл. XXX, *13*). Таким образом, этот тип орнаментации на джейтунской керамике редок и для собственно Джейтуна нехарактерен.

Относительно редки и три следующих типа, но все они свидетельствуют о стремлении внести возможное разнообразие в керамическую роспись. Таков, в частности, четвертый тип — вертикальнополосчатая орнаментация. Судя по имеющимся фрагментам, соответствующий рисунок наносился в основном на чаши с мягким перегибом стенок ко дну. В таком случае по перегибу проводилась тонкая горизонтальная линия, в которую упиралась вертикальнополосчатая роспись (табл. XXXI, *14*). В других случаях подобная орнаментация наносилась на корчаги, у которых по ребру шла широкая полоса. Иногда горизонтальная полоса шла вдоль венчика, чаще с наружной стороны сосуда, но изредка и внутри него. Вертикальные линии бывали сгруппированы так, что между отдельными группами оставалось довольно значительное не заполненное росписью пространство (табл. XXXI, *18*).

Пятый тип джейтунской орнаментации — горизонтальнополосчатая роспись. Фрагментов с росписью одними горизонтальными линиями сравнительно немного, и нет гарантии, что во всех этих случаях перед нами самостоятельный рисунок, а не часть усложненной композиции. Дело в том, что такой тип орнаментации широко использовался джейтунцами для создания фризов, в которых комбинировались простейшие элементы керамической орнаментации. При всей непритязательности эти фризы были важной вехой в искусстве керамической росписи, так как в эпоху энеолита она композиционно в значительной мере основывалась именно на них. Джейтунские фризы орнаментированы главным образом горизонтальнополосчатой росписью, расчлененной вертикальными разделителями. В одном случае роль разделителя играет группа вертикальноволнистых линий (табл. XXXI, *2*); в другом — горизонтальнополосчатый рисунок перемежается рядами вертикальных линий (табл. XXXIV, *4*). Зачастую роль разделителя выполняет просвет, обрамленный по краям одиночными или сдвоенными вертикальными линиями. Иногда в горизонтальнополосчатой росписи пространство между двумя линиями заполняется короткими отрезками косых или вертикальных линий (табл. XXXI, *10*).

Сравнительно редок на Джейтуне шестой тип орнаментации — косополосчатый рисунок. Косые линии обнаружены на внешней стороне одной из чаш (табл. XXXI, *12*), но вообще они встречаются как элемент двусторонней росписи небольших подчетырехугольных в плане сосудов (табл. XXXI, *7*). В одном случае внутри идет роспись горизонтальными линиями, а снаружи косыми линиями, дополнительно перечеркнутыми вертикальной (табл. XXXI, *19*).

Уникальным является орнамент седьмого типа — роспись силуэтными треугольниками (излюбленный мотив раннеэнеолитической посуды типа Анау IБ—Намазга I). К сожалению, величина фрагмента, сохранившего эту роспись, не позволяет восстановить всю композицию в целом (табл. XXXI, *15*).

У нерасписной керамики Джейтуна поверхность обычно буровато-красного или коричнево-бурого цвета. Формы этой керамики маловариабельны. Здесь мы находим главным образом корчаги и чаши. Корчаги иногда имеют резко выраженное ребро в придонной части (табл. XXXII, *3*), в других же случаях их форма близка к сферической — напоминает крупную чашу (табл. XXXII, *4*). Чаши представлены двумя вариантами: с выраженным ребром (табл. XXXII, *6*) и полусферической формы мягких очертаний (табл. XXXII, *5*).

Среди расписной керамики широко распространена форма небольшой корчаги или кубка с небольшим изгибом стенок ниже венчика (табл. XXXIII). Видимо, это были сосуды, предназначавшиеся для питья, тогда как чаши играли роль столовой посуды, а корчаги использовались в качестве посуды для хранения. Все сосуды имели плоское дно обычно с небольшим уступом при переходе к стенкам тулова. Следует отметить, что повсюду уже древнейшая керамика оседлоземледельческих племен с сырцовой архитектурой представлена преимущественно плоскодонными формами, удобство которых,

надо полагать, обусловливалось наличием ровных глинобитных полов.

Оригинальной формой джейтунской керамики являются крупные четырехугольные сосуды, имеющие в плане форму квадрата или прямоугольника (табл. XXXIV, *2*, *3*; XXXV, *1*, *5*). Условно названные салатницами, эти сосуды позднее почти исчезают и лишь в виде исключения встречаются в раннеэнеолитических комплексах.[24] Имеются на Джейтуне и керамические изделия редких форм, полностью реконструировать которые удается далеко не всегда. Такова подставка на цилиндрической ножке (табл. XXXV, *2*). Принадлежность этой подставки именно джейтунскому комплексу первоначально вызывала известные сомнения,[25] однако повторные находки подобных ножек в культурном слое подтверждают ее датировку эпохой неолита. Имеется фрагмент донца, в центре которого изнутри с неясной целью сделан конический выступ. Было обнаружено также изделие в виде полого толстостенного цилиндра, покрытого изнутри темно-красной росписью. К числу редких форм принадлежит и небольшая невысокая плошка (табл. XXXIII). Особый интерес представляют найденные в пом. 18 фрагменты плоских керамических дырчатых плит с невысокими бортиками (табл. XXV, *2*). Это массивные, грубо выполненные изделия с большой примесью самана в тесте. Дно плит снизу ровное и плоское, изнутри вспучено подъемами вокруг отверстий, диаметр которых 1—1.5 см. Фрагменты другого аналогичного, но более тщательно сделанного и миниатюрного изделия показывают, что в плане эти «решета» были овальными. Обломок такого «решета» обнаружен и в западной части поселения.

В заключение описания керамики можно отметить, что уже в пору Джейтуна начал применяться прием ремонта керамики путем просверливания дырок в стенках разбитого сосуда для их последующего скрепления между собой. Овальные отверстия в стенках сосудов, судя по их краям, просверливались кремневыми сверлами, но не вполне ясно, какие могли быть употреблены скрепки. В более позднее время, вплоть до современности, в подобные отверстия вставлялись металлические скобочки, которые затем расплющивались мягкими ударами молотка, а отверстие дополнительно замазывалось мастикой. На Джейтуне же скорее всего употреблялось связывание стенок разбитых сосудов.

В целом керамика Джейтуна поражает своей архаичностью. Малая дифференцированность ограниченного числа форм, непосредственный примитивизм орнаментации, господство грубых толстостенных изделий — все это указывает, что перед нами древнейшие этапы гончарного мастерства. Строго говоря, в нашем распоряжении нет даже данных о том, что жители Джейтуна использовали глиняную посуду для изготовления пищи на огне. Более того, ряд обстоятельств свидетельствует о противоположном. Так, на Джейтуне совершенно нет сосудов типа котлов. На всем поселении не оставлено ни одного черепка, состав которого (примесь в тесте дресвы) указывал бы на подобное назначение соответствующего сосуда. В раннеэнеолитических комплексах котлы этого типа распространены уже весьма широко. Нет на Джейтуне и сосудов, характерная закопченность которых указывала бы на их использование в качестве котлов, помещаемых над огнем. Встречающиеся отдельные закопченные черепки, как правило, покрыты копотью как с наружной, так и с внутренней стороны и приобрели эту закопченность уже во фрагментированном состоянии — обычно в результате пребывания в золистом слое. Вместе с тем на Джейтуне повсеместно, и чаще всего в пределах жилых домов около очагов-каминов, находятся обгоревшие и растрескавшиеся камни. Как известно по этнографическим данным, камнями, раскаленными в пламени костра или очага, нагревают жидкости в деревянных и кожаных сосудах. Систематический характер находок подобных камней на Джейтуне и отсутствие в джейтунском керамическом комплексе котла специализированного типа позволяет считать, что здесь еще употреблялся этот архаический прием варки пищи. Приготовление пищи при помощи нагретых камней было широко распространено в докерамическом неолите Перу, где на поселениях обожженные гальки встречаются буквально тысячами.[26]

[24] В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961), стр. 345.

[25] В. М. Массон. Джейтунская культура..., стр. 60—61.

[26] D. Collier. The Central Andes. Courses Toward Urban Life. VEPA, № 32, 1962, p. 168.

Вполне вероятно, что отдельные формы глиняной джейтунской посуды восходят к соответствующим изделиям докерамического периода. Так, весьма архаично выглядят четырехугольные «салатницы», нехарактерные для гончарного мастерства, стремящегося к созданию округлых форм. Скорее всего массивные глиняные «салатницы» Джейтуна подражают каким-то сосудам некерамического характера — деревянной колоде или плетеной корзине.[27] Возможно, в какой-то мере подражанием фактуре плетеных изделий является и скобчатая роспись джейтунских корчаг. Материалы Ближнего Востока ясно свидетельствуют о широком распространении в докерамический период сосудов из камня. Они известны в иерихонском неолите,[28] в изобилии найдены на североиракском Джармо.[29] А находки в Хаджиларе ясно свидетельствуют о подражании древнейших керамических сосудов как по форме, так и по фактуре каменным прототипам.[30] К сожалению, для южнотуркменистанских памятников подобные данные пока отсутствуют. Как уже отмечалось, на расположенном вдали от гор Джейтуне находки каменных изделий вообще представляют большую редкость. Вполне возможно также, что ограниченность сырьевой базы Копетдага, где преобладают грубые песчаниковые породы, заставляла местные племена обращаться при изготовлении сосудов к менее трудоемким и более удобным материалам.

Интересна и форма джейтунских корчаг, предназначавшихся для хранения продуктов и представлявших собой, как мы видели, сосуд с туловом, близким к цилиндрическому и с подкошенной придонной частью. Такой подкос имеют почти все древнейшие сосуды для хранения на Ближнем Востоке. Раскопки Хассуны ясно показывают, что как раз до ребра, разделяющего подкос и тулово, эти сосуды закапывались в землю.[31] Тем самым такие крупные сосуды как бы сохранили связь со своими предшественниками — вырытыми в земле ямами, имевшими обожженные стенки. Обломки обмазки от ям обнаружены на Джармо в слоях, еще не содержащих глиняной посуды. Позднее, с появлением керамики, такие ямы-хранилища постепенно исчезают. На Джейтуне обнаружена всего одна яма этого типа. Возможно, подобные ямы, стенки которых покрывались обмазкой из глины, смешанной с рубленой соломой и затем обжигавшейся, натолкнули человека на идею изготовления хранилища из одной обмазки, т. е. из обожженной глины. Для Ближнего Востока это один из наиболее вероятных путей возникновения керамики, подсказываемый конкретными материалами, имеющимися в распоряжении археологов.

Такова общая характеристика второй группы изделий, обнаруженных в Джейтунском поселке. Глиняная посуда Джейтуна, неся, с одной стороны, черты глубокого архаизма, свидетельствует вместе с тем о зарождении и прогрессе нового вида производства — гончарного мастерства. К нему уже на этой ранней стадии развития начали предъявлять требования эстетического характера, нашедшие свое отражение в примитивной росписи. Прочное введение в быт глиняной посуды открывало возможности дальнейшего разнообразия в изготовлении и потреблении продуктов питания, явственно отражая возрастающее благосостояние общества. Еще в большей мере с последним фактором связана третья группа джейтунских изделий, к характеристике которой мы и переходим.

Среди них прежде всего следует остановиться на предметах украшения, представленных бусами и различными подвесками. Следует иметь в виду, что на Джейтуне не обнаружено ни погребений, в которых умершие отправлялись бы в последний путь в богатом убранстве, ни остатков непотревоженной мастерской, ни кладиков вещей, особо ценившихся обитателями Джейтуна. Обнаруженные украшения принадлежат

---

[27] Поразительно близка прямоугольным салатницам Джейтуна плетеная корзина из Фаюма (см.: Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, табл. III, *а*; G. Caton-Thompson, E. W. Gardner. The Desert Fayum. London, 1934, pl. XXIX, *1*).

[28] K. Kenyon. Diggings up Jericho. New York, 1957, p. 57.

[29] Здесь только в сезон 1950—1951 гг. были обнаружены фрагменты по крайней мере 350 каменных сосудов (см.: R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Inverstigatios in Iraqi Kurdistan. SAOC, № 31, 1960, p. 45).

[30] J. Mellaart. Excavations at Hacilar. First Preliminary Report. AS, v. VIII, 1958, p. 143.

[31] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. JNES, v. IV, 1945, № 4, fig. 33.

к числу потерянных вещей или вещей, сломанных еще в древности и тогда же выброшенных за ненадобностью. Но даже в таком виде они свидетельствуют о значительном разнообразии продукции неолитических ювелиров.

По количеству находок первое место занимают бусы. Видимо, ожерелья были наиболее популярным украшением у местных племен. Уже в пору мезолита на Ближнем Востоке, как можно судить по материалам погребений, распространилась мода носить бусы-пронизки на одежде или обильно украшать ими головной убор.[32] Как показали раскопки могильника Кайлю на Красноводском полуострове, произведенные А. П. Окладниковым, эти традиции процветали в Южном Туркменистане и в неолитическую эпоху. Здесь мелкие бусы располагались на черепе погребенных, являясь, видимо, частью украшения головного убора. Крупные бусы, выделанные из раковин, охватывали широким кольцом правую половину туловища и правое бедро погребенных.[33]

Разумеется, отнюдь не все члены раннеземледельческих обществ носили столь пышные украшения, находившиеся, надо полагать, в личной собственности. Так, на поселении Тепе-Гуран VII—VI тыс. до н. э., расположенном на юго-западе Ирана, украшения найдены лишь в двух могилах. Да и то в одном погребении это было несколько подвесок из просверленных зубов животного, в другом — маленькая бусина из раковины.[34]

В удаленном от моря Джейтуне более широко были распространены бусы, изготовлявшиеся из камня и кости. Так, часто встречаются костяные бусы, получаемые путем распиливания на отрезки мелких трубчатых костей. Были найдены части таких костей со следами отпила (табл. XXXVI, *17*). Бусы эти имели различную форму, но преобладающим видом можно считать мелкие удлиненные пронизки (табл. XXXVI, *1—7*). Иногда бусина приобретала форму кольца. Особенно эффектны были бусы, украшенные поперечными надрезами-желобками (табл. XXXVI, *9*). Из белого камня изготовлялись мелкие бусины в виде колечек, по величине близкие к бисеру (табл. XXXVII, *5*). Они вследствие своей величины особенно часто терялись обитателями Джейтуна. Известны и более крупные бусины такой формы (табл. XXXVII, *21*). Из этого же материала изготовлялись и крупные бусины цилиндрической формы (табл. XXXVII, *15*). Любопытным образчиком неудачи джейтунских камнерезов является крупная цилиндрическая бусина из белого камня, в которой, несмотря на двустороннее сверление, так и не удалось сделать сквозное отверстие, а сама бусина раскололась (табл. XXXVIII, *3*). На Джейтуне была найдена также уплощенно-цилиндрическая бусина, сделанная из бирюзы (табл. XXXVII, *14*).

Встречаются на Джейтуне и бусы, изготовленные из раковин. Таковы крупные бусины из раковин каспийских моллюсков (табл. XXXVIII, *8*), мастерская по производству которых была раскопана около мыса Куба-Тенгир.[35] Широкому распространению этих бус в Средней Азии было посвящено специальное исследование.[36] Еще более далекий путь проделали раковины-каури, которым при изготовлении бус спиливали спинку (табл. XXXVIII, *6*, *7*). По определению И. А. Коробкова, раковины-каури, обнаруженные на Джейтуне, происходят скорее всего из Индийского океана. Впрочем, как известно, украшения из раковин, привлекавшие своим изысканным видом древних людей, перемещались в результате обмена на весьма значительные расстояния.[37] Не исключено, что на Джейтуне раковины-каури играли роль скорее амулетов, чем украшений. Видимо, аналогично назначение и некоторых каменных подвесок, обнаруженных в нашем поселке. Таковы, в частности, подвески, изготовленные из белого с темными прожилками камня, подражающие по форме клыкам хищника (табл. XXXVII, *4*).

---

[32] D. Garrod, D. Bate. The Stone Age of Mount Carmel. Oxford, 1937, pl. XIV.

[33] А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении. ИАН ТССР, 1953, № 2, стр. 31—32; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, стр. 65.

[34] J. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe Guran, Luristan. Acta archaeologica, v. XXXIV, 1964, p. 42.

[35] А. П. Окладников. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении. КСИИМК, в. XXVIII, 1949, стр. 69—70.

[36] А. В. Виноградов. Неолитические украшения из створок раковин Didacna. КСИИМК, в. LIX, 1955.

[37] Д. Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 242—243.

В качестве подвесок, возможно, игравших роль амулетов-оберегов, употреблялись также фигурки животных, выточенные из камня. Одна подвеска шлифованного камня, вероятно, передавала сидящую человеческую фигуру (табл. XXXVIII, *10*). Во всяком случае именно таков облик схематизированных терракотовых фигурок людей, находимых на более поздних памятниках Южного Туркменистана.[38] Но имеются подвески и более реалистического скульптурного решения. Это прежде всего голова барана (табл. XXXVIII, *11*) со следами двух отверстий. Надо полагать, что излом камня около одного из них побудил к высверливанию второго. Что такие поломки были сравнительно частым явлением, свидетельствуют две другие миниатюрные подвески, изображавшие целую фигуру животного (табл. XXXVIII, *14, 15*). У обеих еще в древности отломались головы, и они были выброшены. Несовершенные инструменты джейтунцев позволяли делать лишь сравнительно крупные отверстия в этих миниатюрных подвесках, что и придавало им большую хрупкость. Трудно судить, какое именно из четвероногих животных имели в виду обитатели Джейтуна, выделывая эти подвески. На одной из них изображен даже небольшой хвост животного, загнутый на спину (табл. XXXVIII, *15*).

В отличие от этих вещей определение назначения других видов каменных подвесок не всегда может быть произведено с должной уверенностью.

Вызывает разногласие трактовка сделанных из камня плоских колесиков и прямоугольников (табл. XXXIX, *5—9*). В первоначальной публикации материалов Джейтуна они ввиду малого веса были отнесены к числу украшений.[39] Г. Ф. Коробкова предпочитает видеть в колесиковидных поделках примитивные пряслица.[40] К этой же точке зрения склоняется О. К. Бердыев.[41] Такая трактовка, однако, не объясняет наличия аналогичных изделий подпрямоугольной и подквадратной формы. Разумеется, определение этих дисков как украшений отнюдь не исключает возможности зарождения ткачества уже в пору джейтунской культуры. Раскопки неолитических поселений в Малой Азии и археологические материалы Нового Света, к которым мы еще вернемся в последующем изложении, убедительно свидетельствуют о существовании ткачества в эту эпоху развития человеческого общества.

Несколько особняком стоит плоская поделка из белого камня с двумя отверстиями (табл. XXXVIII, *9*). Близкие по форме изделия из створок раковин известны в Луке-Врублевецкой и Мариупольском могильнике, где, по предположению исследователей, они служили в качестве нашивных украшений одежды.[42] Не исключено, что таково было назначение и предмета, обнаруженного на Джейтуне.

С нашей точки зрения, с ростом благосостояния и увеличением досуга раннеземледельческих племен связана и другая группа изделий, обнаруженных при раскопках Джейтуна. Мы имеем в виду так называемые терракотовые поделки, к которым примыкает также ряд изделий из камня. По форме среди них могут быть выделены пять основных типов. Первый тип образуют поделки в виде усеченных конусов (табл. XL, *13—15*). Их верхняя поверхность обычно плоская, но иногда она слегка вогнута. Снизу, а подчас также сверху и с боков эти поделки (в тех случаях, когда они хорошо сохранили фактуру) сильно залощены. Во дворе пом. 41 была найдена поделка аналогичной формы, но сделанная не из глины, а из камня светло-коричневого цвета с черными прожилками (табл. XXXVII, *9*). Вариантом этого типа можно считать поделки в виде удлиненного цилиндра. Ко второму типу относятся изделия цилиндро-конической формы. Иногда конус выражен резко (табл. XL, *17*), иногда более уплощен, и в таком случае поделки весьма близки изделиям третьего типа (табл. XLI, *9*). Следует отметить, что многие изделия этого типа также залощены в верхней части, видимо, от длительного употребления. Третий тип образуют поделки с полусферическим навершием, также обычно сильно заполированным. В данных случаях корпус их имеет цилиндрическую

[38] В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, табл. XIII, *11—14*.

[39] В. М. Массон. Джейтунская культура..., стр. 63.

[40] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 10.

[41] О. К. Бердыев. Неолит Новой Нисы. СА, 1965, № 2, стр. 239.

[42] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 200, рис. 38, табл. 71, *м*.

форму (табл. XL, *10*), в других же в основании проходит широкая ложбинка (табл. XLI, *15*). Видимо, именно этот вариант представлен двумя целыми и одним фрагментированным изделиями, изготовленными из камня с тщательно отшлифованной поверхностью. В этой группе изделий имеются как более массивные, так и миниатюрные экземпляры. Четвертая группа представлена конусовидными поделками удлиненных пропорций (табл. XL, *1—5*). Здесь, как, впрочем, и в других группах, встречаются и тщательно выделанные экземпляры, и наспех сделанные образцы. Наконец, к пятой группе отнесены конусы приземистых пропорций (табл. XL, *16*). Поделки этого рода малочисленны и, возможно, представляют собой не более как вариант предшествующей группы.

Изделия аналогичных форм широко представлены в раннеземледельческих комплексах Старого Света и хорошо известны археологам. Однако среди исследователей нет единодушия по поводу их назначения. Р. Гиршман, описывая поделки из Сиалка, аналогичные нашим изделиям первого и четвертого типов, определяет их как ступочки для румян, имея в виду прежде всего каменные изделия.[43] В Джейтуне же, как мы видели, решительно преобладают керамические поделки, ступковидное углубление встречается редко и бывает, как правило, слабо выраженным. Иногда подобные поделки именуются затычками для носа,[44] а в других случаях — печатями-пинтадерами.[45] Между тем уже С. Н. Бибиков, рассматривая аналогичные изделия из раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая, писал: «Небольшие размеры конусиков и малая вероятность использования их в практических целях позволяет высказать предположение, что они служили в качестве игральных фишек».[46] К такому же заключению пришли С. А. Семенов и Г. Ф. Коробкова, тщательно исследовавшие джейтунские поделки в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР.[47]

В Египте известен миниатюрный терракотовый столик, на котором по поверхности, расчерченной на квадраты, расставлялись аналогичные глиняные конусы.[48] Скорее всего перед нами одна из излюбленных игр ранних земледельцев Ближнего Востока и связанных с ним областей. Правда, на памятниках джейтунской культуры терракотовые «доски» для игры, подобные египетским, пока не обнаружены. Возможно, здесь обходились расчерченным участком земли, подобно тому как это можно наблюдать у современных туркмен, использующих в виде фишек не специальные поделки, а небольшие камешки или черепки. Интересно отметить, что в периферийных районах раннеземледельческой ойкумены, как например в Триполье, фишки представлены лишь одним видом — глиняными конусами. Однако пока трудно судить, чем вызвано разнообразие форм джейтунских поделок — необходимостью различать фишки партнеров или особым значением, приписывавшимся фигурам различных форм. Учет джейтунских фишек по выделенным типам как будто не позволяет говорить о резко различном численном соотношении тех или иных фигур, за исключением крайне малочисленных конусов (табл. 4). Для представления о широком распространении соответствующих изделий к итоговой цифре нужно добавить 4 фрагмента оснований соответствующих изделий, точная классификация которых затруднительна. Следует отметить, что сосредоточение на одном участке поселения находок каменных поделок (двор пом. 41 и прилегающие с севера подсобные строения), возможно, указывают на происхождение их из одного «набора».

Можно полагать, что относительно устойчивый характер оседлоземледельческой экономики, лежащей в основе джейтунской культуры, предполагал систематическое наличие известного досуга у обитателей неолитических поселков, особенно в зимнюю пору, досуга, заполняемого, в частности, различными играми. Эти игры, так же как и ряд других явлений неолитической эпохи,

---

[43] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I. Paris, 1938, pp. 26—31, 37—39.

[44] R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch I. The Earlier Assemblages. OJP, v. LXI, 1960, p. 84.

[45] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 45.

[46] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая..., стр. 201.

[47] Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 130.

[48] E. R. Ayrton, W. L. Laat. Pre-dinastic Cemetry Tell Mahasha. London, 1911, pl. XVII, *1*.

Таблица 4

Тип	Форма	Терракота	Камень	Всего
I	Усеченный конус	27	1	28
II	Цилиндро-коническая	19	—	19
III	С полусферическим навершием . .	16	3	19
IV	Удлиненно-вытянутый конус . . .	16	—	16
V	Простой конус	6	—	6
	Итого	84	4	88

восходят еще к поре мезолита. Во всяком случае в мезолитических наслоениях Гари-Камарбанда было обнаружено несколько конусов из необожженной глины, вызвавших удивление исследователя.[49] Сохранение традиций подобных игр в пору энеолита можно отметить для Южного Туркменистана по находкам в соответствующих памятниках фишек в виде конусов как из необожженной глины,[50] так и из камня.[51]

Нам осталось остановиться на мелкой пластике Джейтунского поселка. Соответствующий материал сравнительно зауряден и количественно невелик, отражая, надо полагать, рядовое положение Джейтуна среди прочих памятников раннеземледельческих племен. На существование сравнительно крупных антропоморфных статуэток указывает находка головки (табл. XLI, *1*), выполненной в условно-плоскостной манере, со схематическим изображением носа, бровей и нависающего подбородка.[52] Среди других образцов выделяется торс миниатюрной женской фигурки с коническими грудями, одна из которых отбита (табл. XLII, *1*). К сожалению, по сохранившейся части статуэтки трудно сказать, изображала она сидящую или стоящую женщину, что имеет важное значение для изучения эволюции этого образа в пору энеолита. Насколько можно судить по имеющимся 'находкам, в раннем энеолите (Намазга I) преобладали именно стоящие фигурки, впоследствии сменившиеся сидящими. Вместе с тем в эпохально близких Джейтуну памятниках Ближнего Востока (Джармо, Хассуна, Хаджилар, Чатал-Гуюк) повсеместно распространены статуэтки женщин в сидящей позе. Возможно, к антропоморфной скульптуре примыкает группа глиняных фигурок с конусовидным основанием, в верхней части которых иногда как будто можно усмотреть изображение сидящего человека. Терракотовая скульптура с коническим основанием известна по материалам Джармо, где на это основание помещалось изображение головы.[53]

Более обширна и разнообразна коллекция зооморфной пластики Джейтуна. Найденные здесь фигурки животных представлены экземплярами как из обожженной, так и из необожженной глины. Их исполнение носит черты схематизма и небрежности, но отдельные статуэтки сделаны с определенным реалистическим мастерством. Так, одна из статуэток, видимо, изображала козла с характерной бородой (табл. XLII, *4*). Со значительным мастерством сделаны и рога, принадлежащие несохранившимся фигуркам животных (табл. XLII, *5*, *6*). Примечательно, что на Джейтуне среди фигурок, поддающихся убедительной интерпретации, мы находим в основном статуэтки козлов, тогда как на памятниках более позднего времени появляются изображения и крупного рогатого скота одновременно с появлением соответствующих особей в составе до-

[49] C. S. Coon. Cave Explorations in Iran, 1949. Philadelphia, 1951, p. 75.

[50] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961), табл. XI, *6*, *7*.

[51] В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, табл. XXIII, *8*.

[52] А. Я. Щетенко. Терракотовая головка с поселения Джейтун. ИАН ТССР, 1960, № 4.

[53] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations..., pl. 16, *14*, *15*. При учете вышесказанного о терракотовых поделках возникает вопрос — не являются ли подобные фигурки специализированными фишками.

машнего стада.[54] В джейтунской коллекции имеется статуэтка, изображающая зверька с длинным вытянутым туловом, напоминающего куницу, один из видов которой («перевязка») до настоящего времени встречается в пустынных степях Южного Туркменистана (табл. XLI, *3*).

Весьма интересно, что многие необожженные фигурки животных имеют отверстия, сделанные заостренной палочкой или костью (табл. XLII, *12*, *14*). Вероятно, эти «колотые раны» явились следствием магических обрядов, совершавшихся над статуэтками. Можно предположить, что охотники, желая обеспечить удачный промысел, изготовляли глиняные фигурки и тут же совершали над еще непросохшими статуэтками соответствующие магические действия. Этим скорее всего объясняется и разница в художественном исполнении скульптур, изготовлявшихся разными лицами в меру их способностей. На позднеджейтунском памятнике Чагыллы-Депе найдена даже глиняная фигурка вместе с воткнутым в нее обломком заостренной кости.[55] Обожженные статуэтки, вероятно, были фетишами иного рода и предназначались для длительного хранения и многократно повторяющихся церемоний. С повышением роли скотоводства магические обряды, возможно в виде культа плодородия, были распространены и на домашних животных.

Таким образом, найденные на Джейтунском поселении предметы образуют достаточно обширную коллекцию, характеризующую, хотя и с разной степенью полноты, целый ряд сторон производственной деятельности, быта и идеологических воззрений его обитателей. Вместе со вскрытыми на Джейтуне строениями они образуют достаточно надежную фактологическую базу для решения проблем, связанных с исторической интерпретацией этого важнейшего памятника. Но прежде чем обратиться к этим проблемам, в первую очередь к вопросам реконструкции экономики и общественных отношений, необходимо остановиться на хронологии как самого Джейтуна, так и всей джейтунской культуры в целом.

[54] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, стр. 23.

[55] Там же, стр. 23.

ГЛАВА 3. ПАМЯТНИКИ ДЖЕЙТУНСКОГО ТИПА И ИХ ХРОНОЛОГИЯ

Джейтунское поселение уже не является единственным памятником, характеризующим культуру неолитических земледельцев Южного Туркменистана. Целый ряд других поселений большей или меньшей величины облекает осязаемой плотью понятие джейтунской культуры и способствует выяснению ее эволюции и исторической судьбы. В настоящее время известно 13 пунктов с нахождением материалов джейтунского типа.[1] На трех поселениях — Бами, Тоголок-Депе и Монджуклы-Депе — соответствующие слои пройдены стратиграфическими шурфами. Три других памятника — Чопан-Депе, Чагыллы-Депе и сам Джейтун — раскопаны в весьма значительных масштабах. Естественно, что такая степень изученности позволяет с известной уверенностью делать общие заключения и выводы. Территориально памятники распадаются на три группы. К западной относятся поселения Бами (у одноименной станции Ашхабадской железной дороги) и Найза-Депе (между станциями Бами и Кодж). Сюда же тяготеют и находки джейтунской керамики у колодца Бага, расположенного в 30 км к северо-западу от Кизыл-Арвата. Наиболее многочисленны памятники центрального района. Это прежде всего сам Джейтун, Чопан-Депе и Тоголок-Депе, расположенные в Геюк-Тепинском районе, а также находки материала джейтунского типа на Новой Нисе, у станции Келята, на колодцах Кепеле, Кантар и Ярты-Гумбез к северу от Анау. Ниже мы кратко остановимся на характеристике памятников, подвергавшихся помимо Джейтуна археологическим раскопкам. Все они содержат остатки глинобитной архитектуры и представляют собой оплывшие холмы, известные в среднеазиатской литературе под названием «тепе» или со звонкой западнотюркской огласовкой — «депе».

Таким наиболее западным джейтунским тепе является поселение у Бами.[2] Оно пред-

[1] С. А. Ершов. Холм Чопан-Депе. ТИИАЭ, т. II, 1956, стр. 20—22; О. К. Бердыев. 1) Южная Туркмения в эпоху неолита. Автореф. дисс. Ашхабад, 1965, стр. 4—5; 2) Стратиграфия Тоголок-Депе в связи с расселением племен джейтунской культуры. СА, 1964, № 3, стр. 275—276.

[2] О. К. Бердыев. Стратиграфия Бамийского поселения. СА, 1963, № 4, стр. 188—194.

ставляет собой холм размером около 130×30 м, расположенный в 2 км к западу от станции Бами. Холм этот лишь незначительно возвышается над окружающей поверхностью, уровень которой со времени VI—V тыс. до н. э. поднялся на несколько метров. В верхней части холма, прорезанного шурфом, были отмечены остатки средневековых строений. Ниже них находились галечные отложения почти метровой толщины, перекрывающие слои джейтунского времени (рис. 8, *Б*). В этих слоях, мощность которых достигает несколько более 2 м, отмечено пять строительных горизонтов. Нижний представляет собой нечто вроде глинобитной вымостки, располагавшейся непосредственно на материке, сверху обожженной и покрытой золой. Обломки глиняных блоков, подобных материалам Джейтуна, указывают на наличие где-то поблизости глинобитных строений. Возможно, слой Бами 1 — это остатки нивелировочной забутовки, чем объясняется и его незначительная толщина (10 см). Следующий слой — Бами 2 — уже бесспорно обособленный строительный горизонт. В пределах шурфа он представлен глиняной обмазкой толщиной 5—7 см, сохранившей на поверхности следы красной охры. Последний признак по аналогии с Джейтуном заставляет предполагать, что в данном случае мы имеем дело с остатками пола жилого дома. Отмечается наличие в полу очага, сделанного в виде углубления, — явление, несколько необычное для джейтунских домостроительных традиций. Мощность этого слоя достигает 55 см, т. е. приблизительно той же величины, что и строительные остатки в стратиграфических разрезах Джейтуна.

В третьем слое Бами уже встречены остатки самих строений в виде каменной кладки шириной 40 см и высотой до 17 м. В пределах шурфа в этой кладке отмечен проход, а пол, как и раньше, представлен глиняно-саманной обмазкой. Скорее всего в данном случае мы имеем дело с каменным фундаментом глинобитных стен, явлением совершенно нехарактерным для Джейтуна, где соответствующий строительный материал отсутствовал. Толщина слоя Бами 3 дает почти ту же стандартную цифру — около 50 см.

Несколько более значителен по мощности слой Бами 4 — 60—65 см. Здесь в пределах шурфа отмечены остатки стены, возведенной из глиняных блоков и сохранившейся в высоту на 20 см. Ширина стены 30 см, т. е. такая же, как и у большинства строений Джейтуна. На глиняно-саманном полу сохранилась углистая прослойка.

Пятый строительный горизонт — слой Бами 5 — представлен лишь глиняной промазкой пола толщиной 5—7 см, слегка припорошенной серой золой. На уровне этого пола были обнаружены очаги, описания которых не сохранились. Горизонт Бами 5 перекрыт упоминавшимся выше галечным слоем, в котором обнаружены черепки поры раннего энеолита и поздней бронзы. К сожалению, в ходе раскопок не было обращено должного внимания на характер сопряжения этого галечника с культурными наслоениями. Судя по мощности слоя Бами 5 (около 50 см), он представляет собой обычный строительный горизонт джейтунской культуры. В таком случае можно считать, что селевые наносы перекрыли оплывающий холм древнего поселения, уже оставленного его обитателями. Весьма существенно обнаружение в галечнике керамики типа Анау IA.[3] На раннеэнеолитическом поселении этого времени — Чакмаклы-Депе, расположенном в районе Меаны-Чаачи, обнаружен перерывающий культурные горизонты прослой чистой аллювиальной глины. По справедливому заключению Г. Н. Лисицыной, этот прослой связан с крупным наводнением, возможно, катастрофического характера.[4] Не говорят ли оба этих факта о наступлении на северной прикопетдагской равнине в пору Анау I этапа повышенного увлажения, своеобразного микроплювиала? В специальной литературе уже ставился вопрос о наличии фазы увлажнения на общем фоне пустынного климата, характеризующего постхвалынское время.[5] Изменение гидрологического режима могло существенным образом сказаться и на топографии поселений раннеземледельческих племен, вынуждаемых в ряде случаев менять места обитания.

Имеющиеся данные позволяют рассматривать Бамийское поселение как памятник

---

[3] Там же, стр. 193.

[4] Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965, стр. 152.

[5] М. К. Граве. Северная подгорная равнина Копетдага. М., 1957, стр. 118—119.

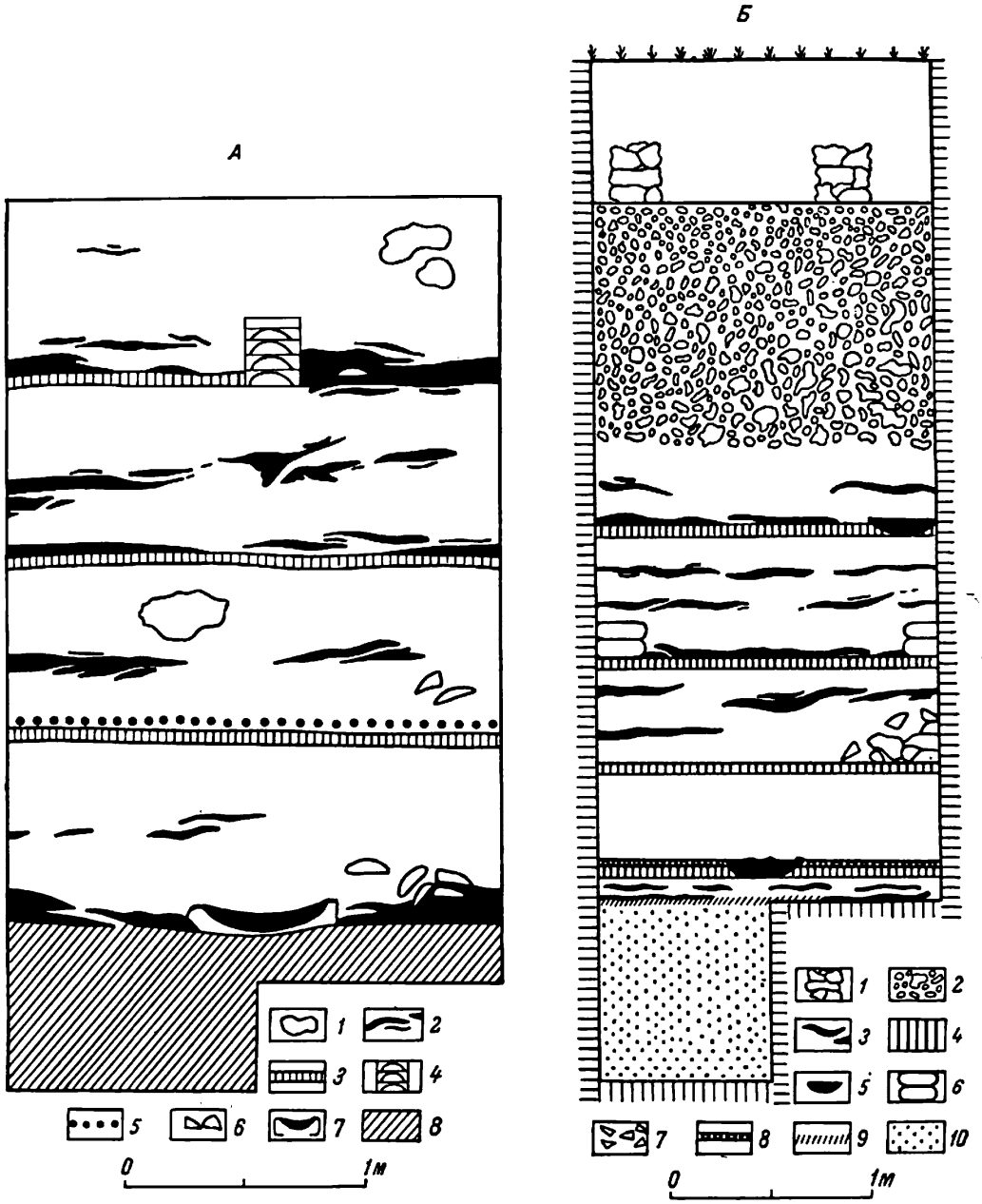

Рис. 8. Разрезы шурфов на поселениях Бами и Тоголок.

А — стратиграфия поселения Тоголок: *1* — камни; *2* — зола; *3* — обмазка пола; *4* — стены; *5* — алебастровая штукатурка; *6* — завалы; *7* — очаг; *8* — материк. *Б* — стратиграфия Бамийского поселения: *1* — каменная стена; *2* — галечный слой; *3* — зола; *4* — обмазка пола; *5* — очаги; *6* — стена из глинобитных блоков; *7* — развал глинобитных блоков; *8* — охра; *9* — обожженная глина; *10* — материк.

джейтунской культуры, существовавший в течение по крайней мере четырех строительных периодов (Бами 2—5). Примечательно, что наиболее ранний из горизонтов — Бами 2 — имеет четко выраженные джейтунские традиции в виде окраски пола, хотя и без известковой обмазки, в красный цвет. Разумеется, ограниченные размеры шурфа (3×2 м в верхней части и 2×2 м в нижней) не позволяют судить о планировке древних строений.

Вторым поселением, подвергшимся стратиграфической шурфовке, является Тоголок-Депе. Оно принадлежит к числу памятников центральной группы и находится на землях селения Орта-Яйлы Геок-Тепинского района. Остатки раннеземледельческого поселка почти полностью перекрыты руинами раннесредневекового замка, занимающего площадь около 3000 м². В шурфе, заложенном у подножия холма, мощность наслоений джейтунского времени достигает 3 м. Здесь выделены четыре строительных горизонта.

При продолжении в 1967 г. раскопок на этом памятнике три верхних строительных горизонта были вскрыты уже на большей площади.[6] Самый древний из этих горизонтов, лежащий непосредственно на материке, представлен лишь прослойкой глинобитного пола, покрытого толстым слоем золы (рис. 8, *А*). Здесь обнаружен разрушенный очаг. Хотя его конструкция осталась неустановленной, совершенно ясно, что он отличен от джейтунских очагов-каминов. Возможно, на уровне первого строительного горизонта шурф пришелся на хозяйственный участок или строения, располагавшиеся вне площади жилых домов. Относительно слоя Тоголок 2 нет сомнений в том, что именно жилой дом был частично захвачен раскопками: глинобитный пол здесь покрыт известковой обмазкой, аналогичной покрытию полов джейтунских строений. В углу шурфа даже были обнаружены остатки кладки стены, возведенной из характерных глиняных блоков. Около стены находилось углубление в полу, названное исследователями очагом, а рядом отмечены отпечатки тростниковой циновки. Пол следующего строительного горизонта — Тоголок 2 — опять представлен лишь глиняно-саманной обмазкой, слегка припорошенной золой (аналогичные полы отмечены и в ряде жилых домов Джейтуна). Наконец, в самом верхнем строительном горизонте шурфом была прорезана глинобитная стена толщиной около 20 см. От нее отходил глиняно-саманный пол, сохранивший отпечатки тростниковой циновки. У наружной грани стены отмечено значительное скопление золы. При последующих раскопках на Тоголок-Депе в первом и втором строительных горизонтах было открыто по одному жилому дому стандартной джейтунской планировки (рис. 9). Пол домов покрыт глиняной обмазкой, поверх которой в одном случае была выстлана тростниковая циновка. Интересно наличие в доме первого горизонта не одного, а трех хозяйственных отсеков в пределах помещения. Рядом с домами располагались хозяйственные строения, из которых наибольший интерес представляет сооружение из параллельных отрезков стен, аналогичное джейтунским основаниям для помостов. Часть жилого дома с полом, покрытым циновкой, была вскрыта и в третьем строительном горизонте. Вместе с тем наличие пола с алебастровым покрытием указывает на значительную близость с архитектурой Джейтуна, большую даже, чем для материалов Бами, где такие полы отсутствовали совершенно.

Третьим памятником джейтунской культуры, на котором производились раскопки, является Чопан-Депе, расположенное в 7.5 км к востоку от Геок-Тепе — райцентра Ашхабадской области. Этот район сравнительно густо насыщен различными археологическими памятниками. Так, упоминавшееся выше Тоголок-Депе находится от Чопан-Депе всего в 4—5 км. Еще ближе расположено энеолитическое поселение Тилькин-Депе, где в слоях времени Намазга II были встречены крупные обломки хумов позднеджейтунского времени, использованные для обкладки стен глинобитных отсеков и закромов. Подобная практика отмечена на ряде энеолитических памятников подгорной полосы.[7] Правда, обычно энеолитические земледельцы использовали для этой цели глиняную посуду, бывшую у них в повседневном употреблении, тогда как

[6] О. К. Бердыев. 1) Стратиграфия Тоголок-Депе..., стр. 272—274; 2) Изучение памятников эпохи неолита. В сб.: Каракумские древности, в. I, Ашхабад, 1968, стр. 12—15.

[7] В. М. Массон. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. САИ, В3—8, ч. II, 1962, стр. 8—9.

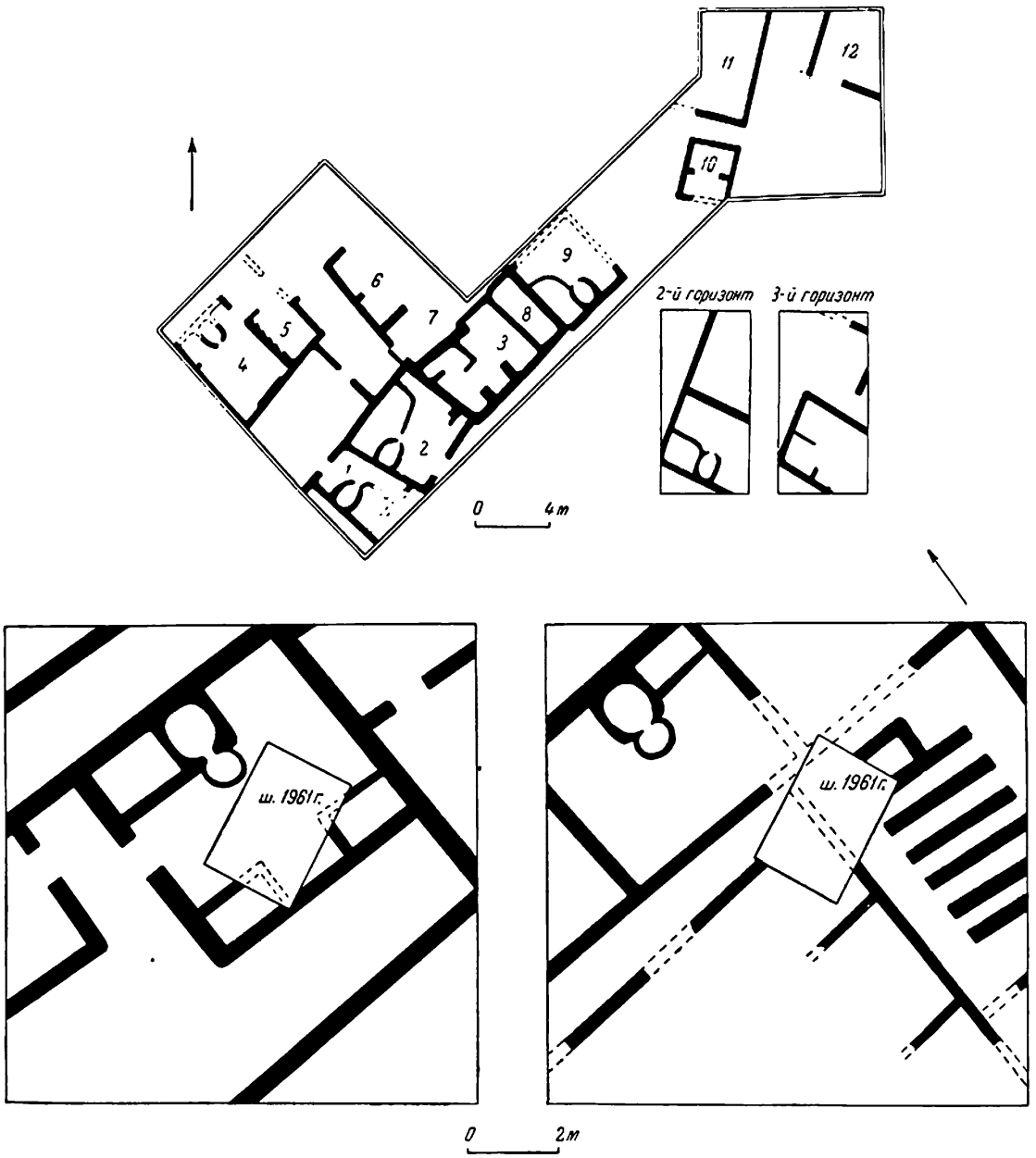

Рис. 9. Планы строений, вскрытых на Чопан-Депе и Тоголок-Депе.

в данном случае обитатели Тилькин-Депе принесли интересующий их строительный материал с руин соседнего неолитического поселения.[8]

Остатки самого поселения Чопан-Депе в настоящее время представляют собой сильно оплывший холм высотой около 5 м, вытянутый с юго-запада на северо-восток на 180 м. В целом его площадь несколько менее 2 га. Расположено Чопан-Депе на подгорной равнине в 3—4 км к югу от первой песчаной гряды Каракумов. Из всех известных в настоящее время памятников джейтунской культуры Чопан-Депе является наиболее крупным, что, возможно, соответствует большому значению этого поселения и в древности. К сожалению, проведенные здесь раскопки, несмотря на значительный объем, не во всех отношениях способствовали правильному изучению этого важнейшего памятника. Как мы отмечали во введении, первоначально стратиграфическая шурфовка Чопан-Депе в 1953 г. С. А. Ершовым привела его к выводу об отсутствии здесь долговременной глинобитной архитектуры.[9] Хотя работами 1956 г. это заключение было опровергнуто,[10] изучение сырцовой архитектуры и планировки Чопан-Депе по-прежнему остается в зачаточном состоянии. Раскопки 1957—1959 гг.[11] дали дополнительные и весьма интересные данные по стратиграфии памятника, доставили довольно обильный вещевой материал, но оставили нас почти в полном неведении относительно застройки поселения. Это и неудивительно, поскольку исследователями широко применялся метод закладки больших траншей.[12]

Лишь в 1967 г. раскоп, заложенный на Чопан-Депе О. К. Бердыевым, позволил восполнить этот существенный пробел в изучении памятника.

Раскопки 1967 г. позволили установить, что уже на уровне первого строительного горизонта Чопан-Депе было застроено жилыми домами джейтунского типа. Всего здесь вскрыто не менее шести таких домов, прямоугольных в плане, с массивным очагом-камином у одной из стен. На полу домов иногда встречаются отпечатки тростниковой циновки. Примечательно стремление расположить жилые дома вытянутыми в одну линию, с сомкнутыми, а иногда даже общими стенами (пом. 1, 2, 3, 8, 9). Возможно, это указывает на существование более четкой планировки — с намечающимися улицами в отличие от стихийной застройки Джейтуна. Остатки аналогичных строений обнаружены на Чопан-Депе и на уровне второго и третьего строительных горизонтов. Интересно отметить, что в шурфе на Чопан-Депе были вскрыты полы с известковой обмазкой, что еще более сближает этот памятник с самим Джейтуном.

Значительный интерес представляют погребения, обнаруженные на Чопан-Депе, указывающие, во всяком случае для верхних слоев, на установление традиции, столь характерной для раннеземледельческих племен Передней Азии, когда поселение и некрополь совмещались территориально. Из трех взрослых костяков два располагались на спине, с полусогнутыми ногами, один — на правом боку, со скорченными ногами. Два погребения были ориентированы головой на запад и одно — на север. Интересна охряная окраска затылочной части черепа у одного из погребенных. Эта древняя традиция, отмеченная в Южном Туркменистане на прикаспийском могильнике

---

[8] В 1959 г., когда производилась шурфовка Тилькин-Депе, были сделаны далеко идущие выводы об отнесении всей джейтунской культуры ко времени Намазга II. Опровергнутое в том же году стратиграфическими раскопками Монджуклы, где позднеджейтунские слои оказались перекрытыми комплексом Анау IA, это заключение не успело найти развернутого отражения в печати; ср. с высказыванием В. И. Сарианиди о возможном влиянии неолита Прикаспия на энеолитических земледельцев (В. И. Сарианиди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3, стр. 141).

[9] С. А. Ершов. Холм Чопан-Депе, стр. 13—16.

[10] В. М. Массон. 1) Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1, стр. 35; 2) Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, 1960, стр. 64.

[11] О них см.: Д. Дурдыев. Итоги полевых работ Сектора археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР 1954—1957 гг. ТИИАЭ, т. V, стр. 7—8; О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита, стр. 6—7.

[12] Неудачная методика способствовала появлению ошибочных выводов о непрочной оседлости носителей джейтунской культуры; ср. с высказыванием Д. Дурдыева: «Очевидно, незавершившийся еще переход обитателей холма от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству характеризовался полуоседлостью их жизни, с сезонным возвратом на место раз избранного поселения» (Итоги полевых работ..., стр. 8).

неолитической эпохи Кайлю,[13] сохраняется здесь до времени развитого энеолита.[14] Охряная окраска скелета отмечена и в двух из пяти детских погребений, обнаруженных на Чопан-Депе. Четыре из них располагались в скорченном положении, на левом боку, а одно, подростка, в вытянутом положении, на спине.

Следует, правда, иметь в виду, что в верхних слоях Чопан-Депе были обнаружены также поздние погребения, сопровождавшиеся бронзовыми наконечниками стрел.

Ориентация скелетов сильно варьировала: два были помещены головой на восток, один — на северо-восток, один — на северо-запад и один — на юго-запад. Во всяком случае в отношении ориентации пока нет оснований говорить о строго выдержанном погребальном обряде.

Весьма интересным памятником джейтунской культуры оказалось поселение Песседжик-Депе, открытое в 1967 г. и раскапывавшееся в 1968—1969 гг.[15] Расположено оно в 1.5 км к северо-западу от Тоголок-Депе (оба явно входят в систему одного и того же неолитического оазиса, располагавшегося в древности в этом районе). Общая мощность культурных напластований здесь достигает 3.5 м; на протяжении их были отмечены остатки четырех строительных горизонтов. На уровне первого горизонта открыты остатки по крайней мере шести жилых домов с очагами-каминами

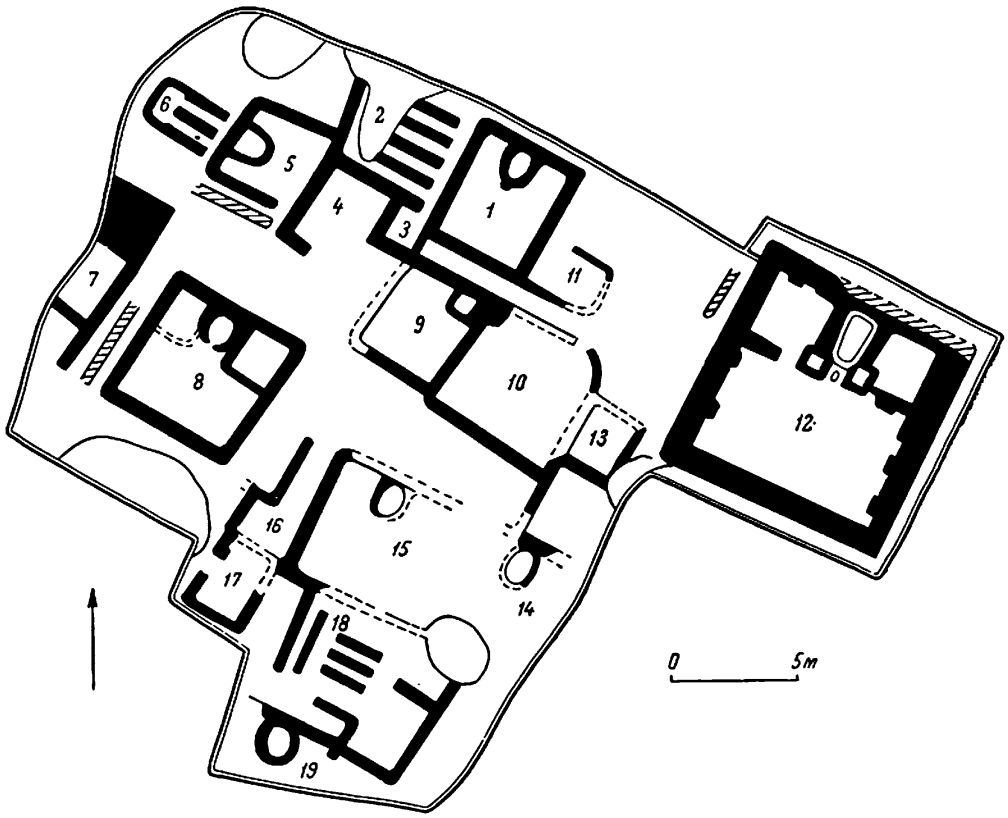

Рис. 10. План строений, вскрытых на Песседжик-Депе.

[13] А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении. ИАН ТССР, 1953, № 2, стр. 31—32.

[14] В. М. Массон. Памятники развитого энеолита..., стр. 10.

[15] О. К. Бердыев. 1) Изучение памятников эпохи неолита, стр. 15—16; 2) Новые раскопки на поселениях Песседжик-Депе и Чакмаклы-Депе. В сб.: Каракумские древности, в. II, Ашхабад, 1968, стр. 10—14; 3) Песседжик-Депе — центр неолитического оазиса. В сб.: Археологические открытия 1969 г., М., 1970.

джейтунского типа (рис. 10). Пол многих домов покрыт известковой обмазкой, иногда встречается и тростниковая циновка. Рядом с домами располагались хозяйственные участки и строения, в том числе сооружения из параллельных отрезков стен. Особенно существенно открытие на Песседжик-Депе крупного дома, аналогичного по плану жилым строениям, но существенно превосходящего их своими размерами (площадь около 64 м^2). Массивные стены, великолепный алебастровый пол, практическое отсутствие бытовых находок подчеркивает, что перед нами здание общественного назначения, своего рода общинный дом неолитического поселка. В 1969 г. при раскопках этого строения на уровне второго строительного горизонта О. К. Бердыевым на стене, расположенной напротив очага, была обнаружена стенная роспись. Геометрические орнаменты и изображения животных (барсов и каких-то травоядных) были нанесены черной и красной краской на белую штукатурку, служившую фоном.

Сравнительно ограничен объем информации о джейтунских слоях поселения Монджуклы-Депе, расположенного к востоку от селения Меана́, в непосредственном соседстве с одним из крупнейших среднеазиатских памятников эпохи бронзы — Алтын-Депе. Здесь в стратиграфическом шурфе ниже слоев времени Анау IA была пройдена четырехметровая толща наслоений, содержавших керамику и иной материал джейтунского типа.[16] Однако какие-либо сведения о встреченных строительных остатках отсутствуют.

Зато другой памятник этого района дал превосходные образцы древней архитектуры. Мы имеем в виду Чагыллы-Депе, расположенное в 8—9 км к востоку от того же селения Меана́ и обнаруженное в 1961 г. А. Ф. Ганялиным. Раскопки его, произведенные в 1962 и 1963 гг. О. К. Бердыевым и А. Ф. Ганялиным, не только установили стратиграфию памятника, но вскрыли также достаточно полную картину его планировки на уровне двух строительных горизонтов.[17]

Первый строительный горизонт, так же как на Джейтуне, полностью уничтожен временем. Планировка второго горизонта в сезон 1962 г. была выявлена лишь частично. Насколько можно судить по опубликованному плану,[18] в ряде мест исследователями были оставлены неубранные завалы, что привело к появлению на этом плане фигур весьма замысловатых очертаний. При продолжении работ в 1963 г. эти недостатки были в основном устранены, и стало ясно, что мы имеем дело по меньшей мере с шестью жилыми домами, в принципе повторяющими стандартную планировку джейтунских жилищ.[19]

Как и в Джейтуне, строения Чагыллы-Депе возведены из глиняных блоков, овальных в сечении, размером 60×20×10 см. Наряду с ними употребляются и плоские прямоугольные кирпичи того же размера, как бы предвосхищая этим полную победу сырцового кирпича в энеолитическую эпоху. Жилые дома второго слоя Чагыллы-Депе, а к их числу можно отнести пом. 1—3, 12, 17 и 18, в основном подквадратные в плане и имеют у одной стены массивный очаг, а на противоположной стене, как это установлено для пом. 3 и 18, выступ. Находилась ли в выступе нишка, из-за невысокой сохранности стен осталось неясным. Из всех домов размерами и сравнительно правильной планировкой отличается пом. 1, возможно, принадлежавшее семье, считавшейся по традиции ближестоящей к мифическим предкам (своего рода clanhose). Полы домов покрыты глиняной обмазкой, в одном случае отмечена красная окраска (пом. 12), в другом — остатки плетеной тростниковой циновки (пом. 2).

Труднее говорить о характере хозяйственных построек, а тем более об их принадлежности к тому или иному жилому дому. Скученность строений, теснившихся на вершине небольшого холма, каким было в древности Чагыллы-Депе, очевидно, в ряде случаев затрудняла, если не исключала, четкое обособление отдельных хозяйственно-бытовых комплексов. Видимо, к дому 1 тяготели

[16] О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита, стр. 8.

[17] О. К. Бердыев. 1) Чагыллы-Депе. ИАН ТССР, 1964, № 1; 2) Чагыллы-Депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. См. также: О. К. Бердыев, Г. Ф. Коробкова. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагыллы-Депе. ИАН ТССР, 1964, № 6.

[18] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе, стр. 90, рис. 1.

[19] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник..., стр. 3—5.

строения, остатки которых обозначены номерами 8—11. Здесь же (во дворе?) располагался очаг — явление, изредка отмечавшееся и для Джейтуна. В пом. 9 был обнаружен пестик со ступкой — находка, весьма редкая для Джейтуна, но обычная на Чагыллы-Депе, расположенном ближе к горам, являвшимся источником соответствующего сырья. В подсобных строениях хранили инвентарь для обработки зерна и жители другого дома — пом. 3. Зернотерка, ступка и пестик были найдены в пом. 4, явно принадлежащем к числу подсобных строений этого комплекса. Однако обитатели пом. 18 держали зернотерку непосредственно в доме — она была найдена в хозяйственном отсеке около очага. Правда, здесь как будто отсутствуют подсобные строения, но судить об этом с уверенностью трудно в силу окраинного положения дома.

В культурном слое, заполнявшем строения второго горизонта, были отмечены два захоронения: сильно разрушенное детское в пом. 19 и сравнительно недалеко от него, в пом. 18, погребение взрослого. Скелет взрослого человека располагался на правом боку, со слегка скорченными ногами, головой на северо-запад. Возможно, эти захоронения были осуществлены в пору первого строительного горизонта.

С еще большей очевидностью выступают джейтунские домостроительные традиции в архитектуре третьего горизонта Чагыллы-Депе (рис. 11). Здесь на площади, равной приблизительно $^2/_3$ всего поселения, вскрыто полностью и частично 9 жилых домов — пом. 4, 6, 9, 11—14, 17 и 19.

Весьма типичным строением является пом. 4 — подквадратный в плане дом с массивным очагом у одной стены и выступом у другой. В углу дома рядом с очагом располагался хозяйственный отсек. Пол дома, как это обычно имеет место на Чагыллы-Депе, покрыт глиняной обмазкой, наносившейся трижды. При этом верхний пол и соответствующие ему стены окрашены в черный цвет, тогда как ранее предпочтение было отдано красной краске. К числу подсобных строений дома принадлежат небольшие отсеки — пом. 2, 3 и 15, из которых пом. 3 представляло собой нечто вроде прихожей — вестибюля перед входом в жилой дом. Пом. 2 использовалось также как хранилище производственного инвентаря: здесь были найдены крупная ступка и часть пестика. В середине того же помещения была устроена яма диаметром около 0.8 м, со стенками, обмазанными глиняной штукатуркой, — явление, весьма редкое для раннеземледельческих поселений Южного Туркменистана.

Трудно судить, к какому хозяйственно-бытовому комплексу тяготели строения, располагавшиеся к северо-западу от пом. 4. Возможно, это был хозяйственный комплекс, используемый жителями всего поселка в целом. Здесь мы видим сооружение из трех параллельных отрезков стен, позднее замкнутых поперечной стеной, и узкое строение — пом. 5, на полу которого обнаружены отпечатки тростниковой циновки, стеблей злаков, две зернотерки, пестик и миниатюрный каменный топорик. Как можно видеть, жители Чагыллы-Депе в изобилии располагали инвентарем для обработки продуктов земледелия.

По существу тот же принцип планировки повторен в жилых домах, представленных пом. 6, 9 и 19, из которых пом. 9 было сделано с особенной тщательностью. Его глиняный пол, так же как и пол пом. 19, отчетливо сохранил следы окраски в красный цвет.

Тщательная отделка и сравнительно крупные размеры отличают жилой дом 12. Он расположен почти в середине всего поселка и явно принадлежит к числу строений, возведенных одним из первых на уровне третьего строительного горизонта. Во всяком случае три соседних жилых дома — пом. 11, 13 и 17 — явно построены позднее этого центрального сооружения. О. К. Бердыев высказал вполне вероятное мнение, что перед нами не просто жилой дом, а какое-то общественное здание.[20] Точнее было бы сказать, что, возможно, перед нами жилой дом, несший также функцию общественного центра поселка, поскольку принадлежал семье, традиционно стоящей ближе к общим предкам. Показательно, что этот дом расположен как раз под руинами дома 1 — наиболее тщательно возведенного строения второго горизонта, а его верхний пол, продолжая традиции Джейтуна, покрыт не глиняной, а известковой обмазкой. Аналогичным образом особое положение одного из домов было отмечено и на небольшом поселке раннеэнеолитического времени —

[20] Там же, стр. 8.

Дашлыджи-Депе.[21] Правда, третий сверху пол там был покрыт уже просто глиняной обмазкой со следами красной краски. Аналогичное сочетание полов с различным покрытием отмечено и в жилом доме, предлей разместить их так, чтобы перед входом в дом располагался подсобный участок, иногда с хозяйственными строениями. С этой целью дому придавалась та или иная ориентация, что хорошо видно на примере

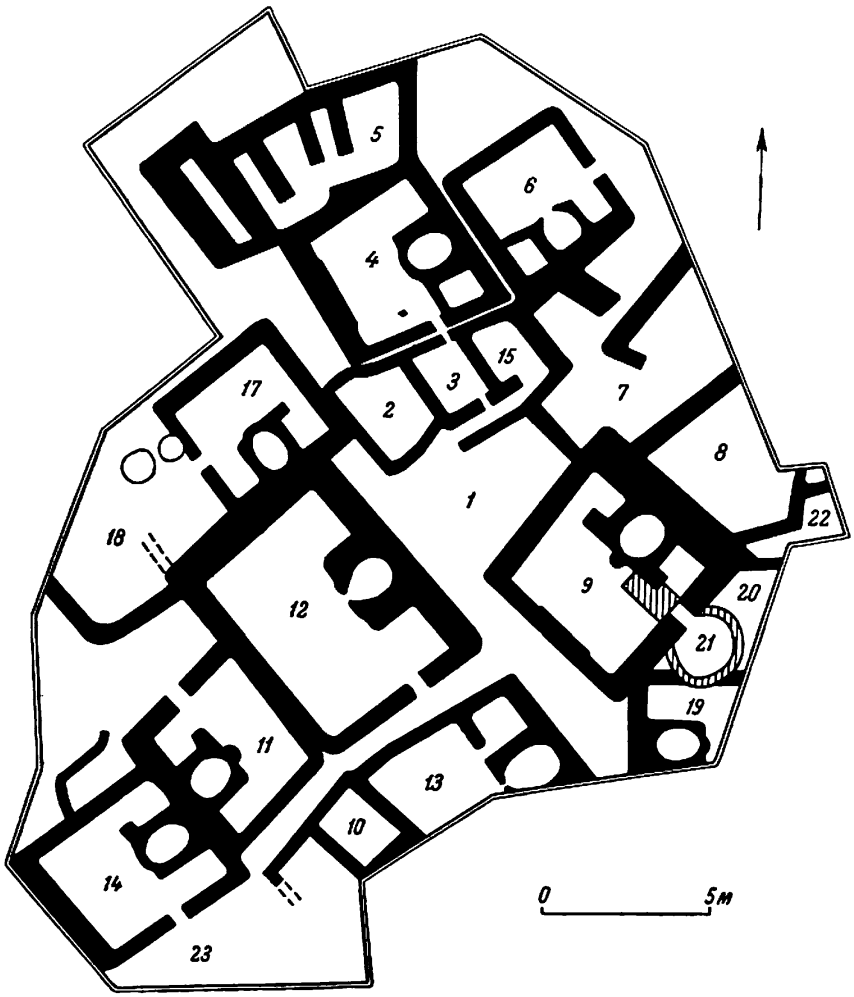

Рис. 11. План строений, вскрытых на Чагыллы-Депе на уровне третьего строительного горизонта.

ставленном пом. 14. Здесь нижний пол был известковым, а верхний — глинобитным, со следами черной краски. Красной краской были покрыты пол и стены пом. 11.

Если говорить об общем расположении жилых домов в южной части Чагыллы-Депе, то обращает внимание стремление строителей пом. 11, 13, 14 и 17. Особенно показательно расположение валетом пом. 11 и 14, в результате чего в соответствии с традицией помещать очаг слева от входа хозяйственный участок пом. 11 находился к западу от этих спаренных домов, а участок пом. 14 — к востоку. Довольно обычны здесь и находки хозяйственного инвентаря, связанного с земледелием. Так, зернотерка и терочный камень были обнаружены в хозяйственном отсеке жилого дома 13. Ступка, зернотерка

[21] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, 1960, стр. 196.

и обломок песта были найдены в хозяйственном строении 10, видимо тяготеющем к тому же жилому дому. Обитатели этого дома обрабатывали и кремень — в самом пом. 13 в изобилии были найдены осколки, отщепы, нуклеусы и отбойники.

Существовала в пору третьего строительного горизонта и традиция захоронения людей в пределах поселения. Например, погребение взрослого было обнаружено в пом. 6. Костяк со слегка скорченными ногами располагался на правом боку и был ориентирован головой на северо-восток.

Шурф, заложенный на поселении Чагыллы-Депе, установил общую мощность культурных напластований в 6.5 м, в пределах которых О. К. Бердыев выделяет 12 строительных горизонтов, считая первые три, охарактеризованные выше. Лишь в четырех из восьми в пределы шурфа попали остатки стен древних строений, а остальные были выделены по уровням полов. Показательно, что если ранние полы имели алебастровое покрытие(горизонты 10 и 11), то позднее решительно преобладает их глиняная обмазка, хотя в горизонте 4 опять встречен известковый пол. Возможно, это отражает временные изменения в домостроительных традициях, поскольку на самом Джейтуне глиняная обмазка пола не отмечена вовсе.

Кратко охарактеризованные выше памятники джейтунской культуры представляют собой серию оседлых поселений, существование которых охватывает значительный промежуток времени. Целый ряд данных позволяет определить как абсолютный возраст всех этих комплексов в целом, так и хронологическое соотношение различных памятников между собой. Остановимся сначала на первом вопросе.

Уже на основании стратиграфии Чопан-Депе было предложено деление джейтунской культуры на два этапа.[22] Затем были открыты памятники, содержащие материал еще более позднего облика, чем верхние слои Чопан-Депе, и О. К. Бердыевым был закономерно поставлен вопрос о выделении в джейтунской культуре трех фаз, сменяющих друг друга.[23] Детальный анализ кремневого инвентаря дал новые аргументы в пользу трехэтапного членения всех джейтунских комплексов.[24]

Одним из надежных критериев более детальной периодизации является расписная керамика, орнаментация которой весьма чутка к временным переменам. При всей бедности орнаментальных приемов керамических комплексов джейтунского типа это положение полностью к ним приложимо. Сводная таблица видов орнаментации и их распределения по памятникам иллюстрирует хронологические изменения в достаточной степени выразительно (рис. 12). Следует иметь в виду, что количественно ограниченный материал, происходящий из небольших по площади шурфов, и элементы локальной вариабельности должны быть также учитываемы по мере возможности.

Ранний этап джейтунской культуры лучше всего представлен достаточно обширной коллекцией самого Джейтуна. Основываясь на стратиграфии Чопан-Депе, О. К. Бердыев предложил выделить внутри этого этапа две фазы,[25] но до полной публикации соответствующих материалов этот вопрос остается не вполне ясным. Два орнаментальных типа решительно преобладают в расписной керамике Джейтуна: первый — волнистая роспись, второй — скобчатая. Горизонтальноволнистая роспись не встречается совершенно. Тремя фрагментами одного сосуда, обнаруженного за пределами поселения, представлена сетчатая роспись типа IVa. Обитатели Джейтуна пытались как-то варьировать примитивные мотивы орнаментации, что видно по появлению росписи типов V—VII. К числу редких мотивов принадлежат крупносетчатая роспись (тип IVa) и роспись силуэтными треугольниками (тип VIII). Этот основной преобладающий комплекс волнистой и скобчатой росписи дают нижние слои Чопан-Депе и первый строительный горизонт Тоголок-Депе. Г. Ф. Коробкова специально отмечает почти полное тождество орудий труда, происходящих с Джейтуна и из двух нижних горизонтов Чопан-Депе.[26]

---

[22] В. М. Массон. Джейтунская культура..., стр. 64—65.

[23] О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита, стр. 12—13.

[24] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Автореф. дисс. Л., 1966, стр. 4—7.

[25] О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита, стр. 12.

[26] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 5.

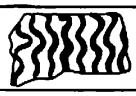
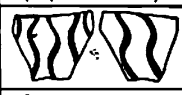
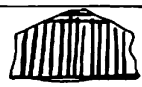
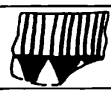
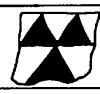
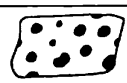
Тип орнамента		Джейтун	Чопан-Депе (верхние слои)	Бами	Чагыллы-Депе (верхние слои)
I	а вертикально-волнистый				
	б горизонтально-волнистый				
II	скобчатый				
III	а вертикальный зигзаг				
	б горизонтальный зигзаг				
IV	а крупносетчатый				
	б частосетчатый				
V	вертикально-полосчатый				
VI	горизонтально-полосчатый				
VII	косо-полосчатый				
VIII	силуэтные треугольники				
IX	лесенка				
X	дерево				
XI	точечный				
XII	ячеистый				

Рис. 12. Сводная таблица орнаментов расписной керамики джейтунской культуры.

Средний этап джейтунской культуры представлен уже значительно большим числом памятников, территориальная удаленность которых друг от друга обусловливает появление черт локальной специфики. Характерной и ведущей орнаментацией второго этапа становится частосетчатая роспись (тип IVб), полностью заменяющая скобчатую орнаментику, из которой она эволюционировала. Особенно наглядно это изменение представлено керамикой из верхних слоев Чопан-Депе. Волнистая орнаментация здесь частично сохраняется, но используется, например, для внутренней росписи мисок. Сохраняется орнаментация V и VI типов, роспись треугольниками (тип VIII) становится более разнообразной. Впервые появляются точечные узоры (тип XI). Аналогичную картину мы наблюдаем и в трех верхних горизонтах Тоголок-Депе, где решительно господствует орнаментация типа IVб и появляется точечный орнамент.

О. К. Бердыев склонен относить ко второму этапу первый и второй горизонты Бами, керамика которых несет черты яркого своеобразия.[27] Здесь действительно нет характерного набора раннеджейтунских орнаментов и вместе с тем представлена такая характерная роспись второго этапа, как тип IVб и точечная орнаментация (тип XI). Вместе с тем типы росписи треугольниками весьма отличны, в Бами появляется ячеистая роспись, серия дуг вдоль венчика, помещаемая обычно с внутренней стороны сосуда, и роспись лесенкой. Эти черты явной локальной специфики затрудняют определение относительной хронологии верхних горизонтов Бами. О. К. Бердыев относит 3, 4 и 5 слои Бами уже к поздней фазе джейтунской культуры. Однако наличие в третьем слое такой характерной орнаментации, как ряды треугольников со слегка вогнутыми сторонами, как будто заставляет синхронизировать этот комплекс с верхними наслоениями Чопана.

Облик расписной керамики, по справедливому замечанию О. К. Бердыева, позволяет относить к среднему этапу джейтунской культуры материалы из Новой Нисы, из нижних слоев Монджуклы-Депе и Чагыллы-Депе. Г. Ф. Коробкова указывает на появление в пору среднего этапа джейтунской культуры черт небрежности в обработке кремня, уменьшение числа геометрических микролитов, среди которых уже не встречаются сегменты и треугольники, появление вкладышей серпов с зубчатым лезвием (рис. 13). Отметим также, что на этом этапе прочно устанавливается традиция территориального совмещения поселения и некрополя, а полы домов начинают покрываться глиняной обмазкой, хотя иногда поверх нее и наносится слой алебастра.

Поздний этап джейтунской культуры лучше всего характеризуется материалами верхних слоев Чагыллы-Депе, подобно тому как Джейтун является эталонным памятником ранней ступени рассматриваемой культуры. В керамике этого поселения еще встречаются волнистая вертикальная роспись, обычно выполненная очень небрежно, а также такие традиционные орнаментальные типы предшествующего времени, как IVа и IVб, V, VIII и XI. Вместе с тем здесь появляются и совершенно новые виды орнаментации: горизонтальные волнистые линии (Iб), вертикальные зигзаги (тип IIIа), видимо, эволюционировавшие из волнистых линий, и рисунок дерева (тип X). Заметные изменения происходят и в орудиях труда, где явственно проступают черты прогрессирующего упадка кремневой индустрии. Как пишет Г. Ф. Коробкова, типичной заготовкой для орудий становится «пластина неправильных очертаний, массивная в сечении, с изогнутым профилем».[28] Одновременно уменьшается количество геометрических микролитов и, что особенно существенно, резко сокращается число скребковых орудий. Здесь уже практически нет того богатого набора микроскребков, который составляет характерную черту собственно джейтунских орудий, а скребки из лопаток животных отсутствуют вовсе. Значительно повышается процент вкладышей серпов с зубчатым лезвием. Употребление наряду с глиняными блоками уплощенных кирпичей также свидетельствует о переменах, происходящих в области архитектуры.

Кроме верхних слоев Чагыллы-Депе, О. К. Бердыев считал возможным относить к поздней фазе джейтунской культуры средние слои Монджуклы-Депе и верхние

[27] О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита, стр. 12.

[28] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 7.

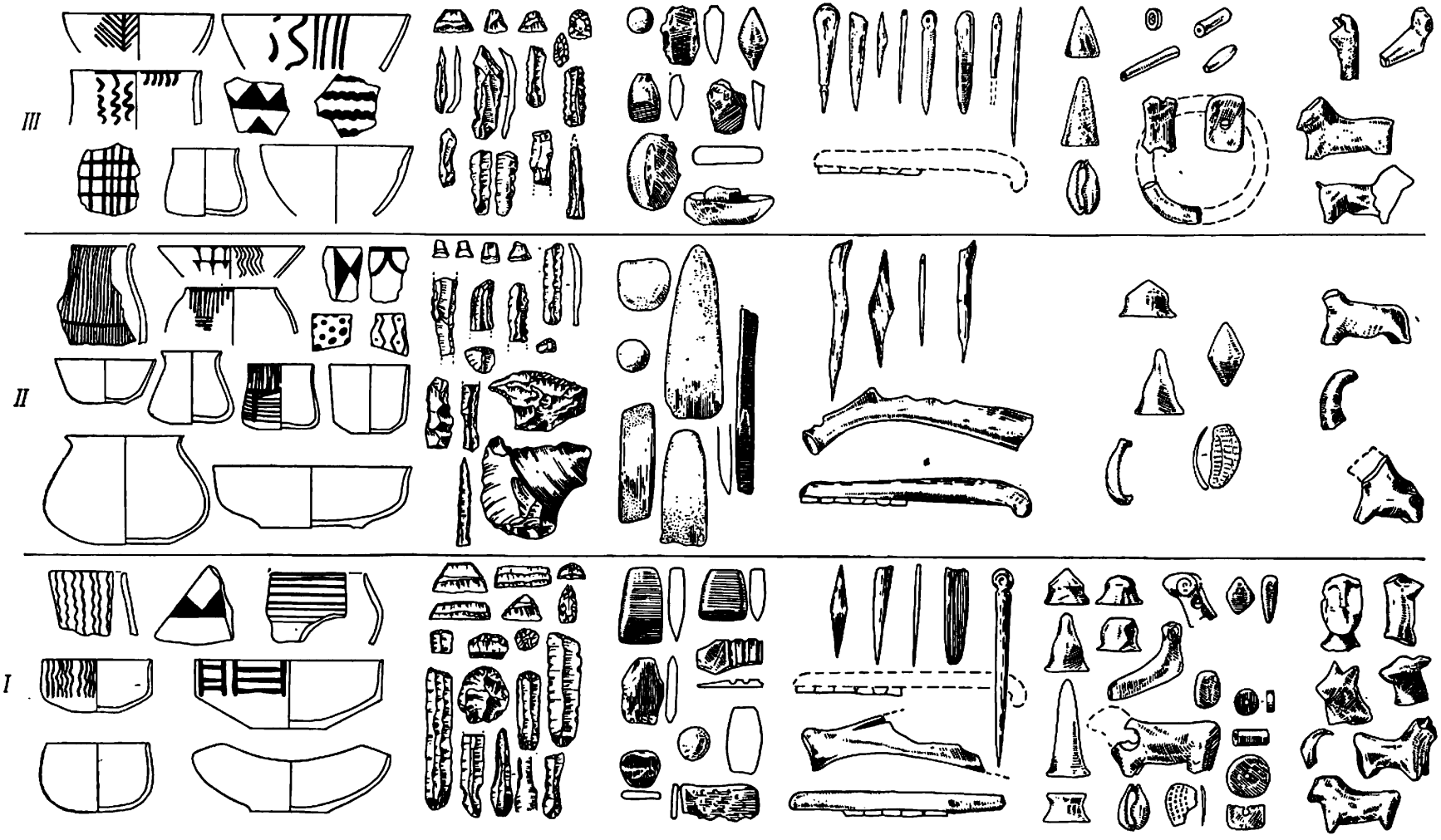

Рис. 13. Распределение материалов по трем этапам развития джейтунской культуры.

горизонты Бами.[29] Отсутствие в первом из названных памятников выразительной расписной керамики заставляет с вниманием отнестись к заключению Г. Ф. Коробковой о сходстве орудий труда, происходящих отсюда, с кремнем собственно Джейтуна. В таком случае джейтунские слои Монджуклы-Депе следует относить к среднему этапу джейтунской культуры.[30] Трудно предложить убедительные сопоставления в керамической орнаментации посуды из верхних слоев Бами и Чагыллы-Депе. Возможно, признаком позднего этапа в Бами является горизонтальный зигзаг (тип IIIб). Такие локальные черты этого памятника, как ячеистая роспись и роспись лесенкой, сохраняются и в верхних горизонтах. Вместе с тем грубая пластинчатая индустрия верхних слоев Бами свидетельствует о бесспорном отнесении этого памятника к позднему этапу.[31]

Абсолютный возраст джейтунской культуры, трехэтапное членение которой было нами только что рассмотрено, может быть определен как на основании данных, доставляемых собственно джейтунскими памятниками, так и путем сопоставления со сходными комплексами и культурами соседних областей. При публикации первого развернутого отчета о раскопках Джейтуна было высказано мнение, что памятники этого типа предшествуют комплексам Анау I—Намазга I.[32] В настоящее время нет необходимости повторять соответствующую аргументацию, носившую по необходимости косвенный характер. На поселении Монджуклы-Депе слои джейтунской культуры, по крайней мере ее средней фазы, перекрыты слоями времени Анау IA. Правда, сам этот факт, указывая на временную взаимозависимость двух комплексов, еще не решает вопроса об их генетической связи. Более того, по мере накопления материала вопрос о прямой преемственности между комплексами джейтунского типа и Анау IA нуждается в уточнении. В настоящее время довольно четкие комплексы времени Анау IA происходят с двух памятников, расположенных к востоку от селения Меана́: Монджуклы-Депе и Чакмаклы-Депе.[33] Оба поселения характеризуются четкой планировкой и имеют небольшую улочку в центре, что существенно отличает их от стихийного хаоса джейтунских поселков — будь то сам Джейтун или Чагыллы-Депе, расположенное, кстати, неподалеку от обоих памятников. Крупные дома времени Анау IA также отличны от джейтунских строений, хотя их и объединяет использование красной и черной краски для покрытия полов и стен. Керамика Чакмаклы-Депе и Монджуклы-Депе резко отличается от джейтунской посуды уже по фактуре: черепок ее тонкий, в глину подмешан не саман, а мелкий песок. Разнится и роспись на керамике — в ней преобладают заштрихованные треугольники. На поселении Чакмаклы-Депе были найдены две превосходные каменные мотыги, являющиеся как бы прямыми репликами соответствующих орудий Сиалка I[34] и Хассуны.[35] Несмотря на широкие раскопки раннеземледельческих поселений Южного Туркменистана, ни на одном из них для времени до Анау IA или после него не было обнаружено каменных мотыг, что породило ряд гипотез о характере местного земледелия. Наконец, Г. Ф. Коробкова, внимательно исследовавшая кремневые индустрии Южного Туркменистана, отмечает появление в слоях времени Анау IA на Монджуклы-Депе новой техники скалывания микропластин, неизвестной в памятниках джейтунской культуры.[36] Все эти факты не могут не обратить на себя внимание. В отношении керамики можно прямо сказать, что, учитывая богатую орнаментику позднеджейтунской посуды из Бами, керамику типа Намазга I—Анау IБ с ее массивными формами и обильной примесью в глине самана легче вывести прямо из джейтунских комплексов, минуя посуду типа Анау IA. В отношении последней уже давно были отмечены ее связи

---

[29] О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита, стр. 13.

[30] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 6.

[31] Там же, стр. 7.

[32] В. М. Массон. Джейтунская культура..., стр. 66—68.

[33] О. К. Бердыев. 1) Чакмаклы-Депе — новый памятник времени Анау IA. В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968; 2) Новые раскопки на поселениях Песседжик-Депе и Чакмаклы-Депе..., стр. 14—16.

[34] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I. Paris, 1938, pl. LVI.

[35] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. JNES, v. IV, 1945, № 4, fig. 19, 20.

[36] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 8.

с расписной керамикой раннего Сиалка,[37] и И. Н. Хлопин на этом основании высказал мнение о возможной инфильтрации в Южный Туркменистан североиранских племен.[38] Хотя в последнее время сам И. Н. Хлопин предпочитает позиции гиперболизированного автохтонизма,[39] гипотеза об инфильтрации в Южный Туркменистан инокультурных племен в пору Анау IA как будто получает новые подтверждения.[40] Не исключено, что в какой-то мере здесь имели место процессы не только ассимиляции, но и сосуществования, и кто знает — не племенным ли группам, в большей мере сохранившим джейтунские традиции, обязан своим генезисом комплекс Намазга I—Анау IБ. Проблема эта приобретает тем больший интерес, что именно ко времени Анау IA относится распространение в Южном Туркменистане медных изделий, среди которых имеются и такие крупные предметы, как зеркала. Позднеджейтунская культура с ее упаднической кремневой индустрией могла быть вполне благоприятной средой для восприятия металлургии, ранний подъем которой в том же Сиалке был стимулирован наличием в Иране местной рудной базы, в Южном Туркменистане отсутствующей.[41]

Определив, таким образом, верхнюю границу джейтунской культуры в стратиграфической колонке Южного Туркменистана, мы можем вместе с тем отметить, что сама культура существовала в течение весьма длительного времени. Об этом свидетельствуют уже толщи культурных слоев, образующих тепе, столь характерные для среднеазиатских пейзажей. Постепенно ветшавшие глинобитные строения разрушались, а на их руинах как на фундаменте воздвигались новые дома поселка, неудержимо растущего в высоту. О том, что такая практика имела место уже в пору неолита, свидетельствуют раскопки Джейтуна, где стены домов второго слоя, как правило, не сохраняются в высоту более чем на 50—60 см, дальше их уже перекрывают известковые полы строений верхнего слоя. Внутри эти дома забутованы с разной степенью тщательности, что ясно указывает на стремление видеть в них надежный фундамент. Между прочим, цифра в 50—60 см для одного строительного горизонта сырцовых строений оказывается вполне постоянной величиной. В Чагыллы-Депе при мощности слоев в 6.5 м отмечено 12 строительных горизонтов, в Бами для 2 м — 5 и в Тоголок-Депе при 3 м — 4. Несколько выпадает в этом отношении Чопан-Депе, где в шурфе 1957 г. для толщи в 7.5 м отмечено лишь 7 строительных горизонтов, что, правда, может быть отнесено за счет недостаточного внимания к прорезаемым строительным остаткам. Ту же цифру — в среднем 60 см для строительного горизонта — выводит И. Н. Хлопин для энеолитического времени,[42] о двух футах пишет и Р. Брейдвуд по материалам иракского Курдистана.[43]

Эти данные позволяют, опираясь на предложенный выше анализ вопросов относительной хронологии, предложить картину общей протяженности джейтунской культуры. Джейтун как наиболее раннее поселение, судя по шурфу к югу от пом. 4, имеет мощность слоев не менее 2.5 м, причем здесь прослеживается 5 строительных горизонтов. На Чагыллы-Депе материалов раннего этапа не было обнаружено вовсе, что дает основание надстроить колонку (рис. 14) и считать общие напластования джейтунской культуры равными по крайней мере 9 м, а это соответствует 15—18 строительным горизонтам.

Следует иметь в виду, что исследователями делались попытки определить также время существования глинобитных строений до того критического состояния, за которым должен был следовать их неизбежный слом. По Р. Гиршману, один строительный горизонт соответствует отрезку времени в 75 лет,[44]

---

[37] D. E. McCown. The Comparative Stratigraphy of Early Iran. SAOC, № 29, 1942, p. 5.

[38] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Депе..., стр. 165—166, 191—192.

[39] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, стр. 10, 154—156.

[40] Об этом пишет и производивший раскопки Чакмаклы-Депе О. К. Бердыев (Чакмаклы-Депе..., стр. 32).

[41] Ср.: Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, В4—9, 1966, стр. 87.

[42] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа..., стр. 61.

[43] R. J. Braidwood. Jericho and Its Setting in Near Eastern History. Antiquity, № 122, 1957, p. 75.

[44] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I, p. 89.

Л. Вулли понижает эту цифру до 50 лет,[45] то же заключение по существу делает Т. Бартон-Браун, когда пишет о накоплении в теллях, т. е. в тепе, четырех футов за одно столетие.[46] Лишь Р. Брейдвуд в полемическом противостоянии длинной хронологии Иерихона объявил, что глинобитные дома курдистанского феллаха существуют

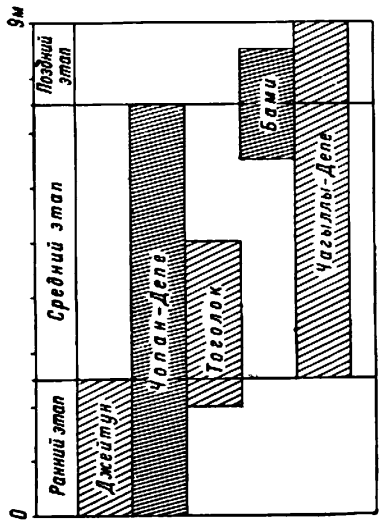

Рис. 14. Соотношение культурных наслоений памятников джейтунской культуры.

лишь 15 лет. Можно только присоединиться к сомнениям, высказанным К. Кеньон по поводу этой поспешной формулировки.[47] П. Мортенсен также сомневается в столь коротком времени бытования глинобитных строений и предлагает для загросских памятников, в том числе и для Джармо, цифру в 50—70 лет. Он отмечает, что серия радиокарбоновых анализов в Чатал-Гуюке дает в среднем для существования одного строительного горизонта цифру в 40—100 лет.[48]

Среди материалов самой джейтунской культуры имеются данные и для определения абсолютного возраста соответствующих памятников. Возраст угля из верхних слоев Чагыллы-Депе (самого конца позднего этапа) был определен в 7000 лет, т. е. 5050 г. до н. э. (±110). Хорошо известны как широкое распространение в археологии метода радиокарбонового анализа, так и взрывы недоверия к этому методу, то и дело находящие отражение в печати. Если откинуть предвзятость, а порой и нарочитое позерство авторов подобных критических статей, следует признать, что абсолютная достоверность всех дат, получаемых этим методом, вероятно, еще дело будущего. Сплошь и рядом мы сталкиваемся с таким положением вещей, когда несколько дат противоречат одна другой,[49] а нижние слои того или иного памятника оказываются намного моложе более верхних отложений.[50]

Совершенно ясно, что даты, полученные методом радиокарбонового анализа, могут быть с успехом использованы лишь при их серийности, подтверждаемой другими данными, и прежде всего археологической стратиграфией. Оседлоземледельческие культуры Южного Туркменистана с их четкой стратиграфической колонкой, охватывающей ряд эпох от неолита до раннего железа, представляют в этом отношении особенно благодарное поле деятельности. В настоящее время в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР определен возраст десяти образцов угля с соответствующих памятников, причем большей частью результаты определений опубликованы.[51] Рассмотрим эти результаты с точки зрения их соответствия данным стратиграфии и иным методам определения возраста археологических культур (рис. 15).

В первом случае обращают на себя внимание противоречия в пределах группы лет,

[45] L. Woolley. The Royal Cemetery. Ur Excavations, v. II, New York, 1934, p. 225.

[46] T. Bourton-Brown. Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1951, pp. 241, 296.

[47] R. J. Braidwood. Jericho..., p. 75; K. Kenyon. Reply to prof. Braidwood. Antiquity, № 122, 1957, p. 82.

[48] P. Mortensen. Additional Remarks on the Chronology of Early Village-Farming Communities in the Zagros Area. Sumer, v. XX, 1964, p. 33, nota 15.

[49] Так, Джармо — узловой памятник Северного Ирака имеет двенадцать дат: от 3310 г. до н. э. (±450) до 9280 г. до н. э. (±300). См.: R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC, № 31, 1960, p. 159.

[50] Как например в Мундигаке (J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. MDAFA, t. XVIII, v. I, 1961, p. 258).

[51] Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C^{14}). СА, 1959, № 2, стр. 32; В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}). СА, 1961, № 2, стр. 11.

полученных для памятников Геоксюрского оазиса. Памятники, отстоящие друг от друга на сотни лет и разделенные в стратиграфической колонке несколькими строительными периодами, оказываются практически одновременными. Мы имеем в виду поселения Геоксюр 3 (Яланғач-Депе), относящееся к раннеялангачскому времени (ранее Намазга II), датированное 1750 г. до н. э. (±120), Геоксюр 4 (Муллали-Депе), поселение также времени раннего Намазга II, но несколько более позднее по сравнению с Яланғач-Депе, получившее дату 1800 г. до н. э. (±80), и Геоксюр 1, чьи наслоения времени позднего Намазга II—раннего Намазга III определены опять той же цифрой — 1800 г. до н. э. (±90). Группа геоксюрских дат вступает в противоречие

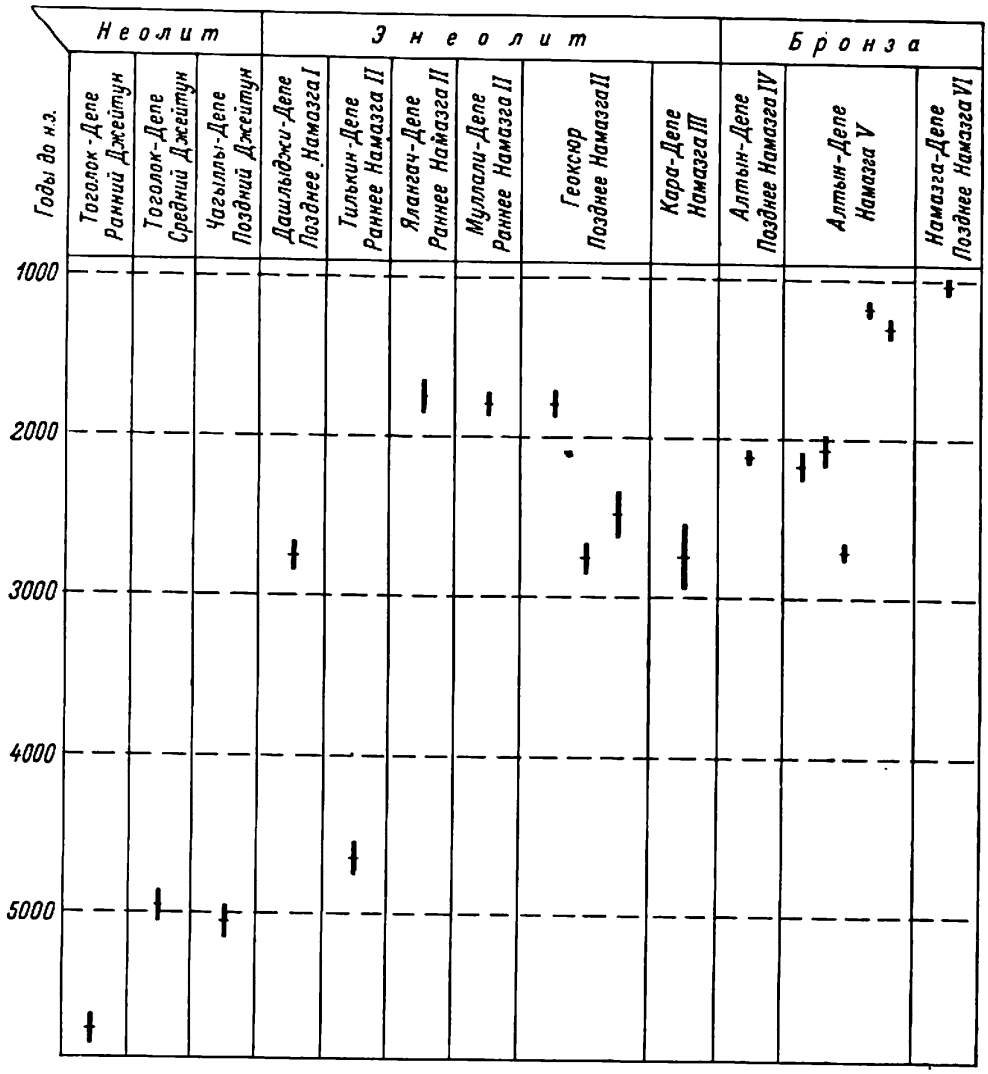

Рис. 15. Радиокарбоновая хронология раннеземледельческих поселений Южного Туркменистана.

и с определениями углей, происходящих с других памятников Южного Туркменистана, увязанных в единую стратиграфическую колонку; например, слои времени раннего Намазга II на поселении Тильким-Депе датированы 4640 г. до н. э. (±110), а слои времени Намазга III с Кара-Депе — 2750 г. до н. э. (±220). В этой связи совер-

шенно нереальной выглядит дата еще одного памятника Геоксюрского оазиса — Дашлыджи-Депе (время позднего Намазга I) — 2760 г. до н. э. (±90). Если откинуть геоксюрские анализы, считая их ошибочными, то последующие определения Лаборатории более удачно ложатся в стратиграфическую колонку. Так, слои позднего Намазга IV на Алтын-Депе были определены как относящиеся к 1120 г. до н. э. (±50), что в известной мере согласуется с ранее предложенной датой для комплекса Намазга III. Передатировка поселения Геоксюр 1 дала дату, амплитуда которой в отличие от более ранних цифр перекрещивается с датой Кара-Депе — близкого по времени памятника.

Даты Лаборатории, предложенные для эпохи бронзы, хорошо согласуются с системой относительной хронологии, основанной на аналогиях с памятниками Месопотамии и Хараппы, причем в последнем случае мы имеем образцы бесспорного импорта.[52] В системе относительной хронологии энеолита решающее значение имеет положение комплекса Намазга III, тесно связанного с иранским комплексом Сиалк III, перекрытым слоями с раннеэламскими табличками и печатями. В настоящее время в литературе преобладает предложенная автором этих строк[53] на основе подобных сопоставлений наиболее поздняя датировка комплекса Намазга III — конец IV—первая треть III тыс. до н. э. Определение возраста Кара-Депе вполне согласуется с подобной хронологией. Вместе с тем следует отметить, что дальнейшая разработка проблемы ирано-месопотамских параллелей свидетельствует скорее в пользу удревнения этой даты, чем ее омоложения,[54] что еще раз подчеркивает малую убедительность геоксюрской группы датировок.

Таким образом, можно видеть, что в Южном Туркменистане, как и в других областях, имеется определенный процент неудачных определений возраста методом радиокарбонового анализа. Естественно, что в таких условиях, казалось бы, трудно решить — в какую группу попадает определение возраста Чагыллы-Депе. Однако целый ряд данных, и прежде всего аналогии нашим материалам в соседних комплексах и культурах, свидетельствует, что в данном случае есть основания для оптимистического решения.

Наименее значителен круг аналогий, приходящихся на среднеазиатские памятники. Это объясняется не только слабой изученностью соответствующей эпохи, но и тем, что для своего времени Джейтун представлял наиболее передовую и высокоразвитую культуру для всей Средней Азии в целом. Наиболее важные аналогии здесь прослеживаются в памятниках прикаспийского мезолита, что указывает на глубокую мезолитическую подоснову всей джейтунской культуры в целом.

Прикаспийский мезолит известен по исследованиям А. П. Окладникова на Красноводском полуострове, где им открыт ряд первоклассных памятников, в частности пещеры Дам-Дам-Чешме и Джебел.[55] Последняя была полностью раскопана и монографически опубликована.[56] В 1963—1964 гг. Г. Е. Марковым произведены раскопки грота Дам-Дам-Чешме.[57] К этому культурному кругу тяготеют и такие памятники Южного Прикаспия, как пещеры Гари-Камарбанд и Хоту.[58]

Особенно большую близость можно наблюдать в кремневом инвентаре Джейтуна и пещеры Джебел, где установлена яркая стратиграфическая колонка развития культуры в районе Красноводского полуострова. Мелкие, как правило симметричные, трапеции Джейтуна ближе всего стоят к анало-

---

[52] В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, № 3, стр. 173—176.

[53] В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 326.

[54] В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, Б3-8, ч. IV, 1965, стр. 6.

[55] А. П. Окладников. 1) Изучение древнейших археологических памятников Туркмении. КСИИМК, в. XXVIII, 1949, стр. 67—70; 2) Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. ТЮТАКЭ, т. II, 1951 (1953), стр. 73—104; 3) Изучение памятников каменного века в Туркмении, стр. 28—32; 4) Древнейшее прошлое Туркменистана. ТИИАЭ, т. I, 1956, стр. 181—221.

[56] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII, 1956.

[57] Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, № 2, стр. 104—125.

[58] C. S Coon. 1) Cave Explorations in Iran, 1949. Philadelphia, 1951; 2) Excavations of Hotu Cave. Proc. Amer. Philos. Soc., v. 96, № 3, 1951, june; 3) Seven Caves. London, 1957.

гичным орудиям из слоев Джебела 5—6, 5а и 5. В частности, это касается трапеций, у которых помимо боковых сторон ретуширована также верхняя грань.[59] Можно согласиться с А. П. Окладниковым, писавшим о значительной близости Джейтуна и слоя 5 Джебела,[60] добавив только сюда слой 5а. В Джебеле мы находим и ряд других общих черт с Джейтуном: пластины с выемками, проколки-сверла, концевые скребки и скребки на отщепах, раковины из бус. Вместе с тем кремневая индустрия Джейтуна по сравнению с Джебелом выглядит более «микролитично». В изготовлении изящных и миниатюрных кремневых орудий джейтунцы достигли подлинной изощренности. В целом кремневый инвентарь Джейтуна и Джебела производит впечатление двух ветвей одного общего корня. Отличия в хозяйственной деятельности обитателей обоих пунктов привели к различиям и в некоторых видах кремневых орудий.

Весьма выразительный материал получен Марковым Г. Е. в пещере Дам-Дам-Чешме 2, где в первую очередь обращают на себя внимание глубоко архаичные формы геометрических микролитов, присутствующие в гроте начиная со второго слоя (отсчет слоев идет сверху вниз). Сам Г. Е. Марков склонен сопоставлять с собственно Джейтуном кремневую индустрию слоя 4 «верх», усматривая аналогии в трапециях, треугольниках, проколках, пластинках со скошенным краем и с выемками, в микроскребках.[61] Нам представляется, что великолепная коллекция геометрических микролитов из слоя 4 «верх», опубликованная в статье Г. Е. Маркова,[62] носит более архаичный характер по сравнению с материалами Джейтуна. Удлиненные сегменты и треугольники, асимметричные треугольники, придающие характерный облик всему этому комплексу, или вовсе не представлены на Джейтуне или теряются там в массе правильных симметричных трапеций, составляющих основную массу геометрических микролитов. В этом отношении скорее можно сопоставлять с Джейтуном слой 3 Дам-Дам-Чешме, где такие трапеции появляются, хотя опять-таки не образуют доминирующего комплекса.[63] Возможно, исследователя смутил факт находок в слое 3 фрагментов сероглиняной посуды с поверхностным лощением, о которых трудно сказать, сделаны они от руки или на круге, но в которых усматривается возможный импорт из оседлоземледельческих поселений.[64] Однако не следует забывать, что в Иране черная и серая керамика представлена по крайней мере начиная с Сиалка I, чья датировка V, а может быть, частично и VI тыс. до н. э. в настоящее время является наиболее вероятной. Отметим также наличие в слое 3 бусины из раковины, аналогичной джейтунским находкам.[65] Если даже в «11 очень мелких обломках лепных сосудов», обнаруженных в слое 4 «верх»,[66] видеть неперемещенный материал, то и тогда едва ли стоит сомневаться в ранней датировке этого неолита, имеющего сильнейшие мезолитические традиции.

Кстати, индекс геометрических орудий (IMG) по формуле $\frac{\text{геометрические орудия} \times 100}{\text{общее число орудий}}$ наиболее далек от джейтунского, где он составляет 5.4 как раз в слое 4 «верх», будучи равным всего 0.8. В слое 4 «низ» IMG составляет 2, а в слое 3 — даже 2.3.

Не менее ярко выступают связи джейтунцев с мезолитической культурой Прикаспия и при рассмотрении материалов из пещеры Гари-Камарбанд, расположенной около г. Бехшахра. К сожалению, материал из верхних слоев пещеры, представляющий для нас наибольший интерес, слабо отражен в иллюстрациях, сопровождающих отчет К. Куна о работах на этом памятнике. Остановимся прежде всего на геометрических орудиях. Большое число прекрасных асимметричных трапеций с вогнутыми краями встречено в слоях 28—23, относимых автором к раннему мезолиту. Далее в находках этих орудий следует перерыв, и они вновь встречаются в слоях 11 и 10, причем характер их, по словам К. Куна, отличен от раннемезолитической традиции.[67] Весьма близки вышеописанным каменным поделкам из Джейтуна украшения из полированного камня с просверленными отверстиями для

[59] А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 125, рис. 74, *1*.
[60] Там же, стр. 209.
[61] Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме 2..., стр. 119.
[62] Там же, стр. 113, рис. 7, *1—30*.
[63] Там же, стр. 111, рис. 5, *8—12*.
[64] Там же, стр. 110; ср. стр. 109, 121—122.
[65] Там же, стр. 111, рис. 5, *31*.
[66] Там же, стр. 113.
[67] C. Coon. Cave Explorations in Iran..., p. 75.

ношения, найденные в слоях 19 и 16 Гари-Камарбанда.[68] Очень существенно, что в слоях 12 и 11 этой пещеры обнаружены конусы из необожженной глины, что указывает на весьма длительную традицию их изготовления, получившую свой расцвет на Джейтуне.[69] Были распространены в Гари-Камарбанде и бусы из раковин, аналогичные джейтунским.[70] Наконец, в верхних слоях этой пещеры найдено 10 полированных тесел, немногим отличающихся от джейтунских топоров.[71]

Таким образом, целый ряд обстоятельств указывает на связи джейтунской культуры с прикаспийским мезолитом. Среди приводившихся выше аналогий наибольшее значение, с нашей точки зрения, имеет характер геометрических орудий. Как можно было видеть, в пещере Гари-Камарбанд намечаются следующие изменения в распространении этого вида кремневых изделий. Первоначально — в пору раннего мезолита — широкое распространение получают асимметричные трапеции с вогнутыми боковыми сторонами (слои 28—23). Затем следует перерыв, когда эти орудия вовсе не встречаются (слои 22—12), чтобы вновь появиться в слоях 11 и 10, но уже в измененном виде. Аналогичная картина может быть установлена и для памятников Красноводского полуострова. Здесь в нижних слоях Джебела (8—7) геометрические орудия отсутствуют, а в слоях 6,6—5 вновь появляются частично асимметричные трапеции. Наконец, в слоях 5 и 5а широко распространены мелкие симметричные трапециевидные орудия.

В свете подобных сопоставлений, как кажется, типологическое место раннеджейтунских геометрических орудий вполне определенно. Они соответствуют той поздней стадии развития мезолита, которая непосредственно переходит в культуры неолитического периода. В Прикаспии эта стадия представлена слоями 6—5 Джебела и 11, 10 Гари-Камарбанда. Пора джейтунской культуры, особенно ее раннего этапа, была заключительной фазой расцвета этого специфического вида орудий.

Если в первой развернутой публикации материалов Джейтуна их сравнение с памятниками Ирана приходилось ограничивать ранненеолитическими напластованиями Сиалка,[72] то теперь положение существенно изменилось. Интенсивные полевые исследования, развернувшиеся в Западном Иране с 1959 г.,[73] привели к открытию целого ряда памятников как стадиально близких джейтунской культуре, так и бесспорно ей предшествующих. Даже предварительные отчеты, появившиеся в печати, свидетельствуют о прямых аналогиях, наблюдаемых между ними и оседлоземледельческим неолитом Южного Туркменистана.

Так, экспедицией Р. Брейдвуда было открыто поселение Сараб, находящееся в 7 км от г. Керманшаха, стадиально и, видимо, хронологически соответствующее Джармо,[74] этому североиракскому аналогу Джейтуна. Правда, в отличие от Джармо и, по-видимому, в силу специфики местной экологии здесь пока не обнаружено сырцовой архитектуры. Вместе с тем расписная керамика, в значительной мере краснофонная, по орнаментам разнообразнее посуды Джармо и, по мнению Р. Брейдвуда, находит известные параллели в южноиранской керамике типа Тали-Джари В и Тали-Мушки.[75] На определенной перекличке этих последних комплексов с позднеджейтунской керамикой мы еще остановимся в дальнейшем изложении.

Большой интерес представляет стратиграфия раннеземледельческого поселения Тепе-Гуран в Луристане, тщательно прослеженная датскими археологами.[76]

Всего здесь выделено 19 слоев интересующей нас эпохи общей мощностью около

---

[68] Ibid., p. 75, pl. XI, *13*, *14*.

[69] Ibid., p. 75.

[70] Ibid., pl. XI. *11*.

[71] Ibid., p. 75, pl. XII, *1—6*. Одно тесло было найдено в первом слое, два — в четвертом и семь — в траншее Б на глубине, видимо, соответствующей четвертому слою, но во всяком случае не глубже седьмого.

[72] В. М. Массон. Джейтунская культура..., стр. 72.

[73] Специально проблеме становления производящей экономики были посвящены работы в Курдистане экспедиции под руководством Р. Брейдвуда, организованной Чикагским и Тегеранским университетами и продолжавшейся с сентября 1959 по июнь 1960 г.

[74] R. J. Braidwood, B. Howe, Ch. A. Reed. The Iranian Prehistoric Project. Science, v. 133, № 3469, 1961, june 23, pp. 2008—2009.

[75] R. J. Braidwood. The Iranian Prehistoric Project, 1959—1960. Iranica antiqua, v. I, 1961, p. 6.

[76] J. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe Guran, Luristan. Acta archaeologica, v. XXXIV, 1964.

7 м. При этом в трех наиболее нижних слоях (слои T, U, V) отсутствовали находки глиняной посуды. В слоях Q, R и S керамика представлена, но нет еще сырцовой архитектуры, которая появляется лишь со слоя P. В шести нижних слоях Тепе-Гурана жилищами служили хижины, прямоугольные в плане. Вне хижин располагались очаги. Сырцовые строения со слоя M и выше технологически возведены однообразно. Материалом для стен служил, по описанию П. Мортенсена, «сырцовый кирпич»,[77] т. е., видимо, строительный материал был аналогичен джейтунскому. Соседство гор давало возможность, так же как и на джейтунском поселении Бами, в ряде случаев выкладывать основания стен из камня. Близость джейтунским домостроительным традициям отмечается и в отделке интерьера. В ряде случаев полы и стены домов в Тепе-Гуране покрывались «толстым слоем белого или красного гипса», что особенно характерно для поздних фаз. Иногда полы покрывались вымосткой белого полевого шпата, клавшегося в глину, окрашенную красной охрой.

Интересные параллели могут быть отмечены и в керамике. Наиболее ранняя керамика Тепе-Гурана, в том числе и расписная, не находит близких аналогий в джейтунских материалах. Однако «стандартная расписная посуда», появляющаяся начиная со слоя O, такие аналогии обнаруживает как в формах,[78] так и в росписи.[79] Последние относятся к расписной косополосчатой росписи, редкой на Джейтуне, но находящей параллели также в Джармо.[80] Аналогии в формах могут быть отмечены и среди керамики краснолощеного типа, начинающейся со слоя H.[81] Однако в отличие от Джейтуна на Тепе-Гуране не распространен поддон, а в верхних слоях, наоборот, появляется вогнутое дно, предвосхищающее, по справедливому замечанию П. Мортенсена, керамический комплекс Сиалка I.[82]

Значительный интерес в смысле генетических связей представляет группа стандартной керамики с росписью стиля Сараба, когда косополосчатый рисунок утяжеляется толстыми точками.[83] Видимо, дальнейшим развитием этого стиля является древнейшая расписная керамика из района Персеполя, выделенная по схеме Л. Ванден-Берга в комплексы Тали-Джари B и Тали-Мушки,[84] что верно почувствовал уже Р. Брейдвуд. В этом нет ничего удивительного, поскольку район Персеполя скорее всего был освоен земледельцами, расселяющимися из Южного Загроса, раннюю культуру которого так хорошо представляет Тепе-Гуран. Сам Л. Ванден-Берг считал соответствующие комплексы одновременными Сиалку I, что как будто подтверждается наличием сиалковских элементов в верхних слоях Тепе-Гурана. Между тем складывается впечатление, что именно соответствующая орнаментика керамики типа Тали-Джари B и Тали-Мушки повлияла на появление рисунков ячеистого типа на таком позднеджейтунском памятнике, как Бами. Отметим, что Бами расположено как раз в западном районе, в котором в силу географического положения и в эпоху бронзы отмечаются заметные иранские влияния.[85]

В предварительном отчете о раскопках Тепе-Гурана, к сожалению, не опубликованы воспроизведения кремневых орудий. Судя по описанию, здесь, как и на Джейтуне, преобладают неретушированные пластины, причем количественно первое место занимают вкладыши серпов. Имеются также сверла, концевые скребки, но геометрические микролиты (трапеции и сегменты) крайне немногочисленны. Если считать, что последние использовались в основном для оснащения стрелкового оружия, то их малочисленность с успехом компенсируется значительным количеством ядер для пращи. Из опубликованных украшений, обнаруженных на Тепе-Гуране, отметим каменную кольцевидную и продолговатую костяную бусины,[86] идентичные соответствующим изделиям Джейтуна.

Если говорить о более точных параллелях между джейтунской культурой и напластованиями Тепе-Гурана, то, судя по ке-

[77] Ibid., pp. 110—111.
[78] Ibid., fig. 16, *c*, *e*, *f*.
[79] Ibid., fig. 17, *a*.
[80] Ibid., p. 116.
[81] Ibid., fig. 16, *k*.
[82] Ibid., p. 118.
[83] Ibid., p. 116, fig. 17, *e*.
[84] L. Vanden Berghe. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1966, p. 42, pl. 49.
[85] Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, стр. 162.
[86] J. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe Guran..., fig. 20, *h*, *i*.

рамическим аналогиям, раннеджейтунские комплексы соответствуют верхним слоям этого луристанского поселения, начиная со слоя О. Косвенные аналогии между Бами и персепольскими комплексами указывают, что позднеджейтунские материалы ближе по времени к Сиалку I, т. е. находятся вне свиты Тепе-Гурана. Отметим, что слой Н датирован 5810 г. до н. э. (±150). Вместе с тем керамические аналогии касаются лишь части материала, а такие ведущие мотивы расписной керамики самого Джейтуна, как струйчатый и скобчатый орнаменты, не находят в Тепе-Гуране никаких соответствий.

Важное значение для изучения проблемы становления производящего хозяйства имеют раскопки поселения Али-Кош в Юго-Западном Иране, расположенного вне зоны горных хребтов и подгорных равнин.[87] На ранней фазе, датируемой ориентировочно первой половиной VII тыс. до н. э. и именуемой фазой Бас-Мордех (в первой публикации — «фаза жилых ям»), здесь появляются небольшие дома, стены которых сложены из необожженных плиток глины, но не покрыты глиняной штукатуркой. Керамика отсутствует, а кремневая индустрия, по наблюдениям авторов раскопок, близка изделиям такого североиракского памятника поры мезолита, как Карим-Шахир. По материалам, приведенным в развернутой публикации работ первого сезона, геометрические микролиты здесь отсутствуют, широко распространены концевые скребки, близкие в ряде отношений джейтунским.[88] Некоторые аналогии могут быть отмечены и в нуклеусах конической и призматической формы.[89] Вкладыши серпов и зерна пшеницы и ячменя указывают на наличие земледелия, а значительный процент молодых особей козла — на возможную доместикацию этого животного.

Во второй фазе, именуемой фазой Али-Кош и ориентировочно относимой ко второй половине VII тыс. до н. э., дома возводятся из сырцового кирпича и тщательно покрываются глиняной штукатуркой. Кирпич имеет непостоянную форму и размеры,[90] что свидетельствует об архаическом этапе развития сырцовой архитектуры. В кремневой индустрии по-прежнему отсутствуют геометрические микролиты. Правильные пластины, использованные в качестве вкладышей серпа, и выемчатые скобели, лишенные ретуши,[91] могут быть указаны в качестве параллели кремневой индустрии Джейтуна, но эти аналогии носят самый общий характер. Великолепные конические и карандашевидные нуклеусы заметно отличны от соответствующих изделий Джейтуна.[92] Характерной чертой этого горизонта Али-Коша является наличие галечных орудий типа чопперов, использовавшихся, в частности, при разделке туш таких крупных животных, как бык и онагр.[93] Как и в Джейтуне, в Али-Коше широко были распространены орудия для дробления и растирания охры.[94] В отчете о раскопках 1961 г. сообщается о находке в данном слое керамики, в том числе и расписной,[95] но в последующих публикациях этот вопрос остается открытым.

В третьем периоде (фаза Мухаммед-Джафар, первая половина VI тыс. до н. э.) появляются дома с окрашенными стенами, что позволяет вспомнить соответствующие джейтунские традиции. Появляются геометрические микролиты, но не трапеции, столь характерные для Джейтуна, а сегменты, имеющиеся, правда, и в джейтунских комплексах.[96] Некоторые аналогии могут быть отмечены и в расписной керамике,[97] но в целом ее орнаментация носит весьма развитой характер. Возможно, прав П. Мортенсен, отмечавший, что керамика Али-Коша как будто не связана с керамическими традициями загросских поселений.[98]

Таким образом, хотя джейтунскую культуру можно ориентировочно соотносить с верхними слоями Али-Коша, в основном

---

[87] F. Hole. Archaeological Survey and Excavations in Iran, 1961. Science, v. 137, 1962, pp. 524—526; F. Hole, K. V. Flannery. Excavations at Ali Kosh, Iran, 1961. Iraniqa antiqua, v. II, f. 2, 1962; F. Hole, K. Flannery, J. Neely. Early Agriculture and Animal Husbandry in Deh Luran, Iran. Current Anthropology, v. 6, 1965, № 1.

[88] F. Hole, K. V. Flannery. Excavations at Ali Kosh..., p. 123, pl. XI, *6*.

[89] Ibid., pl. XI, *5*.

[90] Ibid., p. 111.

[91] Ibid., pl. XI, *4*.

[92] Ibid., pl. XI, *3*.

[93] Ibid., pp. 119, 131, pl. IX, *3*, *5*.

[94] Ibid., pp. 118—119.

[95] Ibid., p. 117.

[96] Ibid., p. 122, pl. XI, *2*.

[97] Например, вертикальнополосчатая орнаментация (см.: F. Hole, K. V. Flannery. Excavations at Ali Kosh..., pl. VIII, *10*).

[98] P. Mortensen. Additional Remarks..., p. 34.

этот памятник рисует картину заметно отличного культурного круга. Естественно, что племена, родственные джейтунским или поддерживавшие с ними оживленные контакты, располагались в большей географической близости к их зоне обитания. В значительной мере это подтверждается материалами нижних слоев Сиалка. Отмечавшиеся выше аналогии между керамикой верхних слоев Тепе-Гурана и Сиалка I не только подтверждают датировку последнего комплекса V тыс. до н. э., но и свидетельствуют о его бесспорном заглублении в VI тыс. до н. э. Такое заключение подтверждается и рядом аналогий в расписной керамике Сиалка I и Хассуны.[99]

Нам уже приходилось отмечать значительное сходство ряда элементов в комплексе Сиалка I и джейтунских памятников.[100] Открытие памятников позднеджейтунского этапа значительно расширило круг аналогий, касающихся в первую очередь росписи на глиняной посуде. Сами формы керамики Сиалка I выглядят более развитыми по сравнению с джейтунской посудой, но определенная перекличка в их орнаментации несомненна (рис. 16). Роспись раннеджейтунской керамики представляется, правда, более архаичной, чем керамический комплекс Сиалка I, хотя отдельные аналогии можно указать в вертикальнополосчатой[101] и косополосчатой орнаментации.[102]

Число соответствий в керамике поздней и средней фазы джейтунской культуры более велико. Прежде всего это точечный орнамент, отмеченный для Сиалка I, 2 и I, 3[103] и не встречающийся позднее ни в напластованиях Сиалка, ни на памятниках Южного Туркменистана. Композиция, в которой сочетаются горизонтальный ряд треугольников и полоса прямых или волнистых линий, известна в Сиалке I, 2[104] и на Чопан-Депе. Имеется в Сиалке I, 3 и такой характерный элемент росписи среднего и позднего Джейтуна, как частосетчатый рисунок.[105] Из числа позднеджейтунских мотивов, выявленных при раскопках Чагыллы-Депе, в Сиалке представлены горизонтальноволнистая роспись (Сиалк I, 5[106]) и вертикальный зигзаг (Сиалк I, 1[107]). Весьма показательно и наличие в Сиалке I, 4 и I, 5 такого мотива, как горизонтальная линия с серией дуг, идущих ниже нее.[108] Такой рисунок широко распространен на Чагыллы-Депе.

Аналогии распространяются и на другие виды памятников материальной культуры. Так, весьма показательно наличие в Сиалке I поделок в виде усеченных конусов, представленных как каменными, так и керамическими образцами.[109] Прямой аналогией чопан-депинскому жатвенному ножу являются основы вкладышевых серпов, найденные в Сиалке в слоях I, 1, 2 и I, 4. Рукоятки серпов Сиалка увенчаны изображениями животных (баран и предположительно заяц), а также человека (уникальная скульптура).[110] Тот же принцип устройства, но без скульптурного завершения рукоятки повторяет и каменная основа аналогичного серпа из слоя Сиалк I, 2, очевидно подражающая костяным формам этого орудия.[111] Сходство жатвенных ножей Чопан-Депе и Сиалка подчеркивается наличием на чопан-депинском экземпляре выступа на рукояти, — видимо, деривата скульптурного навершия. В кремневой индустрии Сиалка I преобладают тонкие длинные пластины, обычно лишенные ретуши.[112] Однако ни геометрических микролитов, ни богатого набора скребковых орудий здесь нет, что, возможно, стоит в прямой связи с развитием металлургии. Все эти сопоставления делают весьма вероятной синхронизацию поздней фазы (и частично средней?) джейтунской культуры с Сиалком I, а также имеют определенное значение для рассмотрения проблемы происхождения джейтунской культуры.

---

[99] По мнению Р. Дайсона, эти аналогии приходятся на позднюю Хассуну (слои III—V), где появляется керамика стиля Самарры (см.: R. H. Dyson. Problems in the Relative Chronology of Iran. In: Chronologies in Old World Archaeology, Chicago—London, 1965, p. 218).

[100] В. М. Массон. 1) Джейтунская культура..., стр. 79; 2) Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 86.

[101] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I. Paris, 1938, pl. XLI, *B*, *2*.

[102] Ibid., pl. XLII, *D*, *18*. Слой Сиалк I, 3.

[103] Ibid., pl. XL, *C*, *5*; pl. XLI, *B*, *3*.

[104] Ibid., pl. XL, *C*, *2*.

[105] Ibid., pl. XLII, *D*, *9*.

[106] Ibid., pl. XLIV, *A*, *9*.

[107] Ibid., pl. XL, *A*, *10*.

[108] Ibid., pl. XLIII, *B*, *4*; XLIV, *B*, *5*; XLV, *B*, *15—16*.

[109] Ibid., pl. LII, *26—31*, *37—39*.

[110] Ibid., pp. 17—20, pl. LIV, *1—IV*.

[111] Ibid., pl. LV, *22*.

[112] Ibid., pl. LV, *1—4*, *10—15*.

Обратимся теперь ко второму крупному центру раннеземледельческих культур — иракскому.

Важнейшим раннеземледельческим памятником Ирака бесспорно является Джармо. Ставший широко известным в проблемной постановке Р. Брейдвуда, этот памятник неизменно и вполне заслуженно фигурирует как в специальной археологической литературе, так и в общеисторических сочинениях. Вместе с тем Джармо отмечает вот уже двадцатилетие своего открытия, оставаясь по существу неопубликованным. Открытое в 1948 г.[113] поселение Джарме в 1950 г. было вновь подвергнуто раскопкам, сообщение о которых появилось в самых различных органах печати.[114] Широкие раскопки на поселении развернулись в 1954—1955 гг.[115] Вместе с тем даже наиболее полное описание памятника и добытого на нем материала носит лишь самый предварительный характер и к тому же снабжено весьма ограниченным количеством иллюстраций.[116] Тем не менее уже эти данные позволяют судить о значительной перекличке материалов Джейтуна и Джармо.

Само поселение Джармо по размерам близко южнотуркменистанскому Чопан-Депе — его площадь 1.3 га, мощность культурных слоев 7 м. По уровням полов Р. Брейдвуд насчитывает здесь 16 строительных горизонтов, причем в пяти верхних (до глубины 2.25 м) уже встречается керамика. Архитектура Джармо как будто имеет мало общего с Джейтуном. Правда, ее изучение не является сильной стороной раскопок, проводившихся на этом североиракском памятнике.[117] Дома возводились из глины, иногда, что неудивительно для горной местности, на каменном фундаменте. Во всяком случае в отчетах Р. Брейдвуда ничего не говорится о наличии кирпича или глинобитных блоков, что могло быть связано и с трудностью их выявления в процессе раскопок.[118] Полы домов образовывал плотный слой песка, помещавшийся на подстилку от ветвей. Описанные очаги отличны от массивных очагов-каминов Джейтуна.

Некоторые формы глиняных сосудов Джармо обнаруживают сходство с джейтунской керамикой. Таковы, в частности, чаши, иногда имеющие ребро.[119] Небольшая выкружка стенок сосудов ниже венчика, ощущаемая в ряде джейтунских форм, более резко представлена в комплексе Джармо,[120] где, возможно, объясняется воздействием форм каменных сосудов.[121]

Гамма росписи керамики Джармо в основном та же, что и на Джейтуне, но ведущий ее мотив — косополосчатая роспись неровными линиями, состоящими каждая из серии мазков или подтеков, — не находит аналогий в Южном Туркменистане. Правда, в опубликованных материалах Джармо имеется один фрагмент с вертикальнополосчатой росписью,[122] а рисунок на другом обломке напоминает скобчатый орнамент Джейтуна в положении, повернутом на 90°.[123]

Особенно близки между собой кремневые индустрии Джармо и Джейтуна: обе отличаются высокой степенью микролитизации. Как и в Джейтуне, в Джармо было распространено использование в качестве орудий тонких неретушированных пластин, нередко сохраняющих следы битума, прикреплявшего их к рукоятке.[124] Весьма сходны

---

[113] R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. Jarmo. A Village of Early Farmes in Iraq. Antiquity, № 96, 1950, pp. 189—195.

[114] R. J. Braidwood. 1) Discovering the Wored's Earliest Village Community. ILN, 1951. dec. 15, pp. 992—995; 2) A Preliminary Note on Prehistoric Excavations in Iraqi Kurdistan. Sumer, v. VII, 1951, pp. 99—104; 3) From Cave to Village in Prehistoric Iraq. Bull. Amer. Schools of Oriental Research, № 124, 1951, pp. 12—18; 4) The Near East and Foundations for Civilization. Oregon, 1952, pp. 29—31; 5) From Cave to Village. Scientific American, № CLXXXVII, 1952, pp. 62—66; L. Braidwood. 1) The Jarmo Flint and Obsidian Industry. Sumer, v. VII, 1951, pp. 105—106; 2) Early Food Producers: Excavations in Iraqi Kurdistan. Archaeology, v. V, 1952, pp. 157—162; 3) Digging Beyond the Tigris. New York, 1953.

[115] R. J. Braidwood. The World's First Farming Village. ILN, 1956, april 28, pp. 410—411; R. J. Braidwood, Ch. A. Reed. The Iraq—Jarmo Project, 1954—1955. Sumer, v. X, 1954, pp. 120—138.

[116] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations..., 1960, pp. 26—27, 38—50, 63—66.

[117] Ср.: В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 46—47, 305—306.

[118] Р. Брейдвуд осторожно пишет, что даже прослеживание глинобитных стен в процессе археологических раскопок является очень тонкой и деликатной работой (R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations..., p. 40).

[119] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations..., pl. 15, *1*, *13*, *17*.

[120] Ibid., pl. 15, *2*, *16*.

[121] Ibid., pl. 21, *15*, *16*.

[122] Ibid., pl. 15, *11*.

[123] Ibid., pl. 15, *15*.

[124] Ibid., p. 44.

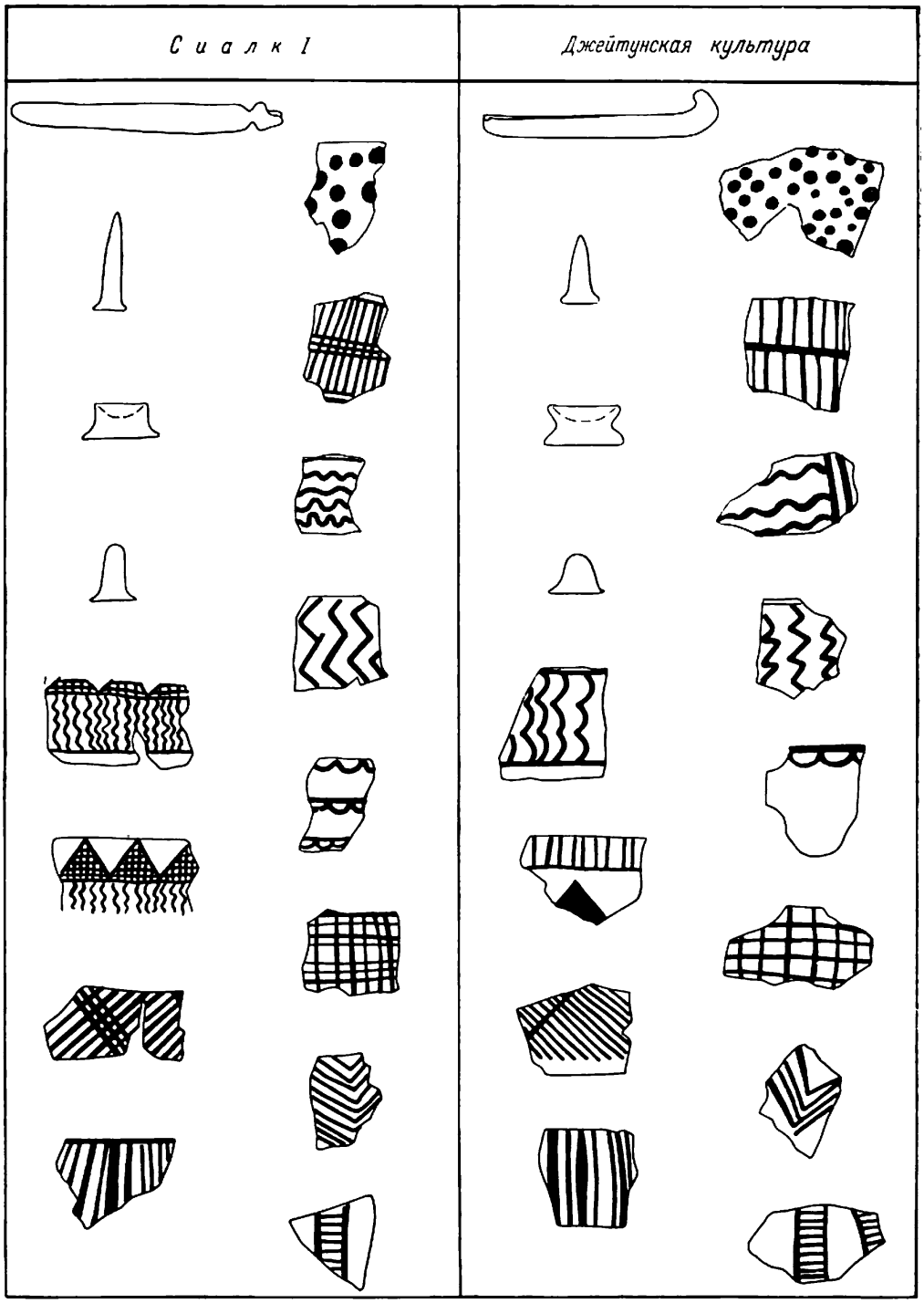

Рис. 16. Сопоставление джейтунской культуры и комплекса Сиалк I.

в обоих комплексах и пластины с выемками,[125] и сверла,[126] и миниатюрные скребочки с круговой ретушью,[127] и призматические нуклеусы.[128] Правда, наличие массивных скребков[129] и проколок на отщепах,[130] отсутствующих в Джейтуне, придает индустрии Джармо более архаический облик. Как отмечает Р. Брейдвуд, лишь в верхних слоях Джармо имеются геометрические орудия.[131] Судя по приведенной иллюстрации, формы этих симметричных трапеций и более редких сегментов практически идентичны материалам собственно Джейтуна.[132] Ф. Хоул сообщает, что трапеции характерны для верхних слоев Джармо, а в нижних распространены удлиненные треугольники.[133] Как и в Джейтуне, в Джармо имеются глиняные конусы, каменные тесла или топоры, плоские каменные диски с отверстиями, которые Р. Брейдвуд осторожно именует «пряслицами».[134] Во всяком случае, судя по керамике и геометрическим микролитам, верхние слои Джармо могут быть синхронизированы с самим поселением Джейтун, т. е. с ранней фазой джейтунской культуры.

Типологически более поздним комплексом, чем Джармо, является для Северной Месопотамии хассунская культура. В 1964—1965 гг. иракскими археологами были произведены раскопки весьма яркого памятника этой культуры — поселения Телль-эс-Севан, находящегося на левом берегу Тигра в 10 км к югу от Самарры.[135] Всего здесь отмечено 5 строительных горизонтов, причем в слое III (отсчет снизу вверх) широко распространяется расписная керамика стиля Самарры. Большой интерес представляет обнаружение в нижних слоях поселения меди и превосходной коллекции каменных статуэток и сосудов, входивших в число погребального инвентаря. Открытие в Телль-эс-Севане подтверждает мнение о том, что в самой Хассуне мы имеем дело лишь с бедным населением провинциального облика.[136] Вместе с тем в последние годы было высказано сомнение по поводу установившихся взглядов на соотношение комплексов Джармо и Хассуны. Так, П. Мортенсен выступил с утверждением, что у нас отсутствуют доказательства генезиса Хассуны на основе Джармо, а, наоборот, имеются данные о сосуществовании обеих культур на известном отрезке времени.[137] В последней публикации этот автор допускает, что носители хассунской культуры могли получить «идею культивации» из Загроса, но что керамическая и кремневая традиции Хассуны либо местные, либо принесены с гор севернее Месопотамии.[138] Подобная концепция была навеяна в основном стратиграфией поселения Телль-Шемшара, материалы которого пока не опубликованы, а лишь упоминаются в ряде информационных сообщений.[139] Здесь в нижних слоях (слои 16—14) представлен материал типа Джармо и среди кремневого инвентаря имеется несколько трапециевидных микролитов. В слое 13 появляется расписная керамика типа Самарры, хотя общий облик культуры остается прежним. Поскольку в Хассуне этот тип посуды появляется лишь в слое 4, П. Мортенсен синхронизирует Шемшару 13 с Хассуной 4 и делает вывод, что слои Шемшара 16—14 одновременны ранней Хассуне. Однако делать на основании этого вывод о взаимной одновременности Хассуны и всей культуры типа Джармо было бы по меньшей мере несправедливо. Как известно, в самом Джармо мощность культурных напластований достигает 7 м, что бесспорно соответствует большему отрезку времени, чем период существования трех нижних слоев Хассуны. Иными словами, нижние слои Шемшары скорее всего соответствуют лишь какому-то незначительному и, возможно, позднему этапу

---

[125] Ibid., pl. 17, *B* (нижний ряд).
[126] Ibid., pl. 18, *A*.
[127] Ibid., pl. 18, *B* (нижний ряд).
[128] Ibid., pl. 19, *A* (нижний ряд).
[129] Ibid., pl. 19, *A* (верхние ряды).
[130] Ibid., pl. 19, *B* (верхний ряд).
[131] Ibid., p. 45.
[132] Ibid., pl. 18, *B* (два верхних ряда).
[133] F. Hole, K. V. Flannery. Excavations at Ali Kosh..., p. 122, nota 1.
[134] Ibid., p. 45.
[135] F. El-Wailly. 1) Foreword. Sumer, v. XIX, 1963, pp. 1, 2; 2) Foreword. Sumer, v. XX, 1964, pp. 1, 2; 3) F. El-Wailly, B. Abu es-Soof. The Excavations at Tell es-Sawwan. First Preliminary Report. Sumer, v. XXI, 1965.
[136] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 62.
[137] P. Mortensen. On the Chronology of Early Village Farming Communities in Northern Iran. Sumer, v. XVII, 1962.
[138] P. Mortensen. Additional Remarks..., p. 36.
[139] H. Ingholt. The Danish Dokan Expedition. Sumer, v. XIII, 1957, p.115; P. Mortensen. On the Chronology..., pp. 76—79.

бытования комплекса Джармо. Это чувствует и сам П. Мортенсен, по синхронистической таблице которого даже Шемшара 16—14 моложе Джармо.[140] В таком случае стратиграфия этого североиракского памятника может свидетельствовать лишь о том, что ко времени расцвета Хассуны в горных областях местами сохранялась еще культура архаического облика, основанная на традициях Джармо.[141] Поэтому пока нет оснований сомневаться в правоте общей формулировки, что культура типа Джармо была предшественником культуры типа Хассуны. Вполне естественно, что по мере увеличения числа исследованных памятников обширная территория равнинной Месопотамии и загросских хребтов будет расчленена на ряд локальных областей, занятых родственными племенными группами, культуру одной из которых представляет, например, Али-Кош. Тогда проблема происхождения первых оседлых земледельцев Месопотамии будет решаться конкретно-исторически и скорее всего выявится сложная картина взаимовлияния различных культурных традиций.

Сам комплекс Хассуны в целом выглядит более развитым по сравнению с Джейтуном. Кремневая индустрия Хассуны хотя частично и сохранила микролитоидные черты, но уже совершенно не знает геометрических микролитов. Домостроение Хассуны технически имеет мало общего с джейтунской архитектурой. Здесь нет четко выраженных однокомнатных жилых домов. Крупные полушаровидные очаги Хассуны резко отличны от джейтунских очагов-каминов. Вместе с тем в Телль-эс-Севане отмечено покрытие полов слоем гипса. В керамике Хассуны с джейтунской посудой могут быть сопоставлены лишь прием, придающий подкос нижней части крупных корчаг, и форма кубковидного сосуда.[142] Каменные шлифованные топоры и тесла также находят аналогии,[143] но едва ли могут быть признаны формами, отличающимися специфическим своеобразием. Вместе с тем в Телль-эс-Севане найдены терракотовые фишки, близкие джейтунским, и каменные орудия в виде оселка с просверленным отверстием, напоминающие отжимники-ретушеры Джейтуна.[144] Однако уже кремневые серпы в Телль-эс-Севане, как и в Хассуне, имеют изогнутую форму, что резко отличает их от прямых жатвенных ножей наших памятников.

Важнейшим центром раннеземледельческих культур является Палестина. Если раньше здесь был сравнительно хорошо изучен лишь один памятник — докерамический Иерихон, с его нашумевшей обводной стеной из бутового камня,[145] то сейчас положение существенно изменилось. Раскопки целого ряда памятников,[146] и прежде всего Бейды,[147] все более превращают это казавшееся уникальным поселение в составную часть вполне реальной археологической культуры. Мы не будем разбирать здесь сложной проблемы соотношения так называемого докерамического неолита Иерихона А и В.[148] Отметим только, что большинство исследователей вслед за К. Кеньон видит в носителях культуры А прямых потомков местных натуфийцев, смененных пришельцами, принесшими откуда-то с севера культуру В.[149] Для вопросов относительной хронологии эта проблема не так существенна, поскольку взаимосменяемость культур А и

---

[140] P. Mortensen. Additional Remarks..., fig. 8.

[141] Об этом справедливо пишет Д. Мелларт (см.: J. Mellaart. Earliest Civilizations of the Near East. London, 1965, p. 52).

[142] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. JNES, v. IV, 1945, № 4, pl. XVI, *2*. Правда, расписные кубки этой формы появляются впервые лишь в слое 1а. Некоторые аналогии с Джейтуном обнаруживает и керамика Телль-эс-Севана (см., например: F. El-Wailly, B. Abu es-Soof. The Excavations..., fig. 60, *12*).

[143] F. El-Wailly, B. Abu es-Soof. The Excavations..., fig. 21, *1*, *2*.

[144] Ibid., fig. 70, pl. XXXV, JM-68770.

[145] K. Kenyon. 1) Jericho- the Word's Oldest Town. ILN, 1956, okt. 13; 2) Earliest Jericho. Antiquity, № 129, 1959; 3) Diggings up Jericho. New York, 1957; В. М. Массон. Докерамический неолит Иерихона. СА, 1958, № 3.

[146] M. Steklis, T. Yizraely. Excavations at Nahal Oren. IEJ, v. 13, 1963, № 1; J. Perrot. Les deux premièrs campagnés de fouilles à Munhatta (1961—1963). Syria, t. XLI, f. 3—4, 1964.

[147] D. Kirkbride. 1) Excavation of a Neolithic Village at Seyl Aqlat near Petra. PEQ, 1960, july, dec.; 2) Five Seasons at the Prepottery Neolithic Village of Beidha in Jordan. PEQ, 1966, jan., jine.

[148] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 77—79.

[149] J. Perrot. Les deux premièrs campagnés..., p. 340; D. Kirkbride. Five Seasons..., p. 59; J. Mellaart. Earliest Civilizations..., p. 36. Такое категорическое утверждение о полной смене культур вызывает известные сомнения.

В установлена рядом стратиграфических колонок.

Параллели между Джейтуном и палестинскими памятниками наблюдаются прежде всего в сфере архитектуры. Сырцовый кирпич докерамического Иерихона не имеет еще четкой прямоугольной формы, и его овально-вытянутые очертания близки глиняным блокам Джейтуна. Пол в домах Иерихона времени культуры В покрыт известковой штукатуркой и окрашен в красный и кремовый цвет.[150] В Бейде на ранних этапах (слои VI—IV) преобладала обмазка из глины с малой примесью красной и коричневой извести. В слоях III—I, в которых кремневая индустрия аналогична докерамическому Иерихону В, уже господствует известковая обмазка.[151] Правда, сама планировка строений, насколько можно судить по каменным постройкам Бейды (в Иерихоне вскрыты лишь незначительные по площади участки), отлична от джейтунских традиций.

Меньше число аналогий в других областях материальной культуры. Так, в иерихонском неолите широко распространены изящные топорики из шлифованного камня,[152] близкие соответствующим образцам Джейтуна, где эта миниатюризация также обращает на себя внимание. Такие топорики-тесла имели столь незначительную величину, что К. Кеньон даже допускала возможность их использования в качестве амулетов.[153] Скорее перед нами орудия, связанные с какой-либо специализированной сферой производства. Костяные бусы Бейды в целом массивнее джейтунских,[154] тогда как бусы из камня в ряде случаев имеют сходную форму.[155] Имеются здесь и бусы из раковин-каури.[156] Публикация материалов Бейды явственно демонстрирует различия кремневой индустрии иерихонской культуры В и Джейтуна. По существу кроме сверл с симметричным жальцем[157] здесь нет особых совпадений. Значительное количество наконечников стрел и отсутствие геометрических микролитов в палестинских комплексах демонстрируют это особенно наглядно.

Едва ли не наиболее значительные открытия в археологии Ближнего Востока были сделаны за последние годы в Малой Азии. Раннеземледельческие культуры этой области, о значении которых раньше можно было лишь догадываться по памятникам сиро-киликийского неолита,[158] теперь ярко характеризуются блестящими комплексами Хаджилара и Чатал-Гуюка.[159] Эти памятники в особенно выразительной, хотя во многом и неожиданной форме характеризуют прогрессивные завоевания неолитической революции.

Вполне естественно, что в этой области, весьма удаленной от Южного Туркменистана, аналогии джейтунским памятникам носят весьма ограниченный характер, хотя, возможно, в ряде случаев свидетельствуют о каких-то глубинных общих традициях или закономерностях. В первую очередь это касается опять-таки строительного дела. Кирпич удлиненных пропорций, встреченный в докерамическом Хаджиларе[160] и в целом ряде наслоений Чатал-Гуюка,[161] весьма близок по размерам джейтунским блокам. Полы строений в докерамическом Хаджиларе имеют красный и кремовый цвет.[162]

К числу подобных явлений, связанных с общим пластом или общими закономерностями, относятся и погребения с костяками, окрашенными охрой, встреченные в Чатал-Гуюке.[163] Керамический комплекс малоазиатских памятников несет черты совершенно

---

[150] K. Kenyon. Diggings up Jericho, p. 55.
[151] D. Kirkbride. Five Seasons..., p. 22—23.
[152] Ibid., p. 35, fig. 10, 11.
[153] K. Kenyon. Diggings up Jericho, p. 58.
[154] D. Kirkbride. Five Seasons..., fig. 5, *2, 10, 15.*
[155] Ibid., fig. 5, 6, 8.
[156] Ibid., pl. XVI, *B.*
[157] Ibid., fig. 11, 17.

[158] R. J. Braidwood. The Earliest Village Materials of Syro-Cilicia. PPS, v. XXI, 1956, pp. 72—76; П. П. Ефименко. Неолитический Мерсин. СА, 1959, № 1, стр. 291, 299.
[159] Помимо отчетов Д. Мелларта в AS за 1958—1966 гг. см.: J. Mellaart. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967; В. М. Массон. Неолит Южной Турции. В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966.
[160] J. Mellaart. Excavations at Hacilar, 1960. Fourth Preliminary Report. AS, v. XI, 1961, p. 71.
[161] J. Mellaart. Çatal Hüyük, p. 55. Стандартный кирпич слоя II — 65—67×37×8 см. В слое III представлен кирпич размером 72×32×8 см и 42×25×8 см, в слое IV — 62×16×8 см и 92×16×10 см.
[162] J. Mellaart. Excavations at Hacilar, 1960, p. 71.
[163] J. Mellaart. Excavations at Çatal Hüyük, 1965. Fourth Preliminary Report. AS, v. XVI, 1966, p. 183.

отличных традиций по сравнению с глиняной посудой Джейтуна. Так, здесь в глину подмешивается не солома, а песок, широко распространены сосуды с ручками самых различных форм. Эти различия в общем касаются и росписи на посуде, за исключением, правда, одной орнаментальной группы. Мы имеем в виду роспись волнистыми линиями на керамике комплекса Амук B, где она самым прямым образом, как по рисунку, так и по гамме, напоминает струйчатую роспись раннего Джейтуна.[164] Этот орнамент представлен и в Хаджиларе V.[165] В энеолитическом Чатал-Гуюке, синхронизируемом Д. Меллартом с поздним Амуком B, распространена роспись как горизонтальным, так и вертикальным зигзагом,[166] а одна форма сосудов близка джейтунской керамике.[167] Возможно, подобные соответствия могут иметь и хронологическое значение, учитывая наличие такой росписи в географически промежуточном пункте — в хассунских слоях Ниневии.[168]

В неолитическом Мерсине найдены каменные тесла-топорики, близкие джейтунским,[169] а в Амуке B — поделки типа джейтунских фишек.[170] Зато кремневая индустрия представлена совершенно непохожими формами. Это различие распространяется не только на многочисленные превосходные наконечники стрел и дротиков, но и почти на все виды орудий. Отличны и удлиненно-конические нуклеусы, и миниатюрные проколки.[171] В так называемом кладе микролитов с Чатал-Гуюка нет ни одного изделия собственно геометрической формы.[172] Видимо, прав Я. Тодд, пишущий об отсутствии близких параллелей обсидиановой индустрии Анатолии уже на весьма ранних этапах.[173]

Заканчивая на этом рассмотрение круга аналогий памятникам джейтунской культуры, вернемся к вопросу об абсолютном возрасте этого основного интересующего нас комплекса. Все упомянутые выше памятники Ближнего Востока имеют определения возраста, полученные методом радиокарбоновой датировки. Как мы уже отмечали, этот метод является весьма перспективным при условии наличия серии определений и корреляций с данными относительной хронологии, полученными на основе анализа стратиграфии и массового археологического материала. Именно так и понимает возможности нового метода большинство исследователей.[174]

С целью выявления основных тенденций радиокарбоновой хронологии раннеземледельческих культур на Ближнем Востоке была составлена сводная схема датировки основных памятников по трем стадиям развития (рис. 17). Первая стадия условно названа мезолитом, вторая — докерамическим неолитом и третья — керамическим неолитом. Если говорить о раскрытии этих понятий, то под докерамическим неолитом понимаются раннеземледельческие поселения с сырцовой архитектурой или с заменяющими ее по экологическим условиям постройками из камня. К керамическому неолиту отнесены раннеземледельческие памятники, в культуре которых уже представлена глиняная посуда. Дело заключается лишь в удобстве используемой терминологии, а не в ее семантическом содержании. Формально целый ряд (но не все!) памятников керамического неолита можно было бы считать энеолитическим. В Чатал-Гуюке медь и

---

[164] R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch I. The Earlier Assemblages. OJP, v. LXI, 1960, pp. 80—81, fig. 55. Имеется такая керамика и в Мерсине (см.: J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, fig. 20, *4*, *9*, *10*).

[165] J. Mellaart. Excavations at Hacilar. First Preliminary Report. AS, v. VIII, 1958, fig. 5, *4*.

[166] J. Mellaart. Çatal Hüyük West. AS, v. XV, 1965, fig. 12, 13.

[167] Ibid., fig. 11, *1*.

[168] M. E. Mallowan. The Prehistoric Sondage of Nineveh, 1931—1932. LAAA, v. XX, 1933, pl. XXXVIII, *4*, *17*.

[169] J. Garstang. Prehistoric Mersin, p. 16, fig. 6, pl. X, *3*. По сути дела это те же миниатюрные топороки, что и в иерихонском неолите.

[170] R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. Excavations in the Plain..., p. 84, fig. 58, *4*, *5*.

[171] P. A. Birlor. The Chipped Stone Industry of Çatal Hüyük. AS, v. XII, 1962.

[172] J. Mellaart. Excavations at Çatal Hüyük, 1963. Third Preliminary Report. AS, v. XIV. 1964, p. 105 sqq.

[173] J. V. Todd. Aşikil Hüyük. A Protoneolithic Site in Central Anatolia. AS, v. XVI, 1966, p. 167.

[174] См., например: J. G. D. Clark. Radiocarbon Dating and the Spread of Farming Economy. Antiquity, № 53, 1965, p. 45; В. С. Титов. Роль радиоуглеродных дат в системе хронологии неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Археология и естественные науки. МИА, № 129, 1965, стр. 41.

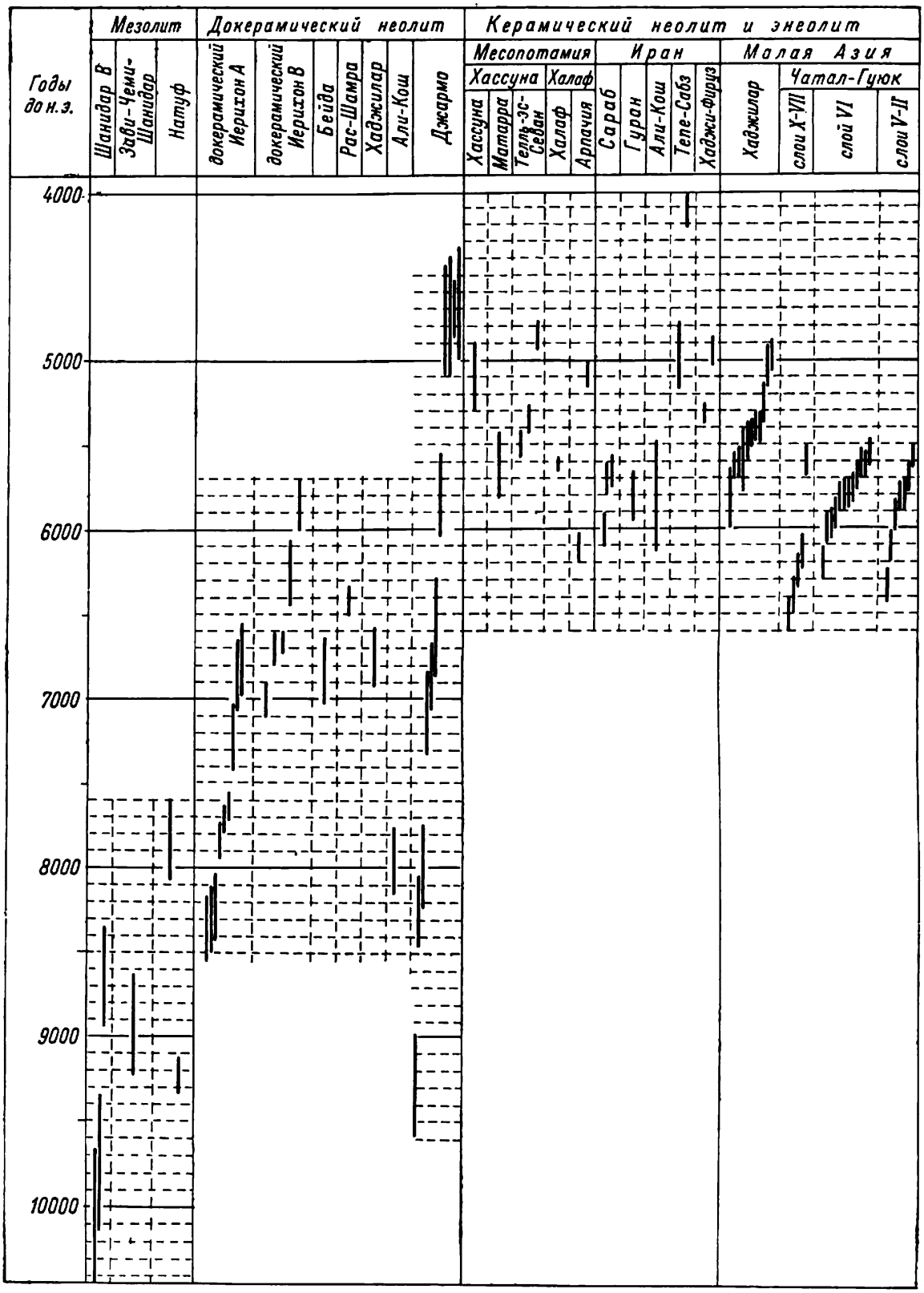

Рис. 17. Радиокарбоновая хронология мезолитических и неолитических комплексов Передней Азии.

свинец были в употреблении уже в IX слое, а в VII и VI слоях представлены медные бусы, подвески и кольца.[175] Раскопки Телль-эс-Севана свидетельствуют о том, что медь находилась в употреблении в виде бус и в ранней Хассуне.[176] Местная кованая медь использовалась в Али-Коше еще в VII тыс. до н. э.,[177] а двумя тысячелетиями ранее украшения и бусы из самородной меди, рассматривавшейся, видимо, как одна из каменных пород, были в ходу на мезолитической стоянке Зави-Чеми-Шанидар.[178] Однако первое и спорадическое употребление меди преимущественно в качестве украшений не оказало сколько-нибудь заметного воздействия на производство орудий труда. Производительность орудий кремневой и каменной индустрии, вероятно, вполне удовлетворяла производственные запросы раннеземледельческих обществ на этой стадии их развития.

Результаты определения возраста радиокарбоновым методом, систематизированные в прилагаемую схему, позволяют сделать ряд общих заключений (рис. 17). Прежде всего бесспорным является то обстоятельство, что они в целом правильно отражают картину постепенной эволюции комплексов и культур, коррелируемую сравнительно-типологическим анализом и данными стратиграфии. Вместе с тем даты, полученные этим методом, особенно вне больших серий, едва ли могут пока служить надежным основанием для уточнения хронологии в пределах двух-трех столетий. Большая серия определений по материалам Чатал-Гуюка и его четкая стратиграфия (отсчет слоев сверху вниз) являются тому наглядным примером.[179] Взятая в целом, эта серия достаточно твердо определяет время существования памятника в пределах 6500—5600 гг. до н. э.[180] Однако почти ту же амплитуду колебаний — от 6200 г. до н. э. до 5555 г. до н. э. — дают даты, определенные по 13 образцам из слоя VI. Особенно значительный разброс наблюдается в этом отношении на таком узловом памятнике, как североиракское Джармо, в отношении которого Р. Брейдвуд в качестве чисто условной цифры принимает возраст 6750 г. до н. э. (±250).[181] Поэтому к единичным датам, особенно не подтверждаемым материалами стратиграфии и сравнительно-типологического анализа, следует относиться с большой осторожностью. Так, ранние даты Халафа, полученные при анализе образцов из Тель-Халафа и Арпачии, вызывают сомнение, ибо противоречат серии дат из хассунского поселения в Телль-эс-Севане. На основе полученных определений может сложиться впечатление об одновременности халафского и хассунского комплексов, тогда как в самой Хассуне халафский материал вполне четко перекрывает пятиметровую толщу хассунских напластований.

Общая хронология интересующих нас ближневосточных комплексов с учетом подобных замечаний выглядит следующим образом. XI—IX тыс. до н. э. — это время существования мезолитических культур. Видимо, уже в VIII тыс. до н. э. в ряде мест складываются поселки с сырцовой архитектурой (докерамический неолит), и во всяком случае для VII тыс. до н. э. их существование бесспорно (Иерихон, Бейда, Хаджилар, Али-Кош). Очевидно, уже в последней трети VII тыс. до н. э. появилась первая керамика,[182] получившая широкое распространение с VI тыс. до н. э., когда складывались столь привычные для глаза археологов «культуры расписной керамики». В свете этой хронологии следует рассматривать и

---

[175] J. Mellaart. Excavations at Çatal Hüyük, 1963, Third Preliminary Report. AS, v. XIV, 1964, pp. 111—114; Th. A. Wertime. Man's First Encounters with Metallurgy. Science, v. 146, № 3649, 1964, dec. 4, pp. 1257—1267.

[176] F. El-Wailly. Foreword, 1964, p. 2. О возможности существования медных изделий в хассунских комплексах см.: В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 84, прим. 4.

[177] F. Hole, K. Flannery, J. Neely. Early Agriculture and Animal Husbandry..., p. 106.

[178] J. Mellaart. Earliest Civilizations..., p. 21.

[179] Даты см.: Radiocarbon, v. 7, 1965, pp. 191—192; J. Mellaart. Excavations at Çatal Hüyük, 1963, p. 116.

[180] В разных изданиях Д. Мелларт принимает в качестве такой общей даты то 6500—5600 гг. до н. э. (J. Mellaart. Earliest Civilizations..., p. 81), то 6500—5700 гг. до н. э. (J. Mellaart. Çatal Hüyük, p. 53).

[181] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations..., p. 69.

[182] Большой интерес представляет обнаружение в докерамической Бейде обломка сосуда, сделанного из глины, но еще не обожженного. Перед нами бесспорно поисковые опыты в овладении новым материалом, уже шедшим на обмазку полов и изготовление фигурок (см.: D. Kirkbride. Five Seasons..., p. 26).

приведенный выше сравнительно-типологический анализ джейтунской культуры. Отмечавшиеся аналогии материалов Джейтуна с материалами из верхних слоев Тепе-Гурана, Джармо и ранних фаз Сиалка I свидетельствуют о датировке Джейтуна в целом VI тыс. до н. э.[183] На эту дату указывают и параллели в расписной керамике круга Амука—Хаджилара. Такой вывод полностью согласуется с датировкой позднеджейтунских слоев на Чагыллы-Депе 5050 г. до н. э. (±110). Нельзя исключать и возможность углубления даты в конец VII тыс. до н. э., хотя ближневосточные материалы показывают, что наиболее ранней формой оседлоземледельческой культуры являются бескерамические комплексы. Таков ли был ход эволюции и на крайнем северо-востоке древнеземледельческой ойкумены и удастся ли выявить этих докерамических предшественников Джейтуна — все это должно быть делом дальнейших полевых изысканий как в Южной Туркмении, так и в Северном Иране.

До осуществления таких изысканий рассмотрим кратко проблему происхождения джейтунской культуры в современном ее состоянии. Определение ее хронологического положения и связей с памятниками соседних стран является естественной предпосылкой такого рассмотрения. К сожалению, этот вопрос до сих пор может решаться лишь на основании косвенных данных, поскольку пока неизвестны археологические комплексы, непосредственно предшествующие джейтунской культуре на территории ее распространения. В свое время была выдвинута точка зрения о том, что генетическая связь джейтунской культуры с мезолитом, устанавливаемая на основании сравнения кремневых индустрий Джейтуна и Прикаспия, указывает на мезолитических собирателей Туркмено-Хорасанских гор и Эльбурса как на возможных предшественников первых земледельцев Туркмении.[184] Хотя памятники этих гипотетических протоджейтунцев до сих пор не обнаружены, такое логическое построение получило широкое распространение в литературе.[185] В. И. Сарианиди даже полагает, что каждый из участков Копетдага был местом обитания подобных протоземледельцев и что памятники джейтунской культуры Юго-Восточной Туркмении обязаны своим появлением не племенам, расселяющимся с запада по подгорной равнине, а местным протоджейтунцам, спустившимся с гор.[186] Недавно против этой точки зрения выступила Г. Ф. Коробкова. Еще раз акцентируя внимание на близости кремневого инвентаря Джейтуна и прикаспийского мезолита, она полагает, что именно прикаспийские племена охотников-собирателей были предками древнейших земледельцев. В Копетдаге, по словам Г. Ф. Коробковой, обнаружены пока лишь памятники так называемого горного неолита, резко отличные от традиций пластинчатой индустрии равнинных пространств.[187]

Как уже отмечалось выше, сходство джейтунской культуры с памятниками прикаспийского мезолита несомненно и помимо кремневого инвентаря распространяется на отдельные виды украшений (бусы из раковин, подвески из шлифованного камня) и на конусы из глины, найденные в Гари-Камарбанде и являющиеся бесспорными предшественниками терракотовых фишек Джейтуна. Трудно отрицать и теоретическую возможность проникновения отдельных прикаспийских племен на северную прикопетдагскую равнину. Однако едва ли можно считать прикаспийский мезолит единственным источником формирования джейтунской культуры как конкретного археологического комплекса. В силу природных условий именно собирательство получило в Прикаспии слабое развитие, и лишь в VI тыс. до н. э., т. е. уже в пору существования джейтунской культуры, в Гари-Камарбанде появляются первые единичные вкладыши серпов. Конкретная картина заселения мезолитическими племенами Туркмено-Хорасанских гор, где Копетдаг образует лишь один, наиболее северный, хребет, могла представлять сложное сосуществование племенных групп с раз-

---

[183] Д. Мелларт также полагает, что Джейтун столь же древен, как и Сиалк I, если и не принадлежит даже к более раннему времени (J. Mellaart. Earliest Civilizations..., p. 76).

[184] В. М. Массон. Джейтунская культура..., стр. 78—82.

[185] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа..., стр. 95—96; О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита, стр. 15—16.

[186] В. И. Сарианиди. Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении. Автореф. дисс. М., 1963.

[187] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 20.

личными культурными традициями. Недаром в прикаспийской пещере Хоту К. Кун отмечает смену одних обитателей грота другими, имеющими архаическую кремневую индустрию.[188]

Как бы не решался вопрос о происхождении джейтунских племен в конкретно-историческом плане, остаются бесспорными тесные связи Джейтуна с раннеземледельческими памятниками Ближнего Востока. Это находит свое проявление прежде всего в такой специфической черте джейтунской архитектуры, как покрытие пола известковой обмазкой и его окраска (часто вместе со стенами) в различные цвета, но преимущественно с помощью охры. Этот характерный прием, широко применявшийся еще жителями докерамического Иерихона, сложился не в среде обитателей гротов и пещер, а вырос в практике открытых равнинных поселков типа натуфийского Эйнана. В иерихонском неолите застаем мы и традицию однокомнатных домов, рассчитанных на одну семью, традицию, также восходящую к мезолитической эпохе. Каменные и глиняные фишки для игры и мода на широкое использование охры, в обработке которой участвовал целый ряд орудий, являются двумя другими чертами этой зоны первых земледельческих культур Ближнего Востока, одной из слагаемых которой и была наша джейтунская культура. Как свидетельствуют имеющиеся материалы, каждая зона распадалась на ряд культурных общностей; из их числа сейчас хорошо изучена загросская. Весьма важны аналогии между Джейтуном и Сиалком. Они могут, на наш взгляд, свидетельствовать о том, что формирование культуры типа Сиалка происходило на основе неолитического пласта, весьма близкого в ряде отношений джейтунской культуре. Возможно, этот пласт образовывал североиранскую—южнотуркменскую общность, испытывающую воздействие со стороны племенных групп Загроса. В Сиалке, где представлены такие элементы загросской общности, как каменные браслеты и мотыги, эти влияния сильнее и заметнее. Южного Туркменистана — окраины тогдашнего культурного мира — они достигали в ослабленном виде,[189] а нередко и в более позднее время.[190]

Новые данные как будто свидетельствуют в пользу наличия достаточно обширной джейтунской общности, поскольку типичный джейтунский материал был обнаружен и в нижних слоях Ярим-Тепе, расположенного в долине Гюргена.[191] Эта общность наряду с загросской являлась одним из конкретных проявлений процесса формирования раннеземледельческих культур в обширном ближневосточном ареале.

Оставаясь как сумма этнографических признаков вполне своеобразной и самостоятельной, джейтунская культура была вместе с тем частью более обширной системы, сформировавшейся в результате кардинальных перемен, столь удачно названных Г. Чайлдом неолитической революцией.

---

[188] C. S. Coon. Seven Caves, p. 202.

[189] Так, на Чагыллы-Депе имеются глиняные браслеты, возможно подражающие аналогичным каменным изделиям (см.: О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник..., стр. 23).

[190] См. появление мотыг лишь в пору Анау IA.

[191] V. E. Crawford. Beside the Kara Su. The Metropolien Museum of Art. Bull. 1963, april, p. 272. См. также типично джейтунскую структуру стен из глиняных блоков (там же, стр. 266, рис. 13).

Часть II

ПРОИЗВОДЯЩАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ ГЕНЕЗИС

ГЛАВА 1. ХОЗЯЙСТВО ДЖЕЙТУНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Неолитическая революция как коренной переворот в сфере экономики ярче всего может быть прослежена в хозяйстве древних обществ, изучаемых методами археологии. Хозяйство джейтунской культуры, только что перешагнувшей за грань новой эпохи, представляет особый интерес для подробной характеристики. Представляется, что именно такое специальное рассмотрение хозяйства различных конкретных раннеземледельческих обществ, а не трафаретные, бродячие формулировки, зачастую помещаемые в конце археологических отчетов, позволит со временем создать достаточно надежную фактологическую базу для более глубокого решения вопросов первобытной истории.

Некоторые стороны хозяйства джейтунской культуры прежде всего благодаря полному вскрытию самого Джейтуна и обстоятельному изучению Г. Ф. Коробковой соответствующих орудий труда могут быть охарактеризованы достаточно подробно. Другие же в силу характера имеющихся материалов во многом еще остаются в тени, и здесь зачастую приходится ограничиваться простым упоминанием соответствующих производств и сфер хозяйственной деятельности.

В основе хозяйства неолитического Джейтуна лежали в первую очередь производство и добыча пищи, осуществляемые с помощью земледелия, скотоводства и охоты. Ниже мы остановимся отдельно на каждой из названных отраслей, с тем чтобы в следующей главе попытаться нарисовать синтетическую картину первобытной экономики.

Важнейшее, а скорее всего ведущее значение в экономике джейтунских племен играло земледелие. На это указывают не только сам характер долговременных оседлых поселений, но и многочисленные свидетельства огромной роли земледелия и его продуктов в жизни их обитателей. Так, ни одно из поселений не обходилось без большого количества рубленой соломы (самана), щедро добавлявшейся в глину, шедшую на строительство и ремонт домов и на изготовление сосудов. Для возведения одних только стен жилых домов Джейтуна было необходимо около 10 т самана. Вместе с тем глинянo-саманная смесь шла еще на покрытие полов и крыш и на строительство довольно многочисленных подсобных строений. Измельчение соломы, возможно, производилось кремневыми ножами или теми же серпами. Как уже отмечалось выше, среди кремневого инвентаря Джейтуна имеется 1097 вкладышей от серпов. При расчете 1—3 пластины на серп, основа которого известна нам по материалам Чопан-Депе, это количество соответствует не менее 500—600 жатвенным орудиям. Разумеется, рукоятки могли оставаться в употреблении более долгое время, чем снашивавшиеся кремневые пластины. Но если в течение существования одного строительного горизонта (50—60 лет) сменяемость этого орудия труда достигала столь значительной цифры, то легко представить его первостепенное значение в трудовой деятельности джейтунцев.

Исходя только из одних находок в пределах поселения, можно сказать, что практически каждый из 30 семейных коллективов, образовывавших Джейтунский поселок, сменил за этот срок до 20 жатвенных ножей. В действительности эта цифра была,

вероятно, еще более значительной. Показательно, что вкладыши серпов вообще составляют 37% кремневых орудий Джейтуна. На позднеджейтунском поселении Чагыллы-Депе их количество также достаточно велико — 31%.

Состав злаков, возделывающихся джейтунскими земледельцами, нам известен сейчас по целому ряду находок. На самом Джейтуне обнаружены отпечатки зерен и соломы, видимо, пшеницы и бесспорные остатки ячменных зерен.[1] В нижних слоях Чопан-Депе, одновременных джейтунскому поселку, определены отпечатки стеблей и зерен пшеницы и ячменя.[2] Те же два рода зерновых были в употреблении и в пору средней фазы джейтунской культуры, как об этом свидетельствуют находки обугливших зерен на поселении Бами.[3] Серия зерен обнаружена и на позднеджейтунском поселке Чагыллы-Депе, где определены двухрядный ячмень (*Hordeum disticum*), мягкая пшеница (*Triticum vulgare*) и карликовая пшеница (*Triticum compactum*).[4] Этот же состав зерновых весьма характерен и для южнотуркменистанских земледельцев в пору энеолита и бронзы.[5]

Интересно отметить, что оба вида пшеницы, известные для поздней фазы джейтунской культуры, характерны, по Н. И. Вавилову, для восточного или ирано-афганского центра пшениц.[6] Как мы могли видеть, именно эти виды распространены у ранних земледельцев Южной Туркмении. Карликовая пшеница обнаружена в Южном Афганистане в слоях начала III тыс. до н. э. (Мундигак II) [7] и на поселениях харапской культуры в долине Инда.[8]

По-своему показательно и наличие на джейтунских памятниках именно двухрядного ячменя. По мнению Г. Хельбека, он, так же как и многорядный ячмень, произошел от дикого двухрядного ячменя. Однако, по заключению этого автора, двухрядный культивируемый ячмень соответствует зоне дождевого орошения, тогда как ячмень шестирядный — это вид, сложившийся в условиях интенсивного поливного земледелия.[9] Действительно, в VII—VI тыс. до н. э. в горных областях Курдистана был представлен двухрядный ячмень, известный по находкам в Джармо [10] и Тепе-Гуране.[11] В более засушливых условиях ассирийской степи первоначально также был распространен именно двухрядный ячмень, видимо принесенный с гор первыми земледельцами (нижние слои Али-Коша, 7000—6500 гг. до н. э.). Позднее здесь уже появляется и его шестирядная разновидность (средние слои Али-Коша, 6500—6000 гг. до н. э.).[12] Шестирядный ячмень имеется и в раннехассунском поселении Телль-эс-Севан, расположенном неподалеку от Багдада.[13]

Об условиях, в которых производилось возделывание вышеперечисленных злаков, лучше всего позволили бы судить развернутые палеогеографические исследования. Однако в одних случаях природная среда мало способствовала проведению соответствующих наблюдений, в других — эти наблюдения производились лишь в рекогносцировочном порядке. Как мы видели, джейтунские памятники занимают узкую полосу подгорной равнины, как бы зажатую между отрогами

---

[1] М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. Матер. по ист. земледелия СССР, в. II, М.—Л., 1956, стр. 108.

[2] С. А. Ершов. Холм Чопан-Депе. ТИИАЭ, т. II, 1956, стр. 19.

[3] О. К. Бердыев. Стратиграфия Бамийского поселения. СА, 1963, № 4, стр. 189.

[4] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, стр. 26.

[5] H. C. Schellenberg. Wheat and Barley from the North Kurgan Anau. In: R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. II. Washington, 1908, pp. 472—473; Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965, стр. 135—136.

[6] Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. Тр. по прикладной ботанике и селекции, т. XVI, в. 2, 1925, стр. 25—32.

[7] J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. MDAFA, t. XVII, v. I, 1961, p. 260.

[8] S. Piggott. Prehistoric India. London, 1952, p. 153.

[9] H. Helbaek. Ecological Effects of Irrigation in Ancient Mesopotamia. Iraq, v. XXII, 1960, pp. 189—190.

[10] H. Helbaek. The Paleoethnobotany in Near East and Europe. In: R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC, № 31, 1960, p. 108.

[11] J. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe Guran, Luristan. Acta archaeologica, v. XXXIV, 1964, p. 112, nota 2.

[12] F. Hole, K. Flannery, J. Neely. Early Agriculture and Animal Husbandry in Deh Luran, Iran. Current Anthropology, v. 6, 1965, № 1, p. 106.

[13] H. Helbaek. Early Hassuna Vegetable of es-Sawwan near Samarra. Sumer, v. XX, 1964, p. 46.

Копетдага и песчаными грядами Каракумов. Эта область характеризуется сухим пустынным климатом с малым количеством осадков (не более 285 мм в год). Естественно, в сельскохозяйственном производстве большую роль играет искусственное орошение в различных его видах. Сезонные водотоки прикопетдагской равнины нередко достигают значительных размеров. Однако количество постоянных водотоков невелико, они представлены лишь небольшими речками и ручьями (Кельты-Чинар, Фирюзинка, Алты-Яб, Сакиз-Яб, Арваз и др.). На границе с песками уклоны равнины, направленные от гор, по существу исчезают, и здесь в весенние месяцы скапливаются селевые воды, образуя местами обширные, но мелкие временные озера, отлагающие тонкий глинистый материал. В конусах выноса подгорных речек, ручьев, а также в зонах контакта равнины и первых песчаных гряд и расположены памятники джейтунской культуры. Примечательно, что еще Д. Д. Букинич теоретически предсказал наличие древнейших этапов орошаемого земледелия именно в подобной геоморфологической среде. Этот пионер изучения древнеземледельческой экономики писал про зону контакта: «При исключительных паводках или снегах местность не может подвергнуться сильному затоплению, так как начинает проявляться регулирующее действие песков, впитывающих огромное количество сброшенной воды. Человек на таких залитых глинистых такырах пострадать не может — он только заберется на свой курган или ближайший бархан и выждет, пока жаркое солнце пустыни быстро высушит разлившееся море воды».[14] Это описание прозорливо соответствует району Джейтуна, где само поселение, как мы видели, расположено как раз на вершине песчаного бугра.

К сожалению, район Джейтуна лишь рекогносцировочно обследовался геоморфологами. В 1956 г. Л. Г. Добриным и автором настоящих строк на основании первой рекогносцировки было высказано мнение об орошении района Джейтуна водами одного из подгорных ручьев, прорывавшихся сюда в период селей и паводков.[15] Вторичное обследование района, проведенное в 1962 г. Г. Н. Лисицыной, имевшей уже большой опыт палеогеографических изысканий в Геоксюрском оазисе, позволило внести существенные коррективы и добавления.[16]

В настоящее время к югу от Джейтуна расположен значительный участок пониженного рельефа, частично отакыренный и поросший верблюжьей колючкой. Уже в 1956 г. было высказано мнение, что здесь, на территории, затапливаемой паводковыми водами, располагались древние поля. Это было подтверждено в 1962 г. Г. Н. Лисицыной, заложившей там почвенный шурф. В его разрезе хорошо видно, как современная такырная почва перекрывает древний почвенный горизонт. Мощность этого древнего почвенного слоя достигает 85 см, а сам слой представляет собой аллювий, переработанный человеком и природными процессами. Гумусные примазки и отсутствие солей позволяют считать его остатком земель, возделывавшихся обитателями Джейтуна.

Не подлежит сомнению, что рассматриваемый участок орошался водами одного из подгорных ручьев — Кара-Су. Л. Г. Добриным в 1956 г. было высказано мнение, что этот ручей, древняя дельта которого прослеживается у холма Овадан-Депе, в пору существования Джейтуна широко разливался, подпираемый песчаной грядой, и лишь через пропилы в этой гряде паводковые воды достигали Джейтуна. Г. Н. Лисицына после работ 1962 г. пришла к выводу, что в период неолита воды Кара-Су проникали значительно дальше на север, а позднее «широкое развитие эоловых процессов привело к формированию здесь барханного рельефа и гибели поселения».[17] Важные материалы для рассмотрения этого вопроса дало определение пород деревьев, употреблявшихся джейтунцами в качестве топлива. Восемь образцов оказались принадлежащими тополю, пять — клену и два — саксаулу.[18] Наличие

---

[14] Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Хлопковое дело, 1924, № 3—4, стр. 124.

[15] В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, 1960, стр. 40—41.

[16] Г. Н. Лисицына. 1) Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным. КСИА, в. 98, 1964, стр. 53—54; 2) Орошаемое земледелие..., стр. 24—26, 81—91.

[17] Г. Н. Лисицына. 1) Растительность Южной Туркмении..., стр. 54; 2) Орошаемое земледелие..., стр. 90.

[18] Г. Н. Лисицына. Растительность Южной Туркмении..., стр. 53.

саксаула указывает на распространение в древности песков в ближайших окрестностях Джейтуна. На существование тогда же барханного рельефа указывает и само расположение поселка, находящегося на вершине песчаного бугра четырехметровой высоты. Вместе с тем Г. Н. Лисицына справедливо указывает, что наличие тополя и клена позволяет предполагать существование недалеко от Джейтуна постоянного водотока, берега которого были покрыты древесной растительностью. Результаты специальных палеогеографических работ в Геоксюрском оазисе показали, что даже самые ранние поселки энеолитических земледельцев располагались не в зоне затухающих протоков, как теоретически полагали все исследователи вслед за Д. Д. Букиничем, а по берегам достаточно полнокровных постоянных водотоков.[19] Это совершенно закономерное явление, поскольку древние земледельцы помимо потребности в сезонном орошении полей испытывали постоянную нужду в питьевой и технической воде. Следует считать, что жители Джейтуна не были исключением в этом отношении и едва ли в период между паводками бегали за водой за несколько километров, как это выходило по реконструкции гидрографической среды, предложенной в 1956 г. Л. Г. Добриным и автором этих строк.

Не вполне ясной остается степень участия обитателей Джейтуна в обработке своих полей, располагавшихся на участках, заливаемых паводковыми водами. При предполагаемом в таком случае лиманном способе орошения деятельность человека ограничивается проведением валиков и канав, регулирующих сток воды, иногда и просто разбрасыванием семян по еще не просохшей глине. На самом Джейтуне не обнаружено ни каменных наконечников мотыг, столь характерных для Хассуны и Сиалка и появляющихся еще в пору Джармо, если не ранее, ни роговых, известных по материалам Триполья, а теперь и закавказских памятников. Можно было бы сослаться в данном случае на вообще крайнюю редкость каменных изделий на Джейтуне, удаленном от соответствующей сырьевой базы, но наконечники мотыг отсутствуют и на всех других памятниках джейтунской культуры. Отсутствуют мотыги и на энеолитических поселениях Южного Туркменистана, несмотря на их многолетние и систематические раскопки. Каменный наконечник мотыги был обнаружен лишь в 1965 г. О. К. Бердыевым и А. Ф. Ганялиным при раскопках поселения Чакмаклы-Депе, относящегося ко времени Анау IA и расположенного в районе Меаны-Чаачи. В настоящее время известна вторая мотыга, также происходящая с этого памятника (рис. 18). Скорее всего наличие этих орудий только в комплексе типа Анау IA является отражением западных влияний, достигших в эту пору областей Южного Туркменистана. Основные же орудия местных земледельцев начиная с джейтунской эпохи, видимо, ограничивались палкой-копалкой[20] и, может быть, небольшой деревянной лопаточкой. Вполне вероятно, что для проведения борозд использовалась суковатая палка.[21] С конца джейтунской культуры появляются уже характерные кольца-утяжелители, одевавшиеся на палки-копалки.[22] Возможно, это обстоятельство свидетельствует о начавшейся дифференциации землекопных орудий. Так, по материалам древнего Перу мы знаем, что мужским земледельческим орудием был кол, иногда с бронзовым наконечником и поперечным выступом для ноги, в то время как женщины разрыхляли уже выворочённые комья земли толстыми кольями с каменными дисками.[23] Трудно думать, что до появления колец-утяжелителей обработка земли не производилась вообще.[24] Даже если в выращивании посевов и их орошении жители Джейтуна целиком полагались на природу, то в обширном глинобитном строительстве они не могли обойтись

[19] Г. Н. Лисицына. Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса. КСИА, в. 93, 1963, стр. 69—72.

[20] К такому заключению пришло большинство авторов: В. М. Массон. Джейтунская культура, стр. 77; Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие..., стр. 25; О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита. Автореф. дисс. Ашхабад, 1965, стр. 16; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Автореф. дисс. Л., 1966, стр. 9.

[21] Однако едва ли обоснованно считать такую палку «сохой». Ср.: В. И. Сарианиди. Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении. Автореф. дисс. М., 1963, стр. 10.

[22] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 9.

[23] Народы Америки, т. II. М., 1959, стр. 282.

[24] Таково мнение И. Н. Хлопина, считавшего, что кольца-утяжелители появились лишь в пору развитого энеолита (Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, стр. 99).

без землекопных орудий, с помощью которых добывали (вероятно, на тех же полях) необходимое сырье.

Нужно отметить расположение ряда поселений джейтунской культуры, как например Чопан-Депе и Новой Нисы, по среднему течению речек и ручьев, что допускает Чаачи, долины которых представляли собой в ту пору густо заросшие тугаи. Поселение джейтунского времени у Бами, видимо, наоборот, располагалось в конусе выноса небольшого ручья. Интересно, что здесь культурные слои оказались перекрыты галечными отложениями толщиной почти в 1 м,

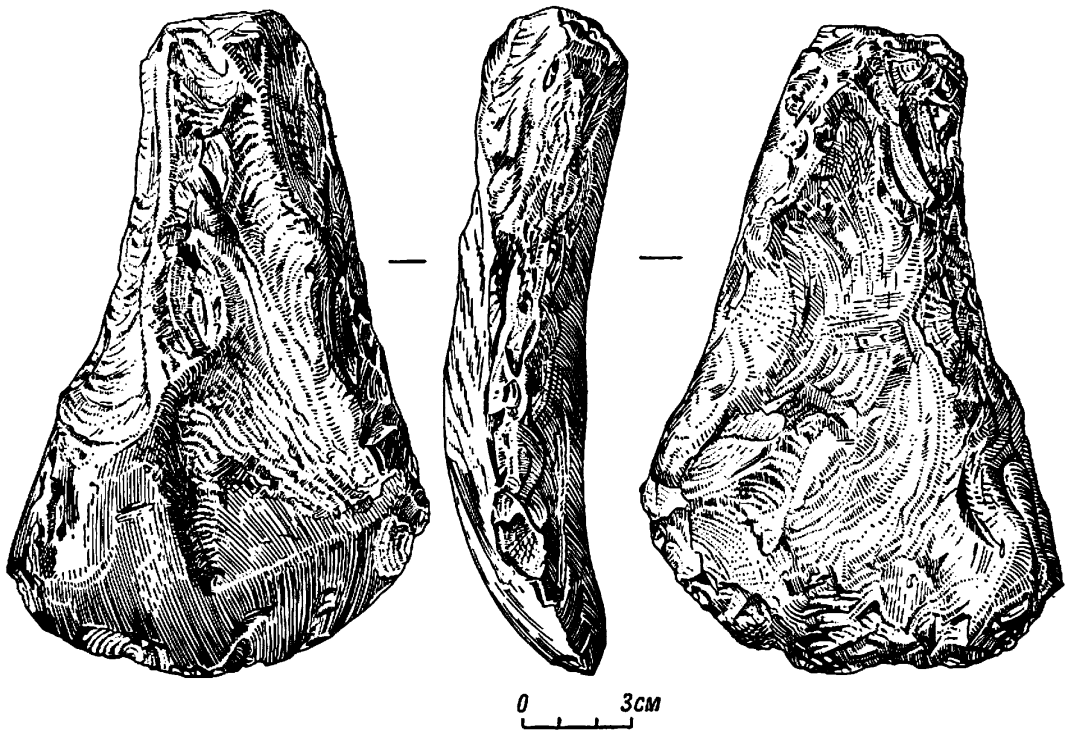

Рис. 18. Каменная мотыга времени Анау IA с Чакмаклы-Депе.

необходимость возведения специальных запруд для орошения прилегающих участков, если только их не захватывали паводковые потоки. О значительно большей обводненности районов расположения некоторых джейтунских памятников по сравнению с современным положением свидетельствуют результаты анализа древесных углей с поселения Чагыллы-Депе.[25] Здесь 43 образца оказались принадлежащими тополю, 57 — карагачу, 3 — клену, 2 — тамариску и 1 — арче, видимо доставленной с отрогов Копетдага. И состав углей, и само их обилие свидетельствуют, что в V тыс. до н. э. район Меаны-Чаачи, где располагалось это поселение, обильно орошался водами Акмазара и связанными с деятельностью этого ручья или временного водотока.

Лучше известны орудия, с помощью которых жители Джейтуна убирали урожаи на полях. Это были серпы с кремневыми вкладышами, вставлявшимися в костяную или деревянную основу. Подобная основа, найденная на Чопан-Депе, свидетельствует, что перед нами еще архаическая, прямая форма орудия, удачно именуемого жатвенным ножом.[26] Об этом свидетельствует и характер изношенности самих вкладышей серпов Джейтунского поселения.[27]

[25] Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие..., стр. 81, 91.

[26] Д. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 117.

[27] Г. Ф. Коробкова. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы. ТЮТАКЭ, т. X, 1960, стр. 112—113.

Вместе с тем в данное время на Ближнем Востоке, как показывают материалы Джармо,[28] Хассуны[29] и Хаджилара,[30] была распространена более совершенная, изогнутая форма серпа. С другой стороны, египетские земледельцы Фаюма еще в V тыс. до н. э. употребляли прямой жатвенный нож.[31] Г. Ф. Коробкова намечает известную эволюцию вкладышей серпов за период существования джейтунской культуры. Так, если на раннем ее этапе преобладали пластины правильной формы с концом, скошенным ретушью, то для среднего этапа характерны массивные грубые пластины. Тогда же появляются вкладыши с зубчатым лезвием, количество которых увеличивается на памятниках поздней фазы.[32] Следует отметить, что хотя существует реконструкция применения ранними земледельцами Древнего Востока косы с кремневыми вкладышами,[33] реальные основания в пользу подобного заключения пока отсутствуют.

Распространение находок серпов на территории поселения показывает, что подобные орудия входили в состав производственного инвентаря практически каждого семейного коллектива (рис. 19). Они не обнаружены лишь в комплексе дома 26, что, возможно, объясняется расположением дома на краю поселения, в результате чего двор практически не сохранился (уничтожен дефляцией). В основном вкладыши серпов встречаются во дворах и в жилых домах. Единичные находки аналогичных изделий в хозяйственных постройках не позволяют считать их местом хранения соответствующих орудий. Интересна концентрация во дворах групп нескольких вкладышей, обнаруживаемых в одном месте. Таковы 11 вкладышей у пом. 38, 5 вкладышей у пом. 47, группа из 3—4 орудий во дворе дома 32. Возможно, именно на этих участках производилось оснащение вкладышами костяных основ серпов. Готовые орудия могли храниться и в жилых домах (рис. 20, *а*).

Собранный урожай переносился (видимо, в плетеных корзинах) на поселение, где помещался в закрома, располагавшиеся, как мы видели, на специальном основании, допускавшем свободную циркуляцию воздуха. Джейтунцы еще не изготовляли крупных глиняных хумов, способных вместить многие десятки литров сыпучих тел, но для хранения небольших подручных запасов зерна вполне могли использоваться корчаги, концентрация которых в двух местах поселения отмечена выше. Могла использоваться для хранения зерна и яма в пом. 17, стенки которой были покрыты обожженной глиняной обмазкой. Однако единичность этой ямы допускает и ее какое-то особое назначение.

Выше (стр. 33) уже отмечалось весьма ограниченное количество каменных ступок, пестов и терочных камней, обнаруженных на Джейтуне, где соответствующий материал ценился в силу своей редкости. Вместе с тем следует иметь в виду, что древние земледельцы использовали продукты своих полей иначе, чем крестьяне более позднего времени. Ранние формы доместицированных злаков имели еще много общего со своими дикими предками, которые отличались, в частности, твердой шелухой. Поэтому, как полагают многие исследователи, для отделения зерна от мякины применялось предварительное обжаривание зерен. Вполне вероятно, что эти злаки были еще малопригодны для выпечки хлеба и что после растирания на зернотерке или толчения в ступке их употребляли в виде каши.[34] По крайней мере первое из этих заключений имеет не мало фактов, свидетельствующих в его пользу. Действительно, повсеместно на Ближнем Востоке мы находим на раннеземледельческих поселениях значительное количество печей, у которых сплошь и рядом встречаются обгорелые зерна.[35] На памятниках джейтунской культуры обгорелые зерна пшеницы и ячменя были найдены в Бами и на Чагыллы-Депе. Видимо, не

[28] R. J. Braidwood. The Near East and Foundations for Civilization. Oregon, 1952, fig. 13.
[29] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. INES, v. IV, 1945, № 4, fig. 37; F. El-Wailly, B. Abu es-Soof. The Excavations at Tell es-Sawwan. First Preliminary Report. Sumer, v. XXI, 1965, fig. 78.
[30] J. Mellaart. Excavations at Hacilar, 1960. Fourth Preliminary Report. AS, v. XI, 1961, pl. IV, *a*.
[31] G. Caton-Thompson. The Desert Fayum. London, 1934, pl. XXX, *1*.
[32] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 8—9.
[33] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna, fig. 37.
[34] K. V. Flannery. The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia. Science, v. 147, № 3663, 1965, march 12, p. 1252.
[35] R. J. Braidwood at oth. Did Man Once Lived by Beer Alone? Symposium. American anthropologist, v. LV, 1953, p. 526; R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC, № 31, 1960, p. 42.

Рис. 19. Джейтун. Распределение находок серпов по территории поселения.

Черные точки — серпы.

случайно и настойчивое стремление джейтунцев иметь в каждом доме массивный очаг, занимающий существенную часть жилой площади, особенно в небольших домах. Правда, уже на таком позднеджейтунском поселении, как Чагыллы-Депе, каменные зернотерки, куранты и песты представлены более значительным числом экземпляров.

В настоящее время трудно с уверенностью судить, какой именно род занятий древних джейтунцев следует помещать на второе место — скотоводство или охоту. Во всяком случае значение охоты на ранних ступенях развития джейтунской культуры было очень велико (табл. 5), но лишь специальное повторное исследование остеологического материала позволит установить соотношение охоты и скотоводства в хозяйстве Джейтуна. А. И. Шевченко, исследовавшая остеологические материалы Джейтуна из раскопок 1957—1958 гг., выделяла четыре основные группы копытных млекопитающих: безоаровый козел, баран дикий (*Ovis orientalis*), коза или овца и джейран.[36] Пересчет на количество особей и мяса представлен в табл. 5.

Естественно, что суммирование удельного веса безоарового козла, дикого барана, джейрана и дикой свиньи (свыше 65%) привело к выводу, что именно охота доставляла жителям Джейтуна основное количество мясной пищи.[37] Однако в настоящее время к решению этого вопроса следует подходить более осторожно. Уже А. И. Шевченко отметила на рогах безоаровых козлов Джейтуна наличие признаков положительного скручивания, что является одной из морфологических особенностей доместикации.[38] Однако на Ближнем Востоке первоначально лишь высокий процент молодых особей, обычно не забиваемых охотниками, указывает на начавшееся приручение безоарового козла. Таковы материалы иорданской Бейды[39] и нижних слоев Али-Коша.[40] К. Фланнери полагает, что соответствующий процесс имел место между 8500 и 7000 г. до н. э.[41] Позднее у одомашненного безоарового козла появляются и морфологические изменения — положительное скручивание рогов, что наблюдается в материалах Джармо,[42] Иерихона[43] и в средних слоях

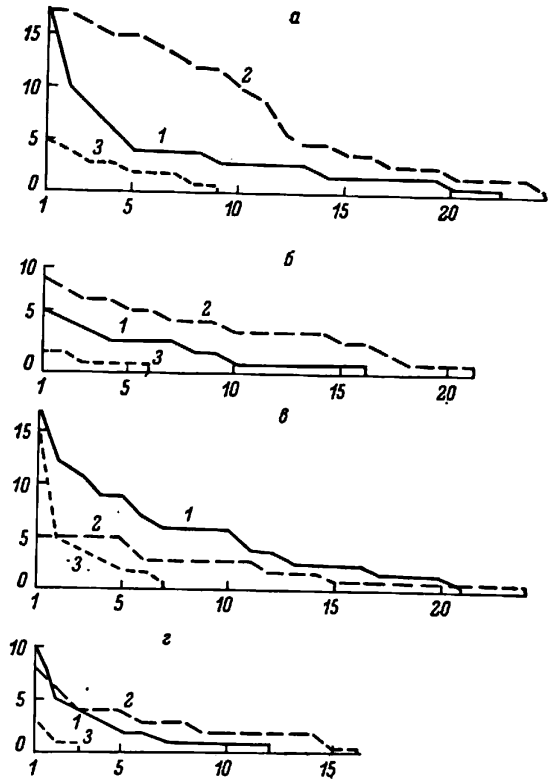

Рис. 20. Распределение находок орудий труда по дворам и помещениям различного назначения на поселении Джейтун.

По вертикали — количество орудий; *по горизонтали* — число дворов и помещений; *а* — серпы; *б* — орудия для обработки дерева; *в* — орудия для обработки шкур; *г* — предметы, связанные с обработкой кремня.

Али-Коша.[44] Наличие таких признаков в остеологических материалах Джейтуна свидетельствует скорее всего о том, что и в Южном Туркменистане процесс одомашнивания безоарового козла начался задолго до VI тыс. до н. э. По заключению К. Куна,

[36] А. И. Шевченко. К истории домашних животных Южного Туркменистана, ТЮТАКЭ, т. X, 1960, стр. 466.

[37] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 27—28.

[38] А. И. Шевченко. К истории..., стр. 475.

[39] D. Perkins. The Fauna from Madamagh and Beidha. PEQ, 1966, jan., june, p. 67.

[40] F. Hole, K. Flannery, J. Neely. Early Agriculture..., p. 106.

[41] K. V. Flannery. The Ecology..., p. 1254.

[42] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations..., p. 131—132.

[43] F. E. Zeuner. The Goats of Early Jericho. PEQ, 1955, april, pp. 71—75.

[44] F. Hole, K. Flannery, J. Neely. Early Agriculture..., p. 106.

Таблица 5

Животные	Количество особей	Вес	
		кг	%
Безоаровый козел	58	3135	41
Баран дикий	18	900	11.7
Козы и овцы	23	1196	15.6
Джейран	27	675	8.8
Различные копытные, ближе не определенные	51	1351.5	18.9
Свинья дикая	2	300	4
Итого	179	7557.5	100

преобладание молодых особей в мезолите Гари-Камарбанда свидетельствует о начальных этапах приручения козы по крайней мере в VII тыс. до н. э. [45] В. И. Цалкин считает возможным говорить о несомненных остатках домашней козы в четвертом слое грота Дам-Дам-Чешме 2,[46] относящегося ко времени не позднее VIII—VII тыс. до н. э. Все это заставляет видеть в безоаровых козлах Джейтуна уже одомашненных животных, что, естественно, меняет предлагавшуюся ранее характеристику джейтунского хозяйства.

Труднее судить об одомашнивании овцы, но скорее всего соответствующий процесс уже имел место в пору джейтунской культуры, восходя истоками также к мезолитическому периоду. В. И. Цалкин по материалам раскопок Джейтуна 1962 и 1963 гг. определяет наличие 9 особей джейрана и 28 особей мелкого рогатого скота (овца или коза), среди которых, по его мнению, имеются и домашние животные. К концу существования джейтунской культуры был одомашнен и крупный рогатый скот. Так, домашнему быку принадлежат кости из раскопок поселения Чагыллы-Депе, за исключением самого нижнего, 12-го горизонта, где, судя по размерам костей, еще представлена дикая особь.[47] В целом соотношение копытных по материалам Чагыллы-Депе представлено в табл. 6.

Таблица 6

Животные	Количество особей		
	Слой 2 (раскоп)	Слои 3—11 (шурф)	Слой 12 (шурф)
Овцы и козы	26	36	5
Крупный рогатый скот	1	4	1
Джейран	2	4	1
Кулан	1	5	1

Подобное соотношение свидетельствует о преобладании скотоводства над охотой, близко напоминая состав животных уже энеолитических памятников.[48]

Характер джейтунского скотоводства остается не вполне ясным. На самом Джейтуне, как, впрочем, и на энеолитических поселениях Южного Туркменистана, не обнаружено сооружений, могущих рассматриваться в качестве загонов и стойл. Правда, эпизодически для этой цели могли исполь-

[45] C. Coon. Cave Explorations in Iran, 1949. Philadelphia, 1951, p. 50.

[46] Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, № 2, стр. 123.

[47] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник..., стр. 26—27.

[48] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 135—136, 145; И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа..., стр. 110—111.

зоваться небольшие хозяйственные постройки, теснившиеся около жилых домов. Вполне вероятно, что рыхлые коричневатые слои джейтунских дворов связаны с содержанием на их территории скота. Но в основном скотоводство было скорее всего отгонным, с выпасом пастухами стад мелкого рогатого скота в привычных для них условиях обитания. Зоологи отмечают, что безоаровый козел, если его не теснит человек, охотно живет и на уровне моря, хотя любит пустынные и скалистые горы.[49] Дикий безоаровый козел больших стад не образует, и человеку, видимо, во всяком случае на первых порах, приходилось считаться с этой особенностью недавно приручённых животных.

Едва ли перед джейтунцами особенно остро стояла проблема заготовки кормов на зиму, бывшая центральной у скотоводов первобытной Европы.[50]

В XIX в. Ашхабадский уезд — основная территория распространения памятников джейтунской культуры — считался одним из лучших по обеспеченности пастбищами, позволявшими держать скот на подножном корму практически круглый год. При этом весной и летом использовались кормовые травы нагорной полосы и прикопетдагской равнины, а осенью осуществлялась откочевка в пески за линию железной дороги.[51] Во всяком случае отсутствие на джейтунских памятниках сколько-нибудь значительных загонов и кормохранилищ заставляет предполагать практикование подобных форм скотоводства уже в VI тыс. до н. э. Достаточно характерным является следующее описание скотоводческого хозяйства киргизов: «Рано утром стада коз и овец выгоняют с юрт, в полдень они возвращаются обратно, но после обеда они снова выгоняются в степь и возвращаются домой только под вечер. На ночь они привязываются вблизи юрт. Для ягнят устраивают особые загоны или загородки. Овцы и козы как летом, так и зимой добывают себе корм сами. Поэтому они и в зимние ночи остаются на воле. Только для ягнят устраиваются примитивные хлева. И туда им кладут сено».[52] Подобную практику можно наблюдать и по сей день в индивидуальных хозяйствах Южного Туркменистана. При выпасе скота в окрестностях Джейтуна для ночевки стад могли быть использованы дворы, сохранившие характерную гумусированность. Вероятно, в эпоху неолита меньше забот вызывал и приплод стада. Д. Н. Кашкаров отмечает, что детеныши и самки безоарового козла уже с первого дня ходят за матерью, а с третьего дня свободно карабкаются по самым рискованным скалам.[53] Вполне возможно, что в выпасе и охране стад джейтунским пастухам помогала собака: на Джейтуне были обнаружены кости четырех особей домашней собаки, а на Чагыллы-Депе — восьми особей.

Позднее одомашнивание крупного рогатого скота и его малый удельный вес в стаде[54] объясняются природными условиями: засушливый климат, степной и пустынный ландшафт более способствовали разведению овец и коз. То же явление наблюдалось и в XIX в.: в подгорной полосе в среднем на одну семью приходилось 28—32 головы мелкого рогатого скота и 0.28—0.69 крупного.[55] Недаром, когда в эпоху бронзы широко распространилось использование тягловой силы животных, едва ли не первое место здесь занял верблюд, а не бык.[56] Правда, для времени джейтунской культуры мы пока не имеем сведений ни о приручении этого корабля пустыни, ни об охоте на него. Последнее, впрочем, мало удивительно в силу невысоких вкусовых качеств верблюжьего мяса.

Остеологические материалы достаточно разносторонне характеризуют и третью отрасль джейтунского хозяйства, связанную с добыванием пищи, — охоту. Даже если считать все особи безоарового козла представителями уже одомашненных животных, то все равно 25% мясной пищи жителям самого Джейтуна доставляла охота. При этом

---

[49] Д. Н. Кашкаров. Животные Туркестана, их жизнь и значение для человека, в. 2 (Животные горного Туркестана). Ташкент, 1923, стр. 11.

[50] Д. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 131—132.

[51] А. И. Киященко. Военный обзор Закаспийской области. Асхабад, 1897, стр. 175—273.

[52] Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства, т. I. М.—Л., 1929, стр. 467.

[53] Д. Н. Кашкаров. Животные Туркестана..., в. 2, стр. 12.

[54] В энеолите около 14% стада (см.: И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа..., стр. 110).

[55] А. И. Киященко. Военный обзор..., стр. 283.

[56] Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, стр. 164; В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, № 3, стр. 176.

по числу особей первое место занимал джейран (36 экз.), затем дикий баран (18 экз.) и, наконец, кабан (2 экз.). Добывалось и некоторое количество пушных зверей — лисица (9 экз.) и кот (2 экз.). Тремя особями представлен и волк. А. И. Шевченко высказывает вполне правдоподобное мнение, что тушки пушных зверей могли разделываться прямо на месте добычи.[57] К числу зверей, имеющих одновременно и промышленное, и гастрономическое значение, принадлежал заяц (4 экз.). На Чагыллы-Депе число мясных животных, добываемых на охоте, равномерно распределено между джейраном (7 экз.) и куланом (7 экз.). Из пушных зверей здесь охотились на лису (5 экз.),[58] до сих пор широко распространенную в большинстве районов Туркмении, в том числе в окрестностях Чагыллы-Депе. Кулан и джейран (рис. 21) оставались главными объектами охоты и в пору энеолита, как об этом свидетельствуют материалы северного холма Анау[59] и памятников Геоксюрского оазиса.[60]

Как отмечают зоологи, джейран в настоящее время держится не большими стадами, а группами в 3—7 особей, редко более. Правда, по словам Д. Н. Кашкарова, в Закаспии иногда видели и огромные стада джейранов.[61] Вероятно, таково было положение и в древности. Иначе трудно объяснить, как древний человек, не располагая средствами передвижения, могущими конкурировать в скорости с этим изящным животным, добывал джейранов в столь значительном количестве. В позднемезолитическом Гари-Камарбанде именно джейраны составляли основной продукт питания населявших пещеру людей, которых К. Кун так и именует — «охотники за джейранами».

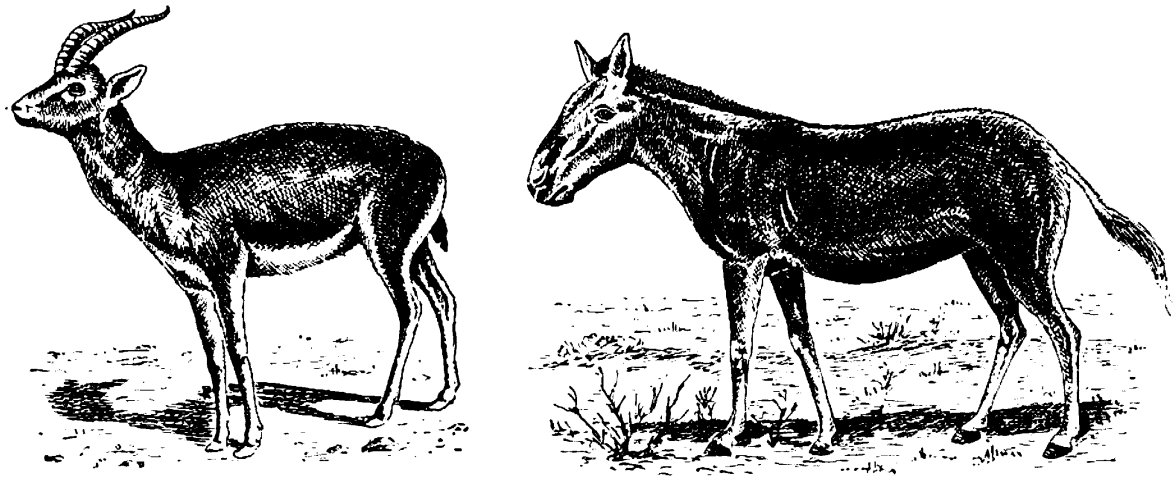

Рис. 21. Джейран и кулан. (По Д. Н. Кашкарову).

Вероятно, эти соображения в полной мере приложимы и к кулану, встречавшемуся обычно косяками от 4—5 до 30—40 голов.[62] В начале XX в. куланов добывали обычно из засады на водопое, но применялась также верховая облава с участием собак. Скорее всего охота на водопое как на куланов, так и на джейранов широко практиковалась древними джейтунцами. Но едва ли такая охота позволяла добывать зверя в большом количестве (чтобы, например, обеспечить пищей гари-камарбандских охотников, питавшихся в основном мясом джейранов). Следует предполагать существование облавной охоты, носившей коллективный ха-

[57] А. И. Шевченко. К истории..., стр. 473.
[58] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник..., стр. 27.
[59] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 135.
[60] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа..., стр. 110.
[61] Д. Н. Кашкаров. Животные Туркестана, их жизнь и значение для человека, в. 1 (Животные пустынь и пустынных степей). Ташкент, 1923, стр. 10.
[62] Там же, стр. 11.

рактер и облегчавшейся как наличием крупных стад, так и помощью собаки, известной и в Гари-Камарбанде, и на Джейтуне. Особенно легко могли добываться молодые особи, что, кстати, отмечает и К. Кун по материалам Гари-Камарбанда.[63] Охота на пушных зверей, напротив, имела скорее всего индивидуальный характер, при этом широко применялись различные ловушки и силки.

Не вполне ясным остается вопрос об оружии древних охотников как в пору джейтунской культуры, так и в предшествующий мезолитический период. Несмотря на богатую и развитую кремневую индустрию, наконечники стрел, дротиков или копий привычных для археолога форм здесь отсутствуют полностью. Вместе с тем совершенно ясно, что без метательного оружия, и в частности без лука и стрел, едва ли охота на степных животных, будь то засада на водопое или коллективная облава, могла быть особенно продуктивной. Особенно ярко данное противоречие выступает на примере мезолитических памятников, где охота доставляла основные продукты питания, а наконечники дротиков и стрел тем не менее не представлены совершенно. Это позволяет заключить, что Южный Туркменистан принадлежал к числу областей, в которых совершенствование метательного оружия шло по линии оснащения дротиков и стрел составными вкладышевыми наконечниками, с широким использованием микролитов геометрических форм. Такое использование геометрических микролитов широко известно по целому ряду находок в Европе. В Дании, например, обнаружены древки стрел со вставленными в них наконечниками в виде высоких треугольников.[64]

В умелых руках эффективным метательным оружием являлась и праща. Некоторые из камней шаровидной формы, обнаруженных на Джейтуне, могли использоваться в качестве ядер для пращи, но лишь находки в верхних слоях Чопан-Депе и на Чагыллы-Депе дают каменные и глиняные ядра для пращи характерной биконической или яйцевидной формы. Ядра для пращи именно такого вида бытовали в Южном Туркменистане вплоть до эпохи раннего железа.[65] Г. Ф. Коробкова отметила, что эти ядра могли быть использованы и в своеобразном луке-гулаке, существующем в Таджикистане вплоть до наших дней.[66] Однако в связи с падением экономического значения охоты охотничье оружие начинает использоваться преимущественно в другой функции и с другой целью — как вооружение, направленное против иноплеменных соседей. В этой его новой функции оно претерпевает дальнейшую эволюцию: в энеолитический период появляются одновременно и кремневые наконечники стрел, и медные наконечники дротиков и копий.

Как уже отмечалось, производство и добыча пищи составляли основу экономики неолитического Джейтуна. Вместе с тем для обслуживания этих хозяйственных отраслей и особенно для обработки получаемых продуктов необходимо было функционирование целого ряда домашних производств. Эта же отрасль первобытной экономики работала на удовлетворение целого ряда других запросов общества, как сугубо материальных, так и лежащих в сфере духовной культуры. Высокая степень профессионального мастерства создавала предпосылки к сложению первобытного ремесла, которое следует отличать от противостоящего сельскому хозяйству ремесла позднего периода.[67]

Джейтунские материалы позволяют охарактеризовать целый ряд домашних производств этой неолитической эпохи,[68] хотя здесь и не обнаружено сколько-нибудь ярких остатков древних мастерских. Определение орудий труда методом функционального анализа и учет распределения соответствую-

---

[63] C. Coon. Cave Explorations..., p. 49.

[64] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 70.

[65] И. Н. Хлопин. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, Б3—8, в. 1. 1963, табл. XXIII, *22*, *23*; В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, Б3—8, ч. IV, 1965, табл. XXV, *49—50*; В. М. Массон. 1) Кара-Депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X, 1960, табл. XX, *6*; 2) Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959, табл. XXXII, *1—3*, *5*, *6*, *7*, *9*.

[66] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 9.

[67] Ср.: С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. СА, 1965, № 1, стр. 61; В. М. Массон. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. Докл. и сообщ. археол. СССР на VII Междунар. конгр. доист. и протоист., М., 1966, стр. 159, 161—162.

[68] О них см.: S. Cole. The Neolithic Revolution. London, 1959, pp. 39—45.

щих объектов по территории поселения дают основание для определенных выводов по этому вопросу.

Разумеется, из всех сфер домашних производств наибольшее значение имело изготовление орудий труда. С ним мы знакомы в первую очередь по материалам кремневой индустрии, поскольку места обработки орудий из дерева и кости, так же как зачастую и сами орудия, остаются для нас неизвестными.

Производство кремневых орудий занимало важное место в трудовой деятельности древних обитателей Джейтуна. Во всяком случае следы такой деятельности для археологов особенно заметны и ощутимы. Пластины без следов обработки и отщепы, т. е. по существу заготовки орудий и отходы производства, равномерно распределены по всей территории поселка. Буквально нет ни одного дома или хозяйственного помещения, не говоря уже о дворах, где бы не встречались соответствующие предметы. Нанесение этих находок на план не выявляет каких-либо точек их особой концентрации. Можно без преувеличения сказать, что находки кремневых пластин составляют характерную черту культурных наслоений Джейтуна. Из 6474 кремневых изделий, обнаруженных на Джейтуне, 3500 — отщепы и пластины без следов обработки.

Сама техника кремневой индустрии этого неолитического поселка полностью основана на мезолитических традициях и приемах. В ее основе лежало отделение от нуклеуса правильных пластин с тонкими острыми краями, использовавшихся затем в качестве вкладышей различных составных орудий. Дополнительная обработка пластин практически не производилась, за исключением обработки ретушью одного из концов, приобретавшего скошенную форму. Широко применялось ретуширование при изготовлении микролитических изделий — трапеций, сегментов и скребков различных типов. Расщепление желваков кремня, доставляемых на Джейтун, производилось на территории поселка.[69] Такие объекты, как нуклеусы, отбойники и отжимники-ретушеры, встречены в 20 хозяйственно-жилых комплексах Джейтуна из 30 (рис. 22). При этом следует иметь в виду, что 6 из 10 комплексов, не давших находок, связаны с окраинными домами плохой сохранности (пом. 43, 46, 51, 57, 60 и 66). Кремневые же пластины и отщепы, как отмечалось выше, обнаружены во всех комплексах без исключения. Судя по распределению находок, основная работа по изготовлению кремневых орудий производилась во дворах. Именно здесь найдены все 3 отбойника и 49 нуклеусов. Работать на свежем воздухе при в основном солнечной погоде было удобнее, кроме того, джейтунцы не хотели загрязнять жилые дома. В жилых домах был обнаружен 31 нуклеус, в том числе своеобразный «склад» из 9 нуклеусов в доме 6. В хозяйственных помещениях находки соответствующих изделий, видимо, носят случайный характер (4 нуклеуса в пом. 28, 34 и 54 и 1 отжимник в пом. 49). В жилых домах иногда хранились запасы полуфабрикатов, а также орудия труда. Отжимники-ретушеры, например, главным образом были обнаружены в жилых домах (14 изделий из 22). Как отмечалось выше, эти орудия, как правило, использовавшиеся одновременно и для растирания краски, высоко ценились джейтунцами и нередко имели даже отверстие для подвешивания. Распространение соответствующих находок по территории поселения указывает, что практически производство кремневых орудий имело место почти в каждом хозяйственно-жилом комплексе.

По сравнению с мезолитической эпохой на Джейтуне наблюдается лишь иное использование скалываемых с нуклеуса пластин в соответствии с новыми хозяйственными запросами. Так, первое место среди прочих орудий занимают вкладыши серпов, появляются боковые скребки.[70] В целом кремневая индустрия неолитического Джейтуна основывалась на технических достижениях предшественников. При дальнейшем развитии джейтунской культуры мы наблюдаем постепенный упадок и деградацию этого вида домашнего производства. Уже на среднем ее этапе появляются небрежно сколотые пластины, а на позднем господствует грубая пластинчатая техника наряду с прогрессирующим исчезновением микролитических орудий.[71] В пору раннего энеолита типа

[69] Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 131.

[70] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 5.

[71] Там же, стр. 7.

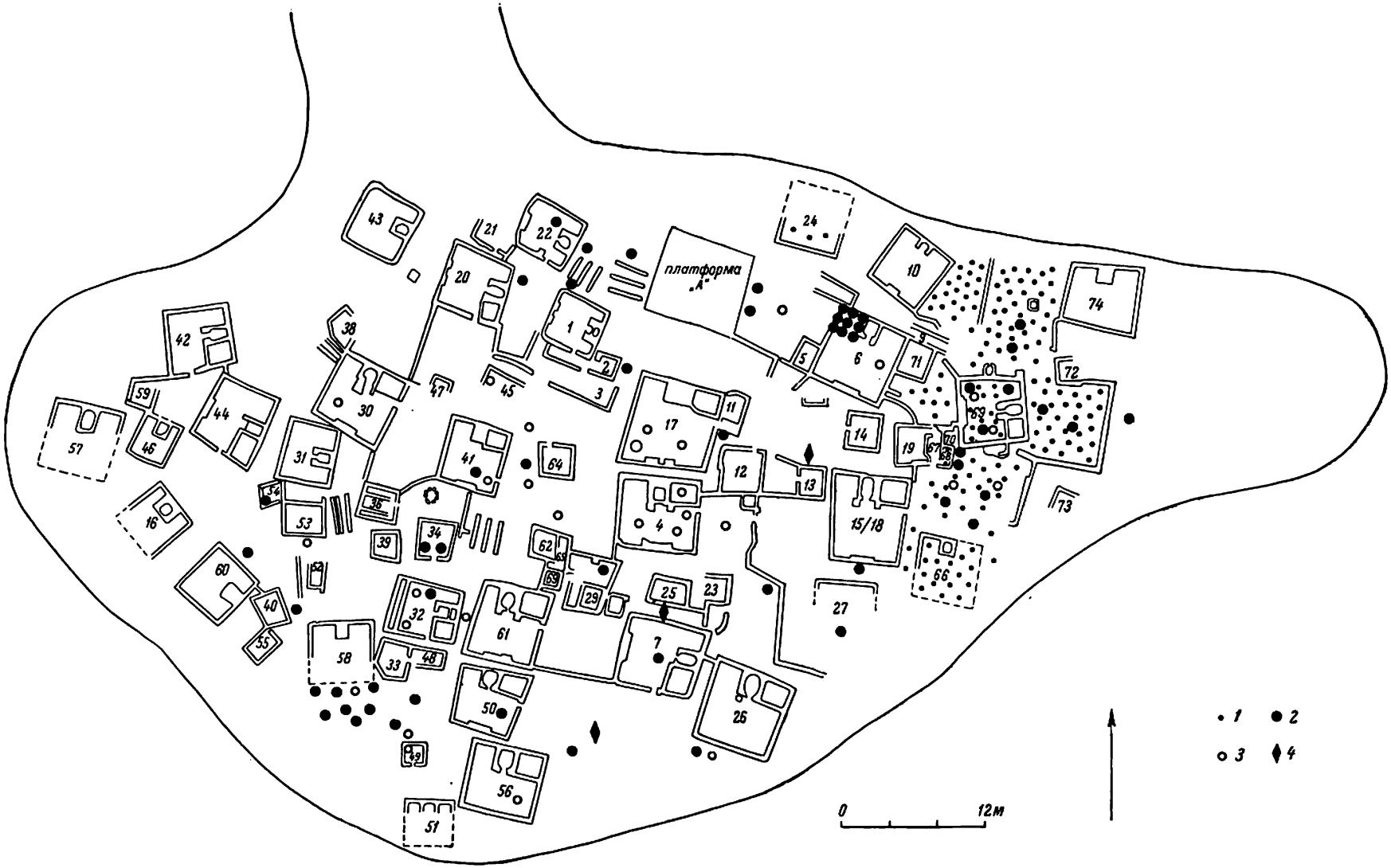

Рис. 22. Джейтун. Распределение находок, связанных с обработкой кремня, по территории поселения.

1 — пластины и отщепы без следов работы; *2* — нуклеусы и их обломки; *3* — отжимники-ретушеры; *4* — отбойники.

Намазга I этот процесс завершается.[72] Орудия труда, послужившие одной из технологических основ неолитической революции, изживают себя и практически исчезают из быта раннеземледельческих племен.

Производство орудий труда на Джейтуне, разумеется, не ограничивалось кремневой индустрией. Великолепно отшлифованные каменные тесла свидетельствуют о полном овладении абразивной техникой, зачатки которой (пришлифовывание лезвия) отмечаются еще в мезолитических комплексах. С. А. Семенов считает, что шлифование каменных орудий было одним из важнейших достижений человечества в послеледниковый период.[73] К числу шлифованных орудий Джейтуна принадлежат плитки для растирания краски и плитка с выемками, так называемый выпрямитель древков стрел. Кремневые и каменные изделия играли роль орудий для производства других орудий. С их помощью, в частности, изготовлялись костяные шилья, проколки и иглы. Окончательная их обработка и заточка производилась на каменной плитке — оселке.[74] Такие точильные камни были обнаружены на Чагыллы-Депе.[75] Несложность технологии и широкое распространение костяных шильев и проколок позволяют предполагать возможность их производства в каждом хозяйственно-жилом комплексе.

Кремневые, каменные и костяные орудия труда составляли в целом достаточно разнообразный набор инструментов, с успехом использующихся в различного вида производствах. Среди последних большую роль играла обработка шкур и кож. Охота и скотоводство в изобилии доставляли соответствующий сырьевой материал обитателям Джейтуна. Эта развитая отрасль хозяйства обладала богатым набором орудий труда, последовательно применявшихся на разных стадиях производственного процесса. Первичная грубая работа по очистке свежесодранной шкуры от мездры, сала и мышечных волокон производилась с помощью кремневых пластин, названных Г. Ф. Коробковой боковыми скребками.[76] На этой же стадии употреблялись и грубые костяные скребки, изготовлявшиеся из лопаток животных. Важной стадией обработки исходного сырья было очищение шкуры от меха, если была необходимость получить чистую кожу. Скотоводческие племена Южной Африки с этой целью посыпали шкуру землей и оставляли преть на солнце. Затем шкуру попеременно натирали жиром и мелким песком.[77] Вполне возможно, что близкий способ применялся и жителями Джейтуна, тем более что здесь не было недостатка ни в ярком солнце, ни в мелком песке. При дальнейшей обработке шкуры, в частности для пушения бахтармы, пользовались концевыми скребками и различными видами микролитических орудий этой же группы. Для выглаживания кожи использовались костяные лощила.

Обработка шкур и кожевенное производство, начальные этапы которого восходят еще к поре палеолита, достигли в неолитическом Джейтуне едва ли не наивысшего расцвета. Вероятно, шкуры и кожи шли не только на изготовление одежды, из них также делали различные мешочки, сумки, коробки и тому подобные предметы, сшивавшиеся с помощью сухожилий. При этом следует иметь в виду, что ткачество, если и существовало, то скорее всего переживало начальные этапы своего развития. Как показывают этнографические параллели, при изготовлении из кож различных предметов иглой или шилом делали отверстия по краю, в которые затем пропускали сухожилие. Видимо, так же поступали и на Джейтуне, поскольку костяные шилья и реже иглы встречаются здесь в изобилии.

Целый ряд данных указывает на то, что основным местом для обработки шкур была, так же как и в случае с кремневым производством, территория двора. Вполне естественно нежелание джейтунцев производить эту на первых этапах довольно грязную работу в жилых домах, а площадь большинства хозяйственных строений была слишком

---

[72] Ср.: И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, 1960, стр. 181—182.

[73] С. А. Семенов. Экспериментальный метод изучения первобытной техники. Археология и естественные науки. МИА, № 129, 1965, стр. 217.

[74] Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 128.

[75] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник..., стр. 21.

[76] Г. Ф. Коробкова. Применение метода микроанализа к изучению функций каменных и костяных орудий. Археология и естественные науки. МИА, № 129, 1965, стр. 193.

[77] Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства, стр. 456.

невелика для подобной деятельности. Общее распределение орудий, связанных с обработкой шкур, подтверждает сказанное (рис. 23). Во дворах найдено 121 соответствующее изделие, тогда как в жилых домах всего 56. Еще более показательно распределение орудий, применявшихся на первой стадии обработки шкур. Так, во дворах было найдено 70 боковых кремневых скребков и 12 костяных, тогда как в жилых домах соответственно 30 и 3. Г. Ф. Коробкова также отмечает, что, судя по следам сработанности на орудиях труда, обработка шкур производилась не в помещениях, а на открытых пространствах. При обработке шкур в закрытых помещениях на орудиях труда, будь то шилья или скребки, мягкий материал, как правило, не оставляет линейных следов, и сработанность орудий иллюстрируется лишь заполировкой рабочей поверхности. Соответствующие орудия Джейтуна, напротив, имеют четко выраженные линейные следы в результате попадания на них в процессе работы мелких частиц песка или земли. Условий для такого попадания на открытых дворах Джейтуна, где сам грунт наполовину состоял из каракумского песка, было более чем достаточно.

Кожевенное производство не только имело широкое распространение в джейтунском обществе, но практически являлось делом каждой его составляющей ячейки. Соответствующие орудия отсутствуют лишь в трех хозяйственно-жилых комплексах, окраинное расположение которых вообще обусловило малое количество находок (пом. 26, 42 и 60). На этом фоне несколько необычно выглядит концентрация соответствующих изделий в пом. 23, где было обнаружено 5 шильев и 10 костяных скребков. Едва ли в этом помещении следует видеть своеобразную кожевенную мастерскую, поскольку площадь его сравнительно невелика — около 6 м^2. Скорее всего оно использовалось как склад частично обработанной продукции и соответствующего инвентаря. Можно было бы предположить, что проживавший здесь коллектив в силу каких-либо причин специализировался именно на обработке шкур, однако концевые скребки и микроскребки, т. е. орудия второго этапа обработки, в этом хозяйственно-жилом комплексе не были найдены вовсе. Другим местом концентрации орудий первичной обработки шкур является хозяйственное пом. 3. Здесь было найдено 6 боковых скребков и 5 костяных.

Обработка шкур на Джейтунском поселении — последняя стадия расцвета соответствующей отрасли. Уже на среднем этапе джейтунской культуры количество скребковых орудий заметно сокращается.[78] На позднем этапе этот процесс продолжается, и, как показывает материал Чагыллы-Депе, скребки из лопаток животных здесь практически исчезают.[79] В раннем энеолите процветающее ткачество уже удовлетворяет многие потребности общества, ранее покрывавшиеся кожевенным делом. Последнее остается специализированным производством с частично прежним набором инструментов в виде костяных шильев, игл и лощил.[80] Скребковые же орудия, видимо, уже все были в эту пору металлическими.

Кремневое производство и обработка шкур принадлежали к таким видам хозяйственной деятельности, значение которых в общей системе экономики падало на протяжении неолитического периода. Вместе с тем целый ряд других видов производственной деятельности если и не возник в пору неолита, то именно тогда переживал постепенный и неуклонный подъем. Это касается, в частности, обработки дерева, с которой связаны многие джейтунские орудия, и прежде всего шлифованные топоры. Исследователи справедливо отмечают огромное значение этих орудий в освоении земледельческой экономикой лесных пространств Европы и тропического пояса.[81] В зоне земледелия аридного пояса, в котором расположены и памятники джейтунской культуры, расчистка участка под поле, как правило, не требовала применения столь мощного орудия. Но плотницкие работы приобрели здесь большое значение в связи с развитием оседлости и сопутствующей ей сырцовой архитектуры (перекрытия требовали значительного числа прочных балок определенной длины). Вместе с тем плотницкое и столярное мастерство, видимо, использовалось

---

[78] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 5.

[79] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник..., стр. 22, 24.

[80] Г. Ф. Коробкова. Каменные и костяные орудия из энеолитических поселений Южной Туркмении. ИАН ТССР, 1964, № 3.

[81] Д. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 102; С. А. Семенов. Экспериментальный метод изучения..., стр. 217.

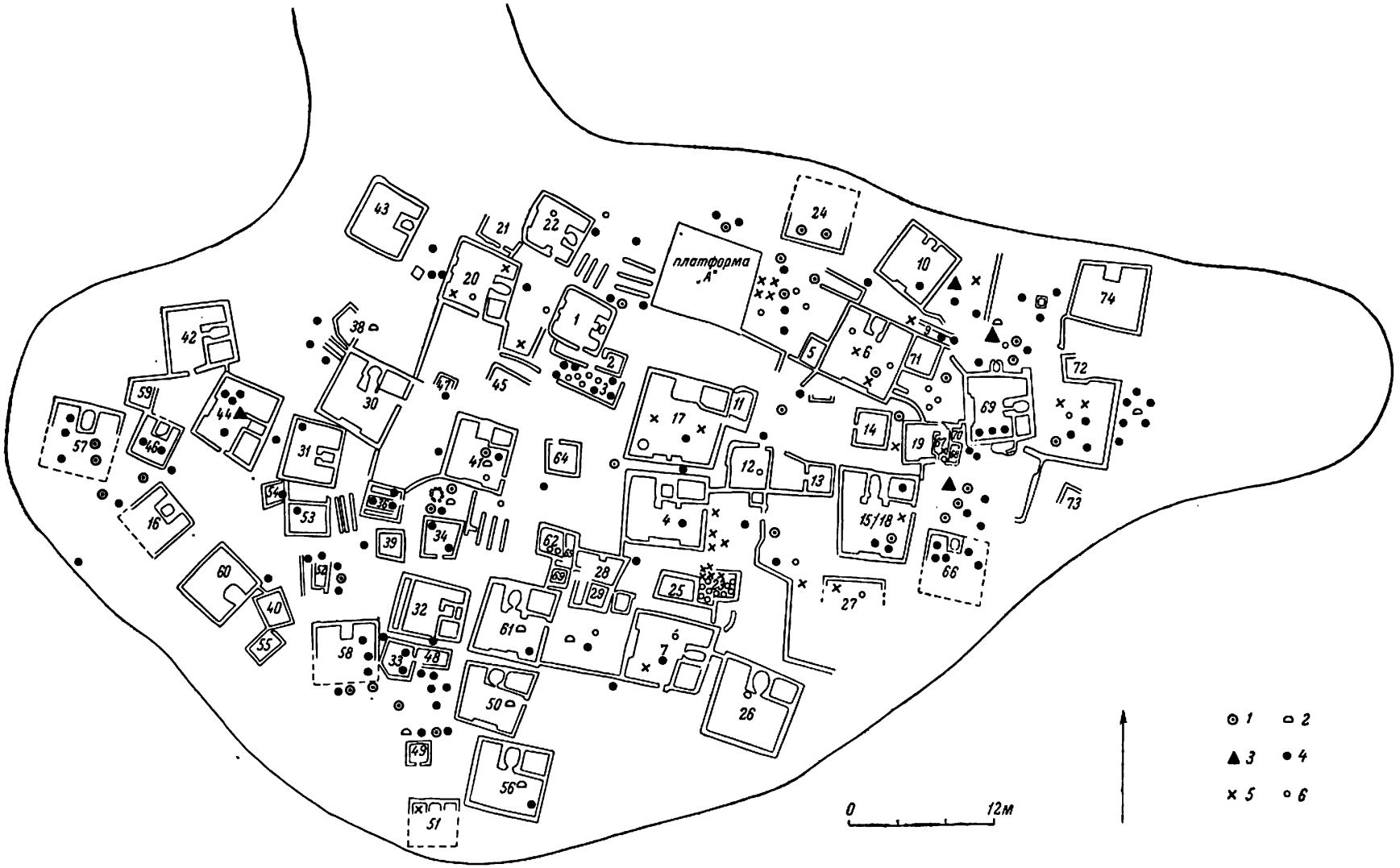

Рис. 23. Джейтун. Распределение находок орудий, связанных с обработкой шкур, по территории поселения.

1 — микроскребки; *2* — концевые скребки; *3* — скребки на отщепах; *4* — боковые скребки; *5* — проколки и иглы; *6* — скребки на лощатках.

в целом ряде работ, начиная от изготовления основ для вкладышей орудий и кончая изготовлением всевозможных сосудов и коробочек, о существовании которых в пору неолита столь ярко свидетельствуют материалы Чатал-Гуюка.[82] Правда, раскопки Джейтуна позволяют судить о соответствующем производстве лишь по наличию характерных орудий труда. Их распределение по площади поселения ясно показывает связь работ опять-таки с территорией дворов (рис. 24). Это были поистине основные производственные площадки древних джейтунцев. Именно во дворах найдены все 4 каменных тесла. Они долго находились в употреблении, в результате чего образовалась легкая скошенность лезвия, возникающая при так называемом угловом ударе. Каменные тесла привязывались к деревянной рукоятке, на что указывают потертость, заполированность и царапины, находящиеся ближе к обуху.[83] Все эти орудия небольших размеров и предназначались скорее всего для мелких плотничьих работ. Для такой же цели служили и кремневые скобели, основные находки которых сосредоточены опять-таки во дворах Джейтунского поселка. Здесь обнаружено 66 скобелей, в то время как в жилых домах их 26, а в хозяйственных помещениях всего 6. При этом следует иметь в виду, что общее количество небольших строений, отнесенных к числу хозяйственных, достигает 41. Судя по малому количеству находок орудий труда, эти помещения, как правило, не носили производственного характера. Скобели при работе нередко держали прямо в руке без всякой рукоятки, на что указывает легкая заполированность соответствующего края кремневых пластин. Миниатюрные резчики-скобели служили скорее всего для каких-либо тонких работ, например для обработки пазов в деревянной основе вкладышевых орудий. Большинство их было обнаружено на территории дворов (20 орудий из 35). Во дворе найдено и единственное на Джейтуне костяное долото.

Как и два предшествующих вида домашних производств, обработка дерева носила на Джейтуне почти всеобщий характер. Лишь в 5 из 30 хозяйственно-жилых комплексах отсутствуют соответствующие орудия труда, в том числе в двух окраинных домах плохой сохранности (пом. 51 и 60). На протяжении существования джейтунской культуры не отмечается каких-либо признаков упадка деревообрабатывающего производства. На позднеджейтунском Чагыллы-Депе обнаружены 4 каменных топора, заготовки для них, а также разнообразные кремневые скобели.[84] Последние в пору энеолита, видимо, вытесняются металлическими изделиями, хотя в это время еще встречаются небольшие каменные тесла, вероятно, специального назначения.[85] В равной мере исчезновение каменных топоров заставляет предполагать использование металла для изготовления этих орудий уже в пору раннего энеолита. Правда, пока наиболее ранний известный медный топор Южного Туркменистана датируется порой среднего энеолита.[86]

К числу производств, возникающих в неолитическую эпоху и тогда же достигающих значительного расцвета, относится производство глиняной посуды. Трудно даже судить, доставило ли на первых порах это открытие больше удобств жителям неолитических поселков или археологам, получившим долговечный и надежный материал для самого различного рода построений. Как уже отмечалось выше, глиняная посуда джейтунской культуры в целом представляет собой весьма архаический комплекс, полностью соответствующий первым этапам гончарного мастерства. Лепились глиняные сосуды ленточным способом. По наблюдениям О. К. Бердыева, ширина глиняных лент при изготовлении крупных толстостенных сосудов достигала 4—6 см.[87] В литературе высказывалось мнение, что ленточный способ изготовления ранней керамики генетически связан с ленточным плетением корзин.[88] Но эта гипотеза пока не может быть проверена на конкретном материале. Глиняная посуда Джейтуна украшалась незатейливыми рас-

[82] J. Mellaart. Excavations at Çatal Hüyük, 1963. Third Preliminary Report. AS, v. XIV, 1964, p. 86.

[83] Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 125.

[84] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник..., стр. 16, 20.

[85] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Депе..., табл. XII, *13*; В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, табл. XVIII, *1*.

[86] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа..., стр. 128, рис. 51, *1*.

[87] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник..., стр. 10.

[88] Д. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 208.

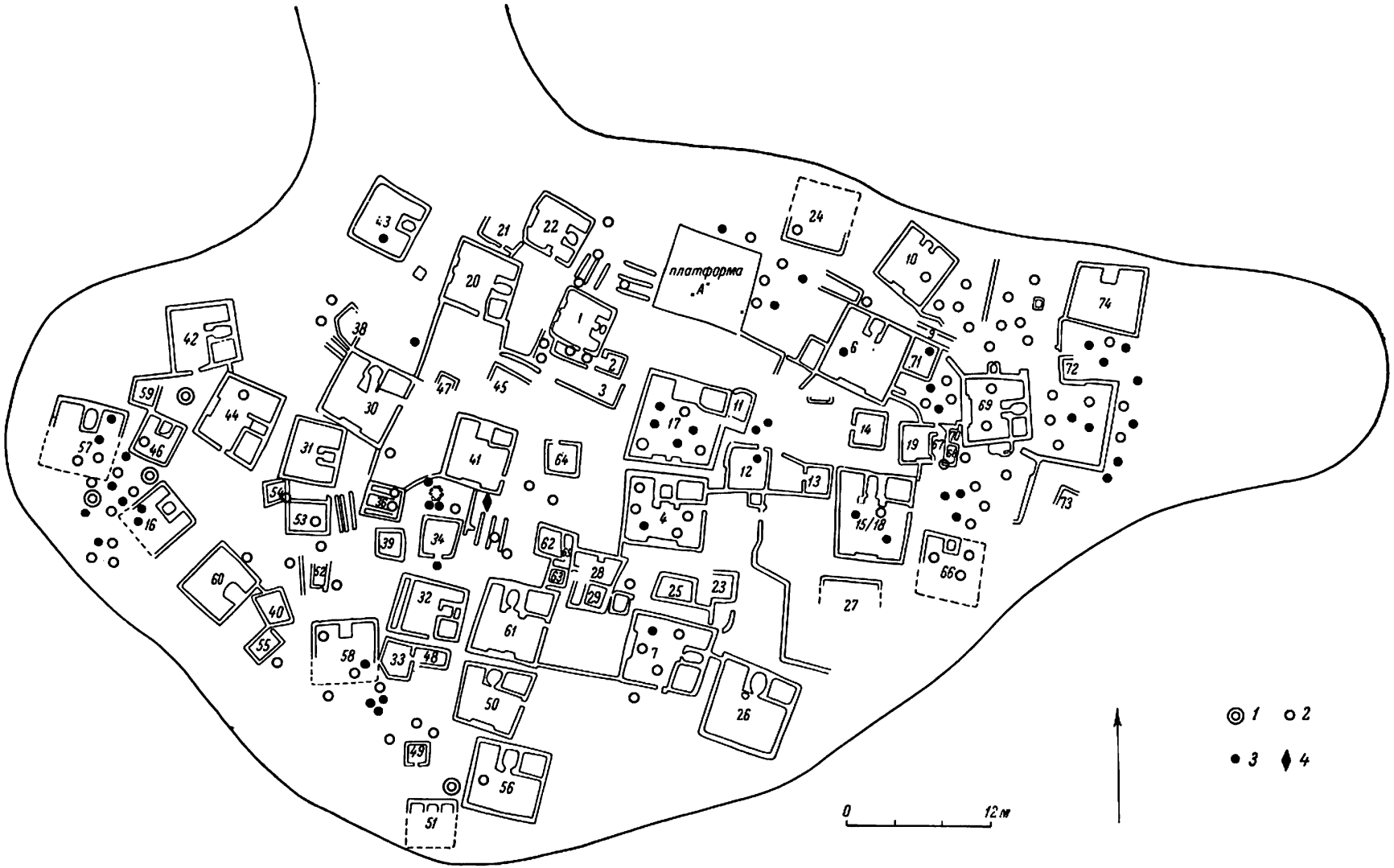

Рис. 24. Джейтун. Распределение находок орудий, связанных с обработкой дерева, по территории поселения.

1 — топоры; *2* — скобели; *3* — резчики-скобели; *4* — костяное долото.

писными узорами. Краской при этом скорее всего служила охра, о толчении и растирании которой свидетельствует целый ряд плиток и пестов, обнаруженных на поселении. Судя по характеру мазков на стенках сосудов, для нанесения краски применялась кисточка. Трубчатая кость, использовавшаяся в качестве рукоятки подобной кисти, была обнаружена на одном из энеолитических поселений Южного Туркменистана.[89] Еще до нанесения росписи поверхность некоторых сосудов обрабатывалась каменными лощилами.

Естественно предположить, что изготовление керамики, так же как и другие производства Джейтуна, было рассредоточено по отдельным хозяйственно-жилым комплексам неолитического поселка. Правда, прямых указаний на такую рассредоточенность в нашем распоряжении пока не имеется. Решение этого вопроса частично связано с проблемой характера обжига джейтунской посуды. И. Н. Хлопин полагает, что южнотуркменистанская керамика до времени Намазга II обжигалась не в особых горнах, а на открытом воздухе или в ямах без каких-либо специальных приспособлений.[90] Действительно, этнографические материалы дают целый ряд примеров подобной системы обжига: племена пуэбло,[91] южноафриканские скотоводы,[92] горные таджики.[93] Представление о первоначальном костровом обжиге глиняной посуды как более архаичном и примитивном вообще широко распространено в археологической литературе. Однако не следует забывать, что у оседлоземледельческих племен Старого Света с ранних этапов развития наряду с сырцовой архитектурой получают широкое распространение печи и очаги самых различных форм. Возможно, частично это явление было связано с необходимостью обработки продуктов земледельческого труда. Во всяком случае наличие на том же Джейтуне в каждом жилом доме массивных очагов-каминов весьма показательно. Специальные глинобитные печи-очаги позволяли легче добиваться высоких температур, чем кострища открытых стоянок. Видимо, именно этими технологическими предпосылками объясняется ранее литье металлов в таком «неолитическом» по облику памятнике, как малоазиатский Чатал-Гуюк.[94] Работы Б. Н. Пяткина показали, что джейтунская керамика обжигалась при температуре около 800°. Вполне естественно предполагать, что при обжиге глиняной посуды джейтунцы использовали накопленный ими опыт в области термодинамики. В. И. Сарианиди даже допускал, что на Джейтуне обжиг посуды мог производиться в каждом доме, где для этой цели использовались массивные очаги.[95] Однако на всем поселении отходы керамического производства были обнаружены лишь к востоку от «платформы А», что заставляет искать здесь основной и единственный центр по обжигу керамики, возможно, в сооружении типа примитивного горна. Этим горном могла по мере надобности пользоваться каждая из семей, проживающих в поселке, подобно тому как и в настоящее время в некоторых горных селениях Копетдага одна печь-тандыр используется несколькими семьями для выпечки лепешек. Не было никакой необходимости каждой семье сооружать свой собственный горн в и без того тесных, небольших двориках.

Как бы то ни было, начав массовый обжиг глиняных изделий, неолитический человек положил начало новой отрасли производства, с успехом процветающей до наших дней. Уже на Джейтуне дело не ограничивалось одним только обжигом посуды. Древние гончары производили и терракотовые фигурки, и богатый набор фишек для игры. И в дальнейшем мы наблюдаем, как в пору энеолита гончарное дело в отличие от обработки кремня и шкур неуклонно движется по восходящей линии.

Традиционным, но прогрессивно развивающимся было для неолитической эпохи производство различных украшений и подвесок. Уходя корнями еще в пору верхнего палеолита, это производство расширило свои возможности с внедрением техники шлифова-

[89] Г. Ф. Коробкова. Каменные и костяные орудия..., стр. 85, табл. II, *11*.

[90] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа..., стр. 116—117.

[91] C. E. Ghute. Pueblo Pottery Making. New Haven, 1925, p. 26.

[92] Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства..., стр. 457.

[93] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. ТИЭ, н. с., т. XLII, 1959, стр. 40—42.

[94] Th. A. Wertime. Man's First Encounters with Metallurgy. Science, v. 146, № 3649, 1964, dec. 4.

[95] В. И. Сарианиди. Керамические горны восточноанауских поселений. КСИА, в. 93, 1963, стр. 84.

ния, хотя подлинный его расцвет наступает лишь в эпоху металлургии. На Джейтуне при изготовлении бус и подвесок применялись сверление, пиление и шлифование. По наблюдениям Г. Ф. Коробковой, при изготовлении костяных бус мелкие трубчатые кости, служившие исходным материалом, надпиливались по кругу, затем обламывались, а следы облома затачивались на абразиве. В результате получались небольшие пронизки с уже готовым отверстием. В других случаях отверстие приходилось проделывать с помощью кремневых сверл. При этом сверление производилось с двух сторон, а намеченное отверстие расширялось с помощью кремневой развертки.[96] У большинства кремневых сверл на Джейтуне не было рукояток. Реже сверло насаживалось на длинный стержень, который вращался между ладонями. Кремневыми пилками, видимо, распиливали и раковины-каури, превращая их в подвески-амулеты.

Кремневые пилки, сверла и развертки были широко распространены на Джейтуне: они встречены в 19 хозяйственно-жилых комплексах. Особенной популярностью пользовались сверла, обнаруженные в 18 комплексах. Это неудивительно, поскольку сверла применялись не только при изготовлении украшений, но и при ремонте разбитой посуды, в стенках которой просверливались отверстия для стягивания ремешками или сухожилиями. Отверстия для подвешивания высверливались и в каменных отжимниках, и в шлифованных каменных подвесках и амулетах. Поэтому лишь совместные находки пилок и сверл следует рассматривать как указание на места производства бус и подвесок (рис. 25). Такие совместные находки отмечены в 7 комплексах. Так, во дворах пом. 10 и 31 обнаружены и пилки, и сверла, и развертки. Интересна концентрация трех пилок в хозяйственном пом. 3. Как и многие другие виды производственной деятельности джейтунцев, соответствующие работы протекали в основном во дворах. Именно здесь сосредоточены подавляющее большинство находок сверл и разверток и почти все пилки, из которых лишь одна была найдена в жилом доме и одна в хозяйственном помещении. Возможно, отдельные орудия, например сверла, и хранились в жилых домах (там найдено 13 сверл из 41), но основные работы с помощью этих инструментов протекали во дворах.

На протяжении существования джейтунской культуры производство украшений развивалось и совершенствовалось. Уже на ее среднем этапе появляются миниатюрные сверла, которые употреблялись в станковом сверлении. На позднеджейтунском Чагыллы-Депе станковые сверла составляют 54% всех инструментов такого типа.[97] Здесь же была сделана попытка изготовления глиняных бус, иногда покрытых красной краской.[98] Но эта практика не получила распространения в позднейших энеолитических комплексах. Как бы то ни было, энеолитические земледельцы получили в наследство от своих предшественников процветающее производство разнообразных украшений.

Может быть, появление на Чагыллы-Депе глиняных бус в какой-то мере и не случайно. Неолит Ближнего Востока, к которому столь явственно тяготеет джейтунская культура, был временем как бы открытия пластических свойств глины и всестороннего ее применения. Помимо керамического производства в первую очередь с этими свойствами глины было связано строительное дело. Сырцовая архитектура, сложившись именно в неолитическую эпоху, в значительной мере сохраняет свое значение до наших дней. Раскопки на Джейтуне зданий двух строительных горизонтов позволяют охарактеризовать эту первую фазу в истории глинобитных построек. Прежде всего необходимо было заготовить строительный материал — длинные, овальные в сечении глинобитные блоки, в которых глина была перемешана с крупно нарезанной соломой. Если последняя операция могла производиться с помощью кремневых ножей, то для добывания глины и для копки ямы, в которой можно было бы разводить раствор, нужны были землекопные орудия. Это лишний раз убеждает в существовании у джейтунцев палок-копалок, а может быть, даже грубых деревянных лопат. Высушенные на солнце кирпичи и глиняный раствор или во всяком случае глину для последнего необходимо было доставить

[96] Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 121.

[97] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 6, 10.

[98] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник..., стр. 23.

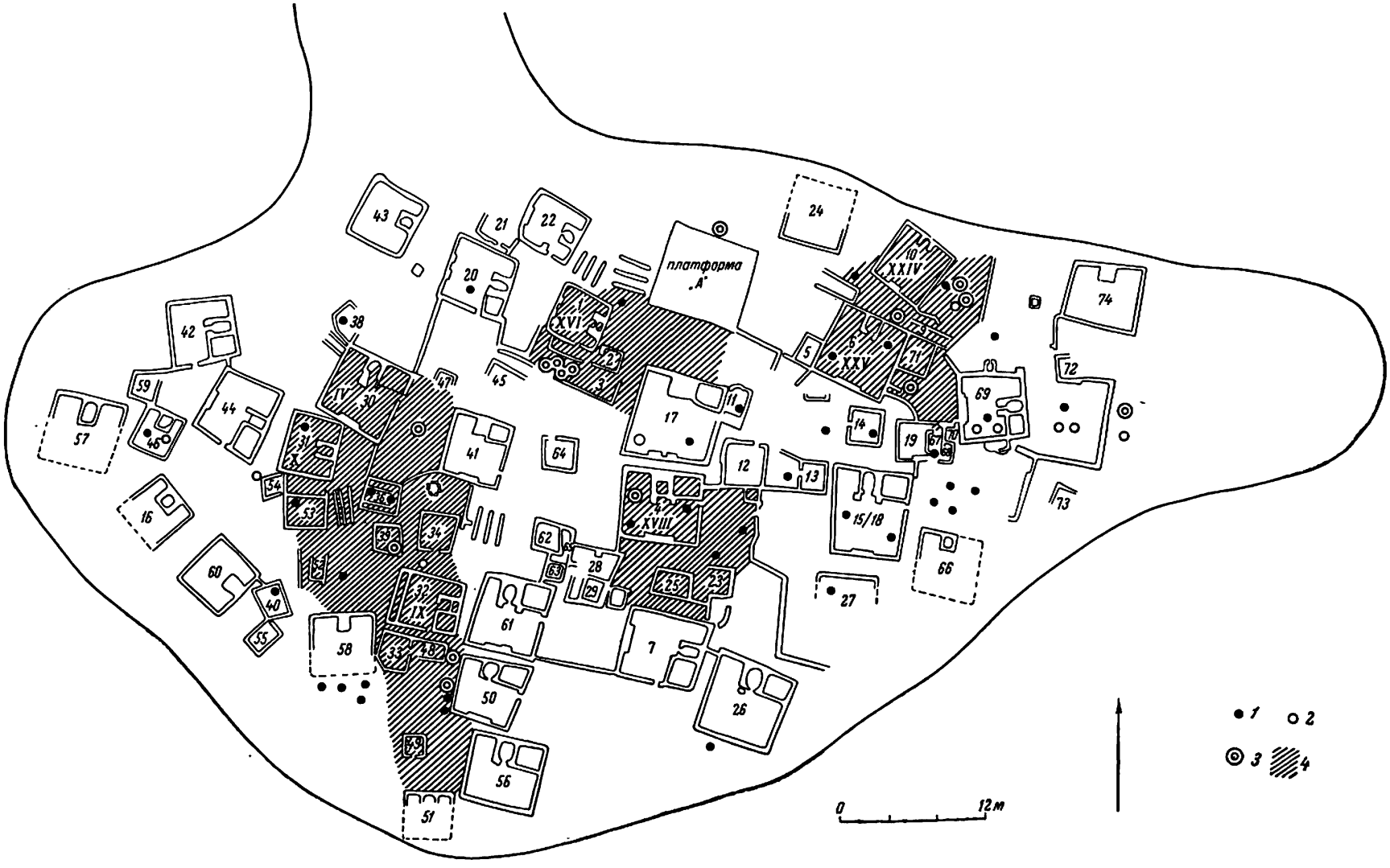

Рис. 25. Джейтун. Распределение находок сверл и пилок по территории поселения.

1 — сверла; *2* — развертки; *3* — пилки; *4* — хозяйственно-жилые комплексы, связанные с производством украшений; *римские цифры* — номера хозяйственно-жилых комплексов.

на вершину песчаного холма, где располагалось поселение. В исторической Месопотамии для этих целей широко употреблялись плетеные корзины. В Южном Туркменистане отпечатки таких корзин обнаружены в гробницах энеолитического периода.[99] На Джейтуне помимо корзин могла быть использована и кожаная тара. Имея в своем распоряжении в качестве фундамента зыбкий каракумский песок, жители Джейтуна уделяли большое внимание укреплению основания дома. Первые пришельцы покрывали песчаную поверхность холма глинобитной подушкой. Позднее жилые дома традиционно строились практически на одном и том же месте и руины старого дома служили прочным фундаментом для новой постройки. Благодаря тонким стенам, а также, вероятно, овальной форме глиняных блоков, уложенных вдоль стен, джейтунские дома нередко кренились. Сначала делались попытки укрепить накренившиеся стены, но в конце концов обветшавший дом забрасывался. При возведении нового дома стены старой постройки разрушались до высоты 50—60 см. Образовавшийся строительный мусор шел на забутовку заброшенного дома. Иногда эта забутовка производилась с помощью рядов глиняных блоков, аккуратно уложенных на полу застраиваемого дома. Образовавшийся прочный фундамент служил надежным основанием для нового строения. Такие детали, как прямоугольный очаг и расположенный на противоположной ему стене выступ с нишкой, указывают на определенную заботу строителей о ритмичном решении интерьера. Однако, судя по тому что стены даже подквадратных в плане домов имели разную величину, в их распоряжении едва ли были какие-либо измерительные инструменты кроме собственных глаз, ног и рук. В равной мере вопрос о планировке поселка в целом решался в высшей степени утилитарно. Здесь нет никакого намека на улицы или центральные открытые площади. Основная забота строителей при возведении дома состояла в выделении небольшого хозяйственного участка перед его дверьми и в обеспечении выхода из этого участка. Естественно, что стихийно формирующаяся застройка поселка иногда ставила при этом перед джейтунцами неразрешимые задачи. В дальнейшем мы еще вернемся к анализу планировки Джейтуна в связи с проблемой общественных отношений живших здесь людей.

Традиция возведения искусственных жилищ, так же как и многие другие явления джейтунского неолита, уходит в палеолитическую эпоху. Но прочная оседлость, пришедшая с переходом к земледелию, в аридной и полуаридной зонах субтропиков и прилегающих районах привела к возникновению принципиально нового явления — глинобитной архитектуры. Это было одно из важнейших последствий и достижений неолитической революции. В неказистой архитектуре Джейтуна крылись колоссальные потенциальные возможности, проявившиеся позднее в строительстве монументальных храмов и дворцов. Прогресс строительного мастерства отмечается уже на протяжении существования джейтунской культуры: на Чагыллы-Депе наряду с громоздкими и неудобными глиняными блоками входит в употребление прямоугольный сырцовый кирпич[100] — изобретение, которым с успехом пользуются наши современники. Первым шагом на пути создания зданий дифференцированного назначения было появление крупных сооружений общественного назначения, подобных общинному дому, обнаруженному на Песседжик-Депе. По своей планировке он еще повторяет стандартный тип жилого дома, увеличенного лишь в своих размерах. Вместе с тем украшение его интерьера выступами-пилястрами указывает на зарождение принципов архитектурного декора, позднее получивших на Древнем Востоке широчайшее распространение.

В заключение этой главы необходимо остановиться еще на одном виде домашних работ — на производстве пищи, которое часто выпадает из внимания археологов. Между тем и земледелие, и скотоводство, и охота — эти три кита джейтунской экономики — были направлены именно на получение пищевых продуктов, обработка и приготовление которых составляли важнейшую цель домашних производств. Изобретение глиняной посуды и массивные очаги в закрытых помещениях открывали большие возможности в этом отношении. Лишь три очага — два во дворе пом. 74 и один во дворе

[99] Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие..., стр. 102—105.

[100] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник..., стр. 4.

к югу от пом. 41 — располагались на открытом воздухе и могли иметь какое-либо специальное назначение. Для разделки туш убитых животных пользовались ножами из кремневых пластин. В джейтунских материалах насчитывается 106 орудий этого типа, и практически ими была оснащена каждая семья. Обработка остеологических материалов Али-Коша показала, что при разделке туш мелких копытных животных пользовались именно кремневыми пластинами (сохранились их следы на костях), а кости онагра и быка раскалывались крупными галечными орудиями типа чопперов.[101] Наличие в джейтунских домах перед очагами прокаленного участка, куда выгребались угли, указывает на один из возможных способов приготовления мясной пищи. Сложнее обстоит дело с вопросом о вареной пище. Выше (стр. 38) уже приводились косвенные аргументы в пользу таких ее архаических форм приготовления, как опускание в сосуды нагретых камней. Не исключено, что наряду с этим применялось и кипячение воды в сосудах, непосредственно поставленных на огонь. Данный вопрос тем более существен, что, видимо, именно варка широко использовалась и при обработке продуктов земледельческого труда. Твердые, примитивные злаки в основном были непригодны для выпечки хлеба. Для отделения зерен от мякины их обжаривали, тем более что обжаренное зерно могло храниться и зимой. В пищу же первые земледельцы скорее всего употребляли главным образом не хлеб, а кашу из растертого зерна.[102] Действительно, на Джейтуне крупный очаг располагался в каждом доме, где он занимал значительную часть полезной площади. Это свидетельствует, в частности, и о децентрализации производства пищи. Недаром камни, нагревавшиеся в огне и помещавшиеся в сосуды для варки пищи, обнаружены в каждом хозяйственно-жилом комплексе. Это важнейшее обстоятельство уводит нас за рамки рассмотрения хозяйственной деятельности собственно носителей культуры джейтунского неолита. Разрозненные наблюдения по отдельным видам хозяйственной деятельности, подстрочное чтение археологического материала необходимо объединить в общую картину экономики неолитического общества как единого и неразрывного целого. При этом оказалось неизбежным применение целого ряда новых приемов исследования и интерпретации, к характеристике которых мы и переходим.

[101] F. Hole, K. V. Flannery. Excavations at Ali Kosh, Iran, 1961. Iranica antiqua, v. II, f. 2, 1962, pp. 131—132.

[102] K. V. Flannery. The Ecology..., p. 1252.

ГЛАВА 2. ПАЛЕОЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

В археологической литературе достаточно подробно разработаны различные методы исследования раннеземледельческих культур как на стадии полевых работ, так и при обработке добытых материалов. При этом в качестве одного из направлений разработки новой методики можно назвать изучение конкретной экономики раннеземледельческих племен. В СССР опыт подобной работы был успешно осуществлен С. Н. Бибиковым, рассмотревшим экономику замкнутой группы раннеземледельческих племен на правом берегу Днестра.[1] При этом С. Н. Бибиков считал возможным говорить об изучении «хозяйственно-экономического комплекса», что кажется не вполне удачным терминологическим образованием. Более удобным и скорее всего более правильным представляется понятие «палеоэкономика». К этому термину склонился и С. Н. Бибиков, предложив интересный опыт анализа экономической структуры верхнепалеолитического стойбища.[2] Под палеоэкономикой, с нашей точки зрения, следует понимать раздел экономической науки, исследующий народное хозяйство первобытных общин и отрасли этого хозяйства.[3]

Обратимся к соответствующей характеристике джейтунского общества как типичного для раннеземледельческой экономики. Опорным объектом здесь является сам Джейтун, полностью раскопанный на уровне

[1] С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики). СА, 1965, № 2.

[2] С. Н. Бибиков. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии. Тез. докл. всесоюзн. сесс., посв. итогам археол. и этногр. иссл. 1966 г., Кишинев, 1967, стр. 12—15.

[3] В. М. Массон. 1) Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. В сб.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества рабовладения и феодализма, М., 1969; 2) Метод палеоэкономического анализа в археологии. КСИА, в. 127, 1971.

второго строительного горизонта. Завершение этих раскопок показало, что все поселение состояло из 30 однокомнатных домов,[4] бывших, судя по их размерам, местом обитания одной парной семьи, включавшей в свой состав 5—6 человек.[5] В таком случае население Джейтунского поселка состояло из 150—160 человек и эта цифра является исходной для всех последующих расчетов.

Как отмечалось выше, едва ли не первое место в хозяйстве обитателей Джейтуна занимало земледелие. Попытаемся суммарно определить потребности джейтунцев в зерне. Г. Н. Лисицына для характеристики энеолитического Геоксюра исходила из ежедневной потребности в зерне, равной 250—300 г на человека в день,[6] что скорее всего является минимальной цифрой. Основываясь на данных по Восточной Европе XVI—XVII вв., С. Н. Бибиков называет минимальной нормой потребления зерна около 16 кг на человека в месяц.[7] По нормам, распространенным в Шумере в конце III тыс. до н. э., мужчинам в месяц выдавалось в среднем 36 кг зерна, а женщинам 18 кг. Иногда выдачи женщинам колебались от 12 до 24 кг, но для мужчин они не опускались ниже 18 кг в месяц. Лица отдельных привилегированных профессий получали двойные и тройные нормы.[8]

Учитывая наличие в составе джейтунского населения женщин и детей, можно принять однодневную потребность всего поселка в зерне равной в среднем 100 кг, что даст годовую потребность в 36.5 т. Кроме того, необходимо было оставлять зерно для посевного фонда, а также, возможно частично, и на корм скоту. Исходя из этого примем общую годовую потребность джейтунцев в зерне в 44 т. Как мы видели, основной культурой ближневосточных земледельцев был ячмень и Южный Туркменистан не составлял в этом отношении какого-то исключения. При урожайности сам-15, т. е. 20—22 ц/га, необходимая площадь полей для получения 44 т зерна ячменя составляет около 20 га. В современном Северном Ираке в отсталых мелких хозяйствах обработка 6 га требует 250 чел.-дней.[9] Если исходить из этих норм, то для обработки площади в 20 га необходимо около 830 чел.-дней. Учитывая разницу в орудиях труда, увеличим это число примерно втрое, что даст около 2500 чел.-дней. В таком случае джейтунское земледелие требовало от каждой семьи участия двух работников в течение двух месяцев. Здесь особенно ярко выступает колоссальный экономический эффект земледелия. Сконцентрировав усилия всей общины в определенные промежутки времени, джейтунцы в результате получали достаточное количество продуктов питания для обеспечения прожиточного минимума.

Костные остатки указывают также на значительную роль мясной пищи в рационе обитателей Джейтуна. К сожалению, костные остатки сохранились далеко не полностью и соответствующие подсчеты дают скорее представление об ориентировочном значении того или иного животного в мясном балансе, чем об общем количестве потребленного мяса. Вместе с тем и здесь могут быть сделаны определенные подсчеты. С. Н. Бибиков пришел к выводу, что трипольские земледельцы потребляли на человека в месяц около 4 кг, или около 130 г. в день.[10] При учете наличия растительной пищи эта норма бесспорно сравнительно высока. Охотники приполярной зоны, лишенные, как правило, иных продуктов питания кроме мяса, потребляют в день 600—700 г мяса и жира.[11] В ахеменидском Персеполе мясной паек зависимым работникам составлял около 300—400 г. в день.[12] Представляется, что при принятой для Джейтуна норме, рав-

---

[4] Первоначально на Джейтуне насчитывалось 35—40 домов (В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 309). Однако завершение работ показало, что на восточной окраине Джейтуна находился значительный участок, лишенный строений.

[5] Такова численность семьи в странах с отсталой экономикой, где большая детская смертность. Ту же цифру дает и подсчет состава семьи в Шумере в III тыс. до н. э. (И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, стр. 20).

[6] Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие..., стр. 141.

[7] С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья..., стр. 53.

[8] А. Н. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, стр. 401.

[9] R. Mc. C. Adams. The Evolution of Urban Society. Chicago, 1966, p. 42.

[10] С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья..., стр. 55.

[11] С. Н. Бибиков. Опыт палеоэкономического моделирования..., стр. 12—13.

[12] М. А. Дандамаев. Чужеземные рабы в хозяйствах ахеменидских царей и их вельмож. М., 1960, стр. 4.

ной 500 г зерна в день на человека, среднее число — 150 г мяса в день — явится наиболее вероятной цифрой. Отсюда вытекает, что дневная потребность поселка в мясе — 27 кг, а годовая — 9 т. Если бы всю мясную пищу доставляло скотоводство, то это количество мяса потребовало бы ежегодного забоя 450 овец и коз, что соответствовало бы стаду в 2000 голов. Выше уже говорилось, что джейтунское скотоводство носило скорее всего отгонный характер, близкий современному. В таком случае из расчета 3 пастуха на стадо в 500 голов скотоводческий сектор джейтунской экономики требовал бы около 3300 чел.-дней в году. Однако учитывая наличие охоты, также доставлявшей мясные продукты, эту цифру надо сократить минимум на одну треть. К сожалению, производительность труда в сфере охоты менее поддается аналогичным расчетам.

Определенным образом могут быть оценены усилия джейтунской общины в области глинобитного строительства. Суммарная кубатура стен всех 30 жилых домов составляет 720 м^3 при высоте каждого дома 2.5 м. Эта сравнительно небольшая величина объясняется незначительной толщиной стен, обычно не превышавшей 30 см. По шумерским нормам (кладка 1.5 м^3 в день) строительство всех домов Джейтунского поселка требовало 480 чел.-дней. Учитывая время, необходимое для приготовления и транспортировки глинобитных блоков, из которых возводились дома, эту цифру, видимо, необходимо увеличить втрое (норма переноски кирпича на расстояние в 360 м составляла в Шумере около 1 м^3 в день).

Экспериментальные работы, проводившиеся С. А. Семеновым, показали, что изготовление каменных орудий отнюдь не было столь трудоемким делом, как это представлялось ранее. Например, на изготовление шлифованного топора из мягкого камня (сланца) затрачивали 2.5—3 ч, на изготовление такого же топора из нефрита — 10—15 ч, или около 1.5 чел.-дней.[13] Немного времени требовало и изготовление кремневых орудий, поскольку на Джейтуне употреблялись преимущественно неретушированные пластины.

В целом все эти ориентировочные расчеты позволяют составить представление о минимальных трудовых затратах, необходимых для поддержания существования общины джейтунского типа. В целом в день поселок из 30 семей, учитывая помощь, оказанную подростками, располагал потенциально 90 трудоднями. В год это составляет около 33 000 трудодней. Отсюда необходимо вычесть тот женский труд по дому, связанный с приготовлением пищи, шитьем одежды, уходом за детьми и с прочими заботами, нормирование которого вызывает затруднения даже у современных экономистов. Из расчета 1 трудодень на семью эта сфера займет около 11 000 трудодней в год. Остающиеся трудодни, согласно предлагаемым расчетам, могут быть распределены следующим образом.

Земледелие	2500	трудодней
Скотоводство	2200	»
Строительство	1500	»
Изготовление орудий . . .	1000	»
Итого	7200	трудодней

Как бы ни увлекались охотой, совершенно ясно, что она не могла заполнить все остающееся время, особенно учитывая высокую степень профессионализма и богатство фауны. Легко могут быть покрыты этим остатком и «неолитические бюллетени», если не считать, конечно, вспышек поголовных эпидемий. Таким образом, совершенно ясно, что новая экономика, связанная с победой неолитической революции, внесла кардинальные изменения в баланс рабочей силы, открыв значительные возможности как для дополнительного труда, так и для проведения свободного времени. Разумеется, нет никаких оснований абсолютизировать значение подобных расчетов, которые следует рассматривать как самые ориентировочные. Дальнейшие исследования, и в частности широко поставленные экспериментальные работы и привлечение этнографических материалов, должны повысить степень надежности выкладок такого рода.

Обратимся теперь к возможным аспектам интерпретации социальных отношений в пору существования джейтунского неолита. Уже характер планировки Джейтунского поселка явственно указывает на ту большую роль, которую здесь играет парная семья. Подавляющая часть жилых домов Джейтуна имеет полезную площадь от 16 до 30 м^2 (рис. 26). Отклонения от этого

[13] С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 76—77.

стандарта в обе стороны в целом незначительны (минимальная площадь 9.6 м², максимальная 39.7 м²). Значит, не многокомнатные дома-массивы, казалось бы, символизирующие принципы первобытного коллективизма, а индивидуальные дома, рассчитанные на ограниченное число обитателей, образуют этот архаический поселок VI тыс. до н. э. В то же время Джейтун не составляет какого-либо экстраординарного исключения. Однокомнатные дома идентичных размеров и планировки были открыты на

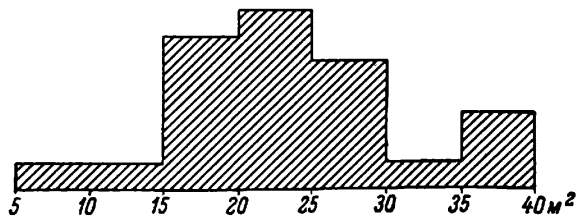

Рис. 26. Джейтун. Гистограмма распределения жилых домов по площади.

всех памятниках джейтунской культуры, где только производились достаточно широкие раскопки.

Более того, отнюдь не только характер застройки поселений и размеры жилых домов подтверждают значительную роль парной семьи в джейтунском обществе. Об этом свидетельствует и децентрализованный характер домашних производств на Джейтуне, на который указывает распространение орудий труда. Как можно было видеть из предшествующего изложения, в 25 хозяйственно-жилых комплексах здесь производилась обработка дерева, в 27 выделывались шкуры, в 20 изготовлялись кремневые орудия. Практически, если учесть ограниченное число находок в окраинных, плохо сохранившихся домах, каждая парная семья на Джейтуне не только имела свой собственный дом, но и была в ряде отношений основной и самообеспечивающей производственной и потребляющей единицей. В этом смысле особенно показательно наличие в каждом доме очага, связанного, видимо, с посемейным характером приготовления и потребления пищи. Примечательно и отсутствие среди керамических форм Джейтуна особо крупных сосудов, могущих использоваться при коллективных трапезах всех обитателей поселка или хотя бы определенного поло-возрастного контингента.

Практически именно на парную семью рассчитано большинство древнейших строений раннеземледельческих племен Древнего Востока.[14] Так, в Чатал-Гуюке, по данным Д. Мелларта, площадь жилых домов колеблется от 11.25 м² до 48 м², но обычно составляет 25—27 м².[15] Иными словами, даже крайние пределы здесь поразительно близки джейтунским.

Эта сравнительно высокая роль парной семьи в весьма архаическом обществе отнюдь не должна казаться чем-то необычным и неожиданным. Детальный анализ, проделанный С. Н. Бибиковым, показал, что семья из 5—7 человек образовывала в верхнепалеолитических обществах Восточной Европы относительно замкнутую производственную группу.[16] Опираясь на анализ размеров верхнепалеолитических жилищ, к сходным заключениям приходит Г. П. Григорьев.[17] Размеры круглоплановых домов натуфийского Эйнана[18] как будто свидетельствуют о сохранении этой роли парной семьи и в пору мезолита. Таким образом, внутренняя структура Джейтунского поселка оказывается тесным образом связанной с древними, по существу еще палеолитическими традициями в сфере общественных отношений.

Однако едва ли следует модернизировать данное явление и объявлять эту парную семью седой древности чуть ли не индивидуальной семьей с частной собственностью, издревле существующей на земле. В. М. Бахта справедливо критикует подобную точку зрения, опираясь на данные этнографии.[19] Археологические материалы также достаточно определенно свидетельствуют, что перед нами архаические этапы эволюции первобытнообщинного строя с присущими ему формами кооперации и разделения труда.

---

[14] Об этом см.: В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 327—329.

[15] J. Mellaart. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967, p. 67.

[16] С. Н. Бибиков. Опыт палеоэкономического моделирования..., стр. 15.

[17] Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968, стр. 154—155.

[18] J. Perrot. Le gisement natoufien de Mallaha (Eynan). Israel. L'antropologie, t. 70, № 5—6, 1966.

[19] В. М. Бахта. Общественное производство у аборигенов Австралии и папуасов Восточной Новой Гвинеи. Автореф. дисс. М., 1963, стр. 12—13.

Несмотря на столь большую роль парных семей, джейтунские поселки, как правило, были местом обитания значительно более крупных коллективов, чем муж, жена и их дети. Так, на самом Джейтуне проживало около 150—180 человек. Судя по площади Бами, таково же было население и этого неолитического поселка. Население Чопан-Депе было еще более значительным. Если исходить из обычной для джейтунской культуры плотности застройки, оно должно было достигать 600—800 человек. Сравнительно небольшим поселком было Чагыллы-Депе. Но и здесь на уровне третьего горизонта, вскрытого на $^2/_3$, обнаружено 9 жилых домов, что соответствует числу жителей в 60—70 человек. Таким образом, перед нами явная и бесспорная тенденция к объединению парных семей в более значительные коллективы.

Побудительными мотивами подобного объединения, естественно, могли быть соображения безопасности. Однако раскопки джейтунских памятников показывают, что здесь в отличие от целого ряда областей Ближнего Востока функция защиты и связанные с ней фортификационные сооружения играли ограниченную роль. Поэтому следует заключить, что движущим стимулом объединения парных семей джейтунской культуры в устойчивые коллективы была хозяйственная необходимость. Практикуемое джейтунцами полуполивное земледелие требовало на определенный период объединения усилий многих работников, выставить которых парная семья не могла. Это была максимальная хозяйственная функция джейтунской общины, если пользоваться терминологией Н. А. Бутинова.[20] Отражением внутреннего единства джейтунских поселков являются общинные дома — места общих собраний, открытые на Песседжик-Депе и, видимо, на Чагыллы-Депе. Значительный интерес представляет существование небольшого неолитического оазиса в районе Геок-Депе. Здесь на пространстве в несколько квадратных километров находятся три памятника этого времени (Чопан-Депе, Песседжик-Депе, Тоголок-Депе), сосуществующих по крайней мере в конце раннеджейтунской фазы и в начале среднеджейтунского этапа. Возможно, перед нами поселения, принадлежавшие одному небольшому племени ранних земледельцев Южного Туркменистана.

Обратимся еще раз к планировке джейтунских поселков, чтобы попытаться проследить, в какой мере она может свидетельствовать о наличии объединений более высокого порядка, чем парная семья. Как уже отмечалось при описании вскрытых жилых домов Джейтуна, они разделяются достаточно определенно по северной или восточной ориентации очагов.

При этом по первоначальным наблюдениям дома с северной ориентацией очагов имели в интерьере следы красной окраски, тогда как у домов с очагами, ориентированными на восток, окраска обычно была черной. Вполне вероятно, что такое разделение могло отражать существование двух фратрий в пределах поселка, чему, однако, противоречило расположение домов не обособленными группами, а вперемежку.[21] И. Н. Хлопин наличие подобных групп жилых домов связывает с разделением населения Джейтуна на две экзогамные группы и считает возможным говорить о роде с дуальной организацией.[22] Завершение вскрытия второго слоя Джейтуна позволяет обратиться к анализу этого вопроса уже с учетом всей суммы накопленного материала. Оказывается, что прежние представления о прямой связи окраски интерьера и ориентации очага не подтверждаются новыми данными. Всего в настоящее время на Джейтуне известно 14 жилых домов, сохранивших следы окраски, бывшей в 9 случаях красной и в 5 черной. При этом в группу домов с восточной ориентацией очагов попадают 2 дома с черным полом (пом. 1 и 7) и 1 с красным (пом. 32). Среди домов с северной ориентацией очагов 8 имеют красный пол (пом. 4, 6, 10, 15/18, 17, 30, 57, 61) и 3 — черный (пом. 25, 50, 56). Таким образом, ясно, что при подобной сочетаемости никакой особой закономерности не может быть установлено. Более того, на позднеджейтунском поселении Чагыллы-Депе в одном из жилых домов при сохранении ориентации очага пол и стены во время ремонта были

[20] Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе. ТИЭ, н. с., т. IV, 1960, стр. 137.

[21] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 29—30; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, стр. 85.

[22] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, стр. 68—69, 145—147.

Таблица 7

Хозяйственно-жилые комплексы	Ориентация очага	Фрагменты керамики со струйчатой росписью	Фрагменты керамики со скобчатой росписью	Хозяйственно-жилые комплексы	Ориентация очага	Фрагменты керамики со струйчатой росписью	Фрагменты керамики со скобчатой росписью
V. Дом 41	С	4	12	XXI. Дом 56	С	2	4
IX. Дом 32	В	1	1	XXIV. Дом 10	С	2	—
XIV. Дом 20	В	6	—	XXV. Дом 6	С	9	9
XV. Дом 22	В	4	—	XXVI. Дом 15/18	С	9	33
XVI. Дом 1	В	4	—	XXVII. Дом 74	С	1	5
XVII. Дом 17	С	4	6	XXVIII. Дом 69	В	5	9
XVIII. Дом 4	С	17	8	XXIX. Дом 66	С	4	5
XIX. Дом 61	С	2	5	XXX. Дом 24	?	7	1
XX. Дом 50	С	—	4				

перекрашены и из красных стали черными.[23] Это со всей очевидностью указывает на отсутствие жесткой связи между тональностью интерьера жилых домов и ориентацией основных конструктивных элементов по странам света.

Видимо, придется признать несостоятельными и попытки придать особое значение различной ориентации очагов в связи с возможным делением населения внутри джейтунских поселков на различные группы. Обычно фратриальное деление находило отражение в четкой территориальной локализации домов, принадлежащих членам различных фратрий. Завершение раскопок Джейтуна и вскрытие других памятников джейтунской культуры ясно показывает, что здесь подобного деления не наблюдается. Скорее всего та или иная ориентация очага и соответственно всех других элементов жилого дома, в том числе и его двери, была связана с необходимостью поставить дом таким образом, чтобы проход из него вел в обособленный дворик. Например, дом 32 с очагом, ориентированным на восток, неожиданно оказывается в окружении домов с «северными» очагами. Однако такая ориентация была обусловлена наличием свободного участка для дворика именно к югу от дома. Если бы дом 32 был построен с традиционным для этого участка поселка «северным» очагом, проход из него уперся бы в глухую стену дома 61.

Эта связь ориентации домов с условиями застройки достаточно отчетливо проявляется и на других памятниках джейтунской культуры. Так, на Чопан-Депе в слоях среднеджейтунской фазы на сравнительно ограниченном участке раскопаны 4 жилых дома, и в них представлены три варианта ориентации очагов — северный, южный и западный. Три варианта ориентации — северный, южный и восточный — имеются и на позднеджейтунском поселении Чагыллы-Депе, где всего-то вскрыто 9 жилых домов. И здесь анализ планировки ясно показывает, что появление, например, домов с очагами восточной ориентации обусловлено необходимостью расположить дом таким образом, чтобы перед выходом из него находился хотя бы небольшой хозяйственный участок — дворик.

Наконец, нами была сделана еще одна попытка выявить какую-либо взаимосвязь домов различной ориентации с делением внутри джейтунских общин. Поскольку основными мотивами росписи керамики на Джейтуне являются струйчатый и скобчатый орнаменты, был произведен дифференцированный учет соответствующих находок по 17 хозяйственно-жилым комплексам (табл. 7). При этом оказалось, что в шести комплексах представлено в общем равное количество фрагментов сосудов с росписью обоих типов, в пяти заметно преобладала струйчатая роспись и в шести — скобчатая.

Причем в домах с северной ориентацией очагов в двух случаях преобладала струйчатая роспись и в шести — скобчатая; в домах с восточной ориентацией струйчатая роспись преобладала в трех случаях, скобчатая — в одном. Естественно, что подобные данные недостаточны для сколько-нибудь ответственных заключений.

[23] О. К. Бердыев. Чагыллы-Депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, стр. 5—6.

Вместе с тем представляется, что имеются основания для выделения в пределах Джейтунского поселка определенных групп семей, не связанных, правда, со строгой ориентацией по странам света занимаемых ими жилых домов. В этом отношении весьма показательно наличие на юге центральной части поселения 4 жилых домов со следами черной окраски в интерьере, образующих довольно отчетливую территориальную группу. Это пом. 7, 26, 50 и 56. Три из них ориентированы очагами на север, а пом. 7 — очагом на восток. Однако это связано со стремлением расположить жилой дом 7 так, чтобы проход из него вел в общий для всей группы хозяйственный участок — дворик. Естественно, напрашивается заключение, что перед нами какая-то замкнутая группа, объединяющая несколько парных семей. Если исходить из общности или из тесной взаимосвязи хозяйственных участков, то на Джейтуне можно выделить несколько таких групп, объединяющих от 2 до 4 хозяйственно-жилых комплексов, т. е. от 2 до 4 парных семей. Такова, например, группа домов 42, 44, 46, 57. Причем стремление к их обособлению выступает вполне определенно. Ведь достаточно было в доме 42 сделать очаг на севере, как весь дом развернулся бы таким образом, чтобы иметь к востоку обширный дворовый участок, а не куцый дворик. Однако в таком случае он планировочно оторвался бы от остальных домов этой группы, что, надо полагать, и обусловило иное решение. Другие аналогичные группы образованы домами 30, 32, 58 и 1, 20, 41; группы по три дома на восточной окраине — домами 6, 10, 74 и 66, 69, 15/18. Кстати, здесь именно стремлением развернуть жилой дом проходом в общий двор обусловлена скорее всего восточная ориентация очага в доме 69.

Пока трудно судить, с чем связано выделение в пределах Джейтунского поселка групп, состоящих из нескольких парных семей. Возможно, перед нами какое-то производственное объединение лиц, связанных также родственными узами, в известном роде предшественник большесемейных общин.[24] В этой связи интересно отметить, что на Чатал-Гуюке по подсчетам Д. Мелларта одно святилище приходится на 2—6 жилых домов,[25] что, очевидно, свидетельствует о наличии и там подобных же групп.

Интересны в этой связи еще два обстоятельства. Как уже отмечалось ранее, на Джейтуне в ряде мест расположены сооружения из параллельных отрезков стен — основания для зернохранилищ. Однако их число совершенно недостаточно, чтобы каждая из парных семей имела наряду с жилым домом свое собственное аналогичное сооружение. Высказывалось мнение, что это были зернохранилища общего пользования.[26] Их разбросанность по территории поселка делает вполне вероятным заключение о принадлежности таких зернохранилищ именно группам парных семей, на которые распадалась джейтунская община. Кроме того, анализ распределения орудий труда по площади поселка показывает, что орудия для производства украшений в таком сочетании, как пилки и сверла, встречаются далеко не в каждом доме. Вместе с тем предлагаемое выделение в пределах групп домов приводит к тому, что почти во всех коллективах одна из семей оказывается связанной с соответствующим производством.

Таковы некоторые наблюдения и соображения, которые можно сделать в связи с анализом планировки неолитического Джейтуна. Разумеется, лишь широкое вскрытие и аналогичное исследование поселков этого типа позволят говорить о полной убедительности подобного подхода. Однако опираясь на уже имеющиеся материалы и достигнутые результаты, можно попытаться наметить некоторые общие черты тех процессов, закономерным следствием которых явилось само сложение джейтунской культуры.

ГЛАВА 8. ПУТИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Рассмотренные материалы Джейтунского поселения и данные, характеризующие другие памятники этого типа, ярко свидетельствуют о наступлении новой эпохи в истории человечества. Эта эпоха, начавшись с хозяйственных изменений, привела к кардинальным переменам в быту, идеологии и в конечном счете в общественном строе,

[24] Ср. термин «субклан» в понимании Н. А. Бутинова (Разделение труда..., стр. 140).

[25] J. Mellaart. Çatal Hüyük, p. 70.

[26] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 309.

причем некоторые из этих перемен явственно ощущаются уже на ранней стадии, освещаемой нашими материалами. Огромную роль появления новых видов хозяйства отмечал уже Ф. Энгельс: «Пока же мы можем обобщить морганов скую периодизацию таким образом: дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности».[1] Это положение на широком материале развил в 30-е годы Г. Чайлд, выступивший с понятием «неолитическая революция». Под термином «неолитическая революция» он подразумевал переход к земледелию и скотоводству как к кардинально новым типам хозяйственной деятельности и ранние фазы производящей экономики.[2] В среде советских историков и археологов этот термин был встречен несколько настороженно[3] в связи с господствующей тенденцией понимать под революцией только коренной переворот в жизни общества, приводящий к ликвидации старого, отжившего и утверждению нового, прогрессивного общественного строя, т. е. революцию социальную. Вместе с тем, как известно, коренные перемены происходили и в сфере экономики. Достаточно вспомнить промышленную революцию в Англии в XVIII—начале XIX в., правда, нередко именуемую историками, исходя из отмеченной тенденции, промышленным переворотом. Однако К. Маркс прямо писал именно о промышленной революции, нисколько не опасаясь, что ее спутают с революцией социальной.[4] В последние годы в научную и общественно-политическую литературу прочно вошло понятие происходящей в наши дни научно-технической революции, широко используемое историками-марксистами. Все больше получает права гражданства в советской литературе и термин «неолитическая революция».[5] Его охотно применяют и многие западные исследователи.[6] Вместе с тем немало слышится и скептических голосов.

Д. Мелларт в одной из последних своих книг прямо пишет, что по мере развития наших знаний термин Г. Чайлда «неолитическая революция» становится все менее подходящим.[7] При этом прежде всего имеется в виду, что новые данные выявляют постепенный характер перехода человека к новым источникам питания, к новым формам экономики. Установив своими замечательными исследованиями в Мексике, что переход к земледелию занял там несколько тысячелетий, Р. Мак-Нейш приходит к выводу, что тем самым вопрос о неолитической революции полностью снимается, налицо лишь постепенная эволюция.[8] Аналогичны возражения большинства исследователей, которых смущают длительные сроки этого явления.[9]

Представляется, однако, что подобное возражение связано с определенным модернизмом в подходе к темпам исторического развития, неравномерность которых общеизвестна. Если первобытнообщинный строй господствовал на земле едва ли не два миллиона лет, то классовые формации сме-

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 33.

[2] G. Childe. Man Makes Himself. London, 1939, p. 74 sqq.

[3] См., например, предисловие А. В. Арциховского к книге Г. Чайлда «Прогресс и археология» (М., 1949, стр. 15). Этого мнения одно время придерживался и автор данной работы.

[4] К. Маркс. Капитал. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 383, 387.

[5] История СССР, т. I, М., 1966, стр. 40; В. И. Гуляев. Новые данные о происхождении земледельческих культур Мезоамерики. СЭ, 1966, № 1, стр. 147; Л. С. Васильев. Некоторые проблемы генезиса мировой цивилизации в современных зарубежных исследованиях. Народы Азии и Африки, 1966, № 2, стр. 173 сл.; ср. о революции в производстве, вызванной земледелием: В. М. Бахта. К вопросу о структуре первобытного производства. ВИ, 1960, № 7.

[6] A. Leroi-Gourhan. La préhistoire. Paris, 1966, pp. 158—160; R. Mc. C. Adams. The Evolution of Urban Society. Chicago, 1966, pp. 40—41; G. R. Willey. Mesoamerica. Courses Toward Urban Life. VFPA, № 32, 1962, p. 100.

[7] J. Mellaart. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967, p. 18. В предыдущей книге он ограничивается кавычками: «Новый термин „протонеолит" означает, что в пределах этих тысячелетий имела место „неолитическая революция"» (J. Mellaart. Earliest Civilizations of the Near East. London, 1965, p. 18).

[8] R. S. Mac Neish. Ancient Mesoamerican Civilization. Science, v. 143, № 3606, 1964, feb. 47, p. 536.

[9] E. W. Haury. The Greater American Southwest. Courses Toward Urban Life. VEPA, № 32, 1962, p. 117.

няют друг друга со все нарастающей быстротой, сроки коренных экономических и социальных перемен в жизни общества становятся все более сжатыми. Поэтому отнюдь не приходится подходить к изменениям, происходившим в каменном веке, с временной меркой промышленной революции XVIII—XIX вв. Не следует забывать, что неолитическая революция произошла на завершающих этапах первобытнообщинного строя, который до этого многие десятки тысячелетий покоился на различных формах присваивающей экономики. С этой точки зрения переход к земледелию и скотоводству означал коренное изменение, резкий переход от одного качественного состояния к другому. Именно в этом были историческая сущность и историческое значение неолитической революции. В практической же деятельности людей, в смене поколений и оставленных ими археологических комплексов, изучаемых нами, это был длительный и сложный процесс. Еще Г. Чайлд справедливо писал, что неолитическая революция являлась не катастрофой, а процессом, включавшим несколько последовательных стадий.[10] Не случайно и историки нового времени выделяют ряд этапов в развитии промышленной революции.[11]

Существует и противоположная тенденция расширительного понимания неолитической революции, когда этот термин распространяется на все общества, именуемые археологами неолитическими независимо от их экономической базы. При этом отмечается, что в пору неолита в охоте и рыболовстве также получили распространение новые приемы.[12] Такая трактовка проистекает из вполне естественного стремления придать условной археологической терминологии, удобство которой освящено традицией, характер всеобщей исторической периодизации. Между тем совершенно ясно, что историческое содержание периодов, условно именуемых неолитическими, на Ближнем Востоке и в лесной зоне Восточной Европы совершенно разное. Нет оснований применять термин «неолитическая революция» к обществам, продолжающим развивать в пору неолита такие традиционные формы присваивающей экономики, как охота и рыболовство. Все изменения, происходящие в их сфере, отнюдь не ведут к резкому качественному скачку в экономике в целом. Под неолитической революцией следует понимать коренные перемены в области экономики, выразившиеся в переходе к земледелию и скотоводству как к основным способам производства пищи при различной форме сочетаемости или обособленности данных видов хозяйства. При этом в земледелии главную роль играет возделывание растений, идущих в пищу.

Наименование этой революции неолитической является во многом условным. Уже Г. Чайлд, говоря о неолитической революции, неолитической экономике, неолитическом образе жизни, постоянно заключал этот термин в кавычки.[13] В настоящее время многие историки предпочитают говорить о «революции производства пищи» (Food-Production Revolution).[14] Предполагался и термин «земледельческая (или аграрная) революция», несколько сужающий характер экономических перемен в обществах Старого Света. Представляется, однако, что при четком определении вкладываемого содержания старый термин Г. Чайлда наиболее удобен и практически получил права гражданства в научной литературе. Далеко не всегда терминологические новшества способствуют подлинно глубокой разработке существа проблемы.

Попробуем применительно к предлагаемому определению рассмотреть основные аспекты неолитической революции, исходя в первую очередь из конкретных археологических материалов. До новых открытий материалы Перу, Мезоамерики и Передней Азии остаются основой для изучения неолитической революции в среде, не осложненной существованием в соседних районах высокоразвитых культур, а тем более цивилизаций.

Одним из таких аспектов и едва ли не самым сложным является определение начального и конечного этапов неолитической революции и соответственно ее протяженности во времени. Вопрос этот ослож-

---

[10] G. Childe. Man Makes..., p. 112.

[11] Л. Г. Мельник. Изучение в ГДР, Польше и Чехословакии проблемы промышленного переворота. ВИ. 1967, № 5, стр. 179—180.

[12] История СССР, т. I, стр. 40.

[13] G. Childe. Man Makes..., pp. 80, 95, 110.

[14] R. Mc. C. Adams. The Evolution..., p. 41; R. J. Braidwood. Prehistoric Man. Illinois, 1967, p. 88.

няется как недостаточным уровнем теоретической разработки, так и крайней скудостью фактического материала. Представляется, что главным критерием должна быть степень развития ведущих отраслей экономики нового типа, невзирая на пережиточное сохранение архаических видов хозяйства и форм культуры. Подобным же образом под промышленной революцией подразумевается вытеснение машинами ручного труда не во всех без исключения, а лишь в ведущих отраслях промышленности.[15] Видимо, наиболее правильно понимать под неолитической революцией именно процесс становления новых форм экономики, завершением чего и явилось сложение общества «неолитического типа». Едва ли есть необходимость включать в период неолитической революции все время существования ранних земледельческо-скотоводческих культур вплоть до широкого внедрения металла, как это делают многие западные исследователи.[16] На протяжении данного времени бесспорно происходило дальнейшее развитие как скотоводства и земледелия, бывших основой новой экономики, так и других сопутствующих элементов хозяйства, культуры и быта. Однако это развитие не носило характера резких качественных перемен. Кардинальный экономический переворот совершился, и общество уже вступило в новую эпоху.

Поскольку основой новой экономики являлись земледелие и скотоводство, то, естественно, первое появление и роль в экономике доместицированных видов растений и животных имеют первостепенное значение для определения хода неолитической революции. В истории земледелия есть все основания выделять первое появление культурных растений и их широкое использование в качестве основы хозяйства.[17] Скорее всего именно ко времени первого появления культурных растений следует относить начало неолитической революции.[18] Как отмечал К. Маркс, когда в 1735 г. Джон Уайетт возвестил о своей прядительной машине, он вместе с тем возвестил и о начале промышленной революции XVIII в.[19] Начальные опыты по одомашниванию животных и культивированию злаков как эффективных форм хозяйственной деятельности образуют первый, как бы подготовительный, этап неолитической революции. С существенным возрастанием этих первых отраслей наступает собственно коренная перестройка всей экономики в целом, основной и решающий этап неолитической революции. Ее окончание следует относить к тому времени, когда новые отрасли хозяйства стали господствующими в экономической системе, доставляя не менее половины продуктов питания. При этом в различных конкретных условиях такие архаические отрасли, как охота, рыболовство и собирательство, могли обладать еще высоким экономическим потенциалом, что, однако, отнюдь не меняло сущности происшедшего переворота. Разумеется, в целом ряде конкретных случаев затруднительно определить по чисто археологическим материалам точное соотношение различных хозяйственных отраслей. Тогда приходится прибегать к косвенным данным, характеризующим общий уровень развития материальной культуры. Здесь особое значение приобретают устойчивая оседлость и связанная с ней глинобитная или каменная архитектура, а также широкое распространение посуды, особенно глиняной, обусловленное необходимостью регулярного и массового приготовления растительной пищи. Эти вторичные признаки достаточно удобны и наглядны, но, взятые сами по себе, в отрыве от других явлений, не всегда будут указывать именно на завершение перехода к производящей экономике.

В настоящее время, особенно за последнее десятилетие, накоплен достаточно обширный археологический материал, характеризующий период сложения земледельческо-скотоводческой экономики. Вместе с тем археологические комплексы и культуры, как правило, отражают конкретные особенности развития человеческого общества в определенных географических ареалах с их сложной местной спецификой. В этой связи представляется необходимым для более пол-

---

[15] Л. Г. Мельник. Изучение..., стр. 179.

[16] Например: S. Cole. The Neolithic Revolution. London, 1959.

[17] В. М. Массон. Земледелие первобытного и раннеклассового общества. Матер. сесс., посв. итогам археол. и этногр. иссл. 1964 г. в СССР, Баку, 1965, стр. 66.

[18] В. М. Массон. Проблема неолитической революции. Тез. докл. на засед., посв. итогам полевых иссл. 1967 г., М., 1968, стр. 15.

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 383.

ного изучения общих закономерностей на определенных этапах накопления материала реконструировать на его основе общие схемы и модели.

Применительно к рассматриваемому вопросу можно говорить о моделях неолитической революции, протекавшей в условиях отсутствия заметных воздействий со стороны уже сложившихся земледельческо-скотоводческих культур.

Поскольку неолитическая революция трактуется в первую очередь как коренной экономический переворот, ее моделирование может быть основано на различной сочетаемости отдельных отраслей в исходной хозяйственной базе общества. Имеющиеся материалы позволяют говорить о выделении трех таких древнейших моделей.

Первая модель. Характеризуется сложением земледельческо-скотоводческого хозяйства на базе высокоразвитой экономики охотников-собирателей. Представлена двумя основными вариантами — преимущественно земледельческим и преимущественно скотоводческим.

Вторая модель. Характеризуется сложением земледельческой экономики на основе высокоспециализированного хозяйства собирателей в условиях кризиса охоты, вызванного палеоклиматическими сдвигами.

Третья модель. Характеризуется формированием преимущественно земледельческой экономики в условиях большой роли рыболовства или зверобойного промысла (морской охоты), обусловивших раннее развитие оседлости. Этот фактор первоначально влияет благоприятно на зарождение земледелия, а затем, обеспечивая устойчивое поступление продуктов питания, тормозит полную победу экономики нового типа.

Практически первая модель наиболее показательна для большинства культур Старого Света и характеризует как бы переднеазиатский путь развития, вторая более всего показательна для Мезоамерики, а третья особенно ярко выступает на перуанских материалах. Однако следует иметь в виду, что в конкретной истории, как правило, наблюдается сложная картина сочетания отдельных элементов моделей и что, например, история становления производящей экономики в Передней Азии отнюдь не тождественна первой модели, хотя и приближается к ней в наибольшей степени. Поэтому методически более правильно говорить о переднеазиатском типе развития, чем о переднеазиатской модели. На это ярко указывает анализ конкретных археологических материалов, к которому мы и обратимся после этих предварительных замечаний.

В Старом Свете они происходят в первую очередь с территории Ближнего Востока, где в пределах «священного полумесяца» были сделаны наиболее значительные открытия, суммированные в целом ряде работ.[20] Уже здесь ярко выступает сложный характер конкретного исторического процесса. В настоящее время мы имеем дело с несколькими культурами и культурными общностями, оставленными многочисленными человеческими коллективами, осуществлявшими переход к новым формам экономики. Еще далеко не ясны происхождение и взаимосвязь многих из этих культур. Видимо, имели место передвижения племенных групп. Рано сказывается и неравномерность исторического развития. Не касаясь в деталях всей суммы этих очень сложных вопросов, остановимся лишь на центральной проблеме — путях формирования производящей экономики.

Неолитическая революция в пределах ближневосточной ойкумены протекала в ряде центров. Едва ли не древнейшим из них является горный район Загроса, представляющий собой западные окраинные горы Иранского плато. Здесь была распространена финальная верхнепалеолитическая культура типа Зарзи, оставленная коллективами, занимавшимися охотой на козлов и газелей и сбором съедобных улиток.[21] Ее изящная микролитоидная кремневая индустрия с микролитами геометрических форм и пластинами с притупленной спинкой типа граветт частично находится в связи с более ранним местным верхним палеоли-

---

[20] R. J. Braidwood. 1) The Near East and Foundations for Civilization. Oregon, 1952; 2) Prehistoric Man; K. V. Flannery. The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia. Science, v. 147, № 3663, 1965, march 12; J. Mellaart. Earliest Civilizations... О последней книге см. во многом справедливую рецензию Р. Брейдвуда: Antiquity, № 159, 1966, pp. 238—240.

[21] D. A. Garrod. The Palaeolithic of Sauthern Kurdistan: Excavations in the Caves of Zarzi and Hazar Merd. Bull. Amer. School of Prehistoric Research, 1930, № 6; R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC, № 13, 1960, p. 169.

том барадостского типа.[22] Предположительно происхождение этой индустрии связывается с северокавказскими[23] или левантскими[24] влияниями. Не исключено, правда, что этнокультурная картина загросского региона была более сложной, не ограничивалась комплексами барадостского типа. Как бы то ни было, именно в среде этих охотников и собирателей с развитой микролитоидной индустрией происходит постепенный переход к новым формам экономики.

Таковы комплексы Шанидара, условно именуемые мезолитическими. Здесь в эту пору были обжиты сама пещера Шанидар (слой B_2 датирован 10 050±400 г. до н. э., а слой B_1 — 8920±300 г. до н. э.) и открытая стоянка Зави-Чеми-Шанидар (одновременна слою B_1 в пещере; дата древнейших ее наслоений 9217±300 г. до н. э.). Возможно, перед нами сезонные стойбища: открытое — летнее и в пещере — зимнее. Кремневая индустрия отчетливо показывает связи с комплексом Зарзи. Происходящие перемены ясно ощущаются в слое B_1 и на стоянке Зави-Чеми-Шанидар (рис. 27). Основным занятием была охота на крупных копытных животных — барана, безоарового козла и оленя, дополняемая собирательством сухопутных улиток и речных моллюсков. Вместе с тем высокий процент молодых особей овцы приводит зоологов к выводу, что перед нами начальные этапы доместикации этого животного, морфологически идентичного еще диким особям.[25] Труднее судить о роли в питании растительной пищи. Скорее всего именно для ее обработки нужны были зернотерки и особенно многочисленные песты-куранты, найденные в Зави-Чеми-Шанидаре (около 150 экз.).[26] Правда, несколько странно отсутствие кремневых вкладышей серпов,[27] хотя как будто имеется костяная основа такого орудия.[28] Для хранения припасов скорее всего использовались ямы, обнаруженные как на стоянке, так и в пещере в слое B_1. Вместе с тем вполне вероятно, что именно охота и зарождающееся скотоводство служили основой хозяйства родовой общины, обосновавшейся в Зави-Чеми-Шанидаре. Как бы то ни было, экономика допускала сравнительно долговременное (полуоседлое?) обитание на одном месте, с чем связано появление овальных в плане жилищ, основание которых было выложено из булыжника. Среди орудий труда показательно наличие большого числа каменных кельтов, частично или полностью отшлифованных, что связано, надо полагать, с развитием плотницких работ. Шлифованные каменные изделия представлены и среди украшений, а в пещере обнаружены отпечатки плетеной циновки или корзины. Труднее судить о развитии ткачества, хотя на стоянке обнаружен овальный камень с просверленным в центре отверстием типа изделий более позднего времени, обычно трактуемых как пряслица.[29]

В настоящее время в Загросе известен целый ряд памятников, близких по типу Зави-Чеми-Шанидару, хотя, видимо, хронологически не одновременных. Следует полагать, что аналогичные комплексы были достаточно широко распространены здесь в IX—VIII тыс. до н. э.[30] Таковы стоянки

---

[22] D. A. Garrod, J. G. D. Clark. Primitive Man in Egypt, Western Asia and Europe. Cambridge, 1955, p. 22. В иранском Курдистане комплекс зарзийского типа как будто развивается непосредственно из индустрии Барадоста (см.: F. Hole, K. V. Flannery. The Prehistory of Southwestern Iran. A Preliminary Report. PPS, N. S., v. XXXIII, 1968, p. 153, 159).

[23] D. A. Garrod. The Relations between Southwest Asia and Europe in the Later Palaeolithic Age. J. World History, I, 1953; J. Mellaart. Earliest Civilizations..., p. 16.

[24] R. S. Solecki. Prehistory in Shanidar Valley, Northern Iraq. Science, v. 139, № 3551, 1963, jan. 18, p. 190.

[25] D. Perkins. Prehistoric Fauna from Shanidar, Iraq. Science, v. 144, № 3626, 1964, jine 26, p. 1566.

[26] R. L. Solecki. Zawi Chemi Shanidar, a Post-Pleistocene Village site in Northern Iraq. Report of the VIth Intern. Congr. on Qiaternary, v. IV, Lodž, 1964, p. 406.

[27] Ibid., p. 409. Следует иметь в виду, что речь идет о кремневых вкладышах, бывших в употреблении длительное время, что позволяет определять их назначение без специального функционального анализа. Во всяком случае можно говорить о незначительной роли таких орудий в трудовой деятельности обитателей Зави-Чеми-Шанидара.

[28] R. S. Solecki, R. L. Solecki. Two Bone Hafts from Northern Iraq. Antiquity, № 145, 1963, p. 60.

[29] R. S. Solecki. Prehistory..., p. 185, fig. 7, *k*. Не исключено, что на ранних этапах эти изделия играли роль подвесок (см. выше, стр. 41). Так рассматривает шанидарскую находку и сам Р. Солецкий.

[30] Судя по радиокарбоновым датам, к поздним этапам этого периода может относиться Ганджи-Даре-Тепе с его сырцовой архитектурой, отсут-

Телль-Малефаат с землянками овальной формы[31] и Карим-Шахир, где остатки жилищ не обнаружены, но зато представлены бесспорные вкладыши серпов и поделки из

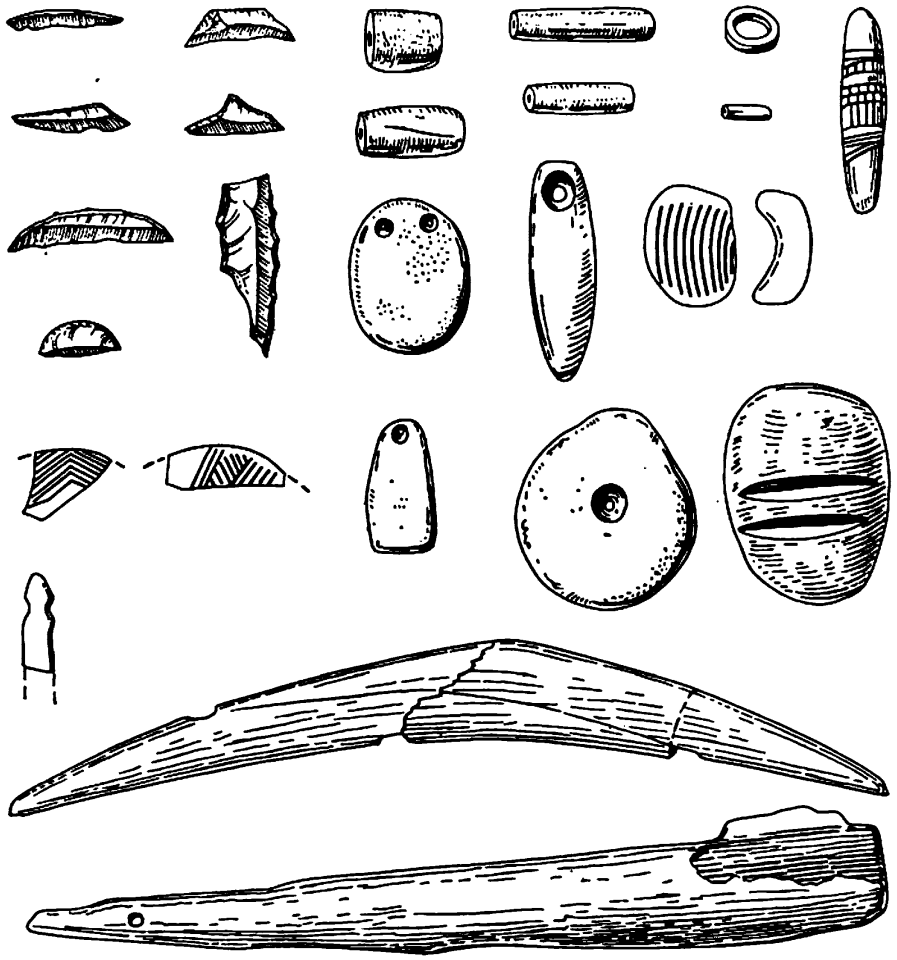

Рис. 27. Комплекс Зави-Чеми-Шанидар (Месопотамия).

необожженной глины.[32] Начинали использовать пластические свойства глины и обитатели стоянки Асиаб, что в 6 км к востоку

ствием керамики и животными потенциальной доместикации (козел, бык, свинья). Мощность слоев здесь 7 м (см.: T. C. Young, Ph. E. L. Smith. Research in the Prehistory of Central Western Iran. Science, v. 153, № 3734, 1966, july 22, pp. 388—389). Образец из основания тепе датирован 8450±150 г. до н. э., образец, взятый выше основания на 1 м, — 6960±170 г. до н. э. (Radiocarbon, v. 9, 1967, p. 61).

[31] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations..., pp. 27—50.

[32] Ibid., pp. 28, 52—53.

от Керманшахра, где обнаружено также значительное количество речных раковин.[33] Сходство с кремневой индустрией Карим-Шахира прослеживается в материалах ниж-

них слоев поселения Али-Кош.[34] Здесь открыты остатки небольших глинобитных строений, широко развивались собиратель-

[33] R. J. Braidwood, B. Howe, Ch. A. Reed. The Iranian Prehistoric Project. Science, v. 133, № 3469, 1961, june 23, p. 2008.

[34] F. Hole, K. Flannery, J. Neely. Early Agriculture and Animal Husbandry in Deh Luran, Iran. Current Anthropology, v. 6, 1965, № 1, p. 106. Ориентировочно исследователи датировали эти слои 7000—6500 гг. до н. э. В настоящее время для нижних слоев Али-Коша есть дата 7950±200 г. до н. э. (Radiocarbon, v. 7, 1965, p. 355).

ство дикорастущих бобовых растений и охота на газель, онагра и быка. Небольшая речка позволяла заниматься ловлей рыбы и водяных черепах. Значительное число молодых особей козла разрешает предполагать начало доместикации этого животного. Особенно интересно наличие небольшого количества зерен окультуренной пшеницы и двухрядного ячменя, указывающих на зарождающееся земледелие. Сам памятник расположен уже не в собственно Загросе, а на подгорной равнине.

Таким образом, имеющийся материал позволяет заключить, что в Загросе и частично в прилегающих областях в X—VIII тыс. до н. э. в экономике охотников и собирателей появляются элементы новых видов хозяйства — скотоводства и земледелия. Уже эта смешанная экономика, имеющая элементы архаического и прогрессивного, видимо, в определенной мере обеспечивала устойчивый баланс воспроизводства, что привело к усилению черт оседлости: на открытых стоянках накапливаются значительные толщи культурных отложений,[35] зарождается архитектура. Площадь стоянок (Телль-Малефаат 1.5 га, Зави-Чеми-Шанидар около 4 га) свидетельствует о сосредоточении на них довольно значительного населения. Орудия труда полностью основываются на ранее достигнутых успехах кремневой и костяной индустрии. Вместе с тем получает распространение техника шлифования камня, начинается систематическое использование пластических свойств глины (мелкие поделки, строительство жилищ). Не ощутимая для короткого отрезка жизни отдельных представителей человеческих коллективов неолитическая революция все более набирает темпы, и уже на последующем этапе историки и археологи могут воочию наблюдать вызванные ею огромные перемены во всем образе жизни.

В этом отношении достаточно характерны памятники загросской культурной общности VII—VI тыс. до н. э., ставшие известными прежде всего благодаря раскопкам Джармо в Северном Ираке. Здесь уже прочно господствует глинобитная архитектура, значительным количеством выразительных образцов представлена мелкая зооморфная и атропоморфная скульптура. К числу домашних животных принадлежат коза и овца, а в верхних слоях к ним присоединяется свинья.[36] В изобилии встречаются кремневые вкладыши серпов, сопровождаемые находками таких культурных растений, как два вида пшеницы и ячмень. Из них пшеница-двузернянка еще близка дикорастущим формам, к которым относятся тоже найденные на Джармо зерна гороха и чечевицы. Эти находки, так же как и значительное количество костей диких животных, указывают на сложный характер экономики, но большинство исследователей сходится в том, что земледелие и скотоводство занимали в ней ведущее место. Недаром костные остатки козы уже обладают морфологическими признаками, характерными для домашних пород. С выдвижением на первый план новых видов источников пищи связано и широкое распространение сосудов, первоначально каменных, а затем и керамических. Лишь за сезон 1950—1951 гг. были обнаружены обломки по крайней мере 350 каменных сосудов. Керамика Джармо, покрытая несложной росписью, возможно, появилась на этом поселении под воздействием памятников иранского Загроса, где, например на Тепе-Гуране, наблюдается сложная линия ее эволюции.[37]

Вместе с тем имеющиеся материалы показывают сложный характер процесса хозяйственной эволюции даже в пределах одной культурной общности. В этом отношении особенно показательно сопоставление таких памятников, как Джармо в иракском Загросе и Тепе-Сораб в Загросе иранском. Оба памятника принадлежат к одной культурной общности и одной исторической эпохе. Сходна здесь и расписная керамика. Однако в Сорабе нет ни постоянных глинобитных построек, ни остатков домашней свиньи, хотя найдены зерна пшеницы и кости домашних коз и овец. К. Фланнери обращает при этом внимание, что Тепе-Сораб расположено на высоте 1260 м над ур. м., тогда как Джармо находится в зоне дубовых лесов на высоте 750 м. Возраст за-

[35] В Зави-Чеми-Шанидаре до 2 м, в Телль-Малефаате 1.5 м.

[36] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations..., pp. 26—27, 38—50, 63—66; R. J. Braidwood. Prehistoric Man, pp. 117—120.

[37] P. Mortensen. Additional Remarks on the Chronology of Early Village-Farming Communities in the Zagros Area. Sumer, v. XX, 1964, p. 32; J. Mellaart. The Earliest Settlements in Western Asia. Cambridge, 1967, p. 14.

бивавшихся в Сорабе козлов позволяет заключить, что перед нами сезонное поселение пастухов, очевидно получавших зерно от общин с экономикой типа Джармо.[38] К такому заключению склоняется и Р. Брейдвуд.[39] Это важнейшее наблюдение свидетельствует о сложном характере конкретного исторического процесса, о возможности различных вариантов осуществления неолитической революции в рамках одной культурной общности. Вполне вероятно, что экстенсивное распространение экономики нового типа осуществлялось в первую очередь за счет расселения более мобильных, именно преимущественно скотоводческих общин.[40] Интересно отметить, что в шумерской мифологии древний человек, прежде чем принять облик цивилизованного земледельца, рисуется бродячим скотоводом, а до того — охотником.[41] Соответствующие сцены господствуют в месопотамской глиптике конца IV тыс. до н. э. Не исключено, что именно таков был путь первоначального освоения Месопотамской низменности племенами с экономикой нового типа. Во всяком случае раскопки поселения Али-Кош, расположенного на окраине этой низменности, рисуют довольно сложную картину хозяйственной эволюции.[42] Первоначально это было поселение охотников-пастухов, у которых зерна культивируемых злаков составляли ничтожный процент в сборах семян и плодов дикорастущих растений. В следующий период, условно датируемый 6500—6000 гг. до н. э., к числу домашних животных прибавляется овца, а пшеница и ячмень дают около 40% растительной пищи.[43] Позднее, в 6000—5700 гг. до н. э., значение скотоводства возрастает и Али-Кош опять становится преимущественно скотоводческим поселком.[44] Возможно, такими стойбищами скотоводов-охотников были пещера Кунджи, расположенная на высоте 1200 м,[45] и поселение Тепе-Гуран в своих нижних слоях, когда там отсутствовала еще глинобитная архитектура.[46] Природные условия Загроса благоприятствовали развитию подобных форм новой экономики, в то время как общины, спустившиеся на засушливую Месопотамскую равнину, были вынуждены развивать в первую очередь земледелие, быстро становящееся поливным. Этот процесс, сопровождавшийся стремительным расцветом культуры, хорошо прослеживается на примере памятников хассунской культуры VI тыс. до н. э. Соответствующие комплексы ярко характеризуют общество, идущее по пути земледельческо-скотоводческого варианта неолитической революции.

Памятники хассунского типа широко распространены на плато Эль-Джезире и в междуречье Тигра и Евфрата, спускаясь до района Багдада.[47] В последнее время этой культуре придается большое значение в истории раннеземледельческих племен Иранского плато. Действительно, хассунские связи и влияния могут быть прослежены как в Эламе,[48] так и на северо-востоке Ирана (Хаджи-Фируз).[49] Определенные параллели расписной керамике хассунского круга отмечаются в Центральном Иране (Сиалк I) и даже на юге Средней Азии (Анау IA—Намазга I).[50] Возможно, подобному распространению способствовало именно полное соответствие облика хассунской культуры уровню развития ранних оседлоземледельческих обществ. Сама Хассуна представляет собой сравнительно бедное небольшое поселение наподобие южнотуркменистанского Анау. Вместе с тем раскопки могильника в Самарре[51] и поселения

[38] K. V. Flannery. The Ecology..., p. 1255.
[39] R. J. Braidwood. Prehistoric Man, p. 120.
[40] В. М. Массон. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества, стр. 155.
[41] В. К. Афанасьева. Мифология и эпос в шумеро-аккадской глиптике. Автореф. дисс. Л., 1965, стр. 8—9.
[42] F. Hole, K. Flannery, J. Neely. Early Agriculture..., p. 106.
[43] J. Mellaart. The Earliest Settlements..., p. 15.
[44] K. V. Flannery. The Ecology..., p. 1255.
[45] Ibid., p. 1255.
[46] J. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe Guran. Acta archaeologica, v. XXXIV, 1964, p. 120.
[47] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. JNES, v. IV, 1945, № 4; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 50—63.
[48] J. Mellaart. The Earliest Settlements..., p. 40.
[49] R. H. Dyson. Problems in the Relative Chronology of Iran. In: Chronologies in Old World Archaeology, Chicago—London, 1965, p. 218.
[50] В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, 1960, стр. 71—72; И. Н. Хлопин. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, Б3—8, ч. I, 1963, стр. 25.
[51] E. Herzfeld. Die Ausgrabungen von Samarra, t. V (Die Vorgeschichtlichen Töpferein von Samarra). Berlin, 1930.

Багуз на среднем Евфрате[52] свидетельствовали о наличии высокоразвитых центров данной культуры. Это полностью подтвердилось при раскопках поселения Телль-эс-Севан около Багдада, начатых арабскими археологами в 1964 г.[53] Здесь все говорит о высоком уровне благосостояния процветающего общества. Недаром поселение окружают ров и обводная стена. Наряду с обыч-

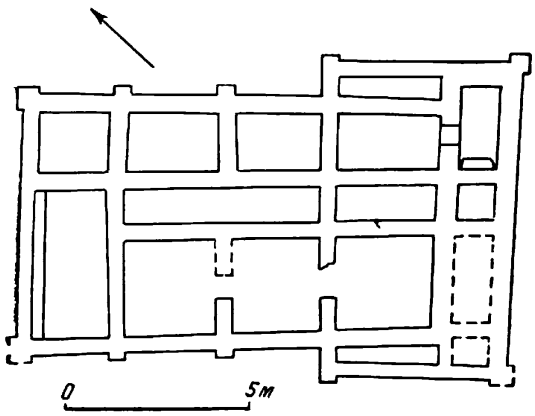

Рис. 28. Телль-эс-Севан. План святилища.

ными глинобитными сооружениями имеется большой многокомнатный дом площадью около 200 м², предположительно считающийся остатком общинного святилища или храма (рис. 28). Почти во всех могилах встречается погребальный инвентарь — несколько превосходных сосудов, выточенных из камня, или также каменных женских статуэток. Коллекция каменной скульптуры, в которой более 100 экз., поразительна для такого сравнительно небольшого поселения. Его жители это уже не мезолитические первопроходцы, мерзнувшие у костров в своих полуподземельных жилищах и имевшие возможность поместить в могилы усопших соплеменников в лучшем случае несколько бусин и подвесок. Общество Телль-эс-Севана явственно поднимается по первым ступеням цивилизации. Эту возможность ему скорее всего обеспечило интенсивное земледелие.

В Телль-эс-Севане обнаружено большое количество зерен культурных растений, в том числе трех видов пшеницы, льна и четырех видов ячменя.[54] Следует иметь в виду, что само поселение находится вне зоны естественного произрастания злаков и новая среда, видимо, интенсифицировала процесс формообразования. Показательно наличие шестирядного ячменя, который, по Г. Хельбеку, характерен для областей поливного земледелия.[55] Правда, наличие лишь мелких зерен как будто свидетельствует не в пользу регулярного орошения, и Г. Хельбек допускает в Телль-эс-Севане лишь дамбирование разливов.[56] Во всяком случае незначительное количество естественных осадков создавало необходимость в этих районах применять дополнительный полив. Г. Н. Лисицына с полным основанием относит хассунские памятники к периоду, переходному от неполивного земледелия к орошаемому.[57] Уже первые шаги поливного земледелия обеспечили экономическое превосходство равнинных племен по сравнению с жителями гор, где интенсификация земледелия тормозилась наличием таких естественных ресурсов, как дикорастущие злаки. Недаром, как показывают раскопки в Телль-Шемшаре, докерамический неолит типа Джармо местами доживает в горах почти до времени Хассуны.[58]

Еще в более яркой степени выступают последствия неолитической революции на материках Малой Азии. Правда, здесь начальные ее этапы в отличие от Загроса остаются практически почти не освещенными. Специальные исследования, проводившиеся Р. Брейдвудом в 1963—1964 гг. в Юго-Восточной Турции, не привели к обнаружению памятников типа Карим-Шахира.[59] Ко второй половине VIII—первой половине VII тыс. до н. э. относится расположенное здесь поселение Чайеню-Тепеси

[52] R. du Mensil du Buisson. Baghouz. L'ancienne Corsote. Leiden, 1948, pp. 14—18.

[53] Sumer XIX, 1963, pp. 1—2; XX, 1964, pp. 1—2; F. El-Wailly, B. Abues-Soof. The Excavations at Tell es-Sawwan. First Preliminary Report. Sumer, v. XXI, 1965.

[54] H. Helbaek. Early Hassuna Vegetable of es-Sawwan near Samarra. Sumer, v. XX, 1964.

[55] H. Helbaek. Ecological Effects of Irrigation in Ancient Mesopotamia. Iraq, v. XXII, 1960, pp. 189—190.

[56] H. Helbaek. Early Hassuna..., p. 47.

[57] Г. Н. Лисицына. Основные этапы истории земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке. В сб.: Проблемы археологии Средней Азии, Л., 1968, стр. 82.

[58] J. Mellaart. The Earliest Settlements..., p. 30; ср. выше, стр. 71.

[59] R. J. Braidwood. Prehistoric Man, p. 125.

с остатками каменных кладок различных строений. Среди костных остатков предположительно представлены домашние мелкий рогатый скот и свинья, но твердой уверенности в этом нет. То же можно сказать и об обнаруженных здесь зернах примитивной пшеницы.[60] К VII тыс. до н. э. относится поселение Суберде, где 90% мясной пищи жителям доставляла охота на дикого барана, кабана и оленя, но вместе с тем возможна и начальная стадия одомашнивания свиньи.[61] Более определенно можно говорить о преимущественно земледельческом варианте неолитической революции, нашедшем свое ярчайшее отражение в комплексах Чатал-Гуюка. Вкладыши серпов происходят уже из мезолитических слоев грота Белдиби на южном побережье, где обнаружен комплекс натуфийского типа.[62] Значительный интерес представляет докерамические слои Хаджилара, видимо, относящиеся к концу VIII—первой половине VII тыс. до н. э. и представляющие культуру, во многом близкую докерамическому Иерихону.[63] Для них характерны глинобитные дома с лощеными полами, каменные сосуды и шлифованные топоры. Находки зерен двухрядного голозерного ячменя свидетельствуют о зарождении земледелия, но наряду с этим представлены дикие пшеница-однозернянка и чечевица.[64] Из домашних животных здесь известна только собака.

На основе такой комплексной экономики охотников, собирателей и земледельцев складывается, вероятно, оседлоземледельческая культура Чатал-Гуюка второй половины VII—первой половины VI тыс. до н. э.[65] Это крупное поселение площадью около 12 га состояло из многочисленных глинобитных строений. Среди них имелись и небольшие святилища, украшенные настенными фресками и рельефами. Антропоморфная скульптура Чатал-Гуюка не уступает коллекции Телль-эс-Севана, превосходя месопотамскую пластику живостью и экспрессией. Как и в Хассунском поселке около Багдада, возросшее благосостояние общества характеризуется богатством и разнообразием погребального инвентаря. Недостаток в сравнительно редкой глиняной посуде с успехом возмещается сосудами из камня и особенно из дерева, впервые обнаруженными археологами в значительном для столь раннего времени количестве. Получает дальнейшее развитие ткачество, зарождается металлургия. Расцвет прикладного искусства и домашних промыслов стал возможен благодаря устойчивой и развитой земледельческо-скотоводческой экономике.

Уже начиная с нижних слоев в Чатал-Гуюке представлены домашние овца и коза, хотя все кости свиньи принадлежат диким особям. Не вполне ясна принадлежность остатков быка дикой или домашней породе.[66]

Но скорее всего подлинную основу процветания составляло земледелие. Недаром сам Чатал-Гуюк расположен на аллювиальной равнине Кония, до настоящего времени остающейся важнейшим сельскохозяйственным районом Турции. Всего здесь известно 22 поселения рассматриваемого времени, для которых Чатал-Гуюк был подлинной столицей. В ту пору здесь культивировалось 14 видов растений; среди них главную роль играли пшеница-однозернянка и двузернянка, шестирядный голозерный ячмень и горох.[67] Как и в Месопотамии, культивируемые растения достигли особого расцвета вне зоны их естественного произрастания. Исследовавший чатал-гуюкские растительные остатки Г. Хельбек отмечает, что этим видам должен был предшествовать длительный период их доместикации вне пределов Конийской равнины.[68] Начавшись в горных районах, неолитическая революция достигает наиболее быстрого и стремительного расцвета в первую очередь на равнинных пространствах. Если обитатели гротов и пещер с их пер-

[60] R. J. Braidwood. 1) The Paleo-Environments of Southwestern Asia and Appearance of Food-Production. Chicago, 1966, p. 16; 2) Prehistoric Man, pp. 124—125.

[61] Mellaart. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967, p. 223.

[62] E. V. Bostançi. Researches on the Mediterranean Coast of Anatolia. A New Paleolithic Site at Beldibi near Antalya. Anatolia, IV, 1959, pp. 131—157.

[63] J. Mellaart. Excavations at Hacilar, 1960. Fourth Preliminary Report. AS, v. XI, 1961, pp. 70—73; В. М. Массон. Неолит Южной Турции. В сб.: Археология Старого и Нового света, М., 1966, стр. 169.

[64] J. Mellaart. The Earliest Civilizations..., p. 81.

[65] Отчеты о раскопках регулярно публиковались Д. Меллартом в AS. См. также: J. Mellaart. Çatal Hüyük.

[66] J. Mellaart. Çatal Hüyük, p. 223.

[67] H. Helbaek. First Impressions of the Çatal Hüyük Plant Husbandry. AS, v. XIV, 1964.

[68] Ibid., p. 113.

выми кремневыми серпами стоят у начала этого процесса, то создатели чатал-гуюкских святилищ знаменуют его завершение. Это были два крайних полюса эволюционного процесса, этапы которого лишь намечаются в ходе упорных изысканий и поисков. И неожиданный блеск чатал-гуюкской культуры лишний раз свидетельствует о том, сколь значительными были достигнутые результаты.

Во многом чатал-гуюкский комплекс принадлежит к тому же культурному кругу, что и так называемый сиро-киликийский неолит, про который Г. Чайлд прозорливо писал, что он вполне может соперничать в отношении своей древности с любой раннеземледельческой культурой Ближнего Востока.[69] Однако стратиграфические шурфы на сиро-киликийских памятниках дают сравнительно ограниченный материал о хозяйстве оставивших их племен.[70] На полях высевались пшеница-двузернянка и ячмень, а стада мелкого рогатого скота составляли вторую важнейшую отрасль экономики сиро-киликийцев. Видимо, и здесь сложившаяся производящая экономика имела свою длительную предысторию. Об этом свидетельствуют недавние раскопки на поселении Телль-Мурейбат в Восточной Сирии.[71] Здесь обнаружено многослойное поселение с остатками прямоугольных строений, сложенных из камня. Глиняная посуда еще полностью отсутствует. В мясной пище главную роль играла охота на быка (30%), онагра (30%) и газель (30%). Зернотерки и вкладыши серпов свидетельствуют о наличии по крайней мере интенсивного собирательства.

Сирийские памятники как бы территориально сближают Малую Азию с третьим важным центром неолитической революции на Ближнем Востоке — иордано-палестинским. В целом эти области в ряде отношений образуют единую культурную зону, хотя и менее отчетливо выраженную, чем загросская общность. Учитывая находки в Белдиби, эту общность, казалось, можно было бы возводить к натуфийскому мезолиту, но соответствующие кремневые индустрии Анатолии, судя во всяком случае по их переживаниям в Чатал-Гуюке, как будто бы носят отличный характер.

Зарождение элементов новой экономики в натуфийской культуре давно обратило на себя внимание исследователей и неоднократно служило предметом специального анализа.[72] В настоящее время натуфийские комплексы, так же как и североиракский мезолит, можно датировать X—IX тыс. до н. э. Основой экономики в это время были охота и рыболовство. Вместе с тем распространены песты, ступки и кремневые вкладыши жатвенных ножей, обнаруженные в пещере Эль-Вад (1024 экз., т. е. 8% от общего числа всех орудий). Видимо, натуфийцы по крайней мере практиковали регулярные сборы дикорастущих злаков, если уже не сделали первых шагов по их искусственному выращиванию. Было высказано мнение о приручении в позднем Натуфе козы, быка и, возможно, свиньи,[73] но имеющиеся зоологические основания для такого заключения как будто недостаточны.[74]

Весьма примечательной чертой натуфийской культуры является широкое развитие рыболовства, видимо способствовавшего раннему развитию оседлости. Во всяком случае в поселении Эйнан на берегу оз. Хуле оно занимало едва ли не первое место в экономике. Само поселение состояло из 50 круглых в плане домов диаметром от 5 до 6 м.[75] Их нижние части были углублены в землю, а стены облицованы смесью глины с песком и мелкими камнями (рис. 29). Пол частично выстилали каменные плиты. Показательно, что вкладыши серпов встречаются в Эйнане много реже, чем в пещере Эль-Вад, расположенной в зоне естественного произрастания злаков. Возвращаясь к схеме, предложенной в начале этой главы, для Эйнана

---

[69] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.—Л., 1956, стр. 329.

[70] R. J. Braidwood. The Earliest Village Materials of Syro-Cilicia. PPS, N. S., v. XXI, 1956; П. П. Ефименко. Неолитический Мерсин. СА, 1959, № 1; В. М. Массой. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 65 сл.

[71] M. N. Loon, van. Mureybat. An Early Village in Inland Syria. Archaeology, 1966, № 3, pp. 214—215.

[72] Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 61—65.

[73] R. Neuville. Le paléolithique et le mésolique du Désert de Judee. Paris, 1951, pp. 215—217.

[74] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations..., p. 131.

[75] J. Perrot. 1) Excavations at Eynan (Ain Mallaha). IEJ, v. 10, 1960, № 1; 2) Le gisement natoufien de Mallaha (Eynan), Israel. L'anthropologie, t. 70, 1966, № 5—6; M. C. Cauvin. L'industrie natoufienne de Mallaha (Eynan). Ibid.

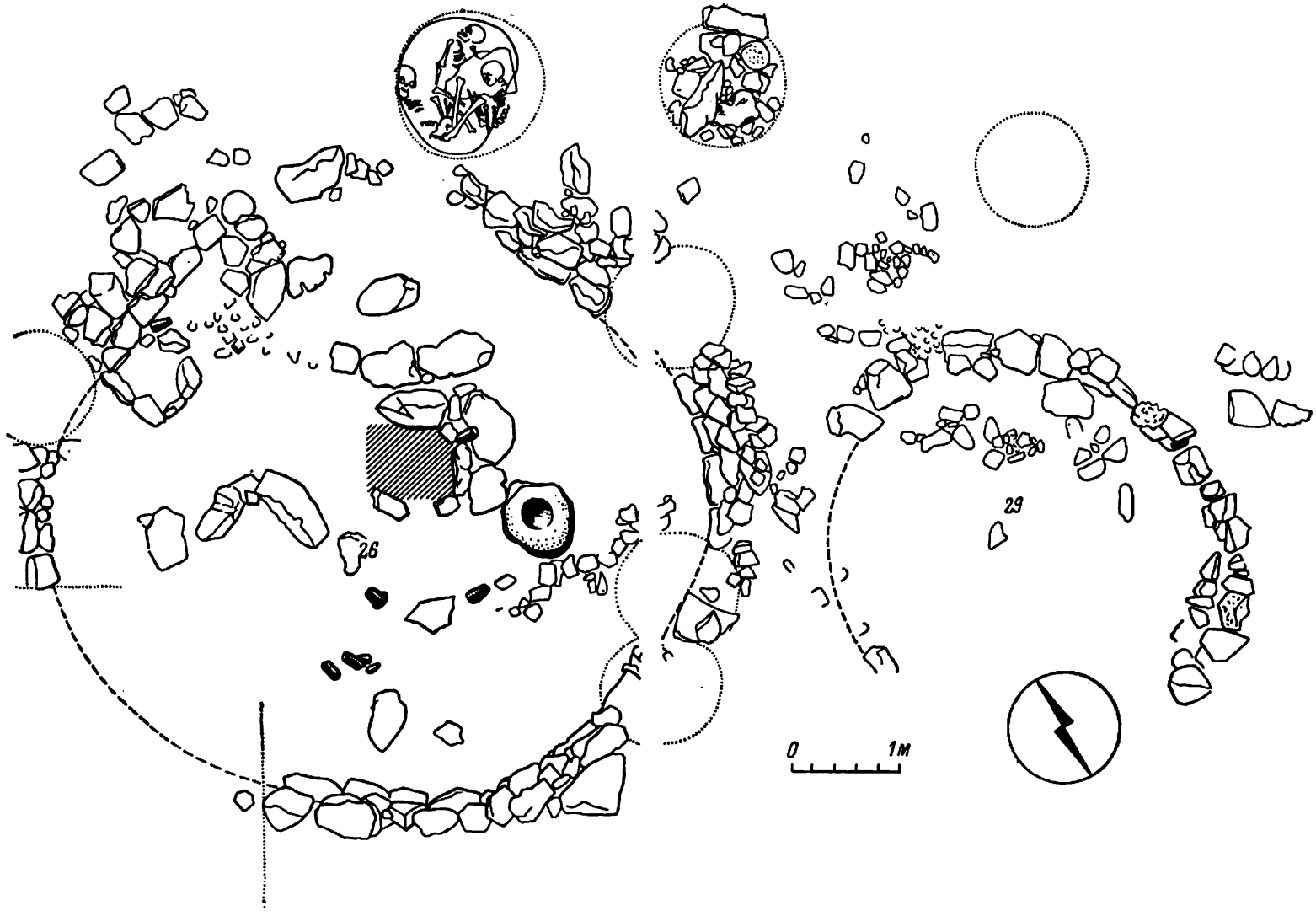

Рис. 29. План поселения Эйнан (Палестина).

***Арабские цифры* — номера жилищ.**

можно говорить об элементах третьей модели неолитической революции. Кажется, есть основания относить начальную фазу неолитической революции именно ко времени бытования натуфийских комплексов.

На базе Натуфа складывалась и яркая культура докерамического неолита Иерихона А (VIII тыс. до н. э.). В настоящее время помимо Иерихона известны еще два поселения этого типа.[76] Сам Иерихон представлял собой относительно крупное поселение площадью около 4 га.[77] Жилищами служили овальные в плане глинобитные дома, обнаруживающие явственную связь с натуфийскими постройками Эйнана. Поселение окружали ров и стена из бутового камня толщиной около 1.7 см, сохранившаяся на высоту до 4 м. Еще более эффектное впечатление оставляет башня восьмиметровой высоты, также выложенная из камня и, возможно, имевшая культовый характер. Скорее всего именно развитие земледелия, как и в Чатал-Гуюке, было основой процветания этого незаурядного поселения.

Следующая фаза — докерамический неолит Иерихона В (VII тыс. до н. э.) — большинством исследователей связывается с появлением новых этнических групп, возможно проникших с севера.[78] Однако в культуре в целом ряде отношений наблюдается сохранение старых традиций,[79] во всяком случае производящая экономика переживает дальнейший прогресс. Помимо Иерихона известен целый ряд поселений этого типа,[80] из числа которых наибольшее значение имеет Бейда, тщательно раскопанная Д. Киркбрайд.[81] Костные остатки козы из Иерихона несут уже морфологические признаки доместикации,[82] что указывает на начало этого процесса в предшествующий период, скорее всего еще в пору Натуфа. Характерно наличие большого количества костей свиньи, овцы и быка, бывших по меньшей мере исходными формами доместикации.[83] Появляется и домашний кот,[84] что скорее всего связано с необходимостью охраны от грызунов запасов зерновых продуктов. Действительно, в Бейде обнаружены зерна дикого и окультуренного ячменя, пшеницы-двузернянки, очень близкой диким формам, дикая фисташка, три вида диких трав (эгилопс, регрейс, овес) и много бобовых.[85]

Хотя глиняная посуда еще отсутствует в слоях типа Иерихон В, глиняные фигурки людей и животных свидетельствуют о стремлении использовать пластические свойства нового материала. Отдельные фрагменты говорят о существовании глиняных скульптур, изображавших человека чуть ли не в натуральную величину. Крупные каменные гири-противовесы, найденные в Бейде,[86] возможно, использовались для ткачества. Известны и каменные сосуды, но они как будто более редки, чем на памятниках загросской общности. Несмотря на то что в целом комплексы типа Иерихон В свидетельствуют о значительных успехах неолитической революции, полная победа и особенно расцвет новых форм экономики в Палестине, очевидно, тормозились неблагоприятными природными условиями засушливой страны, имеющей малоплодородные почвы. Так же как и горные района Загроса, это была область, весьма благоприятная для начальных этапов неолитической революции, но мало подходящая для ее быстрого торжества. Видимо, именно таким обстоятельством в первую очередь следует объяснить относительную бедность культур керамического неолита, непосредственных наследников иерихонских комплексов.

Как можно заметить, из рассмотрения хода неолитической революции на Ближнем Востоке как бы выпадают египетские матери-

---

[76] R. Vaux, de. Palestine During the Neolithic and Chalcolithic Periods. Cambridge, 1966, p. 8.

[77] Отчеты в PEQ за 1953—1956, 1958 гг. См. также: K. Kenyon. 1) Earliest Jericho. Antiquity, № 129, 1959; 2) Diggings up Jericho. New York, 1957.

[78] K. Kenyon. Earliest Jericho, pp. 8—9; J. Mellaart. Earliest Civilizations..., p. 39; P. Vaux, de. Palestine..., pp. 8—9; D. Kirkbride. Five Seasons of the Prepottery Neolithic Village of Beidha in Jordan. PEQ, 1966, jan., june, pp. 57—59.

[79] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 78—79.

[80] P. Vaux, de. Palestine..., pp. 12—13; J. Perrot. Les deux premieres campagnes de fouilles à Munhatta, 1962—1963. Syria, t. XLI, f. 3—4, 1964, p. 340

[81] D. Kirkbride. 1) Five Seasons..., 2) Beidha, 1965, Campaign. Archaeology, 1966, № 4.

[82] F. E. Zeuner. The Goats of Early Jericho. PEQ, 1955, april.

[83] P. Vaux, de. Palestine..., p. 9.

[84] F. E. Zeuner. Dog and Cat in the Neolithic Jericho. PEQ, 1958, july, dec.

[85] H. Helbaek. Prepottery Neolithic Farming at Beibha. PEQ, 1966, jan., june.

[86] D. Kirkbride. Five Seasons..., p. 35.

алы. Датировка наиболее архаического для Египта комплекса Фаюма второй половиной V тыс. до н. э. (4045±250 г.; 4441±180 г.) как бы относит этот центр к весьма позднему времени по сравнению с Иерихоном, Джармо и Чатал-Гуюком. Р. Брейдвуд даже полагает, что долина Нила вообще лежала вне зоны потенциальной доместикации животных и растений.[87] Действительно, в Фаюме мы имеем дело с уже вполне сложившейся земледельческо-скотоводческой культурой. Его обитатели возделывали пшеницу-двузернянку и ячмень, разводили свиней, крупный и мелкий рогатый скот. Хронологическое положение памятника вполне позволяет допустить, что и растения, и скот были заимствованы, хотя бы частично, из Передней Азии, тем более что для многих из них в Египте нет исходных диких форм.[88] Видимо, недаром хелванский мезолит обнаруживает известную перекличку с Натуфом.[89] Вместе с тем следует подчеркнуть вполне самобытный облик раннеземледельческой культуры Фаюма. Например, жатвенные ножи Фаюма в отличие от Палестины, Ирана и Средней Азии не имеют скульптурного навершия на рукояти. В глину, шедшую на изготовление сосудов, в Фаюме подмешивалась рубленая солома, а не песок, как это имело место в западном ареале раннеземледельческих памятников Ближнего Востока. Скорее всего раннеземледельческие комплексы Египта отражают процесс перехода к новым формам экономики местных племен в условиях связей с земледельческо-скотоводческими племенами Передней Азии и, возможно, скотоводами Северной Африки. В отличие от Палестины долина Нила оказалась весьма благоприятной средой не для начальных, а для завершающих этапов неолитической революции.

Напротив, новые открытия в Греции как будто позволяют за счет этой области расширить территорию, первоначально охваченную в Старом Свете процессом неолитической революции. Здесь уже в VI тыс. до н. э. были распространены поселки оседлых земледельцев и скотоводов, не изготовлявших еще глиняной посуды.[90] Раскопки Неа-Никомедии в Македонии показали, что утверждение новых форм экономики восходит к последней трети VII тыс. до н. э., мало уступая в древности загросскому и анатолийскому центрам.[91] В составе стада в этих местах решительно преобладали козы и овцы, хотя были одомашнены также свиньи и крупный рогатый скот. Обнаружено большое количество зерен пшеницы, ячменя, чечевицы и гороха — состав культур, весьма близкий чатал-гуюкскому земледелию. Судя по всему, неолитическая революция протекала здесь по переднеазиатскому типу, очевидно стимулированная связями с анатолийскими культурами. Во всяком случае мезолитические памятники, характеризующие ее первые этапы, остаются пока неизвестными. Возможно, при этом из Малой Азии были заимствованы мелкий рогатый скот, а также некоторые виды зерновых культур.[92]

В основном по первой модели — в двух ее вариантах — протекал процесс неолитической революции в трех древнейших центрах производящей экономики на территории СССР.

Судя по имеющимся данным, оба этих варианта были представлены уже на территории Средней Азии. Если по известным материалам Ближнего Востока соответствующие варианты производящей экономики наблюдаются нередко в пределах территории, занятой родственными племенами, то в Средней Азии преимущественно земледельческий и преимущественно скотоводческий пути развития составляли характерную черту обширных регионов. Г. Ф. Коробковой было высказано мнение о том, что в неолите Средней Азии наблюдаются два типа становления производящего хозяйства — через земледелие и скотоводство (Джейтун) и через скотоводство (Кельтеминар).[93] Новые ма-

---

[87] R. J. Braidwood. Prehistoric Man, p. 127.

[88] Ср.: Ch. A. Reed. Animal Domestication in the Prehistoric Near East. In: New Roads to Yesterday, New York, 1966, p. 184.

[89] S. A. Huzayyin. The Place of Fgypt in Prehistory. Mem. de l'Inst. d'Egypte, t. 43, Caire, 1941, pp. 289—294.

[90] В. С. Титов. Период неолита в Греции. МИА, № 130, 1965, стр. 72—73.

[91] R. J. Rodden. 1) Excavations at the Early Neolithic Site at Nea Nikomedia, Greek Makedonia (1961 season). PPS, v. XXVIII, 1962; 2) An Early Niolithic Village in Greece. Scientific American, v. 212, № 4, 1965, april.

[92] Т. В. Блаватская. Ахейская Греция. М., 1966, стр. 27—28; В. С. Титов. Древнейшие земледельцы в Европе. В сб.: Археология Старого и Нового Света, М., 1966, стр. 28—29.

[93] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Автореф. дисс. Л., 1966, стр. 19.

териалы подтверждают в целом справедливость такого заключения, хотя конкретная картина экономической истории, возможно, окажется еще более сложной.

Оседлоземледельческая культура Джейтуна, которой в первую очередь посвящена настоящая книга, представляет собой классический и основной вариант переднеазиатского пути неолитической революции. Правда, мы здесь имеем дело скорее с финалом этого процесса, чем с начальными этапами. Тем не менее ряд косвенных данных позволяет заключить, что переход к новым формам экономики происходил у местных мезолитических племен начиная, по-видимому, с VII тыс. до н. э. и неизменно в условиях тесных связей и контактов с переднеазиатскими центрами неолитической революции. Очевидно, именно оттуда была получена мягкая пшеница, исходные виды которой отсутствуют в местной флоре и которая тем не менее достаточно широко представлена уже на памятниках джейтунской культуры.

Иными были пути сложения производящей экономики других неолитических обществ Средней Азии и прилегающих областей Ирана и Афганистана. В Южном Прикаспии, в мезолитических наслоениях Гари-Камарбанда, по значительному количеству молодых особей К. Кун предполагает наличие домашней козы по крайней мере для VII тыс. до н. э.[94] По определению В. И. Цалкина, бесспорные остатки домашних овец и коз были найдены в слое 4 пещеры Дам-Дам-Чешме 2, датировка которого VII тыс. до н. э. также весьма вероятна.[95] Подобное определение, сделанное на основании остеологических данных, позволяет предполагать, что процесс доместикации начался еще в более раннее время. Вместе с тем число вкладышей серпов, найденных в прикаспийских пещерах, крайне незначительно, а в таких памятниках, как Джебел и Дам-Дам-Чешме, они попросту отсутствуют. Однако местная среда была малоблагоприятна для развития земледелия и скотоводство представляло собой ведущую отрасль новой экономики.

Бóльшую часть Средней Азии занимали в пору неолита племена кельтеминарской культуры, для позднего этапа которой зафиксировано наличие домашних пород крупного и мелкого рогатого скота.[96] Видимо, соответствующий процесс доместикации начался по крайней мере в раннем кельтеминаре, знаменуя начало неолитической революции в областях, где позднее наблюдается расцвет скотоводческо-земледельческих культур степной бронзы. Преимущественно скотоводческий путь развития производящей экономики намечается и для горных областей Таджикистана и Северного Афганистана. Распространенная в Западном Таджикистане архаическая по облику гиссарская культура VII—VI тыс. до н. э. характеризуется минимальным числом, а нередко и попросту отсутствием вкладышей серпов, в то время как остеологический материал позволяет говорить о наличии домашних животных.[97] Домашние коза и овца встречены в слоях VI тыс. до н. э. в северо-афганистанской пещере Гари-Мар, где, правда, находятся также и вкладыши серпов.[98] Следует иметь в виду, что упомянутые материалы носят в значительной мере фрагментарный характер. Тем не менее складывается впечатление, что в условиях преимущественно скотоводческого пути культура в отличие от оседлоземледельческих обществ долгое время сохраняет застойные архаические формы. Возможно, лишь выход на широкие степные пространства и распространение ранних форм кочевого скотоводства приводят в этих условиях к кардинальным переменам и окончательному торжеству экономики нового типа.

Во втором крупном центре производящей экономики на территории СССР — кавказском — наиболее ранние памятники земледельческо-скотоводческих племен стали известны буквально в течение последнего десятилетия,[99] да и то, судя по всему, представ-

---

[94] C. Coon. Cave Explorations in Iran, 1949. Philadelphia, 1951, p. 50.

[95] Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, № 2, стр. 123.

[96] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 77.

[97] Г. Ф. Коробкова, В. А. Ранов. Неолит горных районов Средней Азии. В сб.: Проблемы археологии Средней Азии, Л., 1968, стр. 21.

[98] L. Dupree. 1) Prehistoric Archaeological Survey and Excavations in Afghanistan, 1959—1960 and 1961—1963. Science, v. 146, № 3644, 1964, oct. 30, pp. 638—640; 2) The Prehistoric Period of Afghanistan. Afghanistan, 1967, № 3, pp. 22—24.

[99] А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток. КСИА, в. 93, 1963; Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева. Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа. Мацне, 1967, № 6 (39).

ляют далеко не самые архаические этапы новых форм хозяйственной деятельности. В настоящее время здесь с достаточной определенностью различаются два комплекса или, возможно, даже две культуры — типа Кюль-Тепе и типа Шому-Тепе.

Значительная группа памятников типа Шому-Тепе была исследована в Западном Азербайджане.[100] Эти поселения, сравнительно небольшие по площади, существовали в течение длительного времени — мощность культурных слоев достигает местами 10 м. Архитектура представлена домами из сырцового кирпича, но местами встречаются также землянки. При раскопках найдены семена целого ряда культурных растений (два вида ячменя, три вида пшеницы, полба), что свидетельствует о значительном развитии земледелия. Правда, представлены также зерна дикого двухрядного ячменя. Среди остатков животных решительно преобладают кости домашнего скота (бык, свинья, мелкий рогатый скот). Распространены серпы с кремневыми и обсидиановыми вкладышами, вставлявшимися в костяную основу изогнутой формы. Многочисленные орудия из кости и рога представлены мотыгами, шильями, лощилами, гребенчатыми изделиями, возможно связанными с ткачеством. Лепленая от руки керамика характеризуется грубыми архаическими формами, несложным налепным орнаментом и примесью в тесте дресвы, шамота и песка. Изредка встречаются сосуды с растительной примесью в глине.

К памятникам типа Шому-Тепе примыкают такие поселения Южной Грузии, как Арухло,[101] Шулавери,[102] Имирис-гора [103] и др. Здесь распространены круглоплановые дома из сырцового кирпича. Показательно большое количество орудий из обсидиана (скребки, резцы, проколки, ножевидные пластины, сегменты), топоров и тесел из шлифованного камня. Встречаются глиняные фигурки животных и людей, зернотерки, роговые мотыги. В целом перед нами комплекс, достаточно характерный для сложившейся земледельческо-скотоводческой культуры.

Эти же черты выступают и в материалах памятников типа Кюль-Тепе. Помимо самого Кюль-Тепе у Нахичевана [104] сюда относятся некоторые поселения Мильской степи [105] и ряд памятников в Армении: Техут,[106] нижние слои Шенгавита [107] и др. Здесь также повсеместно распространена сырцовая архитектура преимущественно с круглоплановыми домами. Мощность культурных наслоений достигает 8.9—9 м. Всего на Кюль-Тепе насчитывается 13 строительных горизонтов. Находки кремневых вкладышевых серпов, костяных мотыг, зернотерок, хозяйственных, видимо зерновых, ям и, наконец, самих зерен свидетельствуют о развитии земледелия. Из домашних животных в самых нижних слоях Кюль-Тепе (1а) преобладал мелкий рогатый скот, тогда как позднее (слой 1б) процент крупного рогатого скота увеличивается. Вместе с тем в отличие от памятников типа Шому-Тепе здесь наряду с каменными и костяными орудиями встречены предметы из меди (проколки, наконечник стрелы, бусины), причем при их изготовлении использованы медно-мышьяковистые сплавы. Заметно отличается и глиняная посуда, как правило, грубых и мало дифференцированных форм и с большой примесью в тесте рубленой соломы. Показательно также наличие незначительного количества керамики нередко высокого качества, с росписью, в ряде отношений напоминающей орнаментацию переднеазиатской расписной посуды типа Халаф—Северный Убейд.

---

[100] И. Г. Нариманов. 1) Археологические исследования поселения Шому-Тепе в 1963 г. В кн.: Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965; 2) Древнейшая земледельческая культура Закавказья. Докл. и сообщ. археол. СССР на VII Междунар. конгр. доист. и протоист., М., 1966; О. Н. Рустамов. Разведочные раскопки в Тойре-Тепе. Матер. по археол. Азербайджана, т. VI, Баку, 1965.

[101] Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева. Новые материалы..., стр. 337—339.

[102] О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции 1965—1966 гг. Мацне, 1967, № 3 (36) (на груз. яз.).

[103] А. И. Джавахишвили. Раскопки жилого холма Имирис-гора. В кн.: Археологические открытия 1967 г. М., 1968, стр. 293—294.

[104] О. А. Абибулаев. 1) Раскопки холма Кюль-Тепе. КСИИМК, в. 51, 1953; 2) Археологические раскопки холма Кюль-Тепе. Баку, 1959 (на азерб. яз.); 3) Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе. СА, 1963, № 3.

[105] А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток.

[106] А. А. Мартиросян. Археологические открытия в Армении. В кн.: Археологические открытия 1967 г. М., 1968, стр. 308.

[107] С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967, стр. 293; ср.: Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева. Новые материалы..., стр. 361.

С помощью радиоуглеродного анализа памятники типа Шому-Тепе датированы серединой V—началом IV тыс. до н. э. (Шулавери — 3954±300 г.; 4659± 210 г.; Тойре-Тепе 4295±125 г.), а нижние слои Кюль-Тепе — началом IV тыс. до н. э. (3807± ±90 г.). Поскольку их в ряде мест перекрывает куро-аракская культура III тыс. до н. э., то, видимо, период существования охватывает также все IV тыс. до н. э.

При рассмотрении этих кавказских комплексов в интересующем нас плане можно отметить три особенности.

1. Наличие сложившейся оседлой земледельческо-скотоводческой экономики.

2. Архаические элементы в культуре в виде грубой керамики, оставляющей впечатление первых шагов гончарного мастерства, достаточно богатого набора каменных и костяных орудий, особенно в комплексе типа Шому-Тепе.

3. Связи с высокоразвитыми культурами Древнего Востока (расписная керамика халафско-убейдского круга, булла с оттисками печатей из Арухло, возможно, металлургия).

Эти особенности позволяют предположительно реконструировать ход неолитической революции на Кавказе, хотя известные археологические комплексы относятся скорее всего уже ко времени ее полной и окончательной победы. Видимо, развитие неолитической революции, во всяком случае к югу от Кавказского хребта, шло в первую очередь по преимущественно земледельческому варианту первой модели. Вместе с тем некоторое запаздывание по сравнению с переднеазиатскими центрами привело к тому, что переход к производящей экономике происходил хотя и на местной основе (самобытный облик керамики, особенно типа Шому-Тепе), но в условиях воздействия со стороны уже сложившихся высокоразвитых оседлоземледельческих культур Ближнего Востока. При этом более северный комплекс типа Шому-Тепе производит впечатление более древнего и архаичного, хотя в конкретной истории вероятнее всего имела место сложная картина взаимодействия различных этнокультурных групп.[108]

Как будто несколько иначе протекал процесс становления производящей экономики на Северном Кавказе. Здесь в III тыс. до н. э. в ряде памятников майкопской культуры отмечается преимущественно скотоводческое направление хозяйства с преобладанием в стаде свиньи, одомашненной скорее всего в местной среде.[109] Видимо, неолитическая революция первоначально развивалась здесь по скотоводческому варианту, что в некотором отношении смыкается с историческими судьбами третьего центра — северопричерноморского.

Здесь местные природные условия — отсутствие характерного для Ближнего Востока сортового разнообразия дикорастущих злаков — и наличие таких исходных форм домашних животных, как кабан и тур, обусловили преимущественно скотоводческое направление процесса неолитической революции в той мере, в какой он развивался главным образом на местной основе. Действительно, например, в Крыму в раннюю эпоху в условиях специализированной охоты на кабана происходит процесс одомашнивания свиньи.[110] В таком раннем комплексе, как нижние слои Каменной могилы, с развитой микролитической индустрией и отсутствием керамики, среди остеологических материалов преобладают кости домашних животных, прежде всего быка. Количество костей мелкого рогатого скота незначительно.[111] Интересную картину становления производящей экономики вскрыли работы В. И. Маркевича на группе поселений по среднему течению Днестра.[112]

---

[108] Возможно, именно в этом найдет свое объяснение не вполне ясная и, к сожалению, плохо документированная стратиграфия Шенгавита (см.: Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева. Новые материалы..., стр. 361). Большой интерес представляет распространение в IV тыс. до н. э. нерасписной керамики типа Далма на памятниках Северо-Западного Ирана, где она производит впечатление чужеродного, «варварского» вторжения в среду местных культур расписной керамики [J. Mellaart. 1) Earliest Civilizations..., pp. 70—71; 2) The Earliest Settlements..., pp. 46—47]. Некоторые черепки этой керамики, орнаментированные овальными выступами, как будто напоминают глиняную посуду памятников круга Шому-Тепе.

[109] А. А. Формозов. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья. КСИА, в. 88, 1962, стр. 29.

[110] Д. А. Крайнов. 1) К вопросу о происхождении домашних животных в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время. СА, 1959, № 2; 2) Пещерная стоянка Таш-Аир 1. МИА, № 91, 1960, стр. 131—138.

[111] А. Д. Столяр. Об одном центре одомашнивания свиньи. СА, 1959, № 3, стр. 4; В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969.

[112] В. И. Маркевич. 1) Неолитическая стоянка Сороки-Трифауцкий Лес 1. Матер. и иссл.

Наиболее ранним здесь является докерамический комплекс Сороки, который ориентировочно можно датировать VI тыс. до н. э. (5470±80 г.; 5570±120 г.). Его характеризуют жилища типа землянок и развитая кремневая индустрия микролитоидного облика. В хозяйстве большую роль играют рыболовство (в основном в пищу шел вырезуб) и собирательство съедобных моллюсков (перловица). Рыбная ловля осуществлялась с помощью гарпунов и, видимо, сетей. Основной процент мясной пищи еще доставляла охота, но уже появилась свинья (Сороки 2, слой 3), а затем к ней добавился бык. Удельный вес домашних животных постепенно увеличивается от 10 до 18—22%. Труднее разрешим вопрос о наличии земледелия. В слое 2 поселения Сороки 1 имеется пыльца злаковых растений, но неизвестно, были ли они уже культивируемы. Землекопные орудия вроде мотыг могли использоваться лишь при строительстве полуземляночных жилищ. В материалах всех поселений докерамического комплекса среди 614 кремневых орудий имеется лишь 2 вкладыша серпов.

На протяжении V тыс. до н. э. появляется глиняная посуда и возрастает роль скотоводства. Возможно, происходит и какое-то развитие земледелия — имеются отпечатки зерен пшеницы-однозернянки и ячменя, хотя не исключено, что пшеница еще не была доместицирована. Показательно, что количество вкладышей серпов по-прежнему минимально. На некоторых поселениях они полностью отсутствуют, в других составляют лишь 0.5% орудий труда. Видимо, на севере Молдавии скотоводческо-рыболовческо-охотничий хозяйственный комплекс долгое время был доминирующим. Очевидно, частично это связано с периферийно-замкнутым положением сорокской группы племен, лежавшей несколько в стороне от магистральных путей культурных связей и контактов. В этом отношении показательно отсутствие здесь мелкого рогатого скота, для которого в Северном Причерноморье нет исходных форм и который скорее всего проник сюда в результате заимствования. Материалы нижних слоев Каменной могилы как будто показывают, что это имело место на весьма раннем этапе развития. Вместе с тем связи с балканским миром земледельческо-скотоводческих племен отмечаются в ряде черт материальной культуры северомолдавской группы памятников. Позднее в Причерноморье наблюдается прямое переселение отдельных групп балканских земледельцев, сложный процесс взаимодействия которых с местными племенами, развивавшими производящую экономику, привел в конечном итоге к сложению трипольской культуры.[113]

Памятники, исследованные В. И. Маркевичем на севере Молдавии, по существу являются локальной группой особой южнобугской (или буго-днестровской) культуры, выделенной В. Н. Даниленко.[114] Она, как правило, представлена небольшими памятниками, имеющими жилища полуземляночного типа и высокий удельный вес рыболовства и сбора съедобных моллюсков. Все эти материалы, как кажется, вполне отчетливо характеризуют некоторые особенности неолитической революции в Северном Причерноморье.

Видимо, в этом регионе очень рано, по крайней мере в VII—VI тыс. до н. э., началось становление производящей экономики по преимущественно скотоводческому варианту первой модели. Основными домашними животными при этом являются представители местной фауны — свинья и бык, еще долго преобладающие в составе стада трипольской культуры. Вместе с тем в ряде мест интенсивное развитие рыболовства приводит к появлению комплекса оседлости,[115] что на ранних этапах способствует становлению новых форм экономики. Здесь, как и в натуфийском Эйнане, проявляются элементы третьей модели неолитической революции. В этих условиях контакты с земледельческо-скотоводческими племенами, интенсивно расселяющимися по территории Балканского полуострова, легко вели к восприятию таких новых элементов, как земле-

---

по археол. и этногр. Молдавск. ССР, Кишинев, 1964; 2) Исследования неолита на Среднем Днестре. КСИА, в. 105, 1965; 3) Неолит Молдавии. Автореф. дисс. М., 1968.

[113] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, № 84, 1961, стр. 185 сл.

[114] В. Н. Даниленко. 1) Археологические исследования в зоне строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1962 гг. КСИА АН УССР, в. 12, 1962, стр. 23—24; 2) Неолит Украины, стр. 46—147.

[115] А. В. Куза. Развитие рыболовства в Восточной Европе. Тез. докл., посв. итогам полевых иссл. 1965 г., М., 1966, стр. 18.

делие и одомашненный мелкий рогатый скот. Завершением этих процессов взаимной ассимиляции двух культурных начал явилось сложение трипольской культуры, хотя, видимо, победа неолитической революции произошла еще в дотрипольское время. Вполне возможно, что развитое рыболовство со временем отрицательно сказалось на окончательном торжестве производящей экономики, затягивая этот процесс, способствуя консервации архаических форм культуры, как это можно видеть на примере памятников Северной Молдавии.

Весьма своеобразно развитие неолитической революции в Новом Свете, на материалах которого мы считаем возможным выделять две особые модели соответствующего процесса. При этом если одна из них специфически американская, то другая лишь наиболее ярко воплощает характерные черты, прослеживаемые, в частности, также и в ряде регионов Старого Света. Это представляет тем больший интерес, что независимый и самостоятельный характер сложения производящей экономики в Новом Свете в настоящее время едва ли может вызывать особые сомнения. В отечественной науке на значение американских центров цивилизации одним из первых обратил внимание Н. И. Вавилов. «Одним из поразительных географических и исторических событий, значение которого недостаточно учитывается в изложении всемирной истории, является самостоятельное развитие древних цивилизаций Южной Мексики и Центральной Америки, и Перу, и Боливии, достигших независимо от Старого Света величайших успехов в области искусства, науки, техники и сельского хозяйства», — писал он.[116] Новые материалы, полученные главным образом в ходе археологических исследований, полностью подтверждают это положение выдающегося советского ученого.

Остановимся сначала на памятниках Мексики, позволяющих дать краткую характеристику пути развития неолитической революции, условно названного нами мезоамериканским. Целенаправленные изыскания Р. Мак-Нейша на северо-востоке Мексики в пещерах Тамаулипас и Сьерра-Мадре,[117] а затем в более южных районах в штате Пуэбло [118] позволяют достаточно детально проследить формирование здесь земледельческой экономики.[119]

Материалы, полученные Р. Мак-Нейшем, ярко рисуют этот процесс, происходивший в условиях решительного преобладания в хозяйстве собирательства. Климатические изменения привели к частичному вымиранию мегафауны, и охотники на мамонтов, мастодонтов, ископаемых бизонов, верблюдов лишились привычных источников питания.[120] Теперь основным поставщиком пищи становится растительный мир, уже раньше привлекавший внимание племен так называемой пустынной культурной общности (или «пустынной традиции» по терминологии американистов).[121] Таких высокоспециализированных собирателей мы застаем на северо-востоке Мексики в VII—VI тыс. до н. э. (фаза Инфернильо). Это были племена, иногда занимавшиеся охотой, но основное свое внимание уделявшие местной флоре. Возможно, с растительными циклами было связано и размещение их сезонных стойбищ. В пищу они употребляли агаву, бобы, различные фрукты, из растительных же волокон и стеблей изготовляли корзинки, сетки и циновки. Корзинки и сетки использовались при сезонных сборах (первые сосуды здесь изготовлялись из тыквы особого вида). Кремневые скребки и наконечники дротиков вместе с тем указывают как на сохранение известной роли охоты, так и на генетическую связь с предшествующими комплексами. По произведенным подсчетам собиратель-

---

[116] Н. И. Вавилов. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения. ИВГО, т. 71, в. 10, 1939, стр. 1487.

[117] R. S. Mac Neish. Preliminary Archaeological Investigations in the Sierra de Tamaulipas, Mexico. Trans. Amer. Philos. Soc., v. 48, pt. 6, Philadelphia, 1958; G. R. Willey. Mesoamerica. Courses Toward Urban Life. VFPA, № 32, 1962.

[118] R. S. Mac Neish. 1) First Annual Report of the Tehuacan Archaeological-Botanical Project. Andover, 1961; 2) The Second Annual Report of the Tehuacan Archaeological-Botanical Project. Andover, 1962; 3) Ancient Mesoamerican Civilization. Science, v. 143, № 3606, 1964, feb. 17.

[119] R. S. Mac Neish. The Origin of American Agriculture. Antiquity, № 154, 1965; G. R. Willey. An Introduction to American Archaeology, v. I, New York, 1966, pp. 78—84; В. И. Гуляев. Новые данные о происхождении земледельческих культур Мезоамерики. СЭ, 1966, № 1.

[120] В. И. Гуляев. 1) Новые данные..., стр. 149; 2) Древнейшие цивилизации Мезоамерики. Автореф. дисс. М., 1966, стр. 7.

[121] E. W. Haury. The Greater American Southwest, pp. 111—113.

ство давало 90% пищи, тогда как охота всего 10%. Однако уже появляются и первые признаки грядущих перемен: бутылочная тыква, чилийский перец и скваш — вид съедобной тыквы — как будто несут начальные элементы доместикации. На первых порах эти потенциально весьма значительные новшества внесли сравнительно мало разнообразия в жизнь племен Северо-Восточной Мексики. В самом деле бутылочная тыква шла на изготовление сосудов, перец использовался в качестве приправы и лишь плоды скваша непосредственно употреблялись в пищу.[122] Но первый шаг был сделан. И коренное изменение всей экономики становилось уже лишь вопросом времени.

Правда, сроки соответствующих перемен оказались для северо-востока Мексики весьма значительными. В V—IV тыс. до н. э. на стадиях ранней Окампо (Сиерра-Мадре) и Ногалес (Тамаулипас) дикие растения давали еще 78—80% всей пищи, а растения доместицированные 5—8%; 12—15% приходилось на добычу охотников. Вместе с тем признаки земледелия здесь более явственны: плоды съедобной тыквы становятся более крупными, возделываются также два вида бобов. В 3000—2200 гг. до н. э. на стадиях поздней Окампо (Сиерра-Мадре) и Ла-Пьерра (Тамаулипас) удельный вес культурных растений повышается до 10—15%. В их число теперь входит примитивный, но бесспорно окультуренный маис. Введение в земледелие этого питательного и высокопродуктивного растения, называемого некоторыми исследователями подлинным творцом мезоамериканской цивилизации, имело безусловно первостепенное значение. Возделывание маиса открывало реальные возможности для окончательной победы земледелия. Недаром одновременно появляются каменные ступки, предназначавшиеся для обработки растительной пищи. Во II тыс. до н. э. доля продуктов возрастает до 30%, появляются поселки с домами, хлопковые ткани. Правда, на этой окраинной периферии мезоамериканского культурного ареала в условиях богатейшей флоры собирательство еще сохраняет свое значение. Археологические комплексы Северо-Восточной Мексики II тыс. до н. э. можно назвать культурой земледельцев-собирателей.

[122] G. R. Willey. An Introduction..., p. 79.

Несколько более высокими темпами шел соответствующий процесс на юге Мексики, где тем же Р. Мак-Нейшем были проведены двухлетние комплексные исследования в долине Техуакана (рис. 30). Как и на северо-востоке страны, здесь развитие неолитической революции протекало на основе экономики высокоспециализированных собирателей. Эта особенность хозяйственного развития сказалась уже на стадии Аджуерадо (X—VIII тыс. до н. э.), когда около половины рациона составляла растительная пища.[123] Охота переживала очевидный упадок. Из крупных животных добывались антилопа и лошадь, но главную добычу составляли преимущественно мелкие животные: кролики, суслики, крысы, черепахи, птицы. Р. Мак-Нейш даже предпочитает называть племена Техуаканской долины этого времени не охотниками, а «собирателями растений и животных».[124]

Неудивительно, что в таких условиях основное внимание людей обратилось к растительным ресурсам, интенсивная разработка которых закономерно привела к начальным фазам земледелия. Такими преимущественными собирателями с зарождающимся возделыванием растений были местные племена на стадии Эль-Риего (7200—5200 гг. до н. э.). Видимо, циклы вегитации растений определяли размещение стоянок в дождливый и засушливый периоды (рис. 31): группы, объединявшиеся вместе для сбора урожая, в сухое время года распадались на более мелкие коллективы.[125] С интенсивной обработкой растительной пищи связано появление каменных ступок, терок и пестов. Продукты растительного мира шли также на изготовление корзин, сеток, покрывал. Возможно, была доместицирована съедобная тыква.

Эти первые шаги вскоре получают свое дальнейшее развитие. На стадии Кокскатлан (5200—3400 гг. до н. э.) помимо тыквы возделывается авокадо, перец, амарант, бобы и, что особенно важно, маис. Наиболее древние початки этого растения, обнаруженные

[123] R. S. Mac Neish. The Second Annual Report..., p. 30.

[124] R. S. Mac Neish. Ancient Mesoamerican Civilization, p. 532.

[125] Ibid., p. 531; M. D. Coe, K. V. Flannery. Microenviroments and Mesoamerican Prehistory. In: New Roads to Yesterday, New York, 1966, p. 348 sqq.

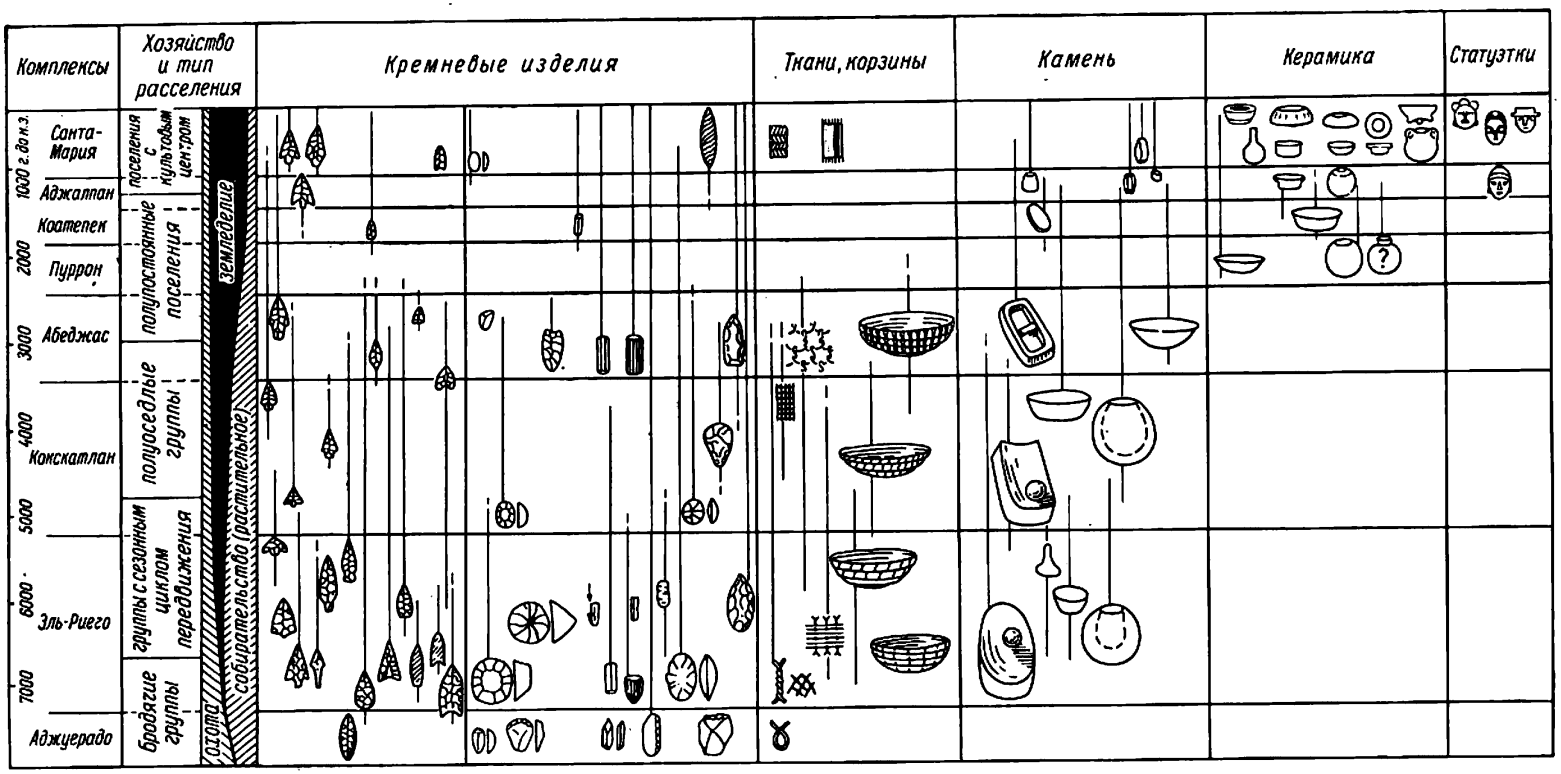

Рис. 30. Развитие культур в долине Техуакана (Мексика).

в техуаканской свите, еще мало отличаются от диких видов.[126] Видимо, с таким развитием земледелия связано и усиление черт оседлости. Каменные изделия становятся разнообразнее — появляются каменные сосуды. В дальнейшем происходит нарастание этих новых, прогрессивных элементов. На стадии Абеджас (3400—2300 гг. до н. э.), по мнению Р. Мак-Нейша, маис уже был гося оседлоземледельческого комплекса. Широкое распространение керамики здесь совпадает с установлением оседлоземледельческой культуры, дальнейший расцвет которой, кстати, как и на Ближнем Востоке, происходит уже вне горной зоны первоначального земледелия.

Все исследователи справедливо отмечают, что сложение земледелия даже в пределах

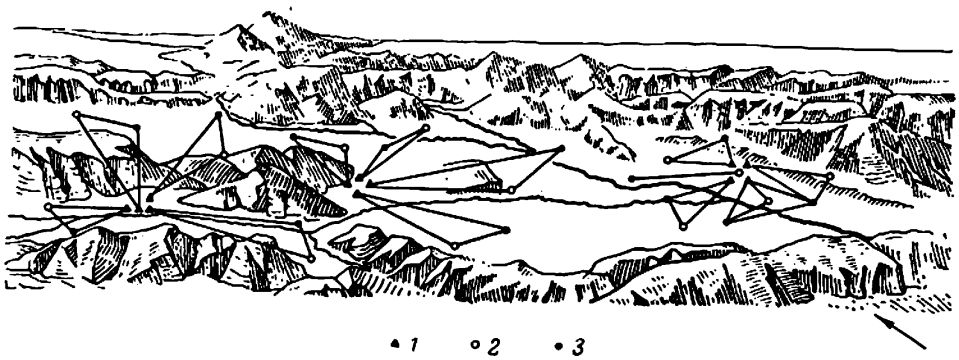

Рис. 31. Схема сезонных стоянок VII—VI тыс. до н. э. в долине Техуакана. (По Р. Мак-Нейшу).

1 — стоянки дождливого сезона; *2* — стоянки засушливого сезона; *3* — крупные стойбища весеннего времени.

основным продуктом земледелия, начался процесс селекции и появились гибридные виды маиса. Для данного времени отмечается использование хлопка, а также каменных сосудов прекрасной выделки и разнообразных по форме. На речных террасах тогда располагались поселения, состоящие из 5—10 землянок. Хотя собирательство и охота доставляли еще 70% продуктов питания, это были заключительные фазы присваивающей экономики. Как полагает Р. Мак-Нейш, уже на стадии Пуррон (2300—1900 гг. до н. э.), когда появляется первая керамика, земледелие преобладает над собирательством.[127] На стадии Коатепек (1900—1500 гг. до н. э.), выделявшейся в отчете за 1962 г., керамика становится разнообразнее, жилища строятся из ветвей, обмазанных глиной, найден фрагмент глиняной статуэтки.[128] Налицо все элементы сложившегося оседлоземледельческого комплекса. Широкое распространение керамики здесь совпадает с установлением оседлоземледельческой культуры, дальнейший расцвет которой, кстати, как и на Ближнем Востоке, происходит уже вне горной зоны первоначального земледелия.

Все исследователи справедливо отмечают, что сложение земледелия даже в пределах Мексики носило полицентрический характер и что долина Техуакана является лишь одним из центров данного процесса.[129] В этом отношении весьма показателен разный состав культивируемых растений в Техуакане и Тамаулипасе.[130] В последнем бутылочная тыква и перец были окультурены раньше, чем на юге Мексики. Маис на юге Мексики, напротив, сохраняет приоритет. Это горное растение, первоначально окультуренное в зоне его естественного произрастания, было затем разнесено по обширной территории, способствуя, как правило, окончательному торжеству неолитической революции. Но общее направление самого процесса было единым: формирование земледелия на основе высокоспециализированных культур собирателей растений и в условиях резкого упадка охотничьего хозяйства. Видимо, таким мезоамериканским путем развивалась неолитическая революция и на юго-западе США, где европейцы застали племена пуэбло, ставшие в этнографии классическим образцом оседлости.

[126] P. C. Mangelsdorf, R. S. Mac Neish, W. C. Galinat. Domestication of Corn. Science, v. 143, № 3606, 1964, feb. 17.

[127] R. S. Mac Neish. The Second Annual Report..., p. 36.

[128] Ibid., pp. 36—37.

[129] R. S. Mac Neish. Ancient Mesoamerican Civilization, p. 535.

[130] G. R. Willey. An Introduction..., p. 83—84.

лых земледельцев. Однако пока трудно судить, в какой мере этот весьма своеобразный путь развития может быть прослежен на материалах Старого Света.

Иначе обстоит дело с третьей моделью неолитической революции, ярче всего ска-

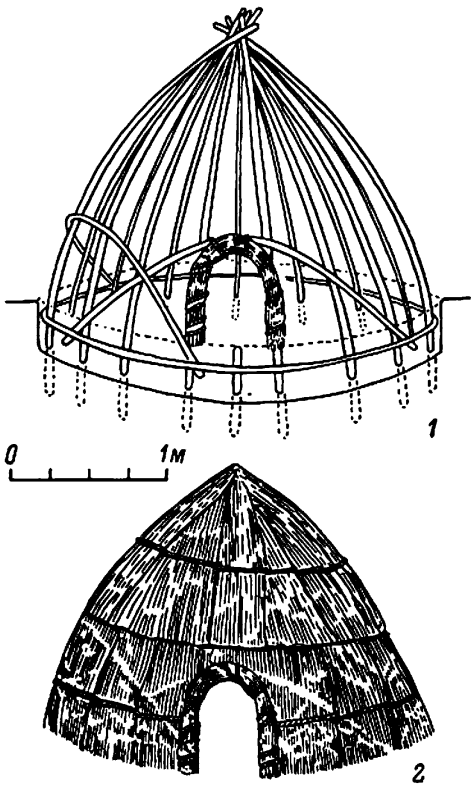

Рис. 32. Чилька. Реконструкция хижины.
1 — схема каркаса; *2* — общий вид.

завшейся в памятниках Перу. Хотя и было высказано мнение об отнесении в Перу неолитической революции и перехода к производящей экономике лишь к началу I тыс. до н. э., т. е. после широкого внедрения кукурузы,[131] с нашей точки зрения, в это время происходило лишь завершение процесса, начавшегося значительно раньше. Как и в других регионах, новые элементы впервые появляются в условиях господства присваивающей экономики, но сама эта экономика носит черты яркого своеобразия.

На перуанском побережье в IV—первой половине III тыс. до н. э. по берегам лагун и в устьях небольших рек обитали племена, занимавшиеся сбором съедобных моллюсков, рыбной ловлей и добычей морских млекопитающих — морских львов, тюленей и дельфинов. Связь с морем была главной и определяющей в их хозяйстве и культуре. Подобные памятники, относимые Ф. Энжелем к так называемому дохлопковому горизонту, по наиболее яркому объекту есть основания именовать комплексом типа Чилька. Таковы помимо Чилька поселения Паракас и Рио-Гранде.[132] Многослойные поселения, имевшие в длину до 300 м, указывают на определенные формы оседлости, обусловленные, видимо, наличием устойчивых источников пищи, полученных в результате эксплуатации морских и прибрежных ресурсов. Жилищами были овальные в плане небольшие хижины (диам. около 2.5 м) с каркасом из тростника, покрытым травой-хунко. Такая великолепно сохранившаяся хижина обнаружена на поселении Чилька (рис. 32).[133] Она близко напоминает жилища огнеземельцев,[134] дающих в целом хозяйственно-культурный комплекс, весьма близкий племенам Чилька, с учетом, разумеется, специфики суровых природных условий Огненной Земли. В комплексах Чилька обнаружены рыболовные крючки, гарпуны из китовой кости, кремневые наконечники дротиков. Возможно, подобно огнеземельцам, обитатели Чилька при морской охоте и рыбной ловле пользовались лодками.

Вместе с тем значительное внимание уделялось и разработке растительных ресурсов перуанского побережья. Было широко развито собирательство растений; часть их шла на «технические нужды»: из тыквы-горлянки изготовляли сосуды и поплавки для

---

[131] В. А. Башилов. Древние цивилизации Центральных Анд. Автореф. дисс. М., 1967, стр. 2.

[132] Открытые сравнительно недавно, эти памятники мало опубликованы [F. Engel. 1) Dations à l'aide du radio-carbone 14 et problemes de la préhistoire du Peru. JSA, N. S., t. LII. 1963, pp. 109—112; 2) Un groupe humain datant de 5000 ans à Paracas. Pérou. JSA, N. S., t. LI. 1960; C. R. Donnan. An Early House from Chilca, Peru. American Antiquity, v. 30, № 2, pt. 1, 1964]. При написании раздела о Перу автором был также использован обзор новых работ, составленный Ю. Е. Березкиным (Начало земледелия на перуанском побережье. СА, 1969, № 1).

[133] C. R. Donnan. An Early House...

[134] Народы Америки, т. II. М., 1959, стр. 385—386.

сетей, из волокон кактуса и травы-хунко плели сети. Таким образом, море частично стимулировало интенсивное развитие собирательства, в условиях которого начинается

один вид бобов, по словам Ф. Энжеля, носят следы культивации. Возможно, растения высаживали во влажную почву во время весеннего паводка, что исключало необходимость

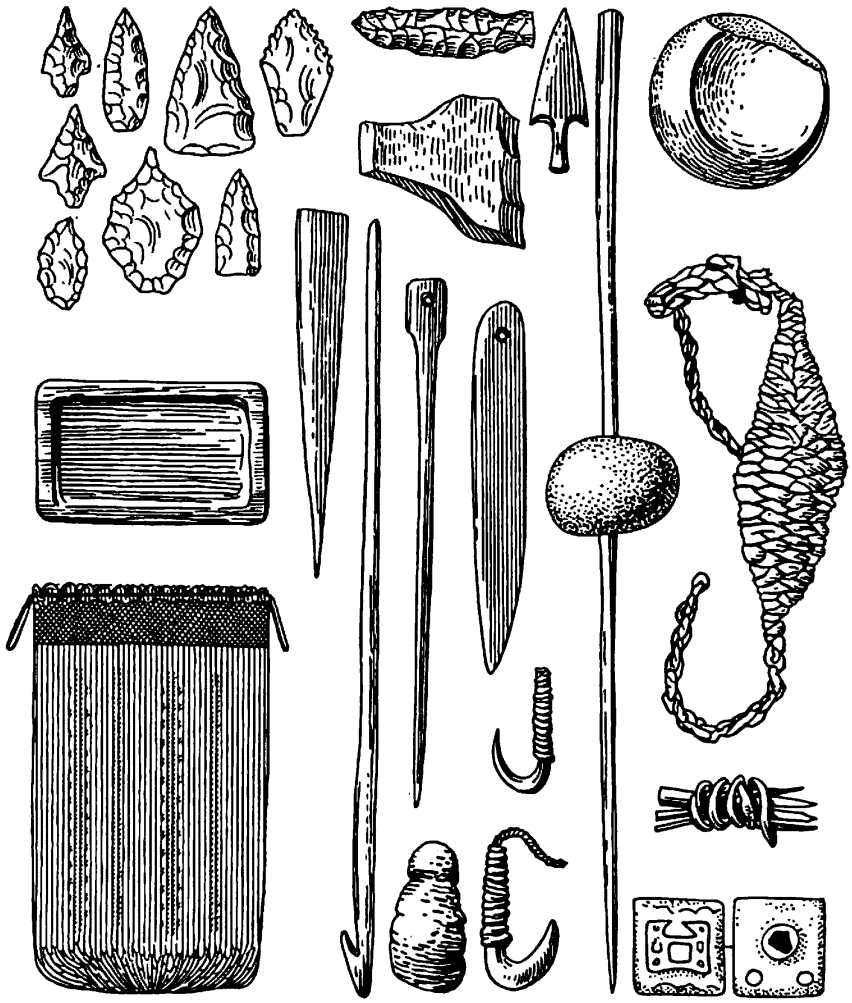

Рис. 33. Комплекс Уака-Приета (Перу).

переход к искусственному возделыванию растений. Зарождению земледелия способствовал и оседлый образ жизни, обусловленный опять-таки специфическими формами присваивающей экономики. Разумеется, часть растений употреблялась и в пищу, в частности бобы и батат, и, видимо, для их обработки нужны были каменные зернотерки, находимые на памятниках. Именно в этой собирательской сфере экономики и были сделаны первые шаги по новому пути: тыква и

последующего полива. Это еще прочнее привязывало человека к местам его постоянного обитания: наряду с хижинами появляются первые постройки из камня и сырцового кирпича.

Значительного подъема эта оригинальная культура достигает во второй половине III—середине II тыс. до н. э., когда здесь были распространены комплексы типа Уака-Приета (рис. 33). К сожалению, материалы раскопок Уака-Приета пока еще не получили

развернутой публикации,[135] но некоторые другие издания, и прежде всего обзор Ф. Энжеля[136] и его отчет о раскопках Асии,[137] позволяют составить достаточно полное представление о соответствующих комплексах. Этому в немалой степени способствует и обстоятельная сводка по растительным остаткам, превосходно сохраняющимся в условиях аридного климата.[138]

В это время «морской сектор» — добыча тюленей, морских львов, китов, охота на пеликанов и пингвинов, рыбная ловля и собирание моллюсков, в том числе и живущих на глубине 5—6 м, — как будто по-прежнему играет ведущую роль в экономике. Количество раковин в составе культурного слоя порой просто поразительно. В Асии, например, по подсчетам Ф. Энжеля они составляют около 25% в 1 м³ грунта.[139] Среди костей рыб встречаются остатки и сравнительно крупных особей, в частности скатов и акул. Находки костей сухопутных животных — каких-то видов оленей, в одном случае как будто верблюда, а также волков или шакалов — крайне редки. Показательно отсутствие домашней собаки — для морских охотников и рыболовов она была практически бесполезна. Вместе с тем роль земледелия в хозяйстве бесспорно возросла. Из технических культур на первое место выдвинулся хлопок — 26-хромосомный азиатско-американский гибрид, проблема происхождения которого представляет большие трудности как для историков, так и для геоботаников. Сети рыболовов и большинство тканей стали изготовлять уже из хлопка. На некоторых памятниках обнаружены пряслица и грузила. Возделывались также три вида тыкв, три или четыре вида бобов, ачира и красный перец. Изготовление сосудов из тыквы-горлянки полностью удовлетворяло потребности в посуде: находки каменных чаш в отличие от Ближнего Востока здесь крайне редки. В значительном количестве шли в пищу дикие растения, как клубневые, так и плодовые.

Эта комплексная рыболовческо-земледельческо-собирательская экономика, судя по всему, служила надежной основой расширенного воспроизводства. На перуанском побережье открыто около 40 поселений типа Уака-Прието, что свидетельствует как об увеличении населения, так и о сравнительно прочной оседлости. Небольшие дома, имевшие 1 или 2 комнаты, сооружались из камней на глиняном растворе, из глины или из сырцового кирпича. Плоская крыша возводилась из дерева или китовых ребер. Нередко для предохранения от эрозии поселения, располагающегося на холме — этом аналоге месопотамских теллей, сооружались террасы и подпорные стены, выложенные из гальки на глиняном растворе.

Орудия труда представлены сетями с поплавками из тыкв, рыболовными крючками, кремневыми наконечниками стрел и копий, насаживавшимися, как показывают находки, на деревянное древко. Пищу варили при помощи опускания в сосуд раскаленных в огне камней (такие камни в изобилии встречаются на поселениях); для обработки растительной пищи пользовались каменными ступками и пестами, а заостренные палки скорее всего были и здесь первыми орудиями земледельца. Правда, два орудия из костей кита предположительно можно считать мотыгами. Интересно появление изделий из глины — необожженных конусов и фрагментов глиняных статуэток. Относительно однообразный инвентарь погребений доставил выдающиеся памятники искусства — ткани с изображением змей, кондоров, крабов, людей. Более скромно были орнаментированы сосуды из тыкв — здесь преобладают геометрические узоры. Благосостояние общества, видимо, уже позволяло возводить первые святилища, подобные малоазиатскому Чатал-Гуюку.[140] По внешним данным перед нами как бы обычный тип формирующегося раннеземледельческого общества, который автор

---

[135] J. B. Bird. 1) America's Oldest Farmers. Natural History, v. 57, № 7, 1948; 2) Preceramic Cultures in Chicama and Viru. In: R. Reappraisal to Reruvian Archaeology. Mem. Soc. Amer. Archaeol., № 4, Wisconsin, 1948; J. A. Mason. The Ancient Civizations of Peru. London, 1957, pp. 31—34.

[136] F. Engel. 1) Early Sites on the Peruvian Coast. South-Western J. Anthrop., v. 13, № 1, 1957; 2) Sites et établissements sans céramique de la cote péruvienne. JSA, N. S., t. XLII, 1957.

[137] F. Engel. A Preceramic Settlement on the Central Coast of Peru, Asia, Unit I. Trans. Amer. Philos. Soc., N. S., v. 53, pt. 3. Philadelphia. 1963.

[138] M. Towle. Ethnobotany of Pre-Columbian Peru. VFPA, № 30, 1961.

[139] F. Engel. A Preceramic Settlement..., p. 78.

[140] Возможно, в какой-то части к этому времени восходит храм Лас-Алдас (E. R. Lannigng. [Рец.] E. Ishide a. oth. Andes, Tokyo, 1960. American Antiquity, v. 27, № 4, 1962, p. 594). Схематический план храма см.: F. Engel. Sites et établissements sans céramique..., p. 87, fig. 4.

в одной из работ считал возможным сопоставлять по уровню развития с Иерихоном.[141] Вместе с тем специфика перуанского пути развития весьма велика. «Морской сектор» экономики первоначально сыграл в раннем зарождении земледелия значительную роль, в том числе и черев элемент оседлости. Возделывание даже технических растений, накапливание агрокультурного опыта являлось важной предпосылкой для утверждения новых форм экономики. Но для окончательной победы нужно было растение, продуктивность и питательность которого могли бы успешно конкурировать с дарами моря. Судя по всему, ни перец, ни бобы, ни дикорастущие корнеплоды этой конкуренции не выдерживали. Таким растением оказался маис, распространяющийся в Перу где-то между 1400 и 1200 гг. до н. э.[142] Накопленный опыт земледельческих работ способствовал быстрому освоению этого растения в засушливой аридной зоне перуанского побережья. По-видимому, начинается более или менее регулярное орошение посевов в условиях паводковых разливов небольших рек. Вскоре в комплексах раннего Гуанапе появляется керамика, распространяется мелкая терракотовая скульптура, поселения увеличиваются в размерах, их центрами становятся небольшие храмы. Океан, сыгравший значительную роль в зарождении земледелия, теперь отступает на второй план, и повсеместно утверждается оседлоземледельческая экономика. Неолитическая революция, развивавшаяся по своеобразному пути, побеждает окончательно и бесповоротно.

Третья модель неолитической революции с ее комплексом рыболовство (морская охота) → оседлость → земледелие или во всяком случае элементы такой модели как будто можно отметить и в ряде регионов Старого Света. Таким, видимо, частично был, судя по раскопкам Эйнана, путь развития натуфийской культуры. Соответствующие элементы прослеживаются и в неолите Молдавии. Возможно, именно наличие устойчивой оседлости, связанной с рыболовством, способствовало в ряде случаев победному шествию неолитической революции по территории Европейского материка. Однако именно археологические комплексы отдаленной южноамериканской республики лучше всего позволяют рассмотреть этот путь развития в его максимально чистом виде.

Все разнообразие конкретных путей развития неолитической революции, условно объединенных нами в три модели, отнюдь не исключает наличия общих закономерностей, лежащих в основе соответствующих процессов. Это проявляется уже при рассмотрении проблемы предпосылок неолитической революции. Переход к производящей экономике был обусловлен как благоприятными природными условиями, так и факторами, возникающими в среде самого человеческого общества. Эти две группы предпосылок неолитической революции находятся между собой в неразрывном диалектическом единстве.

Остановимся сначала на факторах социальной группы. К их числу следует относить достаточно высокий уровень техники, высокоразвитую экономику присваивающего типа в различных ее вариантах, зачатки положительных знаний, значительную плотность населения, затруднявшую расширение освоенной территории, на которой природные ресурсы эксплуатировались прежними методами. К сожалению, как в Перу, так и в Мезоамерике недостаточно изучены орудия труда соответствующих периодов. Несколько лучше обстоит дело на Ближнем Востоке, где в это время были широко распространены пластинчатые кремневые индустрии. Важные результаты были получены при изучении неолитических орудий Средней Азии методом функционального анализа, разработанным С. А. Семеновым.[143]

В своей основе техника и орудия труда, характерные для периода неолитической революции, сложились еще в предшествующую эпоху. Пластинчатая индустрия, микролитоидность, вкладышевая техника — все эти черты комплексов типа Натуфа или Карим-Шахира восходят к традициям верхнего палеолита. Прямой жатвенный нож данных культур представляет собой по форме традиционное вкладышевое орудие, использованное в новой функции. Мотыги и палка-копалка — основные инструменты древних земледельцев — ведут свое происхождение от

---

[141] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 454.

[142] D. Collier. The Central Andes. Courses to Toward Urban Life. VFPA, № 32, 1962, p. 168.

[143] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, 1969.

землекопных орудий, в том числе и мотыг, употреблявшихся в период верхнего палеолита при строительстве жилищ.[144] Труднее судить о столь древнем генезисе такого набора орудий для обработки растительной пищи, как терочные камни, зернотерки, песты и ступки. Во всяком случае они получают широкое распространение задолго до окончательного торжества земледельческой экономики.

На основе соответствующей технической вооруженности общество вступает в период неолитической революции, первый этап которой, исходя из принятой формулировки, мы отмечаем еще в пору мезолита. Именно в этот период завершается формирование техники и набора орудий труда, характерных для раннеземледельческих комплексов. Широкое развитие собирательства и обработки растительной пищи приводит к появлению устойчивого комплекса соответствующих орудий. Таковы серпы в прямых костяных основах и мотыги Натуфа, серпы комплексов типа Карим-Шахира, многочисленные каменные ступки, песты, терочные камни натуфийских памятников и стоянки Зави-Чеми-Шанидар. В Мезоамерике песты, ступки и терки также широко распространены в комплексах, оставленных собирателями, делающими лишь первые шаги по пути выращивания растений (Эль-Риего). К данному же этапу относится и зарождение техники шлифования камня. В этом отношении особенно показательны загросские комплексы. Р. Брейдвуд отмечал наличие тесел с пришлифованным лезвием уже в Палегавре.[145] В Зави-Чеми-Шанидаре, т. е. в комплексе X—IX тыс. до н. э., найдено около 65 каменных кельтов с частично заполированным рабочим концом и 4 кельта, заполированных полностью, хотя качество полировки еще невысокое.[146] В раннеземледельческих комплексах отмечается лишь дальнейшее развитие этого набора орудий труда. Одним из значительных новшеств было введение более совершенной, изогнутой формы серпа взамен прямого жатвенного ножа. Такой изогнутый серп мы находим в VII—V тыс. до н. э. в Малой Азии, Месопотамии и на Балканах. В других областях форма прямого жатвенного ножа продолжает застойно бытовать у ранних земледельцев еще некоторое время (Джейтун в Южной Туркмении, Фаюм в Египте, Сиалк в Иране). Детальное изучение орудий труда джейтунской культуры явственно показывает, что обнаруживающиеся здесь новые черты (станковые сверла, боковые скребки и др.)[147] отражают лишь эволюционный характер количественных изменений в рамках ранее сложившейся индустрии. Все это позволяет заключить, что уровень техники, характер и степень развития орудий труда, достигнутый на финальных ступенях верхнего палеолита и в мезолитическую эпоху, явились одной из предпосылок неолитической революции. Без соответствующих орудий труда переход к новым формам экономики практически был нереальным.

Не меньшее значение имеют и зачатки положительных знаний. Специально занимавшийся этим вопросом Г. Чайлд писал: «Конкретное возделывание злаков предполагает знание, т. е. веру, подтвержденную общественным опытом, 1) в то, что всякое подходящее посеянное семя дает росток через несколько недель; 2) в то, что оно дает увеличенное количество подобных же зерен; 3) в то, что именно надо сеять; 4) в то, какие условия необходимы для прорастания и созревания».[148] В этом отношении земледелие уже на первых этапах своего развития требовало более значительной «научной» базы, чем скотоводство. Как справедливо отметил В. М. Бахта, уже продуктивность собирательства была основана на глубоком и разностороннем знании растительного мира и это знание, передаваемое из поколения в поколение, составляло существенную часть производственного опыта.[149] В этом отношении особенно показательны этнографические данные об аборигенах Австралии, классическом обществе, находящемся как бы в преддверии неолитической революции.[150]

---

[144] С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 212.

[145] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations..., p. 58.

[146] R. L. Solecki. Zawi Chemi Shanidar..., pp. 406—407.

[147] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 76.

[148] В. Г. Чайлд. Археологические документы по предыстории науки. Вестн. ист. мир. культ., 1957, № 2, стр. 59.

[149] В. М. Бахта. Общественное производство у аборигенов Австралии и папуасов Восточной Новой Гвинеи. Автореф. дисс. М., 1963, стр. 4.

[150] А. Н. Максимов. Накануне земледелия. Уч. зап. Инст. ист., т. 3, М., 1929.

Племена Квинсленда употребляли в пищу 69 видов растений, а 35 видов использовали для лекарственных и технических целей. Другие исследователи говорят даже о 239 видах растений, так или иначе употребляемых в пищу.[151] Австралийцы были прекрасно знакомы с экологией используемых растений, их сезонными циклами, интуитивно установили связи между высадкой семян и клубней и их будущим урожаем. Так, в некоторых районах Западной Австралии женщины выкапывали клубни ямса, а затем втыкали его головки обратно в землю, «чтобы обеспечить будущий урожай».[152] Несомненно высокая степень познания окружающего растительного мира была достигнута и высокоспециализированными собирателями мезолитической эпохи. Именно на этом основаны сезонные циклы временных стойбищ мексиканских племен VIII—V тыс. до н. э. Однако одни только интуитивные наблюдения за окружающей средой, входящие как часть процесса добывания пищи в жизненный цикл, были недостаточны для «интеллектуальных» предпосылок земледелия. Сам процесс высаживания растений и предвидения возможных результатов этого акта предполагает значительную степень развития абстрактного мышления. Это могло быть результатом лишь комплексного развития человеческого интеллекта, совершившего, как показывают памятники искусства, качественный скачок в пору верхнего палеолита.

Вместе с тем переход к земледелию и скотоводству являлся отнюдь не следствием экспериментальных забав досужих интеллектуалов, а острой экономической необходимостью. Поэтому рассмотрение причин и условий формирования производящей экономики неотделимо от изучения конкретного состояния тех или иных форм присваивающего хозяйства, практикуемого обществом. Только при определенных условиях человек был вынужден направить свою энергию и творческие способности на улучшение и совершенствование традиционных способов добычи пищи. Скорее всего здесь главную роль играло противоречие между возрастающим населением и производственными возможностями старых форм экономики. Налаженное охотничье-собирательское, а тем более охотничье-рыболовческое хозяйство с такими совершенными орудиями труда, которые имелись к концу верхнего палеолита (разнообразнейшее метательное оружие, рыболовные крючки, гарпуны), обеспечивало вполне устойчивый прибавочный продукт и соответственный прирост населения. Однако на определенном этапе роста населения эти два фактора вступали в противоречие. И если соседние территории были заселены достаточно широко, чтобы затруднить или даже исключить отлив избыточного населения путем миграций, то поиски новых форм получения источников питания становились насущной задачей. Видимо, аналогичное положение сложилось к концу верхнего палеолита на Ближнем Востоке. На примере лучше изученных Палестины и Сирии можно говорить об относительно высокой плотности населения, состоявшего из целого ряда разнокультурных, т. е., очевидно, разноэтнических, племенных групп.[153] Скорее всего именно относительно густая заселенность верхнепалеолитической и мезолитической Европы была одной из предпосылок победного шествия по этой территории производящей экономики в VI—IV тыс. до н. э.

В ряде областей имел место и ярко выраженный кризис традиционных форм экономики. С. Н. Бибиков отмечает, что в Крыму к концу палеолита увеличение населения и совершенствование охотничьего оружия вели к хищническому истреблению дичи. Население было вынуждено осваивать места мало удобные для охоты, усиливается собирательство съедобных моллюсков.[154] Ярко вырисовывается кризис охотничьего хозяйства в Мезоамерике, где в X—VIII тыс. до н. э. основной мясной пищей служили не антилопы и олени, видимо в значительной мере истребленные, а кролики, суслики, крысы, черепахи, различные мелкие млекопитающие.[155] Это кризисное состояние привело к переориентации на собирательство растительной пищи, логическим шагом в интенсификации которого явилось земледелие.

---

[151] Народы Австралии и Океании. М., 1956, стр. 108.

[152] Там же, стр. 113.

[153] См.: Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens. Л., 1968, стр. 19.

[154] С. Н. Бибиков. Позднейший палеолит Крыма. Матер. по четвертичн. периоду СССР, в. 2, М.—Л., 1950, стр. 122—123.

[155] R. S. Mac Neish. Ancient Mesoamerican Civilization, p. 532.

Однако ни кризис охоты, ни относительное перенаселение, ни самые совершенные орудия труда в тогдашних условиях не могли сами по себе привести к сложению производящей экономики. Важнейшей предпосылкой и условием неолитической революции был природный фактор. Здесь следует отметить, что разработка проблемы происхождения земледелия, по геоботаническим данным, еще в середине 20-х годов нашего века привела Н. И. Вавилова к выводам, ныне блестяще подтверждающимся археологическим материалом. Таково прежде всего его заключение об областях первоначальной земледельческой культуры. В работе, впервые опубликованной в 1926 г., этот замечательный советский ученый специально выделил главу, названную им «Горные районы как очаги земледелия». Опираясь на колоссальный геоботанический материал, Н. И. Вавилов с поразительной исторической интуицией писал: «Вдумываясь в процесс развития земледельческой культуры, мы неизбежно должны признать, что периоду великих культур ... предшествовал, естественно, период обособленной жизни племен и небольших групп населения в замкнутых районах, и для этой цели горные районы могли служить прекрасными убежищами... Всего вероятнее поэтому, что, так же как центром сортового разнообразия, очагами первоначальной земледельческой культуры были горные районы».[156] Археологические открытия 50—60-х годов в Загросе и на Мексиканском нагорье блестяще подтвердили это положение Н. И. Вавилова.

Природные условия в интересующем нас плане следует рассматривать в двух различных аспектах: природные условия, благоприятствующие возникновению экономики нового типа, и природные условия, благоприятствующие наибольшему развитию земледелия и скотоводства. Эти аспекты соответствуют двум различным этапам неолитической революции: ее зарождению и ее окончательному торжеству. При этом каждый раз роль и значение естественной среды выступают в различном звучании.

На первом этапе главную роль играло наличие исходных диких форм домашних животных и культурных растений. Легко можно видеть, что именно в соответствующей зоне на Ближнем Востоке сосредоточены памятники, на которых прослеживается начальный этап неолитической революции (рис. 34). Таков прежде всего дубово-фисташковый лесной пояс Загроса в пределах высотных отметок от 600 до 1350 м.[157] Там найдены угли дуба, тополя, различных хвойных пород, кости безоарового козла, барана, кабана и дикого быка, что указывает на климатические условия, практически аналогичные современным.[158] Это была область естественного произрастания диких злаков, в том числе пшеницы и ячменя, и диких бобовых растений. Количество осадков здесь колеблется от 250 до 1000 мм, что вполне достаточно для земледелия, особенно в хорошо орошенных горных котловинах. В долине Чемчемал, например, где расположено раннеземледельческое поселение Джармо, количество осадков достигает 640 мм.[159] В ряде мест распространены плодородные черноземы. Это был подлинный Эдем для возникновения раннеземледельческих культур, и неудивительно, что именно Курдистан в последние годы щедро раскрывает археологам свои сокровища.

Раскопки в Али-Коше вместе с тем показывают, что уже в VIII—VII тыс. до н. э. общины с элементами производящей экономики появляются и в подгорной полосе, в так называемой зоне ассирийской степи. Здесь были распространены пастбища, на которых встречались дикорастущие злаки. Животный мир был представлен стадами газелей (джейранов), диких ослов и диких быков. Количество осадков — от 250 до 380 мм — не всегда благоприятствовало устойчивому земледелию, что привело первоначально к преимущественному развитию скотоводства, а затем, видимо, к ранним формам искусственного орошения.

Более сухим климатом и аридным ландшафтом отличаются районы другого центра формирования раннеземледельческих культур — палестино-иорданского. Правда, есть основания говорить о большей лесистости этого района в X—IV тыс. до н. э.[160] Дико-

---

[156] Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. Избр. произв., т. 1, Л., 1967, стр. 170—171.

[157] K. V. Flannery. The Ecology..., p. 1247.

[158] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations..., p. 169.

[159] Ibid., p. 171.

[160] Ibid.

растущие злаки и исходные формы домашних животных — прежде всего безоаровый козел и кабан — здесь представлены в равной мере. Количество осадков колеблется от 680 до 200 мм: на побережье они значительны, а в грабене Гхор, где сосредоточено значительное число мезолитических и неолитических памятников, минимальны (100—200 мм). Характерная особенность климата — нерегулярность дождей и резко выраженный летний сухой сезон (с мая по сентябрь).[161]

Важно отметить, что указанные выше два центра неолитической революции, так же как и малоазиатский, соответствуют переднеазиатскому очагу происхождения культурных растений по схеме Н. И. Вавилова.[162] Аналогичным образом размещены древнейшие центры неолитической революции в Новом Свете, соответствующие в основном центральноамериканскому и южноамериканскому очагам этой схемы.

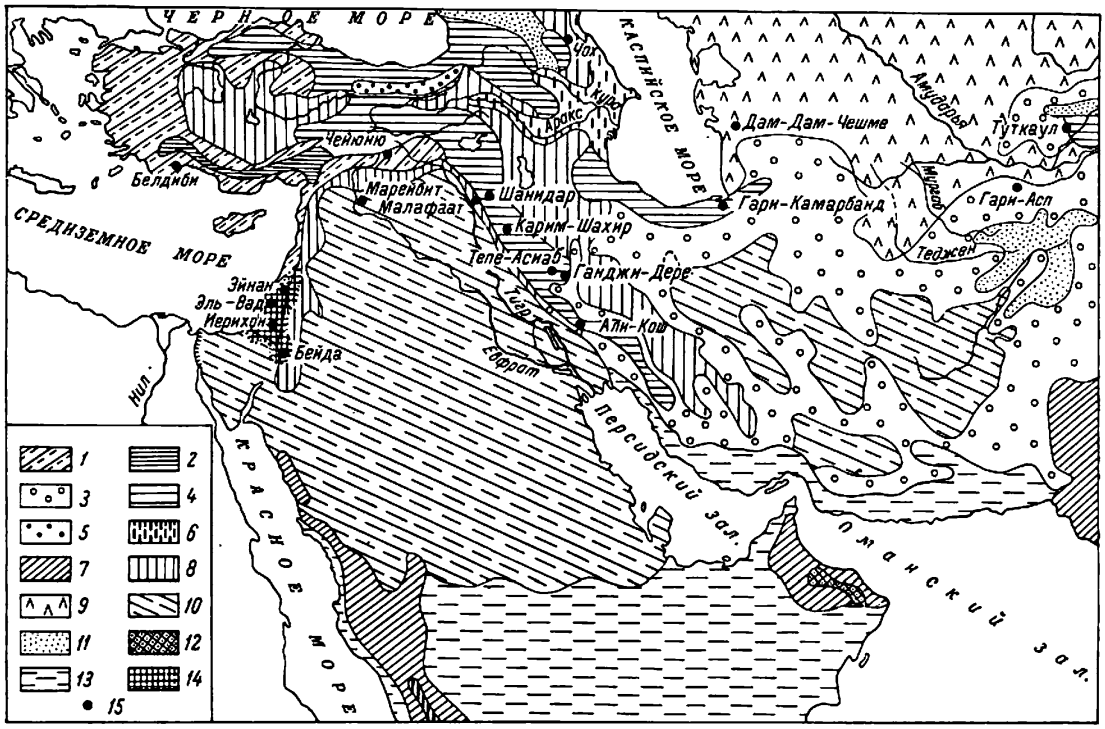

Рис. 34. Растительные зоны Ближнего Востока и мезолитические памятники с элементами экономики нового типа (X—VIII тыс. до н. э.).

1 — субтропические вечнозеленые леса и кустарники; *2* — темнохвойные широколиственные горные субтропические леса; *3* — сухие редколесья, кустарники; *4* — широколиственные (дубовые, буковые) леса; *5* — темнохвойные и темнохвойные широколиственные горные леса; *6* — тропические сухие леса, редколесья, кустарники; *7* — тропические саванны; *8* — горные степи; *9* — пустыни умеренные; *10* — субтропические пустыни; *11* — альпийские и субальпийские луга и кустарники; *12* — переменновлажные тропические леса; *13* — тропические пустыни; *14* — основной район распространения натуфийской культуры; *15* — мезолитические памятники.

Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть, что только сочетание факторов социальных и факторов природных приводило к сложению экономики нового типа. Скорее всего именно в силу неразвитости факторов первого рода в некоторых областях, выделявшихся на основании геоботанических данных как предположительные очаги происхождения культурных растений, раннеземледельческие культуры складываются в от-

[161] Зарубежная Азия. Физическая география. М., 1956, стр. 72.

[162] Н. И. Вавилов. Ботанико-географические основы селекции. Избр. произв., т. 1, Л., 1967.

носительно позднее время. Так обстояло дело в Абиссинии, Афганистане, Индостане, Индокитае и Китае. При этом, например, в Афганистане орудия труда характеризовались той же пластинчатой кремневой индустрией и вкладышевой техникой, что и в курдистанском мезолите. Следует полагать, что здесь возможности экстенсивного охотничье-собирательского хозяйства в условиях невысокой плотности населения еще не исчерпали себя. Этими же факторами объясняется, как нам кажется, и некоторое запаздывание неолитической революции в Америке по сравнению со Старым Светом. Сравнительно поздно появившиеся там первобытные охотники имели неограниченные возможности увеличения промысловых угодий, пока не достигли Огненной Земли, что заняло не менее 20 000 лет.

Видимо, аналогичным было положение и в китайском центре раннеземледельческих культур, соответствующем китайскому очагу Н. И. Вавилова. Здесь хорошо изучена оседлая земледельческо-скотоводческая культура Яншао, датируемая III тыс. до н. э. Ее материалы ясно свидетельствуют о том, что развитие протекает по первой модели. Видимо, начальные этапы неолитической революции восходят к дояншаоским комплексам V—IV тыс. до н. э., значительно уступая по древности Ближнему Востоку. Это обстоятельство естественным образом стимулирует мнения о вторичном, зависимом происхождении раннеземледельческих культур Китая. Однако, с нашей точки зрения, весь облик культуры Яншао как конкретного археологического комплекса глубоко своеобразен и не может быть выведен из известных нам раннеземледельческих культур Передней Азии.[163] Даже такое основное орудие земледельца, как серп, здесь представлено крупными сланцевыми изделиями, принципиально отличными от серпов Ближнего Востока с их набором кремневых вкладышей, вставлявшихся в костяную или деревянную основу. Недаром еще Н. И. Вавилов отмечал, что «культурная флора Китая чрезвычайно оригинальна и резко отличается по составу от других первичных очагов мирового земледелия».[164] Последние исследования как будто позволяют говорить и о южнокитайском происхождении культуры риса.[165] По существу перед нами конкретное проявление полицентрического характера возникновения земледельческо-скотоводческой экономики.[166]

Иначе складывается положение на следующем этапе, когда завершается процесс неолитической революции. Теперь уже области, благоприятные для возникновения новой экономики, далеко не всегда способствуют ее быстрому последующему прогрессу. Картографирование археологических памятников показывает, что на Ближнем Востоке область распространения раннеземледельческих культур значительно шире области, в которой были сосредоточены протоземледельческие поселки (рис. 35). Она охватывает новые ландшафтные зоны, и именно в этих зонах наблюдается наибольший расцвет, опережающий «прародину». Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, наличие зарослей дикорастущих растений, являющихся устойчивой основой получения продуктов питания, как бы задерживало окончательную победу земледелия. Этим, видимо, надо объяснять и известное отставание в VI тыс. до н. э. горных племен Загроса по сравнению с хассунской культурой,[167] и затяжной период неолитической революции в горных областях Мезоамерики. Во-вторых, расселяющиеся племена осваивали новые ландшафтные зоны, нехарактерные для районов естественного произрастания злаков, что явилось интенсивным стимулом процесса сортообразования, когда человек получил большие селекционные возможности. Новые природные условия вели и к возникновению более прогрессивных форм земледелия. В этом отношении особенно показательна история освоения Месопотамии.

---

[163] В. М. Массон. Историческое место среднеазиатской цивилизации. СА, 1964, № 1, стр. 18—19.

[164] Н. И. Вавилов. Ботанико-географические основы селекции, стр. 359.

[165] Ф. Х. Бахтеев. Дальнейшее осуществление идей Н. И. Вавилова в изучении зерновых злаков. В кн.: Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов. М.—Л., 1966, стр. 17.

[166] На эту особенность исторического процесса также указывал Н. И. Вавилов (Проблема происхождения культурных растений в современном понимании. Природа, 1929, № 5, стр. 420).

[167] Судя по стратиграфии Телль-Шемшары, в Загросе ко времени расцвета Хассуны местами сохранялись архаические бескерамические комплексы, восходящие к традиции Джармо (см. выше, стр. 71).

Хассунские земледельцы, заселившие Верхнюю Месопотамию и достигшие района Багдада, столкнулись с полупустынным ландшафтом, с сухим и жарким климатом. В Багдаде в настоящее время количество осадков не превышает 180 мм. Правда, в области распространения значительной части хассунских памятников были возможны богарные посевы ячменя и пшеницы, но, видимо, и здесь древние земледельцы были вынуждены применять какие-то формы искусственного орошения, дамбируя паводковые разливы. По мере продвижения на юг подобные мероприятия становились насущной необходимостью. Очевидно, именно Нижняя Месопотамия, представляющая собой плоскую равнину, перерезанную бесчисленными рукавами рек, сильно разливающихся весной, была подлинной родиной ирригационного земледелия. В V тыс. до н. э. земледельческие колонисты проходят насквозь эту болотистую, неуютную страну, достигая Персидского залива. Зарождение ирригационного земледелия являлось подлинным скачком в развитии производительных сил. Недаром хассунский Телль-эс-Севан отличается столь высоким сортовым разнообразием возделываемых культур. Г. Хельбек, исследовавший палеоботанические материалы, допускает использование метода дамбирования естественных русел, так как незначительная величина зерен возделывавшихся злаков свидетельствует о малой вероятности регулярного орошения с помощью искусственных каналов.[168] Возможно, правда, новые условия еще не успели сказаться на

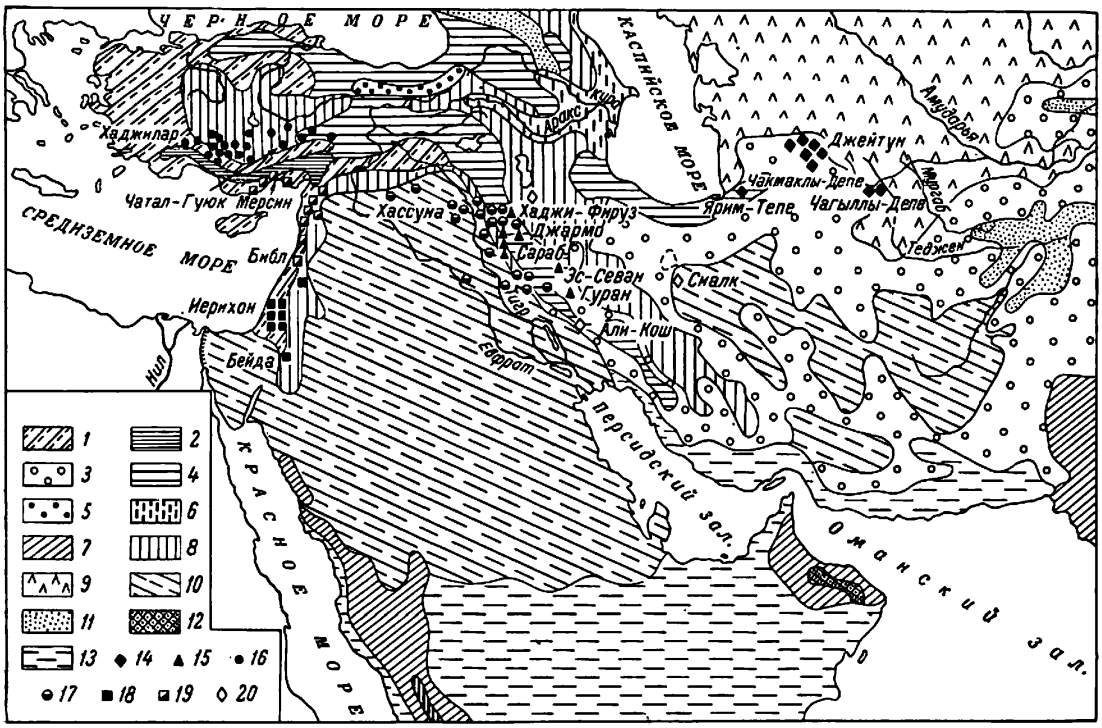

Рис. 35. Растительные зоны Ближнего Востока и памятники ранних этапов оседлой земледельческо-скотоводческой экономики (VII—VI тыс. до н. э.).

1 — субтропические вечнозеленые леса и кустарники; *2* — темнохвойные широколиственные горные субтропические леса; *3* — сухие редколесья, кустарники; *4* — широколиственные (дубовые, буковые) леса; *5* — темнохвойные и темнохвойные широколиственные горные леса; *6* — тропические сухие леса, редколесья, кустарники; *7* — тропические саванны; *8* — горные степи; *9* — пустыни умеренные; *10* — субтропические пустыни; *11* — альпийские и субальпийские луга и кустарники; *12* — переменновлажные тропические леса; *13* — тропические пустыни; *14* — памятники типа Джейтуна; *15* — памятники типа Джармо; *16* — памятники типа Чатал-Гуюка; *17* — памятники типа Хассуны; *18* — памятники типа Иерихона; *19* — памятники типа сиро-киликийского неолита; *20* — прочие памятники.

[168] H. Helbaek. Early Hassuna..., p. 47.

развитии вторичных признаков. Как бы то ни было, высокий уровень благосостояния хассунских племен, рисуемый раскопками могильника Самарры и поселения Телль-эс-Севан, далеко оставляет за собой культуру бедных горных поселков Загроса. А после освоения Нижней Месопотамии здесь начинается процесс сложения одной из древнейших в мире городских цивилизаций. Столкнувшись с новыми природными условиями, древний земледелец вышел победителем, а одержанная им победа открыла новые, невиданные перспективы стремительного прогресса.

Весьма показателен и блестящий взлет раннеземледельческой культуры Чатал-Гуюка. И здесь поселения победившей неолитической революции расположены на плодородной аллювиальной Конийской равнине, являющейся до настоящего времени важнейшим центром сельского хозяйства Турции. Г. Хельбек, изучавший ботанические коллекции Чатал-Гуюка, отмечает, что его равнинному облику должен был предшествовать период развития в иных экологических условиях.[169] И здесь областью расцвета земледелия стали отнюдь не места его зарождения. Возможно, аналогичное положение существовало и в Мезоамерике, в которой возделыватели кукурузы передвинулись с Мексиканского нагорья на равнины Северной Гватемалы и Юкотанского полуострова, где впоследствии складывается замечательная цивилизация майя. Иначе дело обстояло в Палестино-Иорданской области. Благоприятное сочетание различных условий способствовало здесь раннему возникновению экономики нового типа, но дальнейший прогресс шел медленными темпами. Постоянные реки кроме Иордана невелики, и использование их для искусственного орошения затруднительно. Малоплодородная, засушливая страна с длительным сухим периодом становится глухой провинцией, местом обитания сравнительно бедных раннеземледельческих общин.

Однако в целом эта дифференциация происходит уже среди обществ, перешедших грань неолитической революции. И здесь, несмотря на множество локальных особенностей и местную специфику, ярко выступают те качественно новые черты, которые свидетельствуют о происшедших изменениях. Разумеется, собственно археологический материал позволяет с известной уверенностью судить об изменениях, совершившихся главным образом в сфере материальной культуры, но и эти изменения достаточно велики, чтобы говорить о качественно новой ступени. Древнейшие оседлоземледельческие культуры и комплексы ярко характеризуют плодотворные последствия неолитической революции.

Эти последствия прежде всего нашли отражение в экономическом базисе, поскольку, как указывал Г. Чайлд, неолитическая революция является прежде всего переворотом в человеческой экономике.[170] Качественно новый характер хозяйства, направленного на производство пищи, отмечен еще Ф. Энгельсом. Особенно велик был экономический эффект земледельческого труда. Палеоэкономические расчеты демонстрируют это обстоятельство особенно ясно. При подсечно-огневом земледелии по системе мильпа индейцы в области распространения культуры древних майя сейчас затрачивают 46 рабочих дней для обеспечения питания себе и своей семье.[171] В Мексике на это уходит 143—161 рабочий день, включая огораживание поля для охраны от скота, отсутствовавшего в доколумбовой Америке.[172] В Северной Месопотамии с архаическими формами трудоемкого ирригационного земледелия эта цифра более высока — около 250 чел.-дней при расчете около 6 га земли на семью, что, конечно, выше необходимого минимума.[173] Иными словами, рабочее время, нужное для поддержания производства, здесь сравнительно невелико. Особенно это заметно при ориентировочных расчетах для целиком вскрытого Джейтуна. Общее количество его обитателей достигало 150—180 человек, что при расчете по 0.5 кг зерна на человека в день дает максимальную величину в 36.5 т. Учитывая необходимость сохранения посевного фонда и прочие нужды, возьмем общую цифру в 44 т. При урожае в сам-16 это указывает на посевные площади в 20 га. Если исходить из затрат 250 чел.-дней на возделывание 6 га, то для обработки джейтунских полей будет необхо-

[169] H. Helbaek. First Impressions..., p. 127.

[170] G. Childe. Man Makes..., p. 89.

[171] C. Curwen, G. Hatt. Plough and Pasture. New York, 1953.

[172] R. Mc. C. Adams. The Evolution..., p. 42.

[173] Ibid., pp. 42—43.

димо 625 чел.-дней. Если учитывать разницу в орудиях труда современного крестьянина и неолитического земледельца, эту величину необходимо существенно увеличить и считать равной 2500 чел.-дней. Значит, при работе двух взрослых людей от каждой семьи Джейтуна потребуется около месяца труда. Как известно, при низком уровне агротехники (а жители Джейтуна использовали для орошения полей скорее всего естественные паводки) наиболее трудоемким процессом в земледелии является жатва. По данным Р. Брейдвуда, неопытный человек каменным серпом за час собрал 2.5 кг зерна.[174] При десятичасовом рабочем дне 44 т могли быть собраны за 1760 чел.-дней, т. е. при трех работающих от каждой семьи джейтунцы могли закончить жатву за 3 недели. При всей условности подобных расчетов и необходимости дополнительных критериев (время на изготовление орудий труда, обработку зерна, приготовление пищи и т. п.) колоссальный экономический эффект земледелия несомненен. Это был подлинный «архимедов рычаг», который перевернул все общество.

Следует иметь в виду, что земледелие явилось и более надежной экономической системой по сравнению с такими присваивающими способами хозяйствования, как охота, собирательство и рыболовство, где было возможно лишь кратковременное накопление общественных запасов и то в значительной мере в зависимости от колебания естественного плодородия среды.[175] Успешная селекционная деятельность и разработка агротехники заметно уменьшали зависимость земледелия от природных колебаний.

Появление устойчивых и расширяющихся источников питания прежде всего сказалось на росте населения, тем самым увеличивая производительные силы общества, в которые сам человек входит в качестве важнейшего и неотъемлемого элемента. По сути дела это был первый демографический взрыв, и недаром мы видим, как раннеземледельческие поселки заполняют археологическую картину Ближнего Востока.

По расчетам Р. Брейдвуда и Ч. Рида у охотников и собирателей плотность населения составляет от 1 до 7 человек на 100 км^2.[176] Нижний предел — около 1 человека на 100 км^2 — дают бушмены и австралийцы, тогда как у более специализированных и высокоразвитых охотников доколумбовой Америки она возрастает до 5 человек на 100 км^2. Исходя из этих цифр и опираясь на полностью раскопанное стойбище VIII тыс. до н. э. Стар-Карр, где одновременно жило 5 семей, Р. Брейдвуд и Ч. Рид полагают, что население Англии и Уэльса в эпоху мезолита составляло 7500 человек.[177] Несколько более условный характер носят расчеты тех же авторов для раннеземледельческого периода. Они исходят из современной плотности заселения горной долины р. Чемчемал, где расположено Джармо. Это дает население в 1000 человек на 100 км^2.[178] Опираясь на подобные выкладки, демограф Э. Дивей предлагает[179] следующие расчеты для населения земного шара.

Около 300 000 г. до н. э.	1 млн чел.
Около 25 000 г. до н. э. (верхний палеолит)	3.34 млн чел.
Около 10 000 г. до н. э. (мезолит)	5.32 млн чел.
Около 6000 г. до н. э. (ранние земледельцы и первые города)	86.5 млн чел.

При всей условности подобных наметок скачок в численности населения после неолитической революции несомненен. Археологические материалы полностью подтверждают высокую плотность населения раннеземледельческой эпохи. Так, энеолитический Геоксюрский оазис в Южном Туркменистане занимал площадь около 400 км^2.[180] На всех поселениях этого оазиса произведены раскопки, что позволило определить плотность застройки. Произведенные расчеты показы-

[174] R. J. Braidwood. Prehistoric Man, p. 110; J. R. Harlan. A Wild Wheat Harvet in Turkey. Archaeology, 1967, № 3.

[175] В. М. Бахта. Общественное производство..., стр. 7.

[176] R. J. Braidwood, Ch. A. Reed. The Achievement and Early Consequences of Food-Production. A Consideration of the Archaeological and Natural-Historical Evidence. Gold Spring Harbor Simposia on Quantitative Biology, v. XXII, New York, 1957, p. 21.

[177] Ibid., p. 24.

[178] Ibid., pp. 22, 26.

[179] E. S. Devey. The Human Population. Scientific American, v. 209, № 3, 1960, sept., p. 196. О демографических методах в археологии см.: C. Gabel. Analysis of Prehistoric Economic Patterns. 1967, pp. 32—35.

[180] Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965, стр. 11.

вают, что во время расцвета (ялангачский период, средний энеолит) население оазиса составляло около 4000—5000 человек.[181] Это дает среднюю плотность населения в 1000—1200 человек на 100 км², т. е. ту же величину, что и расчеты Р. Брейдвуда и Ч. Рида, но на этот раз уже на основании археологических материалов. Эти данные представляют тем больший интерес, что, судя по всему, Геокюрский оазис образовал замкнутую, автаркгическую экономическую систему группы земледельческо-скотоводческих общин, поселения которых прекрасно сохранились до наших дней, как бы законсервированные в песках пустыни.[182]

На южнотуркменистанских материалах может быть намечена и динамика населения за время неолита и энеолита. Так, площадь всех известных поселений джейтунской культуры составляет около 4 га, что в связи с плотностью застройки Джейтуна и Чагыллы-Депе соответствует населению в 1500 человек. Следует учитывать, что мелкие поселки джейтунской культуры были частично уничтожены, частично скрыты более поздними поселениями. Предположив, что число обнаруженных памятников составляет около 50%, получим цифру неолитического населения в VI тыс. до н. э. — около 3000 человек. При освоенной территории в 2100 км² это составит плотность населения в 14 человек на 100 км². Но джейтунская культура — время архаических земледельцев, общества только что завершившейся неолитической революции. В IV тыс. до н. э., в пору раннего энеолита, на той же территории мы находим памятники площадью около 60 га, что при тогдашней плотности застройки предполагает население в 12 000—14 000 человек. Это уже составляет около 660 человек на 100 км². Динамика роста населения здесь бесспорна и очевидна. Существенную роль играло и то обстоятельство, что новая экономика резко сокращала территорию, абсолютно необходимую для обеспечения продуктами питания человеческих коллективов.

Рост благосостояния, формы хозяйства, менее связанные с производственными травмами, особенно по сравнению с охотой, сказались и на увеличении продолжительности жизни. Если средний возраст неандертальцев составлял 29.4 года, то в неолитической Анатолии эта цифра повысилась до 38 лет.[183] Правда, и в анатолийском Чатал-Гуюке мало кто доживал до возраста свыше 50 лет.[184] Как бы то ни было, это увеличение численности населения, являясь следствием неолитической революции, в свою очередь стимулировало бурное развитие производства и культуры. Как уже отмечалось, рост населения сам по себе уже означал скачок в развитии производительных сил.

Уменьшение необходимого рабочего времени в производстве продуктов питания позволило направить дополнительные силы на различные производства, в том числе и идущие на удовлетворение возросших запросов общества, все более отчетливо вступающего в стадию относительного благосостояния. Повсеместный расцвет различных производств или первобытных ремесел был одним из наиболее заметных в археологии последствий неолитической революции.

Как уже выше приходилось отмечать, орудия труда раннеземледельческих племен в основном сложились в ходе неолитической революции, опираясь на технологические достижения мезолитического и частью верхнепалеолитического времени. Это касается и жатвенных ножей, и топоров-тесел, и землекопных орудий. Удельный вес этих орудий в раннеземледельческих обществах бесспорно возрос, происходит известная дифференциация типов в соответствии с различной специализацией, но качественных сдвигов здесь мы не наблюдаем. Иначе обстояло дело с обработкой продуктов земледелия. Правда, терочные камни, собственно зернотерки, каменные ступки и песты также обнаруживают тенденцию лишь количест-

[181] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 319. Значительно меньшая цифра предлагается Г. Н. Лисицыной, исходящей из плотности застройки месопотамских городов, по Фрэнкфорту. Так, на поселении Геокюр 1 при площади в 8 га она предполагает 1000—1200 жителей (Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие..., стр. 129, 141), тогда как по нашим расчетам в нем при площади в 12 га находилось 2000—3000 человек. Представляется, что месопотамские нормы для городов с их комплексами монументальной архитектуры при переносе на раннеземледельческие поселки должны быть скорректированы на плотность застройки, выявленную в процессе раскопок.

[182] Г. Н. Лисицына, В. М. Массон, В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геокюрского оазиса, 1956—1967. СА, 1965, № 1.

[183] E. S. Deevey. The Human Population..., p. 202.

[184] J. Mellaart. Çatal Hüyük, p. 225.

венного увеличения. Но в сосудах, предназначавшихся для хранения, приготовления и принятия пищи, мы наблюдаем разительные перемены. Дело уже заключалось не в том, чтобы наскоро проглотить добычу удачной охоты. Обработка и приготовление пищи превращается в производство, требующее много времени и сил, и для обслуживания этого производства теперь выделывается разнообразный инструментарий. Не случайно в раннеземледельческих комплексах Джармо и Чатал-Гуюка появляются изящно выточенные костяные ложечки. Ранее сосуды для хранения и питья делались из легких, портативных материалов. Достаточно вспомнить различные корзины, сумки, корытца австралийцев [185] или великолепные плетеные изделия калифорнийских племен, где орнамент предвосхищает роспись глиняных сосудов.[186] Обрывки корзин и сеток были найдены и при раскопках стоянок и пещер мексиканских собирателей. С установлением оседлоземледельческой экономики сосуды к радости археологов делаются уже из более прочных материалов, а разнообразие их форм порой прямо поражает. Первоначально это были изделия из дерева и камня. Изумительный набор деревянной посуды происходит из погребений Чатал-Гуюка (рис. 36). Здесь и плоские блюда, и конические чаши, и вазы на ножках, и многочисленные коробочки. В загросских поселках широкое распространение получают каменные сосуды. При раскопках Джармо только за один сезон (1950—1951 гг.) были обнаружены обломки 350 каменных сосудов (рис. 37).

Рис. 36. Чатал-Гуюк. Деревянные сосуды. (По Д. Мелларту).

[185] Народы Австралии и Океании, стр. 122—125.

[186] Народы Америки, т. I. М., 1959, стр. 275—277.

Традиция их изготовления на первых порах сохраняется в широких масштабах и в раннекерамических комплексах, как показали работы на Телль-эс-Севане. Но все это были паллиативы, требовавшие либо большой затраты труда, либо поставлявшие сравнительно хрупкую продукцию. Насущные потребности общества привели к возникновению гончарного дела, и отныне керамика становится надежным спутником человека. Зачатки керамического производства восходят к поре верхнего палеолита,[187] но тогда это изобретение было преждевременным и, не являясь экономически необходимым, не получило сколько-нибудь заметного применения. Иначе обстояло дело в пору раннего земледелия, когда вторично открытое, оно было сразу по достоинству оценено и широко применено для изготовления посуды и целого ряда других категорий вещей. Г.Чайлд придавал особенно большое значение керамическому производству, усматривая в нем древнейший прием утилизации химических превращений вещества.[188] Видимо, обжиг керамики способствовал появлению и прогрессу металлургии в тех местах, где рудная база облегчала раннее использование металлов.

Важнейшей отраслью производства стало строительное дело. Оседлый образ жизни стимулировал прогресс архитектуры, а производственные возможности общества позволяли уделять строительному мастерству все больше сил и внимания. Таково прежде всего строительство жилищ из камня, глинобитных блоков или сырцового кирпича. Уже элементы оседлости, связанные с развитием специализированного рыболовства или морской охоты, вели к раннему появлению подобной архитектуры (натуфийский Эйнан, комплексы типа Уака-Приета в Перу). Видимо, в ряде случаев аналогичные строения появляются и в обществах, переживающих процесс неолитической революции в условиях господства охоты и собирательства (Телль-Мурейбат в Сирии, Ганджи-Депе в Загросе). Однако лишь с победой неолитической революции эта практика становится повсеместной и строительное дело начинает превращаться в особое ремесло со своими специфическими навыками, приемами и канонами. Достаточно вспомнить стандартную архитектуру жилых домов Джейтуна. Вместе с тем эволюция общества ставит перед строительством и новые задачи. Так, появляется необходимость постройки специальных культовых зданий-святилищ. Первоначально они еще не отличаются по размерам и архитектуре от обычных домов, и, как показывают материалы Чатал-Гуюка, строители решают задачи выделения их специфики преимущественно средствами декора. На джейтунском поселении Песседжик-Депе использован, наоборот, прием увеличения в размерах стандартного типа жилого дома. Но вскоре небольшие святилища сменяются более крупными сооружениями, прообразами позднейших монументальных храмов. По сообщениям арабских археологов,[189] такой храм был обнаружен в 1965 г. при раскопках Телль-эс-Севана, где он занимал уже значительную площадь (25×7.5 м). В V тыс. до н. э. в Эриду начиная со слоя XI[190] храмы уже помещаются на кирпичную платформу, образуя объемную доминанту в архитектурном облике раннеземледельческого поселка.

Возрастающая плотность населения, накопление общественных богатств в условиях такой характерной черты первобытного строя, как межплеменные междоусобицы,[191] выявили необходимость древнейшей фортификации. Строительное дело тут же откликнулось на этот социальный заказ. Появляется стена из бутового камня в Иерихоне, стены из сырцового кирпича ограждают Хаджилар и Телль-эс-Севан. Нет никаких оснований преувеличивать историческое значение подобных сооружений — они лежали вполне в рамках производственных возможностей раннеземледельческих коллективов. Вместе с тем зарождение форти-

---

[187] С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 355.

[188] G. Childe. Man Makes..., p. 101; Г. Чайлд. Археологические документы..., стр. 62—63.

[189] F. El-Wailly. Foreword. Sumer, v. XX, 1964, p. 1.

[190] S. Lloyd, F. Safar. Eridu. Sumer, v. IV, № 2, 1948, pp. 119—120. По существующей классификации XII—VIII слои Эриду относятся к комплексам раннего Убейда (J. Oates. Ur and Eridu. The Prehistory. Iraq, v. XXII, 1960, p. 33), поэтому между храмами на платформе и святилищем Телль-эс-Севана лежит разрыв в несколько сот лет (комплекс Хаджи-Мухаммед).

[191] Л. Морган. Древнее общество. Л., 1935, стр. 65, 72.

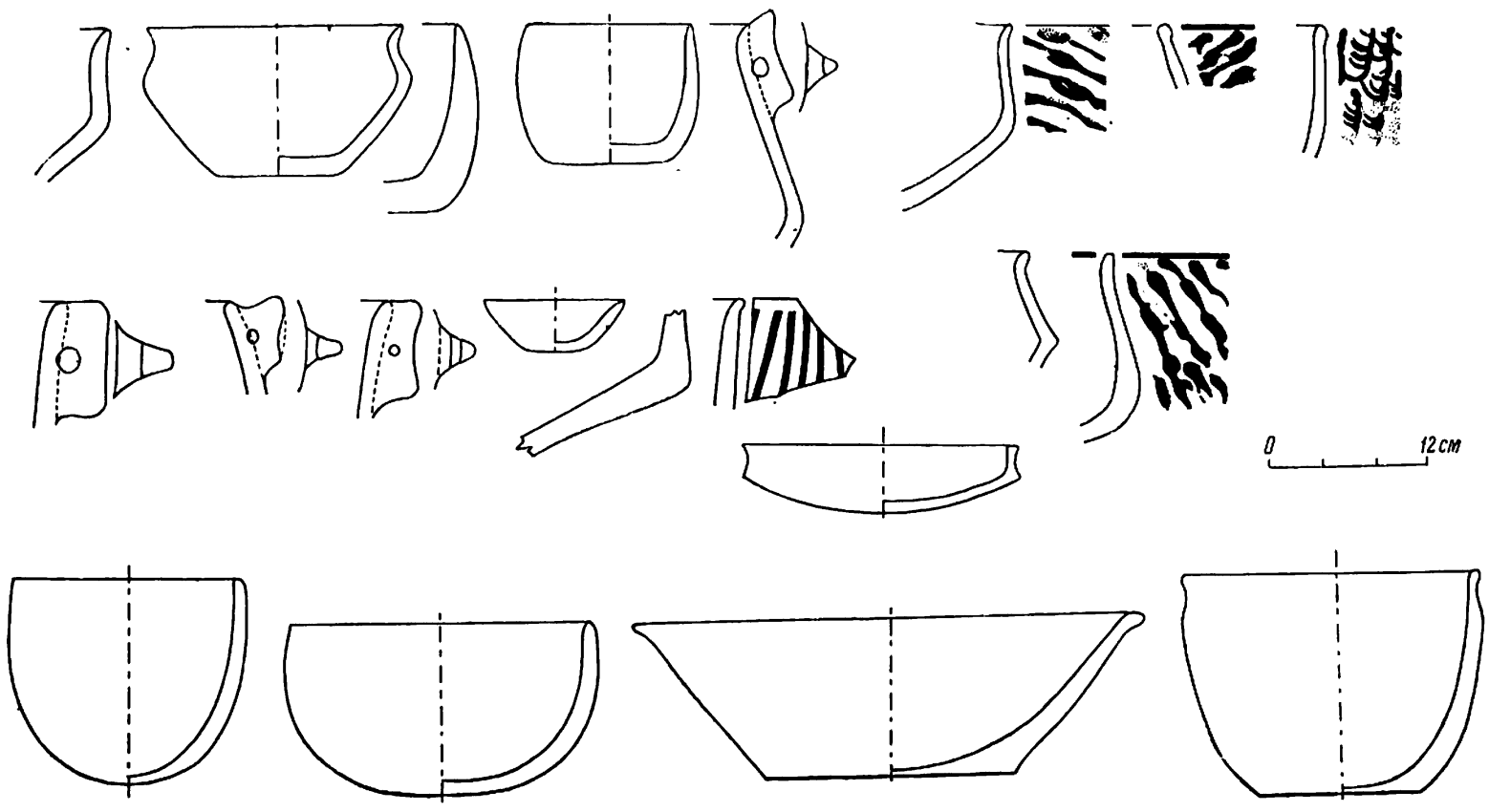

Рис. 37. Джармо. Керамические и каменные сосуды.
Вверху — керамические сосуды; *внизу* — каменные.

фикации вело к дальнейшему прогрессу и специализации строительного мастерства.

Важным разделом домашних производств становится ткачество. Его прогресс сопровождает неолитическую революцию в Мезоамерике и Перу, причем перуанские мастера очень рано приступают к изготовлению художественных тканей, украшенных изображением змей, кондоров, крабов и людей (Уака-Приета). На Ближнем Востоке раннее развитие ткачества прекрасно документируется материалами Чатал-Гуюка.[192]

Рост благосостояния общества нашел яркое отражение в широком распространении разнообразных украшений, находимых в погребениях. И для их создания несомненно нужно было налаженное производство, обслуживаемое соответствующими мастерами. Это были не только традиционные бусы и подвески, изготавливаемые теперь не только из кости и раковин, как в эпоху палеолита, но и из многочисленных каменных пород, в том числе из сердолика и бирюзы. Костяные и каменные браслеты, кольца из меди и кости, различные булавки, каменные палетки для растирания краски, раковины для ее хранения, не говоря уже о бусах, таков инвентарь женских погребений Чатал-Гуюка. Претензии неолитических модниц несомненны, и неудивительно, что именно к этому времени относятся находки древнейших зеркал, для изготовления которых использовались блестящие пластины обсидиана. Такие зеркала найдены и в Чатал-Гуюке, и в Перу, что свидетельствует об общности интересов красавиц Старого и Нового Света. К производству украшений примыкало и изготовление статуэток, особенно в тех случаях, когда они выделывались из такого малоподатливого материала, как камень. Массовое производство подобных фигурок в Телль-эс-Севане было налажено, что дало возможность арабским археологам выстраивать перед объективом фотоаппарата целые толпы женских статуэток. Важно подчеркнуть, что это была именно массовая продукция в отличие от куда более редкостных палеолитических Венер.

Таким образом, совершенно ясно, что неолитическая революция явилась стимулом к возникновению и развитию целого ряда производств. «Столь разнообразная деятельность, — писал Ф. Энгельс, — не могла уже выполняться одним и тем же лицом».[193] Однако это было лишь конечным следствием начавшихся процессов. Технологически весьма разнообразное домашнее производство древнейших земледельческих общин в социальном отношении еще сохраняло черты предшествующей эпохи. Так, проведенный анализ явно показывает децентрализованный характер домашних производств на Джейтуне. Практически каждая семья занималась и изготовлением кремневых орудий личного пользования, и выделкой шкур, и кожевенным делом, и обработкой дерева. Ни внутренний, ни внешний обмен здесь не играет еще сколько-нибудь заметной роли в структуре производства. Аналогично положение и в пору верхнего палеолита, когда, как установил С. Н. Бибиков, изготовление орудий внутри стойбища было рассредоточено по семьям.[194] Справедливость подобного заключения подтверждают этнографические материалы. В Австралии почти все орудия и средства труда, охотничье оружие, копательные палки изготовлялись в процессе индивидуального труда.[195] И именно разнообразие и усложнение домашних производств — прямое следствие неолитической революции — подорвали эту устойчивую традицию. На этой технологической основе появляются мастера-профессионалы, узкая специализация которых стала возможной благодаря наличию прибавочного продукта земледельческо-скотоводческой общины в целом. На памятниках джейтунской культуры такие мастера еще отсутствуют, во всяком случае их деятельность не оставила археологически ощутимых следов,[196] но на Чатал-Гуюке подобная специализация, учитывая размеры общины, вполне вероятна. В V—IV тыс. до н. э. на-

---

[192] J. Mellaart. Çatal Hüyük, pp. 219—220; H. Burnham. Çatal Hüyük — the Textiles and Twine Fabrics. AS, v. XV, 1965, pp. 169—174.

[193] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 163.

[194] С. Н. Бибиков. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии. Тез. докл. всесоюзн. сесс., посв. итогам археол. и этногр. иссл. 1966 г., Кишинев, 1967, стр. 12—15.

[195] В. М. Бахта. Общественное производство..., стр. 5.

[196] О распространенном в Полинезии обычае приглашать мастеров для работы к себе домой с обеспечением жильем, пищей и одариванием см.: Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе. ТИЭ, н. с., т. IV, 1960, стр. 146.

личие подобных мастеров-профессионалов уже бесспорно (их появление характерно для второго этапа развития домашних производств). Достаточно указать на дом мастера-керамиста, раскопанный в халафских слоях Арпачии,[197] или на дом металлурга в куро-аракской культуре.[198] Скорее всего работающие здесь мастера обслуживали всех членов общины в силу своего членства в ней. Но вполне вероятно также наличие и внутреннего обмена в этом первобытном ремесле. Наконец, на третьем этапе развития происходит собственно отделение ремесла от земледелия, появляются целые мастерские, где трудится не один, а несколько профессионалов, складываются своеобразные «ремесленные кварталы». Массовая продукция таких мастерских тесно связана с обменом, как внутренним, так и внешним. Регулярный обмен перерастает в торговлю, производство приобретает элемент товарности. Но это был уже другой исторический период, весьма далекий от неолитической революции. Забвение длительного пути развития первобытного ремесла приводит, в частности, к объявлению некоторых неолитических поселков первыми городами. Мода на неолитические города, начавшаяся с дискуссии об Иерихоне,[199] отнюдь не проходит. Сторонники «первого города мира» изыскивают дополнительную аргументацию,[200] а Д. Мелларт, не желая остаться в стороне от соблазнительного эффекта, называет городом свой Чатал-Гуюк и выносит этот термин в заглавие книги.[201]

Разумеется, значительную роль играет различное содержание, вкладываемое теми или иными исследователями в сам термин «город». Как нам кажется, городами для ранних этапов развития общества следует именовать крупные населенные пункты с развитой системой укреплений, являвшиеся центрами сельскохозяйственных округов и вместе с тем местом сосредоточения ремесленной деятельности и торговли.[202] При этом «крупным» можно условно считать, как это предлагал еще Г. Чайлд, поселение с числом жителей более 5000 человек.[203]

Как же можно в свете подобной формулировки рассматривать Иерихон и Чатал-Гуюк? Остановимся прежде всего на количественных критериях. К. Кеньон определяет население Иерихона в 2000 человек,[204] с чем соглашается и Д. Мелларт.[205] К сожалению, раскопанные участки поселения, занимающего площадь около 4 га, не позволяют судить о плотности застройки, по крайней мере в объеме опубликованных материалов. Если исходить из плотности застройки Джейтуна, то население Иерихона должно было соответствовать 1500—1800 человек. Однако эту цифру, возможно, следует несколько понизить, поскольку в таком сравнительно крупном центре, как Иерихон, должны быть подсобные площади и незастроенные участки, более значительные, чем в Джейтуне, где к услугам жителей была чуть ли не вся пустыня, начинающаяся сразу за порогом любого дома. Характерно, что для Джармо тот же Д. Мелларт принимает подсчеты Р. Брейдвуда, определявшего (с нашей точки зрения заниженно) население последнего в 170 человек при площади в 1.3 га.[206] Но тогда число жителей Иерихона не должно было превышать 500—600 человек. Во всяком случае даже при самых оптимистических расчетах до 5000 человек здесь было далеко. Более значительным населенным пунктом бесспорно является Чатал-Гуюк, чьи руины занимают площадь около 12 га. По джейтунским «нормам» в нем могло проживать от 4500 до 5400 человек. Вскрытые участки Чатал-Гуюка отличаются исключительно высокой плотностью застройки. Так, в слое VIB 10 домов (судя по величине, жилища парных семей) приходится на 1000 м², в слое VII — на 1200 м.² Правда, в слое VIA, где были открыты значительные по

[197] M. E. L. Mallowan. Twenty-File Years of Mesopotamian Discovery. London, 1956, p. 6.
[198] Раскопки Т. Н. Чубинишвили в 1966 г. на Амиранис-горе.
[199] В. М Массон. Докерамический неолит Иерихона. СА, 1958, № 3.
[200] E. Anati. Prehistoric Trade and the Puzzle of Jericho. BASOR, № 167, 1962, oct.
[201] J. Mellaart. Çatal Hüyük.
[202] В. М. Массон. К вопросу о «городской революции». Тез. докл. на IV сесс. по Древнему Востоку, М., 1968, стр. 15.
[203] G. Childe. The Urban Revolution. Town Planning Review, v. 21, 1950, № 1; В. М. Массон. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке. ВИ, 1967, № 5, стр. 91.
[204] K. Kenyon. Archaeology in the Holy Land. London, 1960, p. 45.
[205] J. Mellaart. Earliest Civilizations..., p. 36.
[206] Ibid., p. 47.

площади дворы, площадь уже возрастает до 1350 м². В целом для Чатал-Гуюка, если считать всю территорию его обжитой одновременно, это составит 900—1000 домов, т. е. население в 4500—6000 человек, что уже как бы соответствует критериям города. Однако не следует забывать, что с увеличением коллектива потребности в подсобных площадях, имеющих общее для всех его членов значение, возрастают. Выше уже отмечалось, что население энеолитического поселения Геоксюр в Южной Туркмении, по площади почти равного Чатал-Гуюку, при максимальной оценке составляет 2000—3000 человек. По нормам же, принятым Г. Франкфортом для городов древней Месопотамии,[207] население Чатал-Гуюка вообще должно было составлять 1200—2400 человек. Как бы то ни было, необходимо, однако, признать, что Чатал-Гуюк представлял собой довольно значительный населенный центр, особенно для своего времени.

В какой мере подобные центры можно считать сосредоточением ремесел в социальном смысле этого слова? Выше уже отмечалось, что материалы Джейтуна свидетельствуют о глубоко архаических формах домашних производств этого неолитического поселка. Вполне вероятно, что на Чатал-Гуюке уже имелись и мастера — члены общин, но нет пока никаких данных, свидетельствующих об обособлении ремесла от земледелия. Д. Мелларт полагает, что им раскопан «квартал жрецов», и подчеркивает, что на территории раскопа было найдено весьма мало серпов и пряслиц и лишь 10 обсидиановых нуклеусов.[208] Вместе с тем раскопки Джейтуна ясно показали, что не жилые дома и подсобные строения являлись местом основной производственной деятельности, а дворики и прочие хозяйственные участки. У неолитических земледельцев не было никаких оснований жить в домах, заваленных отходами производств и прочим мусором, хотя археологи, возможно, и были бы рады наличию таких нерадивых хозяев. В тесной планировке вскрытой части Чатал-Гуюка такие хозяйственные участки как раз отсутствуют, что, кстати, заставляет предполагать более разреженную застройку других кварталов.

Открытие Иерихона и Чатал-Гуюка привело также к преувеличению роли и характера обмена в жизни оставивших эти поселения коллективов. Д. Мелларт прямо утверждает, что обитатели «квартала жрецов» приобретали все необходимые им продукты и вещи на базаре.[209] Э. Анати с энергичным пафосом утверждает, что только торговля (именно торговля, а не обмен) может объяснить «загадку Иерихона».[210] Какие же существуют реальные основания для подобных заключений? Э. Анати отмечает, что в Иерихоне имеется обсидиан из Анатолии, бирюза из Синая, раковины из Средиземноморья, а его жители могли торговать солью, битумом и серой.[211] Однако экзотические украшения, особенно раковины, и в палеолитическую эпоху покрывали значительные расстояния путем многоступенчатого обмена, тогда как от Иерихона до берега Средиземного моря не многим более 100 км — расстояние, легко преодолимое для «торговой экспедиции» его обитателей. Едва ли сера и битум играли в жизни неолитических племен такую первостепенную роль, а в свете этнографических данных весьма сомнительно, чтобы обитатели Иерихонского поселения сумели утвердить право монопольного обладания обширным бассейном Мертвого моря, этого естественного поставщика соли. Например, в Южной Австралии месторождение охры эксплуатировалось самыми различными племенами. Исследователи описывают это следующим образом: «Все племена желали иметь красную землю, которая так или иначе была каждому племени необходима для выполнения погребальных обрядов. Эта общая потребность породила замечательный обычай, которому подчинились все. Делегациям не более двух-трех человек было разрешено проходить в любое время через территорию любого племени при условии, что они шли за охрой и успевали сделать это в то число дней, которое было признано необходимым».[212] Думается, что при характеристике общества, только что выходящего из мезолитической эпохи, методологически правильнее ориентироваться на этнографические параллели, а не на цитаты из Биб-

[207] H. Frankfort. Kingship and Gods. Chicago, 1948, p. 396, nota 23.
[208] J. Mellaart. Çatal Hüyük, p. 211.
[209] Ibid.
[210] E. Anati. Prehistoric Trade..., p. 31.
[211] Ibid., pp. 29—30.
[212] Цит. по: Н. А. Бутинов. Разделение труда..., стр. 115—116.

лии, коллекционируемые Э. Анати. Материалы, характеризующие развитие обмена у охотников и собирателей Австралии, вообще очень важны для правильной исторической перспективы.[213]

Межплеменной обмен у аборигенов Австралии получил весьма широкое развитие. Здесь меняли самые разнообразные изделия: оружие, утварь, украшения, а изредка также и сырье. Почти не поступали в обмен съестные припасы. Этот налаженный регулярный обмен имел излюбленные торговые пути, обычно идущие вдоль рек, и традиционные центры-торжища. Иногда дальний обмен с передачей из рук в руки («этапная торговля») уходил за многие сотни километров, пересекая чуть ли не весь материк. Такие долгие путешествия чаще всего совершали охра, морские раковины и особый вид растительного наркотика, предшественника опиума.

Обмен носил коллективный характер, был осложнен различными обрядовыми формами, часто приурочивался к крупным межплеменным сборищам и празднествам. Такой обмен отнюдь не нарушал натурального характера экономики аборигенов, не затрагивал основ их производства.

К сожалению, вопрос об обмене (при терминологическом перенапряжении — даже о торговле) недостаточно разработан методически на собственно археологических материалах и нередко ограничивается традиционными и трафаретными штампами наподобие пресловутых морских раковин. Тем больший интерес представляет недавно появившаяся статья о роли обсидиана на Ближнем Востоке, основанная на конкретном изучении массовых источников.[214] Определение редких элементов позволило установить точное происхождение обсидиана, обнаруженного на тех или иных памятниках. Авторы считают возможным говорить о четырех источниках обсидиана: двух в Малой Азии, одного в Нимрутдаге и одного, ориентировочно именуемого армянским. В пору верхнего палеолита обсидиан из Нимрутдага встречается на памятниках Курдистана, а малоазиатский — на юге Турции. В обоих случаях количество его невелико, а расстояние от мест разработки составляет 350—400 км.[215] Вероятно, его получали путем организации специальных экспедиций к местам разработок. В мезолите положение почти не меняется: небольшое число образцов было найдено в Зави-Чеми-Шанидаре и Малефаате, но в Карим-Шахире обсидиан отсутствует. Совершенно неизвестен он и на памятниках натуфийской культуры.

Коренным образом положение меняется в VII—VI тыс. до н. э., в период существования оседлоземледельческих общин (рис. 38). Обсидиан в это время встречается на многих памятниках и в значительном количестве. Нимрутдаг теперь снабжает обсидианом не только загросские поселения, но также Сирию и Палестину. В VI тыс. до н. э. в Загросе как будто предпочтение отдается уже другому источнику — так называемому армянскому.[216] Интересная картина наблюдается в Палестине и Сирии. Здесь основная масса обсидиана поступает, в том числе и в Иерихон, из Малой Азии. Чатал-Гуюк и Хаджилар получают обсидиан в основном также из Малой Азии, но из другого источника. Этот же обсидиан поступает в Мерсин, Библ и на Кипр, свидетельствуя о развитии морского транспорта.

Налаженное снабжение обсидианом свидетельствует о регулярном посещении соответствующих месторождений. Достаточно сказать, что на Джармо общий вес найденного обсидиана составляет около 4 т. Вместе с тем авторы справедливо отмечают, что нет никаких оснований предполагать наличие особых «торговцев обсидианом».[217] Постепенное убывание процента обсидиановых изделий при удалении от источников добычи свидетельствует, надо полагать, именно о многоступенчатом обмене. В Иерихоне, например, который Э. Анати пытается выдать за мощный торговый центр, обсидиан составляет всего 2.9% для неолита А и 1.2%

---

[213] Народы Австралии и Океании, стр. 196—204; Н. А. Бутинов. Разделение труда..., стр. 114—119. В этом отношении методологически весьма удачно сопоставление этнографических данных и археологических материалов, проведенное Дж. Кларком (J. G. D. Clark. Traffic in Stone Axe and Adze Blades. Economic History Review, XVIII, 1965, № 1).

[214] C. Renfrew, J. E. Dixon, J. R. Cann. Obsidian and Early Cultural Contact in the Near East. PPS, N. S., v. XXXII, 1966, pp. 30—72.

[215] Ibid., p. 43.

[216] Ibid., p. 44.

[217] Ibid., p. 52.

для неолита В.[218] Вполне справедливо и заключение о том, что для Чатал-Гуюка, отстоящего от источников всего на 200 км, вообще не нужны были посредники.[219] Таким образом, хотя с победой неолитической революции в Передней Азии устанавливаются традиционные пути обмена, определяемые по анализу обсидиановых изделий, нет пока решительно никаких данных объявлять этот обмен торговлей. Это был обычный обмен сырьем, и нет признаков наличия ремесел, продукция которых предназначалась бы для продажи. Это снова возвращает нас к проблеме «неолитических городов». Представляется, что пока употребление этого термина является преждевременной модернизацией, опережающей состояние разработанности вопроса. Это хорошо почувствовал Г. де Контенсон, отметивший в рецензии на книгу Д. Мелларта, что крупные размеры поселения сами по себе еще ничего не означают. Но и предложенный им термин agro-town едва ли удачен.[220] Однако развернувшаяся дискуссия весьма показательна еще в одном отношении. Появление крупных населенных центров, каким бы термином их не обозначать, было одним из прямых последствий неолитической революции, лучше всего свидетельствующим о качественно новом состоянии обществ, прошедших этот важнейший рубеж. Присваивающая экономика не знает ничего, что было бы подобно процветающему великолепию Чатал-Гуюка. Эта столица древнеанатолийских земледельцев явилась подлинным символом новой эпохи.

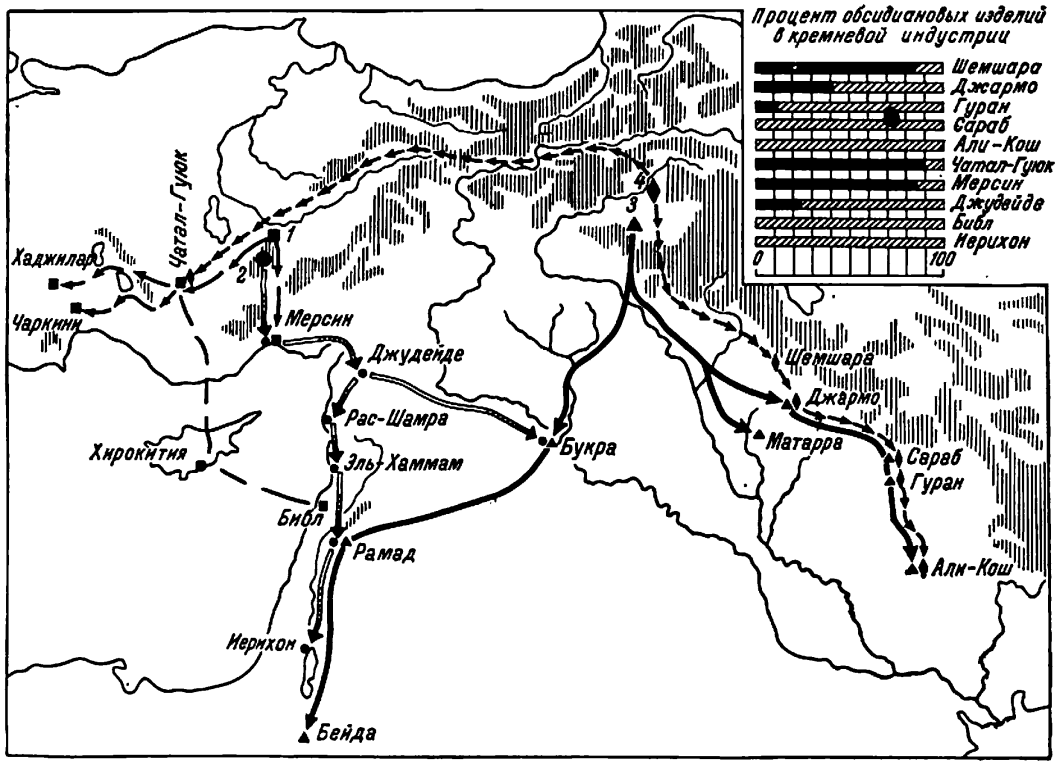

Рис. 38. Распространение обсидиана в ранних культурах Передней Азии.

1 — источник Аджиголь; *2* — источник Чифтлик; *3* — источник Нимрутдаг; *4* — источник в Армении.

Есть основания полагать, что после неолитической революции произошел коренной переворот и в идеологической надстройке. Это касается самых различных областей: от

[218] Ibid., p. 61.
[219] Ibid., p. 52.
[220] H. Contenson, de. [Рец.] J. Mellaart. Çatal Hüyük. Antiquity, № 165, 1968, p. 73.

положительных знаний до искусства и общего мировоззрения, хотя, возможно, именно в этой области заключения археологов должны быть признаны в значительной степени гадательными. Увеличение планового элемента в экономике, календарная цикличность земледелия, более глубокое понимание причин и следствий, проистекавшее из прямой хозяйственной необходимости — все это не могло не наложить глубокий отпечаток на религиозные представления, под покровом которых выступала тогда идеология. В результате складывается комплекс первобытно-космических представлений, как фантастическое осознание сезонности в природе и ее зависимости от небесных явлений, распространяются представления о небесных божествах, а в то же время, например, у австралийцев сказания о небесных светилах немногочисленны.[221] Появляются особые бог неба и божества стихий, которые уже ярко представлены, в частности, в шумерской мифологии. Но в первую четверку богов в том же Шумере наряду с богами неба, воздуха и мировых вод входит и Нинхурсаг: «великая госпожа», «госпожа, давшая жизнь».[222] Эта великая мать является бесспорной наследницей старухи-матери, матриархальной прародительницы, известной еще австралийцам,[223] но теперь ее функции в первую очередь направлены на процветание основы новой экономики — земледелия. Нет нужды приводить материалы об аграрных обрядах, восходящих еще к промысловым культам эпохи присваивающей экономики.

Характерными чертами религиозных воззрений раннеземледельческой эпохи, и археология имеет тому вполне осязаемые доказательства, были антропоморфный облик духов и божеств, а также упорядоченная система культа со специальными святилищами и, надо полагать, выделяющимся жречеством. Ранее такие черты отсутствовали, и С. А. Токарев считает их характерными для той формы религиозных верований, которую он определяет как культ племенного бога.[224] Если на ранних ступенях развития для проведения периодических празднеств использовали временные культовые хижины и шалаши, то святилища Чатал-Гуюка (рис. 39) с их обрядовым убранством, с помещением иногда внутрь человеческих черепов были принципиально новым явлением. В известном смысле их можно сопоставить с мужскими домами Меланезии, игравшими иногда роль святилищ. В них хранились священные изображения, маски, совершались обряды.[225] Эти строения отличались величиной и убранством — их фронтоны, столбы, двери были украшены изображениями, выполненными краской или резьбой по дереву. Если в селении проживало несколько родов, то в нем могло быть и несколько мужских домов.[226] Нередко в мужском доме совершались и похороны, в частности вождей.[227] Однако святилища Чатал-Гуюка в отличие от мужских домов Меланезии невелики по размерам, что связано с их назначением обслуживать ограниченную группу лиц. По расчетам Д. Мелларта здесь одно святилище приходилось в среднем на 3—4 дома.[228] Появление святилищ — факт сам по себе глубоко знаменательный, так как он является материальным свидетельством зарождения касты жрецов. В той же Меланезии, на Соломоновых островах, небольшие святилища («дом — табу») обслуживались специальным лицом, который один мог входить внутрь. Сложение жреческой касты было характерной чертой раннеземледельческих обществ — недаром храмы являются центрами древних поселков и городов повсюду от Месопотамии до Перу и Юкатана. С одной стороны, увеличенный прибавочный продукт форм экономики создавал реальные возможности для такого выделения, с другой — само осуществление жреческих функций в их рациональной аграрно-календарной основе являлось

---

[221] Е. М. Мелетинский. Фольклор австралийцев. В кн.: Мифы и сказки Австралии. М., 1965, стр. 7.

[222] С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 121.

[223] Е. М. Мелетинский. Фольклор австралийцев..., стр. 10; Народы Австралии и Океании, стр. 239.

[224] С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 349.

[225] Народы Австралии и Океании, стр. 481. Подобное сопоставление для больших домов раннеземледельческих поселений было предложено еще Г. Чайлдом (G. Childe. Man Makes..., p. 114).

[226] В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II. Л., 1947, стр. 92.

[227] Народы Австралии и Океании, стр. 477.

[228] J. Mellaart. Çatal Hüyük, p. 70.

необходимой составной частью этой экономической системы.

Антропоморфизация облика божества вполне отчетливо выступает в тех же материалах Чатал-Гуюка. Подавляющее большинство здешних святилищ имеет характерные рельефы, изображающие женское божество с поднятыми вверх руками. Другим отчетливо ведущим символом является голова быка иногда с рогами реального животного. Не исключено, что эта тотемизированная символика, уходящая корнями в глубоко архаические пласты, здесь уже связана с мужским персонажем и является исходной для развития известного образа Зевса-быка. На раннеземледельческих памятниках Малой Азии вполне отчетливо представлен также образ хозяйки животных, покровительницы охоты, дальней предтечи Артемиды и Кибелы.[229] На Чатал-Гуюке одна из скульптур изображает ее в виде рожающей женщины, сидящей на троне с двумя животными, скорее всего леопардами, по бокам (рис. 40). На фресках одного из святилищ мы видим толпу бородатых мужчин, вооруженных по большей части луками, обступивших массивные фигуры животных, являющиеся центрами композиции. Здесь же среди угловатых фигурок мечущихся охотников присутствует полная женщина, поразительно напоминающая женские глиняные и каменные фигурки, происходящие с того же памятника. Ничего подобного мы не наблюдаем ни на одной из многочисленных охотничьих фресок верхнего палеолита.

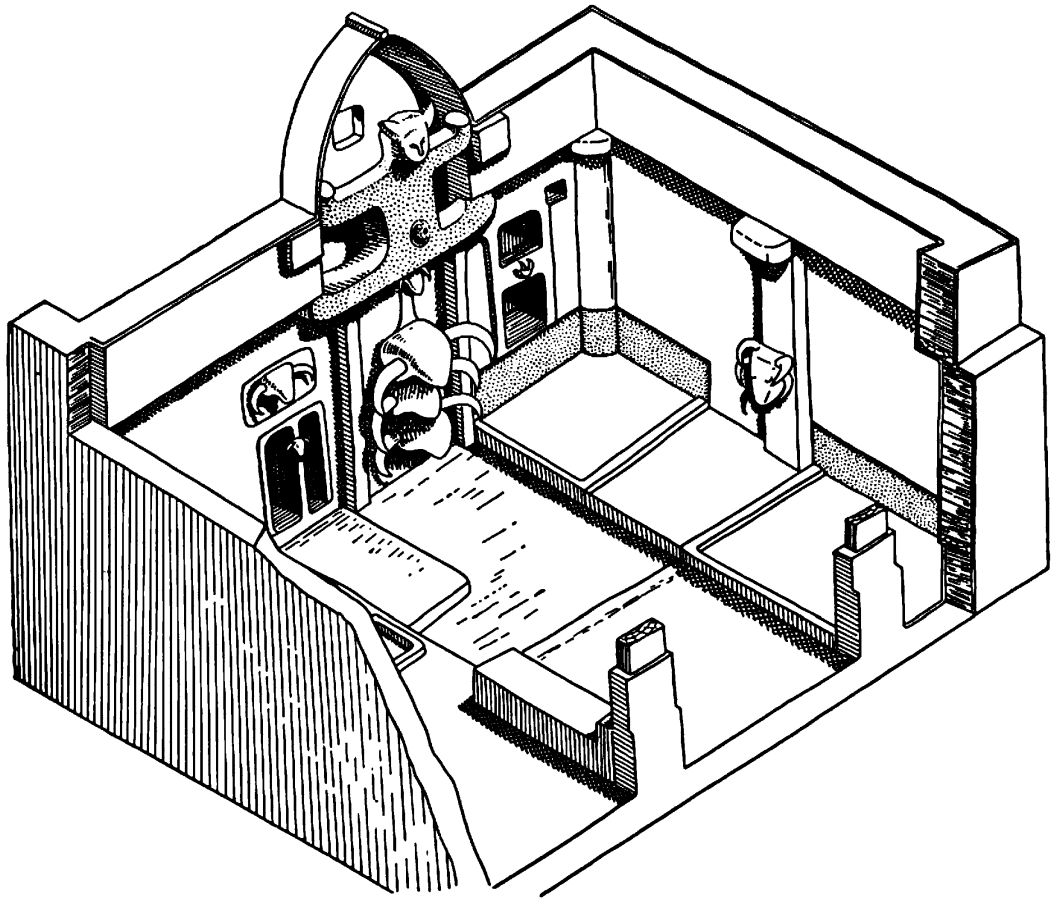

Рис. 39. Чатал-Гуюк. Святилище. Реконструкция.

[229] J. Mellaart. Excavations at Hacilar, 1960, pp. 56—61.

После неолитической революции человек все глубже осмысливает природу как систему взаимосвязанных явлений и создает сложный комплекс верований, рисующих его понимание этой системы. Именно религиозные представления ранних земледельцев

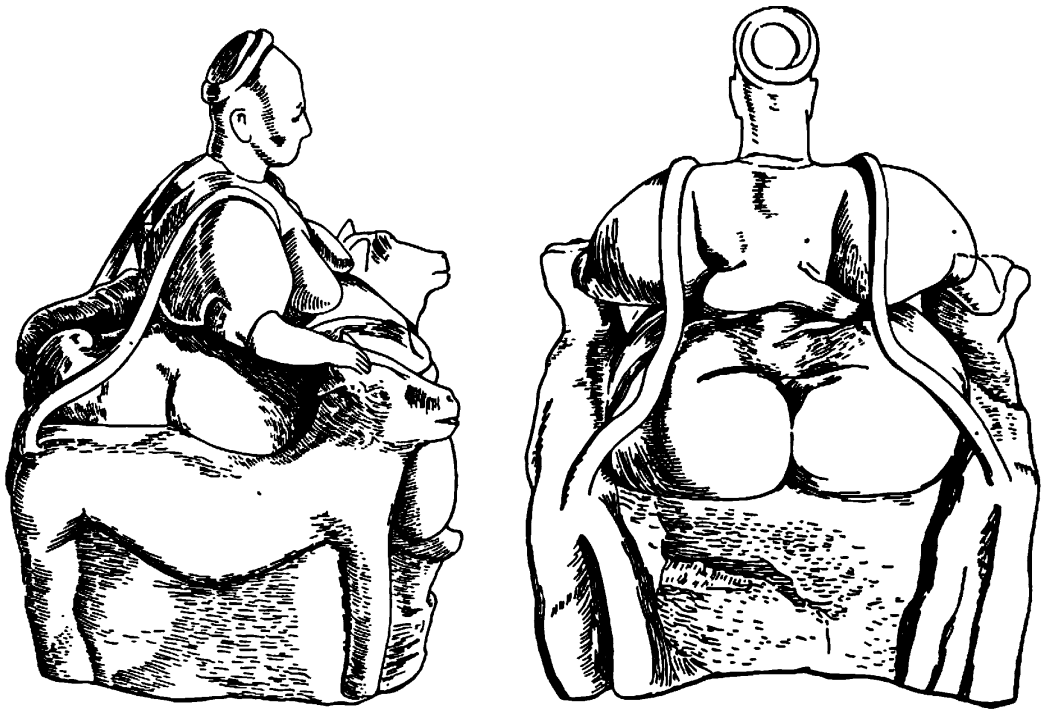

Рис. 40. Чатал-Гуюк. Женская статуэтка.

лежат в основе многих великих мировых религий.

Большая рассудочность, интеллектуальность, способность к абстракции ранних земледельцев с особенной силой проявились в искусстве новой эпохи. В этом отношении Чатал-Гуюк можно назвать подлинным Эрмитажем неолитической революции. Сравним его и памятники верхнепалеолитического искусства как характерные явления двух исторических эпох. И в сюжетах, и в стиле изображений Чатал-Гуюка как бы сочетаются верхнепалеолитические традиции и принципиально новые элементы. Охотничьи фрески (рис. 41) явно восходят к своим пещерным и наскальным предтечам: с экспансивной порывистостью передана фигура оленя, спасающегося в стремительном беге и обернувшегося к своим преследователям.[230] Вместе с тем наличие значительного числа охотников, композиционное построение широкой картины охоты отлично от верхнепалеолитических традиций, имевших большей частью дело с одиночными изображениями зверей.[231] В этом отношении фрески Чатал-Гуюка скорее сближаются с мезолитическими охотничьими сценами. Здесь аналогичны и общие композиции, и многочисленные изображения людей, что А. А. Формозов связывает с повысившейся ролью индивидуального мастерства охотников, вооруженных луками.[232] Как бы прямой репликой верхнепалеотических мотивов являются чатал-гуюкские фризы с изображением человеческой руки.[233]

Однако господствуют уже новая манера и новый стиль и иная тематика волнует земледельческих художников и скульпторов. Забыт чарующий реализм палеолитических

[230] J. Mellaart. Çatal Hüyük, pl. 55.

[231] А. П. Окладников. Утро искусства. Л., 1967, стр. 91.

[232] А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства. М., 1966, стр. 22.

[233] J. Mellaart. Çatal Hüyük, pl. 41—44; А. С. Гущин. Происхождение искусства. Л., 1937, стр. 46, рис. 21—22.

анималистов: животные чатал-гуюкских святилищ аппликационно условны и во многом скованно-схематичны. В этом отношении особенно показательны изображения птиц с распростертыми крыльями, напоминающие графическую зарисовку анатома. Зооморфные персонажи скорее становятся элементом ритмичной композиции, чем самоутверждающим образом (рис. 42). И именно композиционная ритмика и орнаментализм являются

Рис. 41. Чатал-Гуюк. Зооморфная роспись.

тем новым направлением, которое утверждается теперь в искусстве. Стиль абстрактной символики, плавной декоративности, блестяще представленный целым рядом школ расписной керамики ранних земледельцев, вполне отчетливо виден и в Чатал-Гуюке.[234] Правда, все эти явления отмечались еще и в пору верхнего палеолита, когда появились орнаментальные композиции, состоящие, например, из одних глаз и рогов бизонов.[235] Но лишь после победы неолитической революции значение орнаменталистической ритмики стало самодавлеющим, она превращается в господствующий стиль, определяющий весь облик нового искусства. Трудно судить, в какой мере это явление связано с развитием абстрактного мышления, усилением планового элемента и организованной цикличности в жизни ранних земледельцев.[236] Но не исключено, что в подобном объяснении имеется и известная доля истины. Однако это отнюдь не означало какого-то упадка или шага назад. Речь шла лишь о господстве новых приемов и средств художественной выразительности, достаточно эффективных и впечатляющих. Гнетущей обреченностью веет от фрески с орнаментализированными фигурами грифов, нависшими над жалкими фигурками безголовых людей.[237] Ритмика полосчатого заполнения пространства распростертыми крыльями птиц удачно решает задачу создания настроения. Интересно, что в открытой О. К. Бердыевым росписи джейтунского времени на Песседжик-Депе также сочетаются геометрические орнаменты и изображения животных (рис. 43).

И, наконец, новой важной чертой в искусстве Чатал-Гуюка является тема человека в ее различных аспектах. А. П. Окладников следующим образом характеризует такую тематику верхнепалеолитического искусства: «Человек в пещерных росписях представлен в виде жутких личин и существ смешанной природы, причудливо сочетающих реальные и фантастические черты полулюдей-полузверей... Человек ледникового времени не противопоставлял себя, как мы, миру зверей. И тем более он не чувствовал своего превосходства над зверем».[238] Как образно пишет А. А. Формозов, палеолитический ху-

[234] J. Mellaart. Çatal Hüyük, pl. 31, 36, fig. 24.
[235] А. П. Окладников. Утро искусства, стр. 58.
[236] В. Гаузенштейн. Искусство и общество. Пгр., 1923, стр. 36.
[237] J. Mellaart. Çatal Hüyük, fig. 47.
[238] А. П. Окладников. Утро искусства, стр. 116—117.

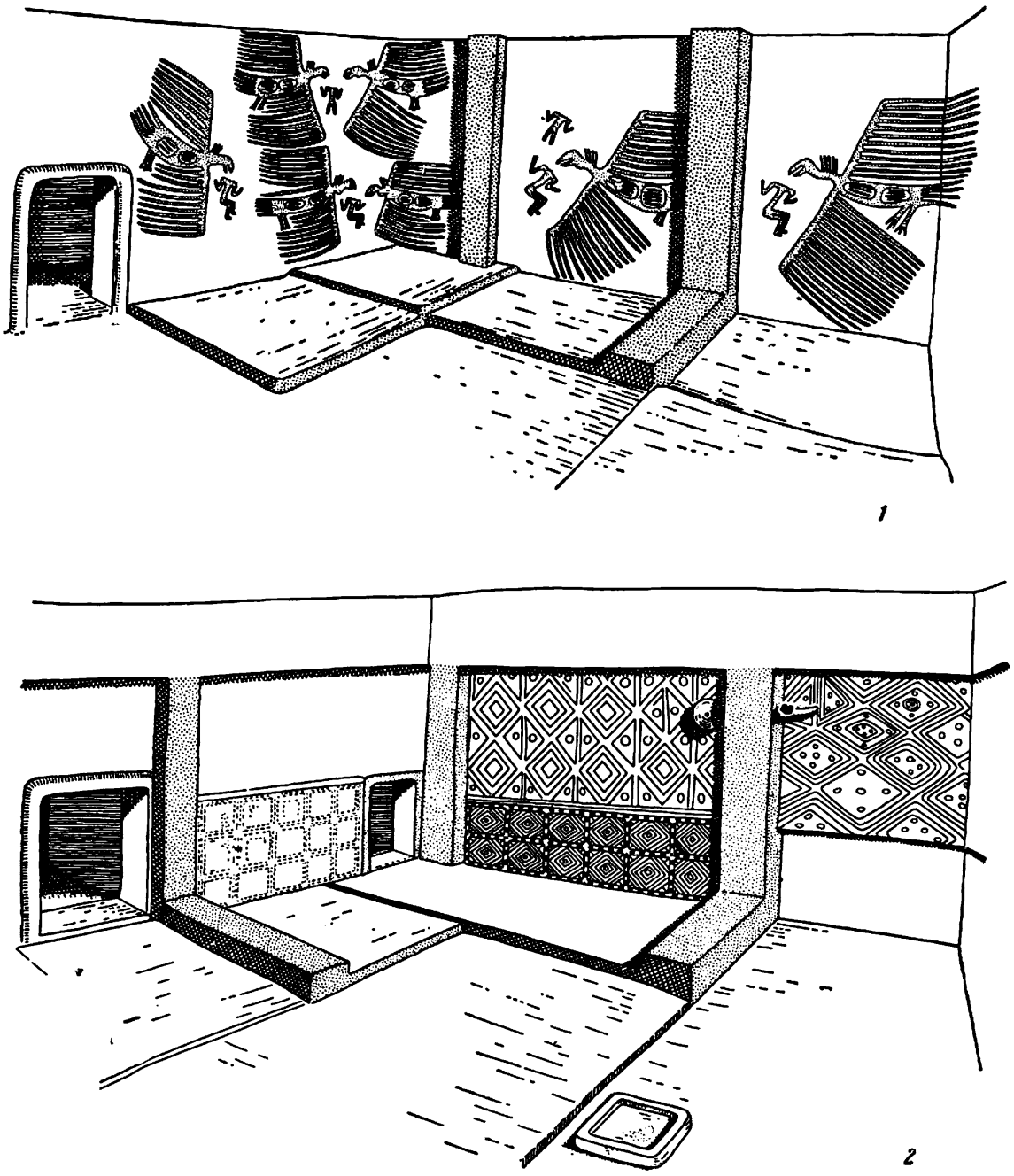

Рис. 42. Чатал-Гуюк.

1 — роспись святилища с грифами; *2* — роспись с геометрическим орнаментом.

дожник «не очеловечивал зверей, а, наоборот, как бы „озверивал" самого себя».[239]

В Чатал-Гуюке человек не только участник массовых охотничьих сцен, что, впрочем, имело место уже в пору мезолита. Теперь даже верховный дух, или божество, представленное рельефами почти во всех святилищах, также имеет антропоморфный облик, и принципиальное значение этого факта нельзя недооценивать.

Характерные изменения происходят и в мелкой пластике. Разумеется, стилистическая трактовка большинства женских статуэток Чатал-Гуюка с их уверенной пышностью обнаженных матрон, с элементами избыточного реализма тесно перекликается с эстетическими концепциями верхнепалеолитической скульптуры. Пожалуй, лишь мелкая пластика Телль-эс-Севана несет в себе черты той нивелирующей условности и схематичности, которая потом будет характеризовать большинство раннеземледельческих терракот. Но уже в Чатал-Гуюке присутствует новая черта — довольно детально проработанное лицо с крупным носом и удлиненно-миндалевидными глазами. В Телль-эс-Севане глаза подчеркиваются специальной инкрустацией. Между тем, как мы знаем, в палеолитической скульптуре изображение лица почти полностью отсутствует.[240] После победы неолитической революции не было никакой необходимости «озверивать» и маскировать человеческий образ. Человек, добившийся прорастания колоса из посаженного им зерна, одержавший принципиально важную победу над силами природы, достигает известной степени самоутверждения, что прямым образом отразилось в памятниках искусства. Именно образ земного победителя принимают небесные небожители. И хотя это пока еще не персонифицированная личность со своим собственным внутренним миром, а рядовой член коллектива, имеющий скорее этнические, чем индивидуальные черты, сущность происшедших перемен в высшей степени наглядна и показательна.

К числу наименее разработанных и трудно уловимых на чисто археологическом материале принадлежат вопросы социальных последствий неолитической революции, хотя, возможно, именно в этой сфере лежали ее наиболее важные результаты для истории человечества. Вместе с тем социальный аспект неолитической революции в большей мере реконструируется, чем непосредственно вытекает из имеющегося материала.

Представляется, что в этом плане последствия неолитической революции были особенно существенны в четырех отношениях. Во-первых, наличие устойчивого и постоянного прибавочного продукта, первоначально распределяемого в рамках традиционной общественной системы, создавало реальные условия для возникновения имущественного неравенства. Во-вторых, резкое повышение производительности труда отдельного индивидуума, а тем более отдельной семьи, создающих прибавочную стоимость, стало экономической предпосылкой возникновения эксплуатации. В-третьих, повышение общего благосостояния и возрастание конкретной результативности труда индивидуумов и семей вело ко все большему расширению сферы личной собственности и индивидуального пользования. И, наконец, сам характер новой экономики, особенно земледелия с его цикличностью, вел к усложнению организационных функций родового строя, повышению роли вождей-руководителей трудовых процессов и жрецов как кастовых хранителей традиционного опыта и начатков агротехнических знаний. Потенциально все это в конечном счете вело к подрыву самих основ первобытного строя, его разложению и гибели. Но только в конечном счете. Рассмотрение погребений земледельцев той поры, когда общество только начинало пожинать плоды неолитической революции, показывает, сколь незначительна была в нем имущественная дифференциация, и во всяком случае, сколь мало она отразилась в погребальных обрядах, обычно чутко реагирующих на первые формы неравенства, устанавливающегося на земле.

Собственно погребальный инвентарь встречается уже в могилах верхнего палеолита, где преобладают украшения, иногда имеющие культово-магическую символику.[241] Наиболее частыми находками являлись бусы, которыми, видимо, была расшита одежда, как

---

[239] А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства, стр. 19.

[240] З. А. Абрамова. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.—Л., 1966, стр. 89.

[241] С. Н. Замятнин. Очерки по палеолиту. М., 1961, стр. 33.

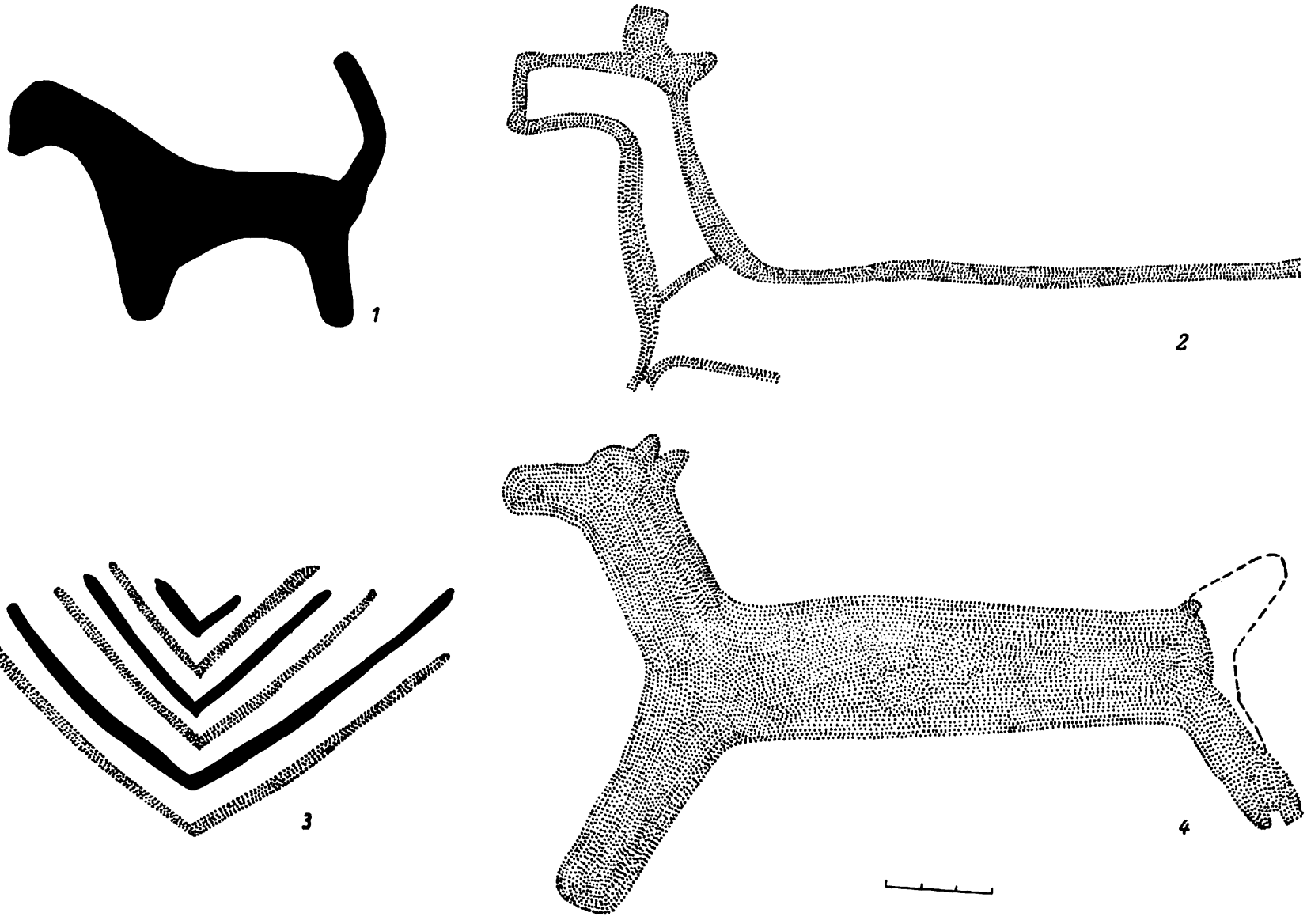

Рис. 43. Песседжик-Депе. Образцы росписи (*1*—*4*).

это имело место в погребении на стоянке Сунгирь.[242] Реже встречаются костяные и каменные орудия. Скорее всего в данном случае мы имеем дело с личной собственностью верхнепалеолитических людей, подобно тому как у австралийцев существует личная собственность на предметы индивидуального пользования — оружие, орудия, утварь, украшения. После смерти владельца вещи клали в могилу или передавали его ближайшим родственникам.[243] Личная собственность папуасов Новой Гвинеи распространялась также на одежду и украшения.[244] Существование института личной собственности в верхнем палеолите, а возможно, и в более ранний период едва ли может вызывать особые сомнения.

Погребальный инвентарь некрополя Телль-эс-Севана, где исследовано 129 могил,[245] характерен именно монотонным однообразием и малой вариабельностью. В основном здесь представлены бусы, алебастровые сосуды и каменные статуэтки. Лишь одна могила лишена погребального инвентаря полностью. Обычное число сосудов 2—5, но в одном случае имеется 7 сосудов (погр. 96). Определения по полу в опубликованном списке, к сожалению, не приведены, разница между инвентарем детских и взрослых погребений практически отсутствует. Интересно, что и у детей, и у взрослых, кстати, так же как в верхнем палеолите, встречены орудия труда: скребки, пряслица из битума, каменные кельты.

Более интересен погребальный инвентарь чатал-гуюкских могил.[246] Здесь отчетливо выступает, в частности, разделение труда по полу. Из орудий труда и оружия в погребениях мужчин обычны находки наконечников стрел и дротиков, обсидиановых кинжалов, скребков и, что весьма важно, серпов. У женщин и детей по большей части преобладают украшения и предметы туалета, но встречены также костяные ложки, предназначавшиеся, по мнению Д. Мелларта, для кормления детей, костяные кочедыки для плетения корзин и циновок, шлифованные каменные топоры миниатюрных размеров, каменные палетки для растирания краски. Совершенно ясно, что если мужчина был прежде всего охотником и земледельцем, то на женщине лежала основная тяжесть домашних промыслов и забот. Правда, в одном женском погребении найден также кинжал. Интересными являются находки в погребении печаток с несложными геометрическими узорами. Трудно судить, в какой мере они являлись знаками собственности, т. е. печатями в собственном смысле слова, в какой амулетами-оберегами. По сведениям, появившимся в печати, создается впечатление об отсутствии сколько-нибудь резкого деления погребений по богатству или бедности инвентаря. Не исключено, что погребение, содержавшее великолепный кинжал с резной костяной рукоятью (Д. Мелларт называет этот кинжал церемониальным), принадлежало какому-либо уважаемому персонажу, например жрецу. Но социальная дифференциация общества была, очевидно, в значительной мере делом будущего и во всяком случае еще не получила вещественной материализации.

Между прочим, на фоне эффектных некрополей Телль-эс-Севана и Чатал-Гуюка более чем скромно выглядят практически безинвентарные погребения джейтунской культуры. Видимо, уже в пределах раннеземледельческой ойкумены имелись общества разной степени благосостояния и в этой системе среднеазиатский Джейтун занимал одно из последних мест.

Резкое повышение производительности труда, пришедшее с неолитической революцией, таило в себе не только потенциальную возможность имущественной дифференциации общества, но было также чревато угрозой коллективному характеру производства. Н. А. Бутинов выступил с интересным понятием максимальной хозяйственной функции, т. е. функции, выполнение которой требует одновременного участия и объединения усилий всех членов общины.[247] В земледельческом обществе Новой Гвинеи (с исторической точки зрения его даже можно было назвать раннеземледельческим) такой макси-

---

[242] О. Н. Бадер. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь. СА, 1967, № 3.

[243] Народы Австралии и Океании, стр. 183—184.

[244] В. М. Бахта. Общественное производство..., стр. 13.

[245] F. El-Wailly, B. Abu es-Soff. The Excavations..., pp. 25—28.

[246] J. Mellaart. 1) Excavations at Çatal Hüyük, 1963. Third Preliminary Report. AS, v. XIV, 1964, pp. 92—97; 2) Çatal Hüyük, pp. 204—209.

[247] Н. А. Бутинов. Разделение труда..., стр. 137.

мальной хозяйственной функцией является расчистка участка леса, для чего был необходим труд всех жителей поселка. Тогда как в дальнейшем хозяйственные функции практикуемой формы земледелия требуют значительно меньшего числа участников. Соответствующим образом поселок и распадается на группы семей, именуемых Н. А. Бутиновым (едва ли удачно) субкланами, которые и являются основной ячейкой общества.[248] Реальная производственная связь принимала в тогдашних условиях форму родственной связи. Очевидно, аналогичное явление имело место и в раннеземледельческих обществах Ближнего Востока. Не исключено, что именно из таких групп, объединявших 2—4 парные семьи и имевших свое святилище, и состояло население Чатал-Гуюка. Недаром по подсчетам Д. Мелларта на одно сятилище в нем приходится 2—6 жилых домов.[249] Анализ планировки Джейтунского поселка тоже дает основание говорить о выделении здесь подобных групп семей (см. выше, стр. 107), хотя возведение собственного святилища для них было непозволительной роскошью. В конечном итоге повышение производительности труда в земледелии приведет к тому, что именно индивидуальная семья станет самообеспечивающейся единицей, что будет означать крушение самих основ первобытного строя. Но, как и многое другое, это было лишь потенциальной возможностью, которую нес экономический переворот, названный Г. Чайлдом неолитической революцией. Пока же общества, одержавшие эту одну из величайших в истории человечества побед, пожинали плоды достигнутых успехов в рамках первобытнообщинного строя. Можно без преувеличения сказать, что именно с неолитической революцией наступает пора его наивысшего, хотя и финального расцвета.

[248] Там же, стр. 139—140. См. также: В. М. Бахта. Общественное производство..., стр. 12.

[249] J. Mellaart. Çatal Hüyük, p. 70.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные материалы ясно свидетельствуют, что сам Джейтун и вся джейтунская культура в целом являются лишь частным проявлением общих закономерностей развития общества. В ряде отношений среднеазиатские материалы существенно дополняют изучение этих общих закономерностей, особенно благодаря сплошному вскрытию всего древнего поселка. На ряде явлений культуры джейтунских памятников лежит печать периферийной обедненности. Но тем не менее и здесь, как и во многих других случаях, явственно выступают качественно новые черты той эпохи, в которую человечество вступило с переходом к производящей экономике.

Ф. Энгельс прозорливо назвал именно земледелие и скотоводство определяющими чертами новой эпохи, именовавшейся им вслед за Л. Морганом варварством. Не следует забывать, что эта периодизация сложилась почти на заре археологии и основные факты доисторического развития человечества, ныне добытые археологами, в конце XIX в. были в основном неизвестны. Новые материалы с еще большей силой подчеркнули принципиальную, качественную разницу двух эпох и позволили Г. Чайлду выступить с термином «неолитическая революция». Прилагательное «неолитическая» в этом термине носит во многом условный характер, что прекрасно сознавал и сам Г. Чайлд, неоднократно заключая его в кавычки. Новые материалы еще в большей мере разрывают привычное содержание традиционных терминов, и стало чуть ли не модой ниспровержение неолита и мезолита. Действительно, в Малой Азии, например, металл и керамика появляются по крайней мере одновременно, а техника шлифованного камня, единичная в верхнепалеолитических комплексах, в мезолите Ближнего Востока становится устойчивой традицией. Однако на этом основании едва ли следует отказываться от традиционной и во многом удобной терминологии в угоду словотворчеству с претензией на оригинальность. Надо лишь отказаться от тенденции видеть в термине «неолит» обозначение универсальной исторической эпохи, поскольку в практике археологического словоупотребления неолитическими могут быть общества, стоящие на разных этапах развития, например земледельческо-скотоводческие и охотничье-рыболовческие. Неолит — это прежде всего термин археологической классификации. Для рассмотренных нами обществ под ним удобнее всего понимать ранний период развития земледельческо-скотоводческих общин.[1] Именно в таком условном значении употребляется в данной книге термин «неолит» в понятии «неолитическая революция». Представляется, что точное определение содержания понятия, чему в предшествующих главах было уделено посильное внимание, куда важнее терминологической сутолоки.

Для рассмотрения характера и хода неолитической революции в настоящем издании был по возможности использован материал древнейших культур Старого и Нового Света, освещающих это явление «в чистом виде». Соответствующий анализ ясно показывает, что неолитическая революция — генеральный путь развития человечества к раннеклассовому обществу. По существу стук мотыг первых земледельцев в горах Курдистана возвещал закладку фундамента цивилизации, хотя во многом это были лишь потенциальные возможности нового пути, для осуществления которых требовались определенные условия и длительный отрезок вре-

---

[1] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 84; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, стр. 8—9.

мени. Однако не случайно то обстоятельство, что в зоне древнейших очагов неолитической революции мы находим затем и первые раннеклассовые общества Старого и Нового Света. Именно переход к земледельческо-скотоводческой экономике, когда сокращается необходимое рабочее время и резко повышается общественное благосостояние, положил начало той цепной реакции совершенствования домашних производств, которая в конечном итоге привела к отделению ремесла от земледелия. Формирование зачатков раннеклассовых отношений на базе охотничье-рыболовческого хозяйства у индейцев северо-западного побережья Северной Америки лишь подтверждает общую закономерность генеральной линии развития через неолитическую революцию. Этого уровня развития северо-западные племена достигли на несколько тысячелетий позднее своих соплеменников, совершивших на Мексиканском плато поистине революционный скачок. Сложность и многообразие конкретной истории отнюдь не должны заслонять основных закономерностей исторического процесса, и для правильного освещения этих закономерностей понятие «неолитическая революция» имеет первостепенное значение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАХОДОК ПО КОМПЛЕКСАМ

Хозяйственно-жилые комплексы	Орудия из кремня												Орудия из кости								
	микроскребки			концевые скребки			скребки на отщепах			боковые скребки			проколки и иглы			скребки на лопатках			сверла		
	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях
I. Пом. 57	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
II. Пом. 16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
III. Пом. 43	—	—	—	1	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
IV. Пом. 30	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
V. Пом. 41	1	1	—	—	1		—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
VI. Пом. 42	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
VII. Пом. 46	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
VIII. Пом. 44	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
IX. Пом. 32	2	—	—	1	—	—	—	—	—	9	—	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—
X. Пом. 31	3	—	—	1	—	—	—	—	—	7	1	4	—	—	—	—	—	—	2	1	1
XI. Пом. 58	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—
XII. Пом. 60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
XIII. Пом. 51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
XIV. Пом. 20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	1	—	—	1	—
XV. Пом. 22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—
XVI. Пом. 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
XVII. Пом. 17	2	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	1	2	—	—	—	1	1	1	3
XVIII. Пом. 4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	4	—	5	—	—	10	2	2	—
XIX. Пом. 61	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
XX. Пом. 50	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XXI. Пом. 56	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XXII. Пом. 7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—
XXIII. Пом. 26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
XXIV. Пом. 10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	0	2	—	—	—	—	—	1	—	—
XXV. Пом. 6	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	3	2	—	—	2	—
XXVI. Пом. 15/18	3	1	—	—	—	—	—	—	—	3	3	—	—	1	—	1	—	—	4	2	1
XXVII. Пом. 74	2	—	—	—	—	—	1	—	—	5	—	—	1	—	—	2	—	—	1	—	—
XXVIII. Пом. 69	1	—	—	—	—	—	—	—	—	5	3	—	2	—	—	1	—	—	1	1	—
XXIX. Пом. 66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XXX. Пом. 24	4	2	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	4	—	—	3	—	—	1	—	—

Продолжение

Хозяйственно-жилые комплексы	Обработка керамики									Обработка дерева														
	нуклеусы			отжимники-ретушеры			отбойники			топоры			скобели			резчики-скобели			развертки			пилки		
	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях	во дворах	в домах	в хозяйственных помещениях
I. Пом. 57	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	2	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—
II. Пом. 16	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—
III. Пом. 43	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
IV. Пом. 30	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—
V. Пом. 41	1	1	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
VI. Пом. 42	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
VII. Пом. 46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	3	1	—	3	—	—	—	1	—	—	—	—
VIII. Пом. 44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
IX. Пом. 32	2	1	—	2	2	1	—	—	—	1	—	—	4	—	—	3	—	—	—	—	—	2	—	—
X. Пом. 31	2	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—	1
XI. Пом. 58	7	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	1	0	—	—	—	—	—	—
XII. Пом. 60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XIII. Пом. 51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XIV. Пом. 20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XV. Пом. 22	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XVI. Пом. 1	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—
XVII. Пом. 17	1	—	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	2	—	3	4	1	—	—	—	—	—	—
XVIII. Пом. 4	1	—	—	1	4	—	1	—	—	—	—	—	1	4	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—
XIX. Пом. 61	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XX. Пом. 50	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XXI. Пом. 56	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XXII. Пом. 7	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
XXIII. Пом. 26	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XXIV. Пом. 10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1	—	—	—	—	1	—	—	3	—	—
XXV. Пом. 6	—	9	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	2	1	1	—	—	—	1	—	—
XXVI. Пом 15/18	4	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	3	2	—	—	—	—	—	—	—
XXVII. Пом. 74	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XXVIII. Пом. 69	2	3	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	3	2	1	—	—	—	2	2	—	—	—	—
XXIX. Пом. 66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XXX. Пом. 24	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	—	3	—	—	—	—	—	1	—	—

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ИАН ТССР	— Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества Академии наук СССР. Ленинград.
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. Москва.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Москва—Ленинград.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва—Ленинград.
МЮТАКЭ	— Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников. Москва—Ленинград.
СЭ	— Советская этнография.
ТИИАЭ	— Труды Института истории археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
ТПЭ	— Труды Института этнографии Академии наук СССР.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
LAAA	— Annals of Archaeology and Anthropology. Liverpool.
AS	— Anatolian Studies. London.
BASOR	— Bulletin of American School for Oriental Research. Jerusalem—Baghdad.
BSPF	— Bulletin de la Société Prehistorique Française. Paris.
IEJ	— Israel Explorations Journal. Jerusalem.
ILN	— Illistration London News.
JNES	— Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
JSA	— Journal de la Société des Americanistes. Paris.
MDAFA	— Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan. Cairo—Paris.
OIP	—Oriental Institute Publications. The Oriental Institute. University of Chicago.
PEQ	— Palestine Exploration Quarterey. London.
PPS	— Proceedings of the Prehistoric Society. London.
SAOC	— Studies in Ancient Oriental Civilization. The Oriental Institute. Uneversity of Chicago.
VFPA	— Viking Fund Publication in Anthropology. New York—Chicago.

ТАБЛИЦЫ I—XLII[1]

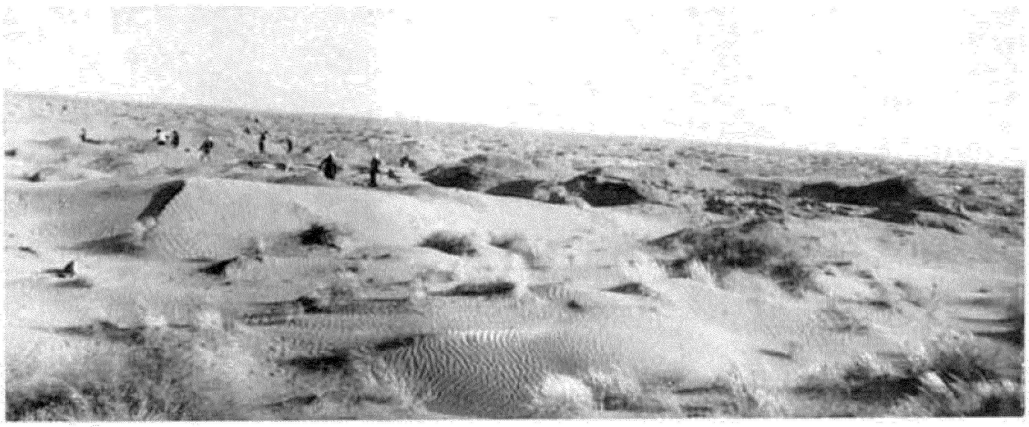

Таблица I. Джейтун. Общий вид памятника и работы на западной окраине.

[1] В подписях к таблицам XI—XLII отмечены места находок только тех изделий, которые зафиксированы на плане в неперемещенном состоянии.

Таблица II. Пом. 32 и 20.

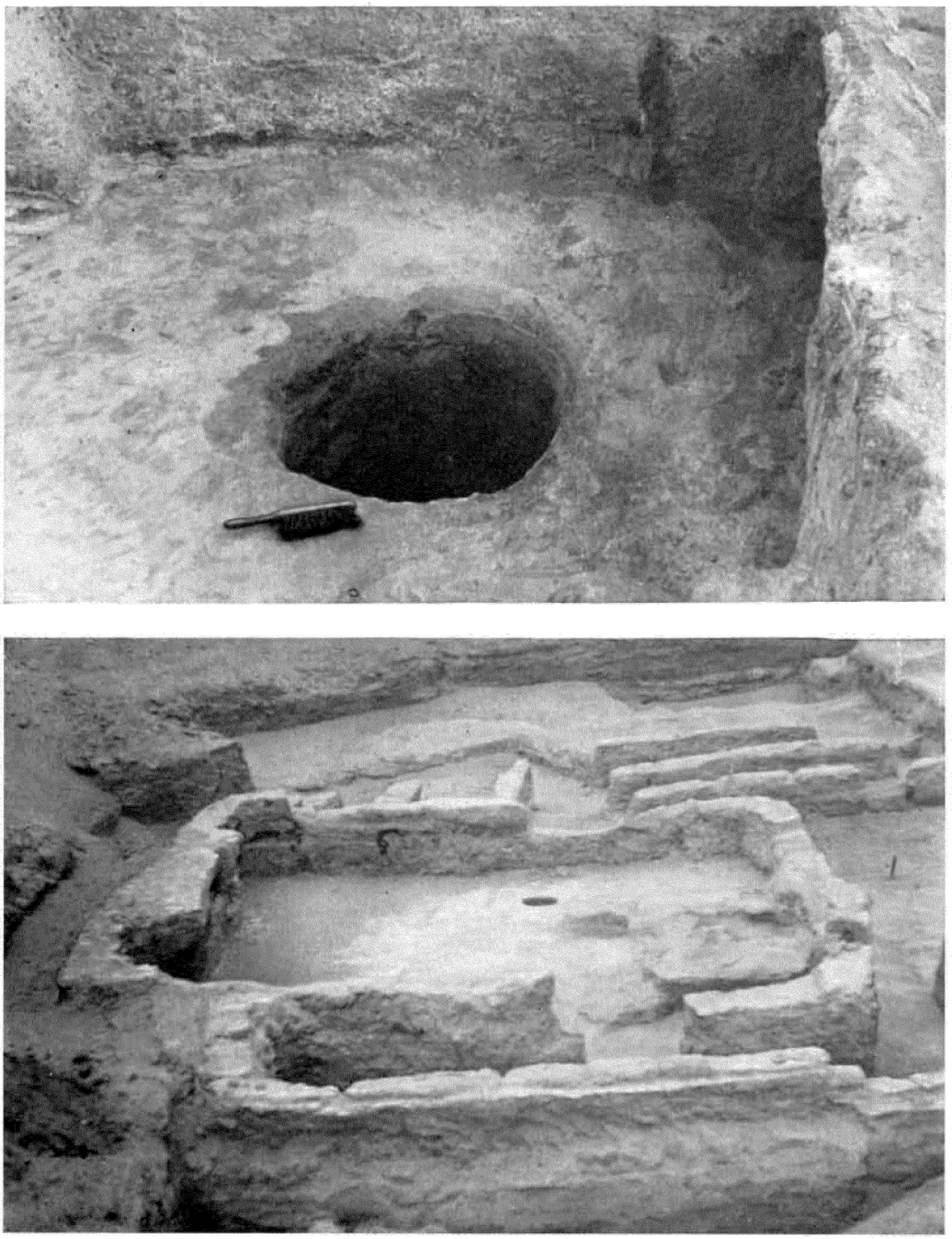

Таблица III. Пом. 1 и хозяйственная яма в пом. 17.

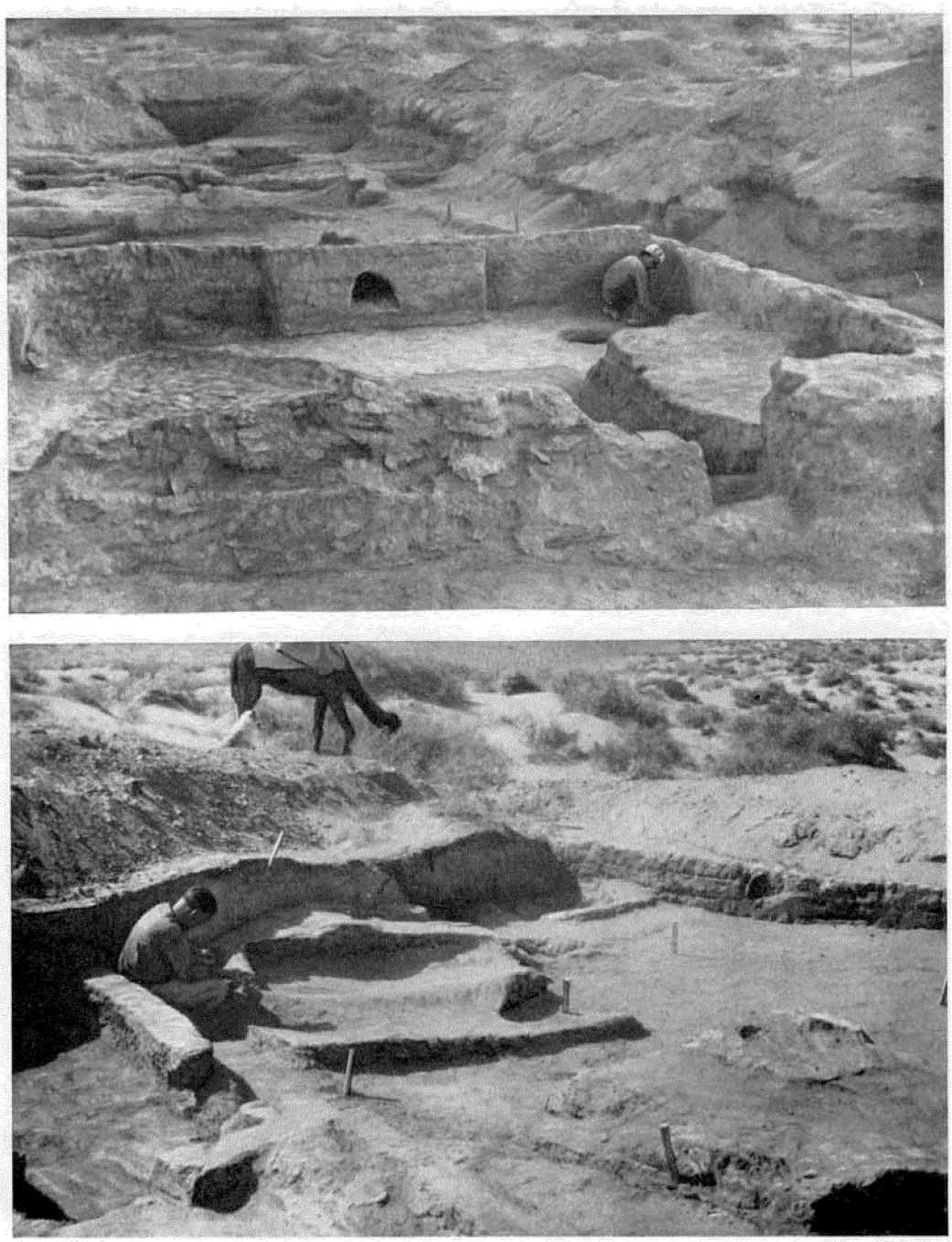

Таблица IV. Пом. 17 и раскопки двора к северу от пом. 1.

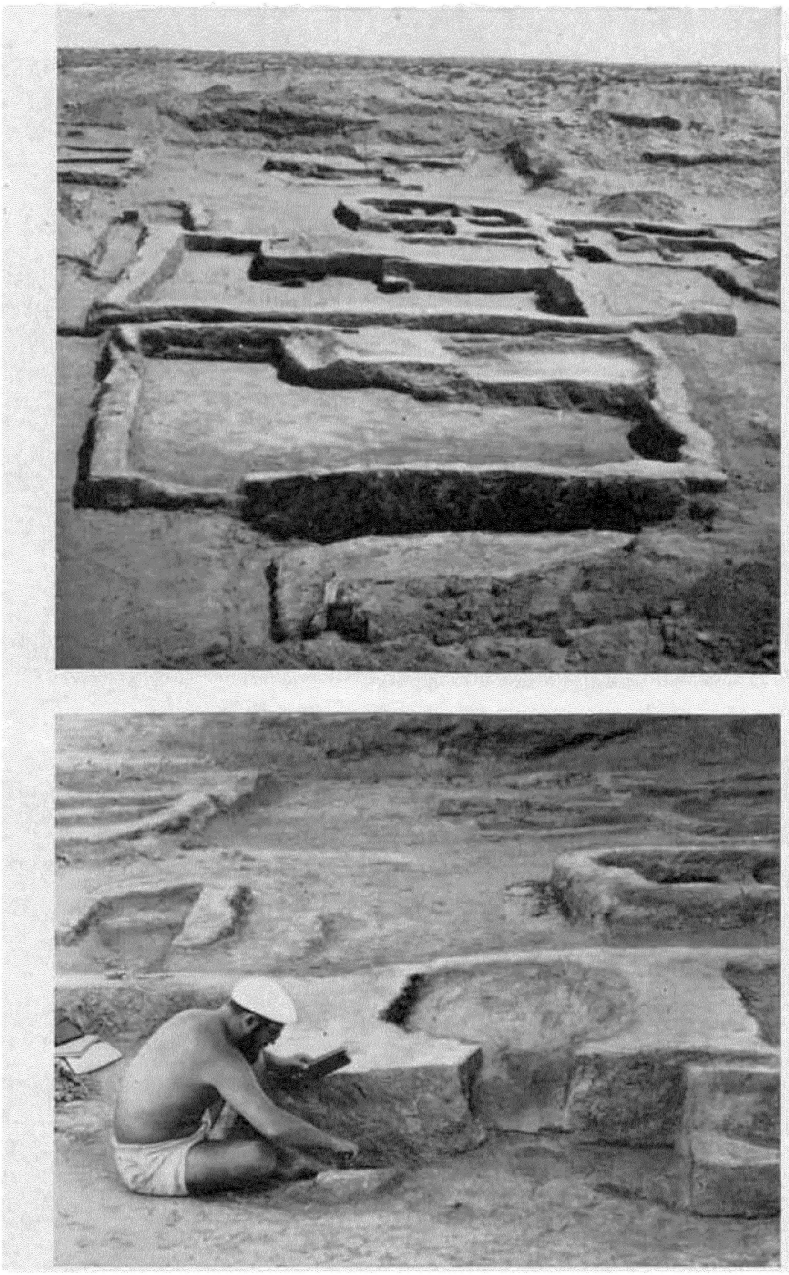

Таблица V. Пом. 50, 61 и очаг в пом. 61.

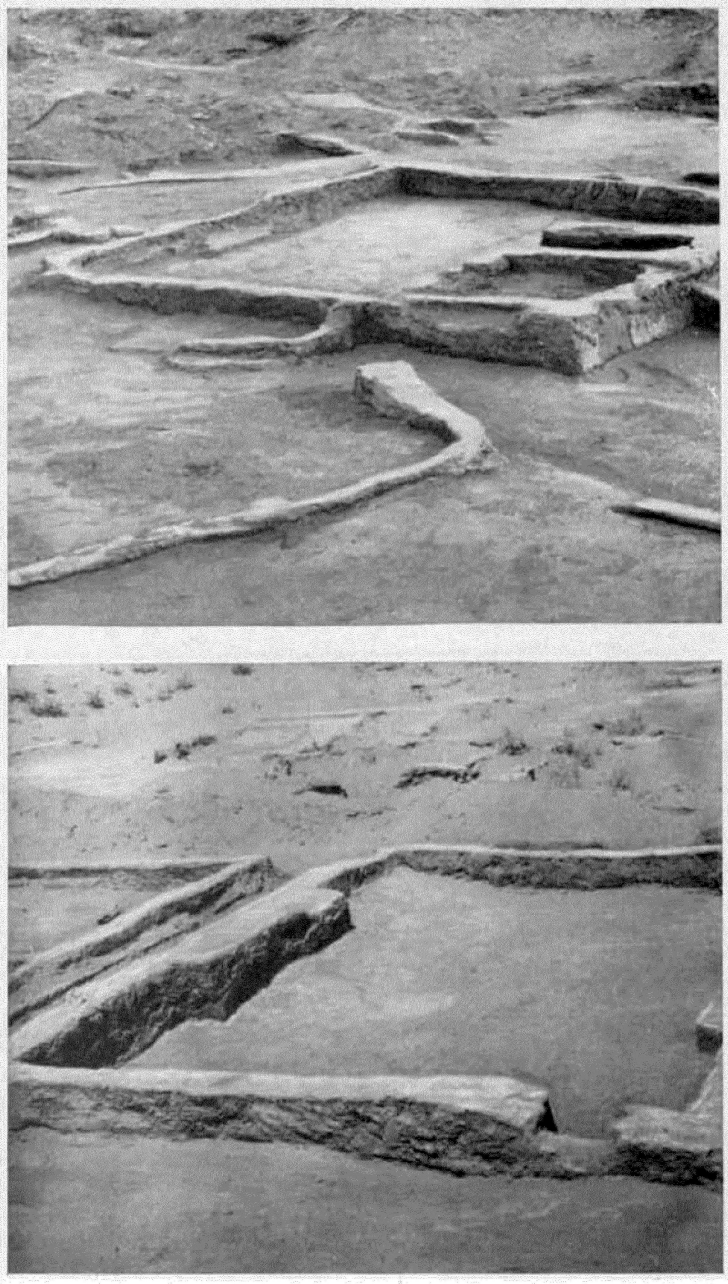

Таблица VI. Пом. 61 и 69.

Таблица VII. Пом. 7 и ступка в пом. 28.

Таблица VIII. Пом. 7 и общий вид центральной части поселения.

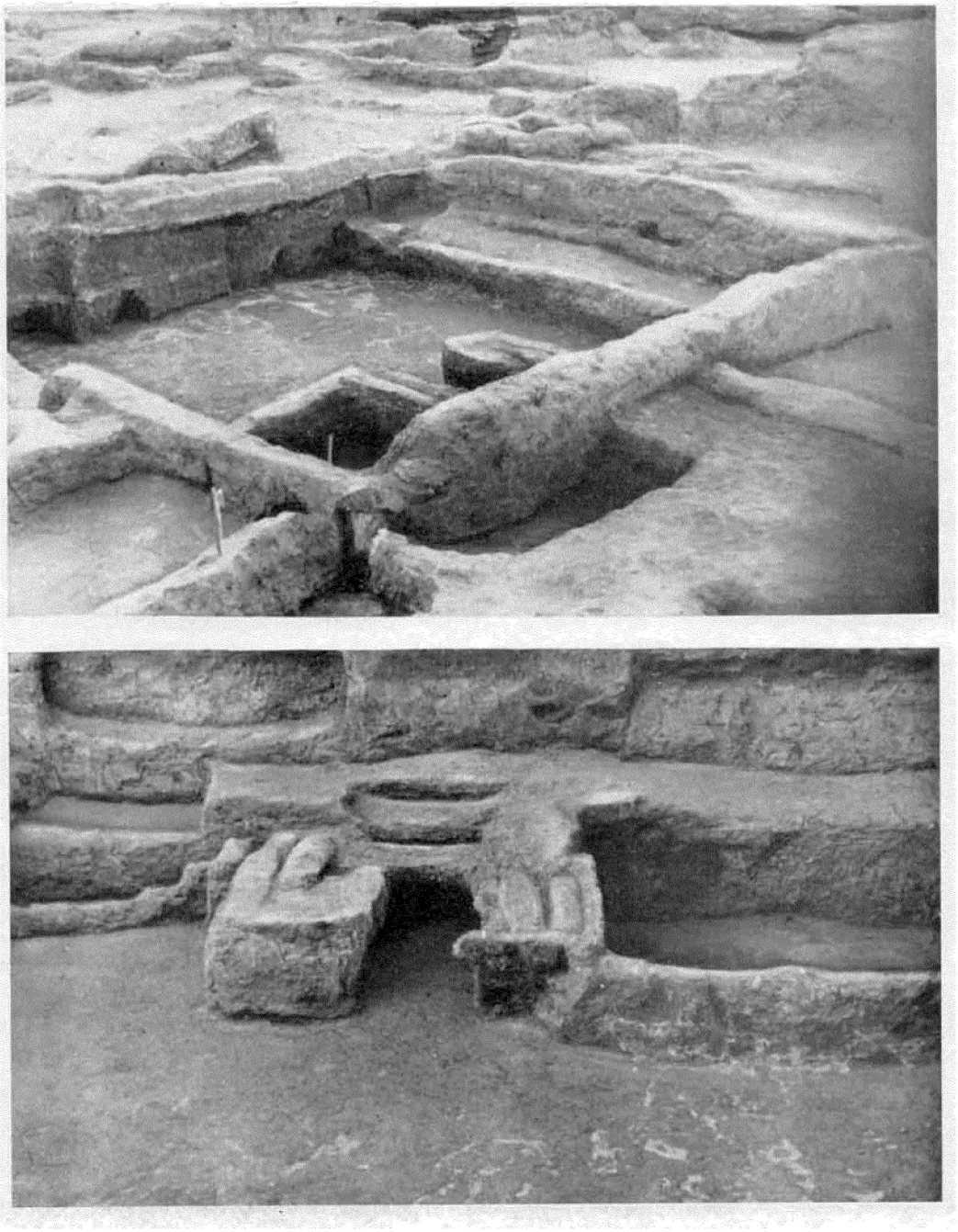

Таблица IX. Пом. 6 и очаг в нем.

(Таблица X на стр. 177)

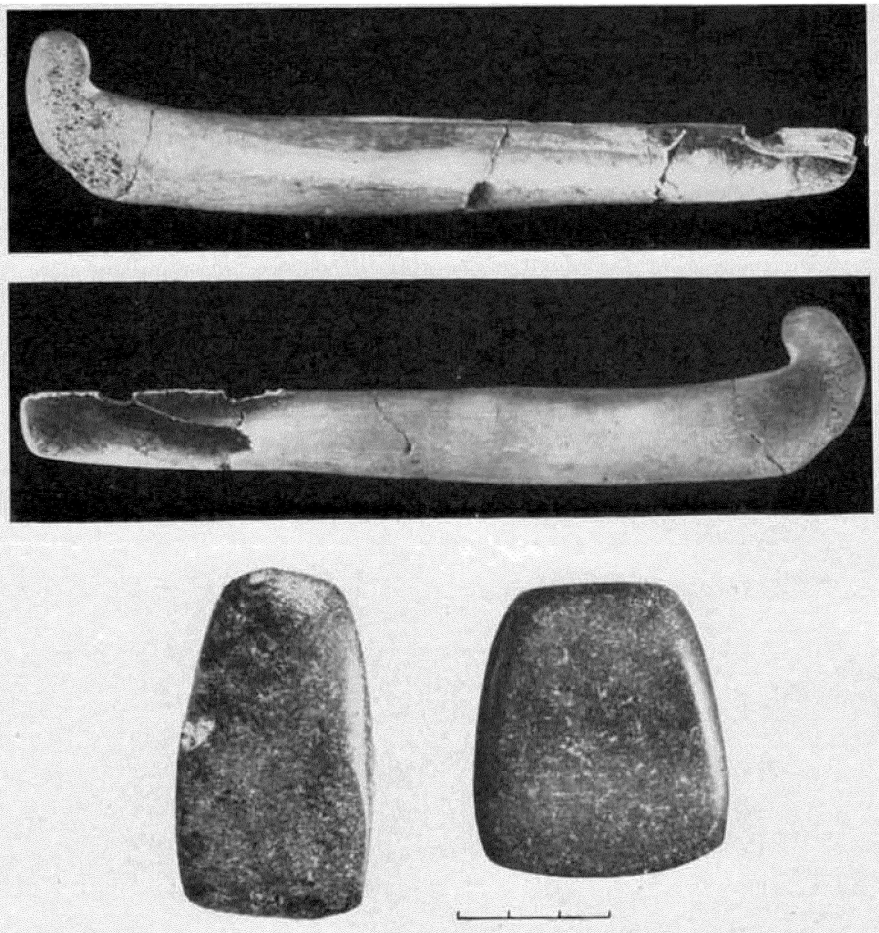

Таблица XIV. Костяная основа серпа с Чопан-Депе и каменные топоры с Джейтуна.

Таблица XXXIII. Глиняные сосуды.

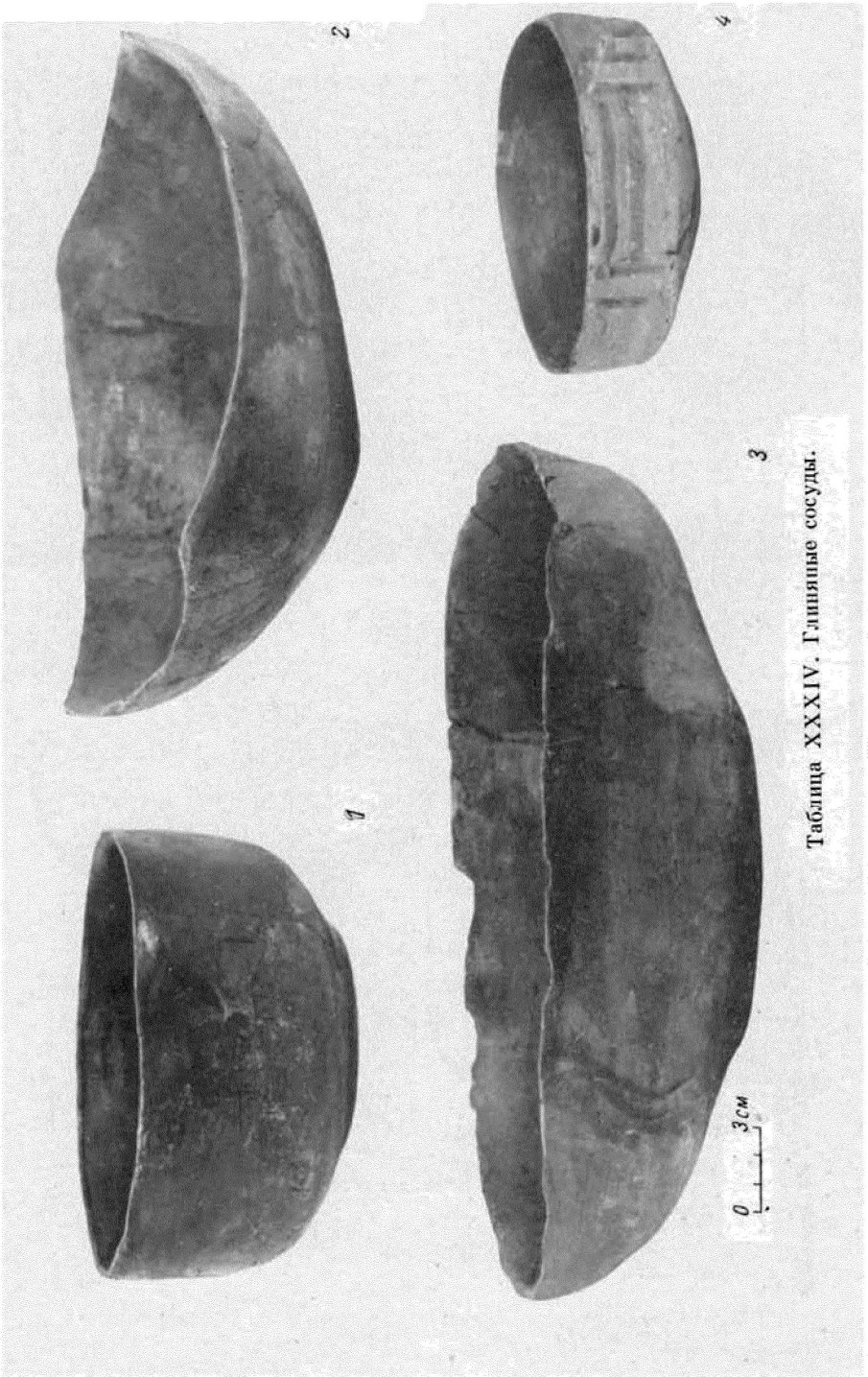

Таблица XXXIV. Глиняные сосуды.

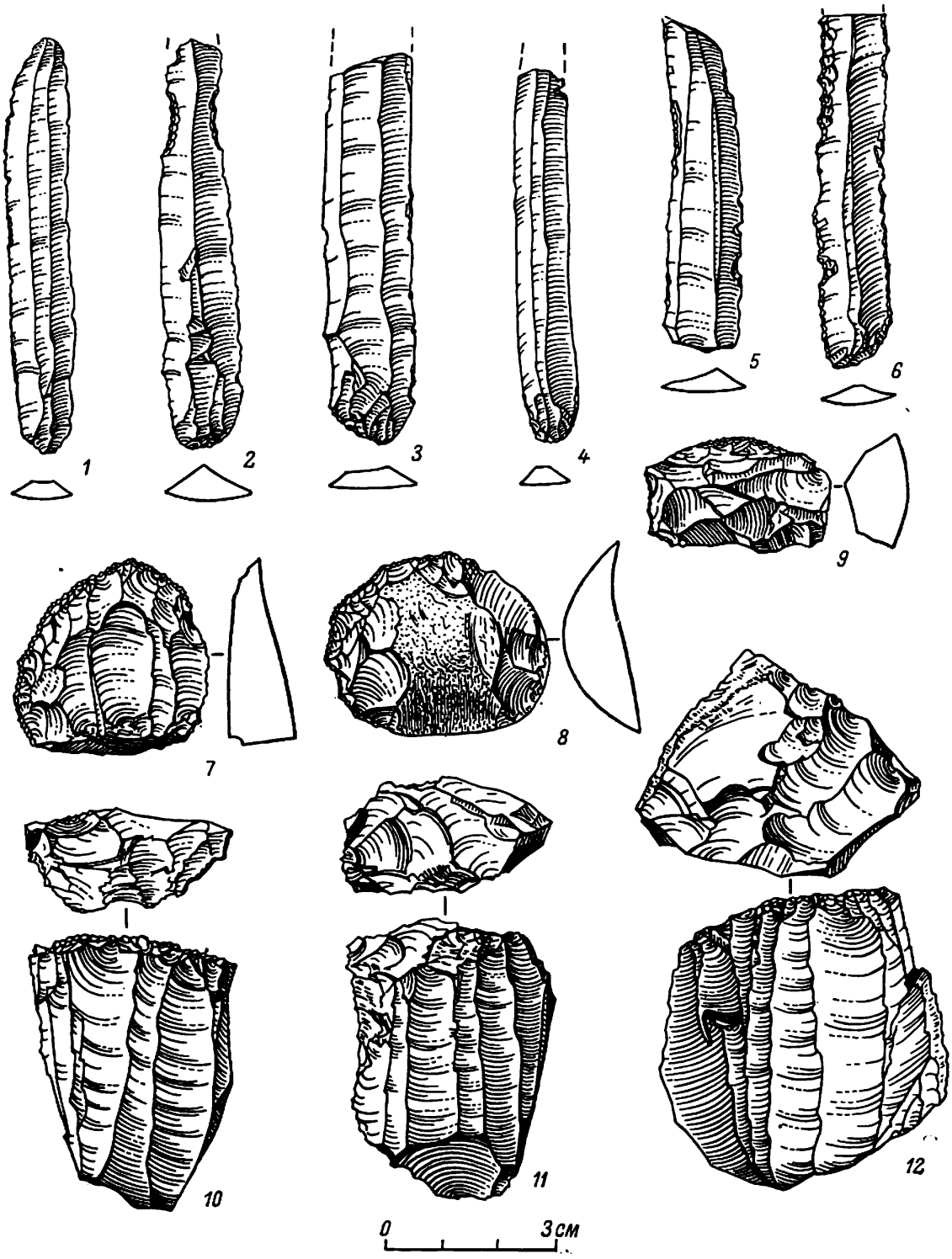

Таблица X. Нуклеусы и кремневые пластины.

1 — двор пом. 15/18; *2* — пом. 8; *3* — западнее пом. 30; *4* — двор пом. 10; *5* — восточная окраина (за пределами строений); *6* — двор пом. 15/18; *7* — севернее пом. 69; *8* — двор пом. 15/18; *9* — двор пом. 10; *10* — южнее пом. 27; *11* — пом. 28; *12* — пом. 50.

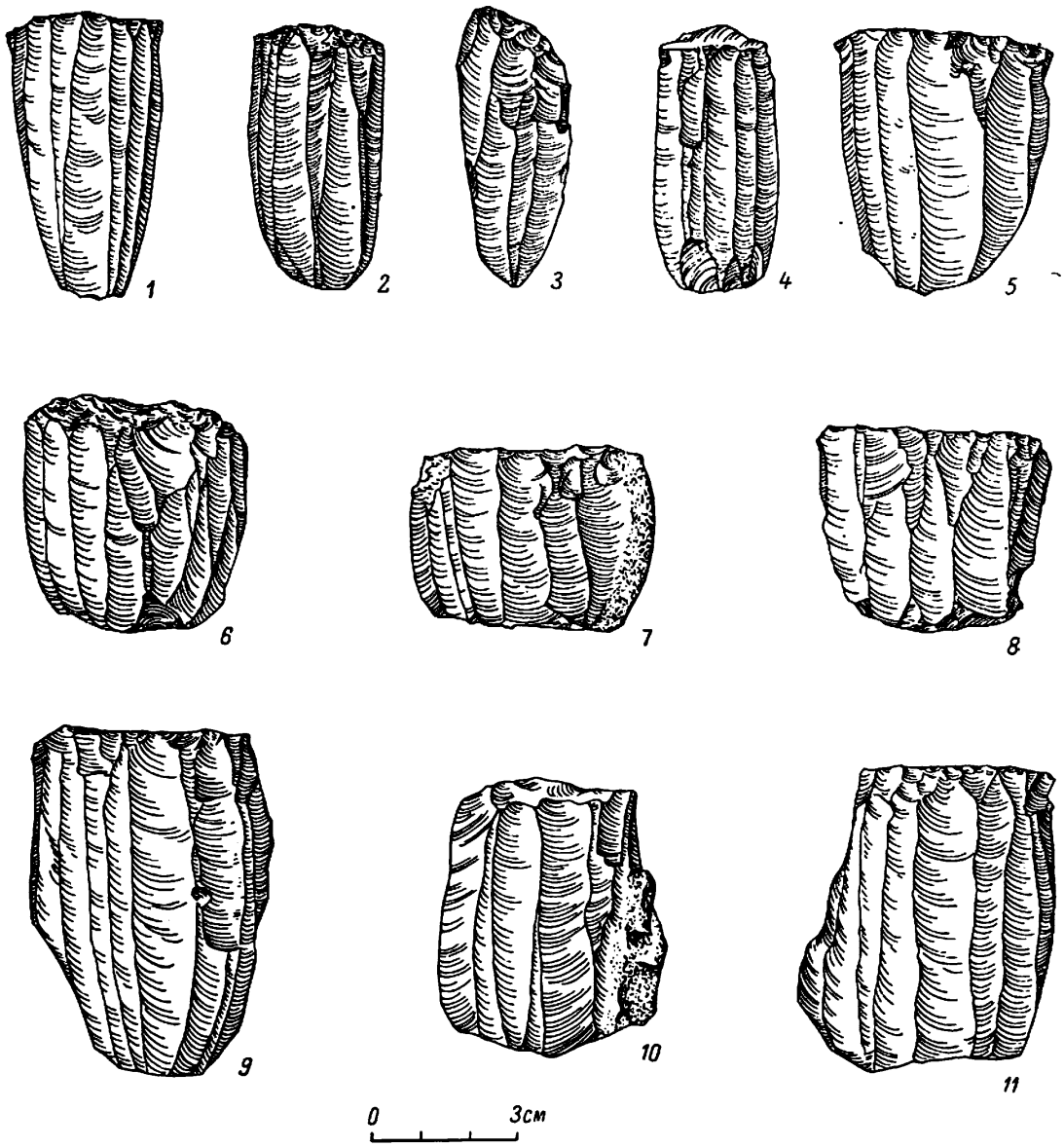

Таблица XI. Нуклеусы.

1 — двор пом. 22; *2*, *9*, *11* — пом. 6; *3*, *7* — пом. 1; *5* — двор пом. 4; *6* — пом. 17; *8* — пом. 17.

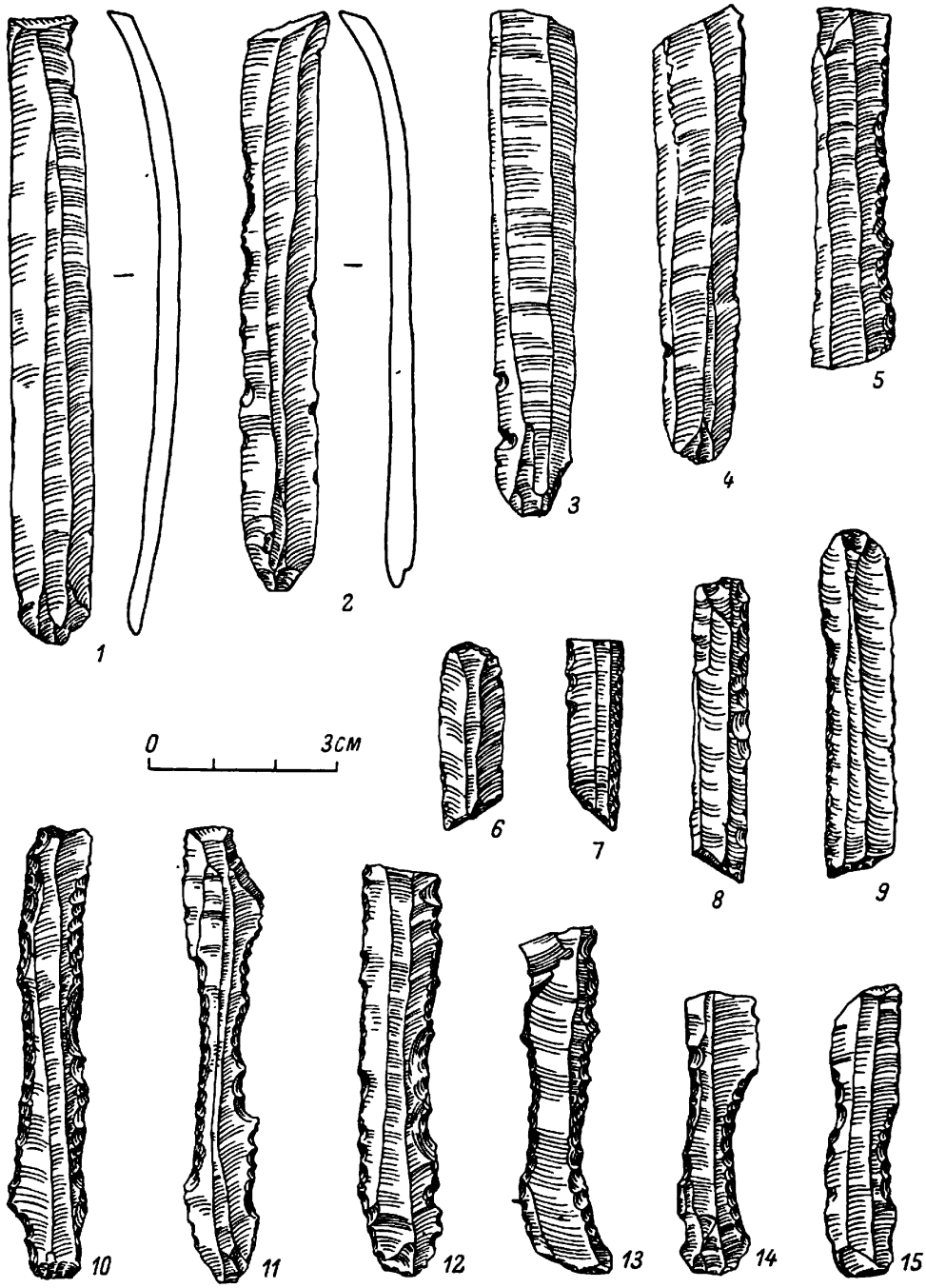

Таблица XII. Кремневые орудия.

1, *10* — между пом. 1 и 22; *3* — пом. 3; *4* — между пом. 25 и 28; *6* — юго-западнее пом. 16; *7* — пом. 20; *9* — двор пом. 50; *11* — пом. 7; *12* — у западной стены пом. 4; *13* — восточнее пом. 22; *14* — пом. 17; *15* — шурф, V ярус.

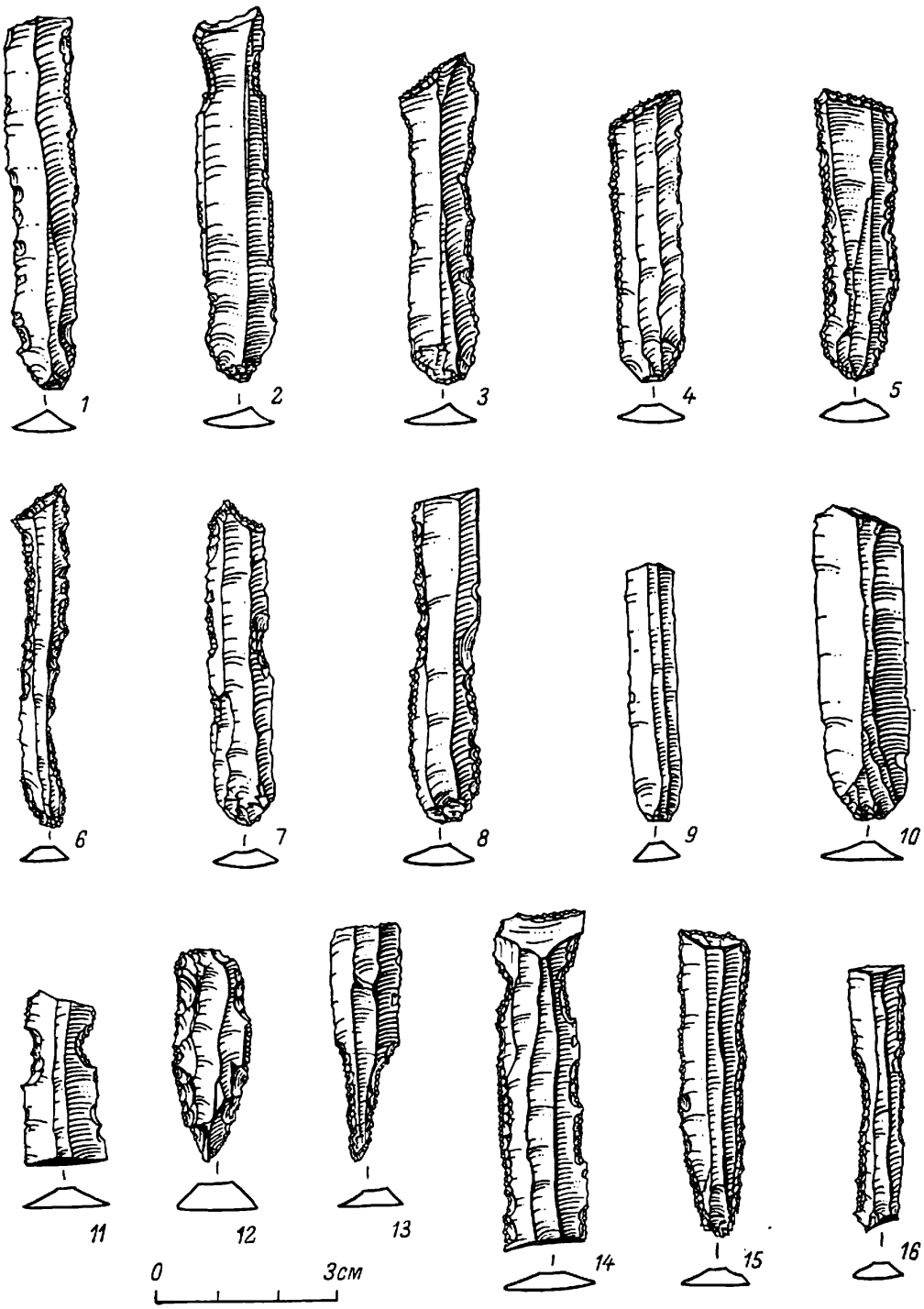

Таблица XIII. Кремневые орудия.

1 — восточнее пом. 69; *2* — севернее пом. 73; *3* — пом. 46; *4* — пом. 37; *5* — восточнее пом. 69; *6* — пом. 66; *7* — южнее пом. 38; *8, 10* — пом. 33; *9* — «платформа А»; *13* — пом. 67; *14* — южнее пом. 62; *15* — пом. 56; *16* — двор пом. 41.

(Таблица XIV на стр. 174)

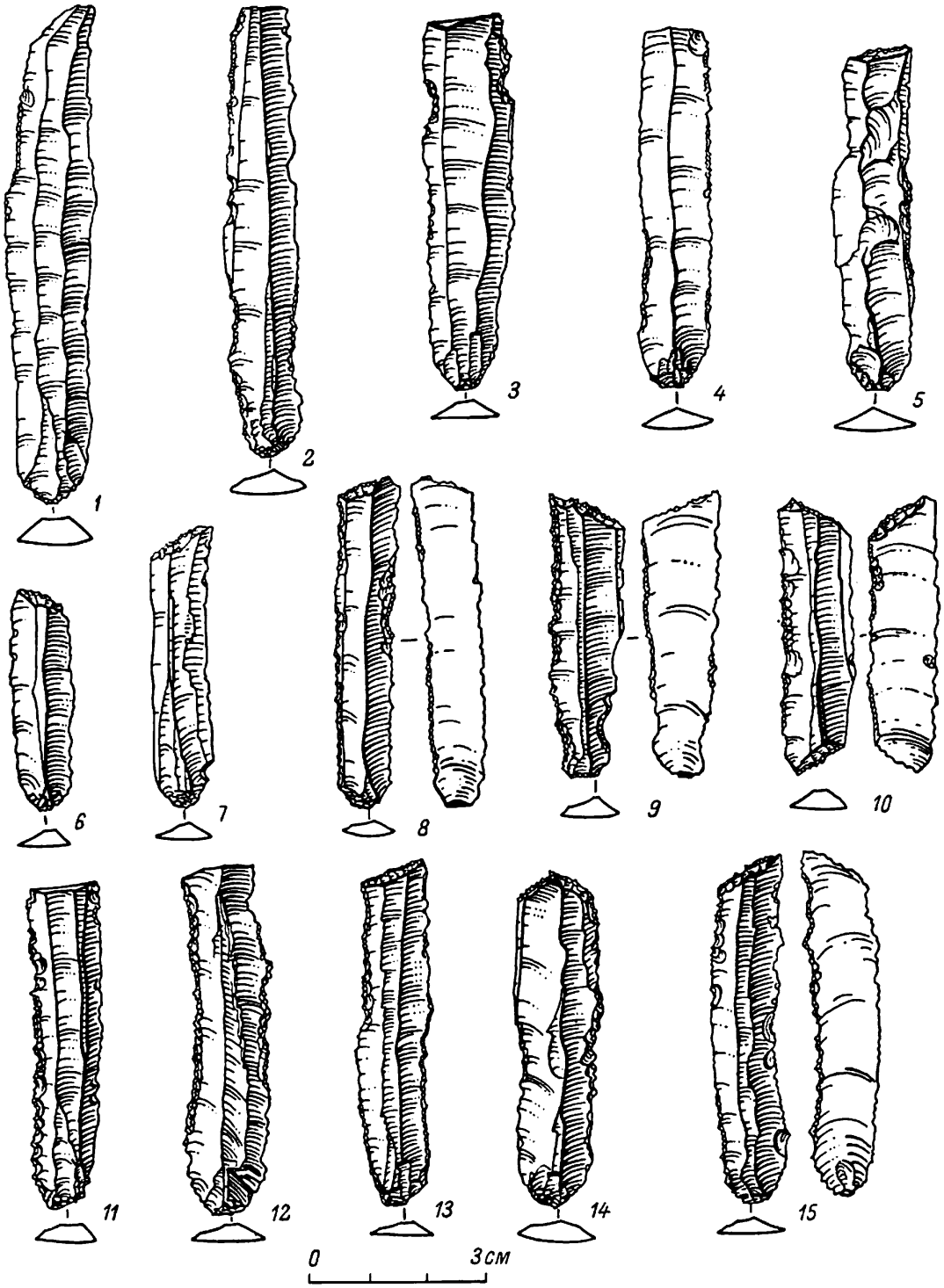

Таблица XV. Вкладыши серпов.

1 — восточная окраина (за пределами строений); *2* — двор пом. 41; *3* — двор пом. 9; *4* — пом. 40; *5* — пом. 44; *6* — двор пом. 41; *7* — двор пом. 15—18; *8*, *10*, *11*, *13* — двор пом. 32; *9* — пом. 8; *12* — двор пом. 61; *15* — севернее пом. 69.

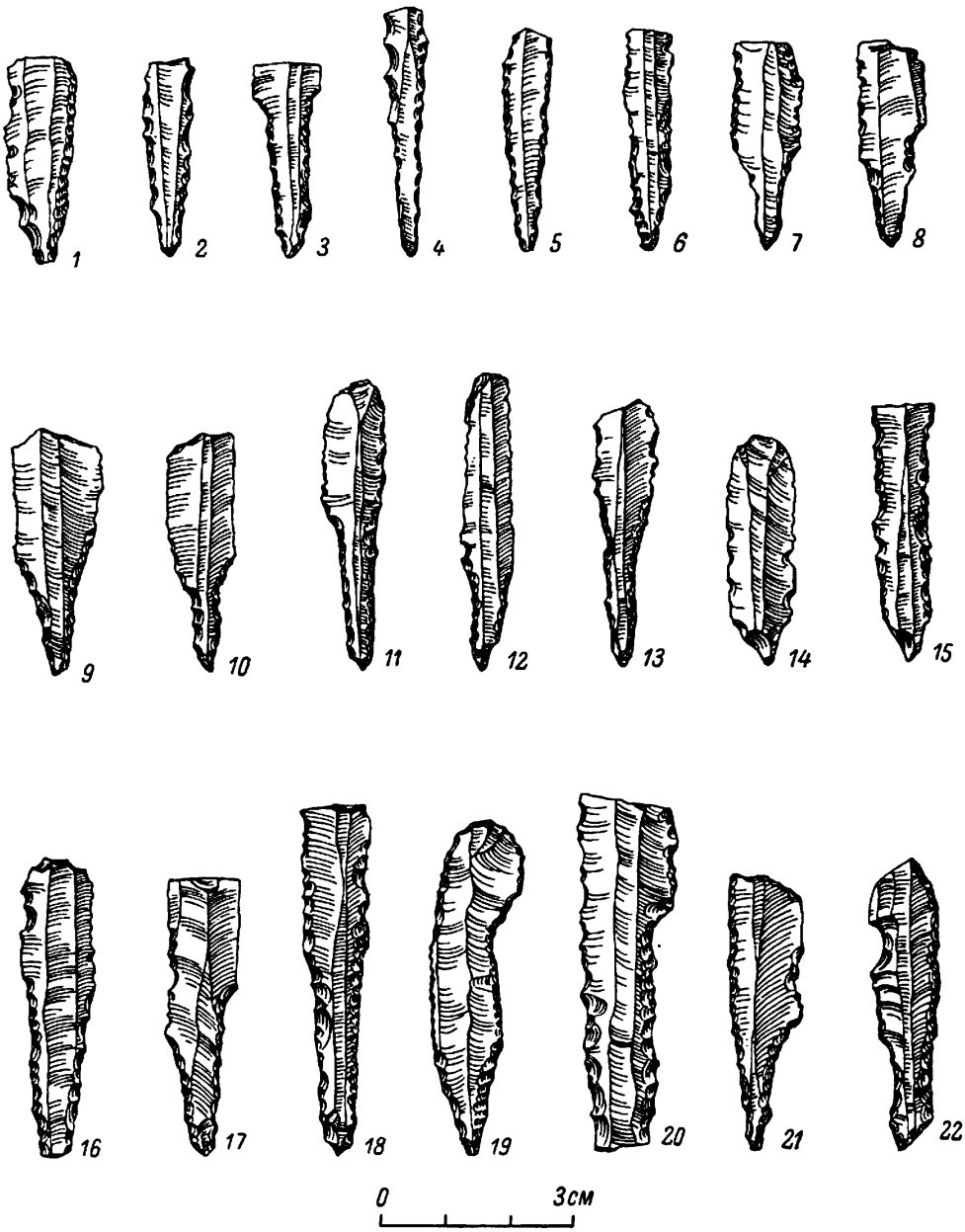

Таблица XVI. Кремневые орудия.

3 — западнее пом. 16; *4* — севернее пом. 69; *5* — пом. 15; *6* — северо-западнее пом. 16; *8* — двор пом. 13; *9* — двор пом. 17; *11* — пом. 17; *13* — пом. 4; *14* — пом. 14; *15* — юго-западнее пом. 16; *16* — пом. 6; *18* — между пом. 6 и 10; *19*, *22* — двор пом. 4; *21* — пом. 20.

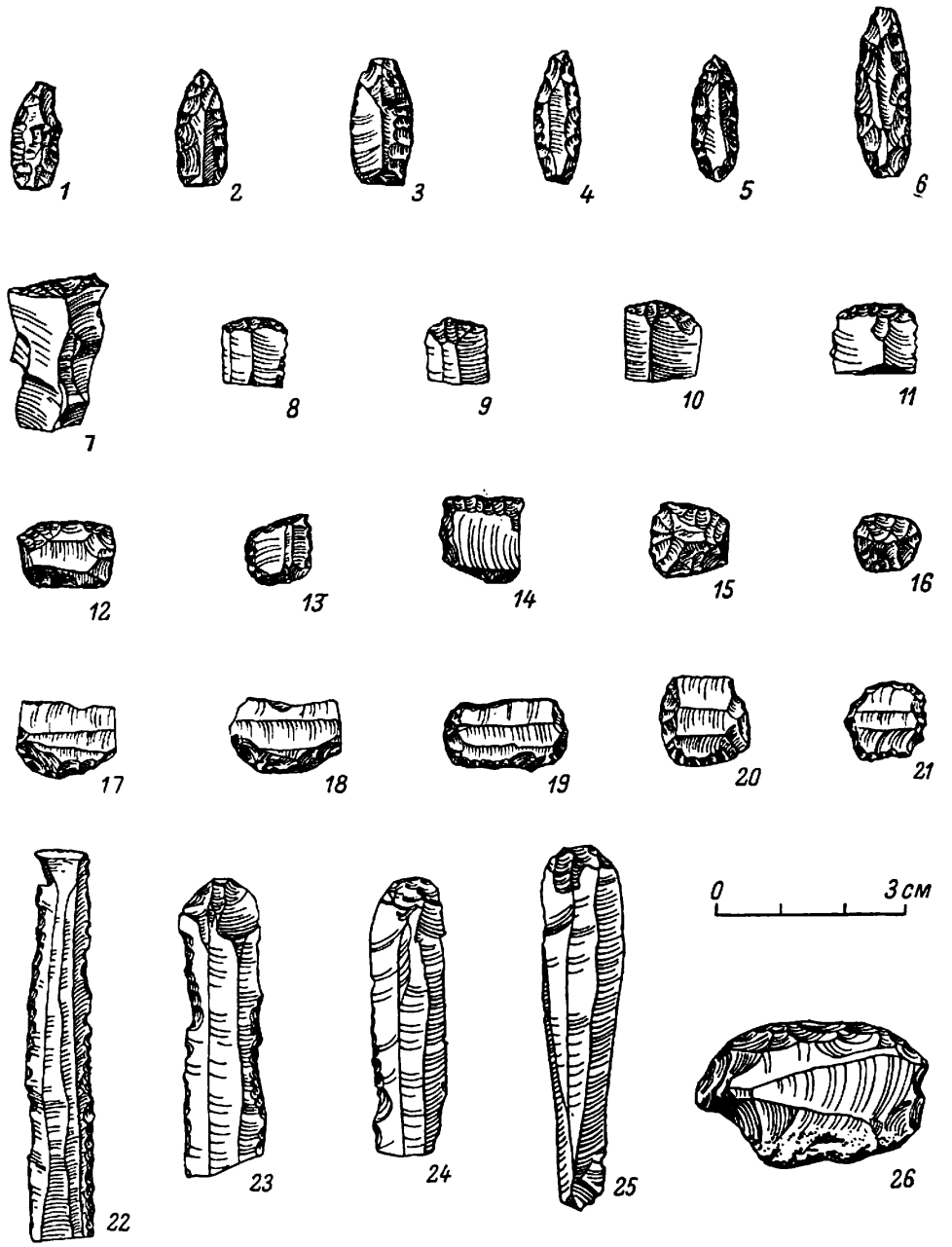

Таблица XVII. Кремневые орудия.

1 — пом. 15; *3* — двор пом. 22; *4* — пом. 6; *5*, *7*, *24* — пом. 17; *8* — двор пом. 10; *9* — западнее пом. 16; *10* — северо-западнее пом. 16; *15* — северо-западнее пом. 6; *17* — пом. 14; *19* — северо-западнее пом. 16; *22* — пом. 24; *23* — двор пом. 4.

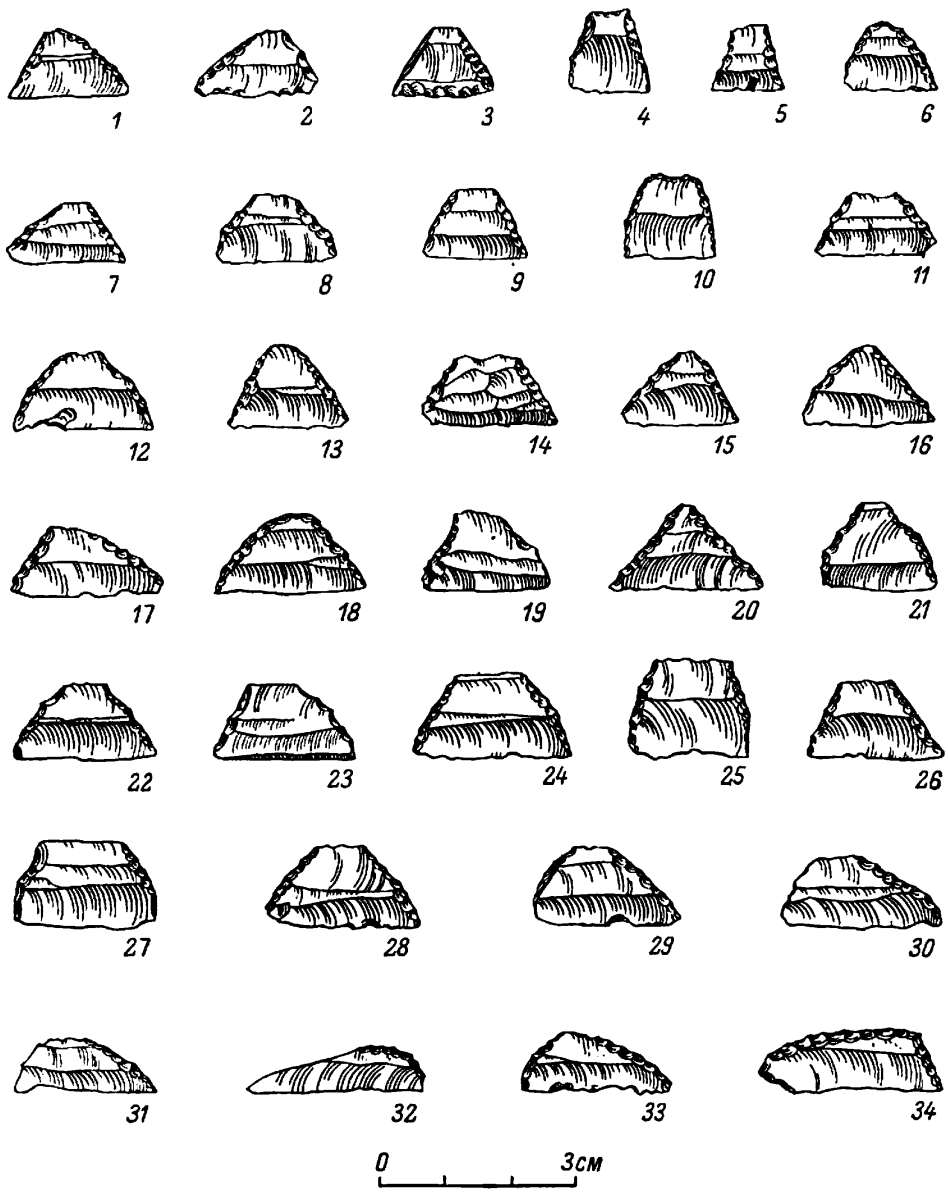

Таблица XVIII. Кремневые орудия геометрических форм.

7 — между пом. 6 и 69; *8*, *9* — северо-западнее пом. 16; *10*, *20*, *21*, *24* — западнее пом. 16; *11* — пом. 6; *12* — двор пом. 24; *14* — западнее пом. 16; *16* — двор пом. 41; *18* — двор пом. 4; *23*, *29* — пом. 17; *25*, *27* — северо-западнее пом. 16; *28* — пом. 7; *31* — пом. 11.

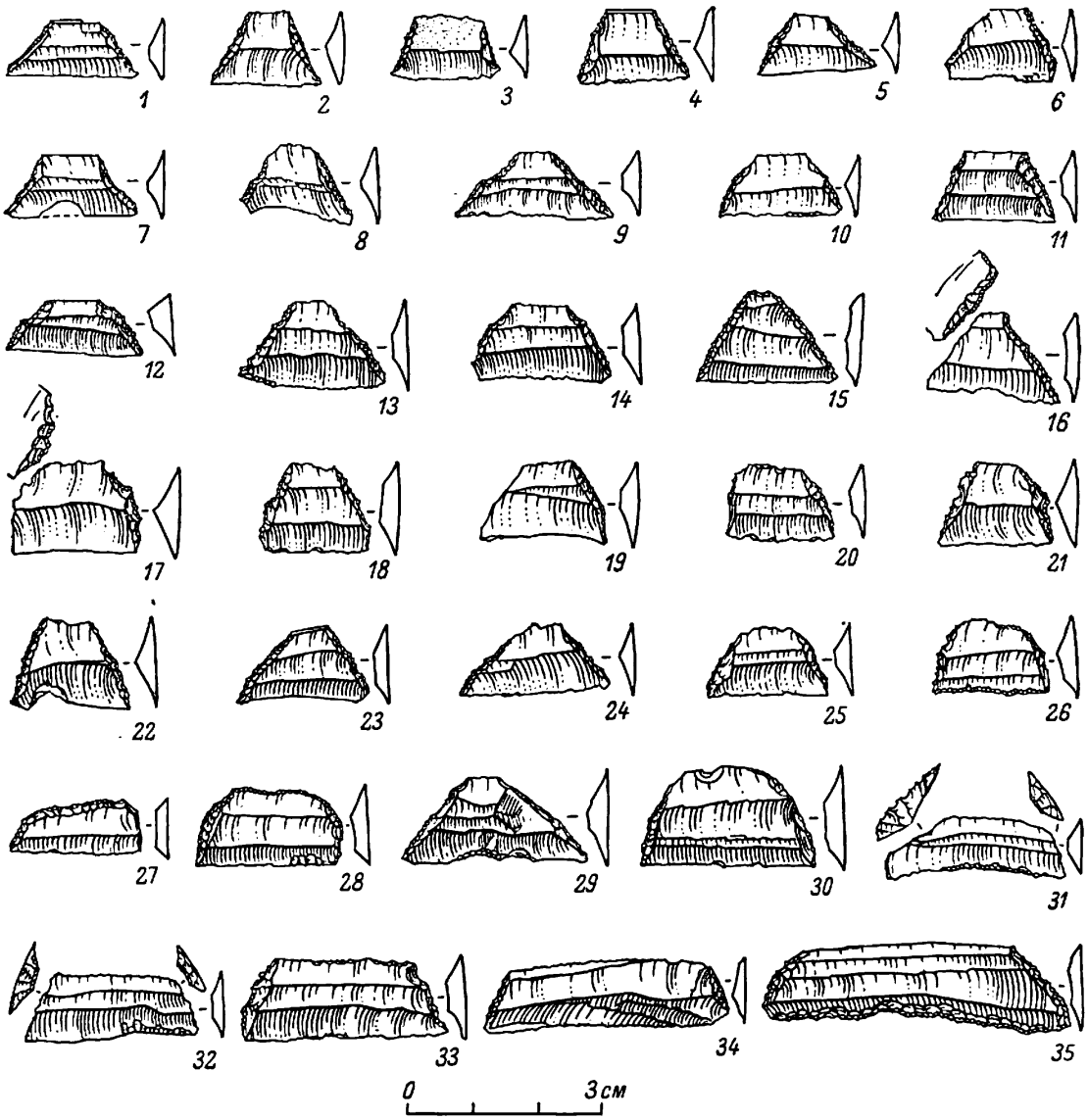

Таблица XIX. Трапеции.

3— двор пом. 41; *5* — пом. 69; *6*, *22* — восточная окраина (вне пределов строений); *7* — двор пом. 69; *8* — севернее пом. 69; *10* — двор пом. 10; *12* — двор пом. 32; *17* — двор пом. 27; *18* — двор пом. 10; *19*, *20* — «платформа А»; *21*, *33* — южнее пом. 27; *24* — пом. 37; *25* — пом. 24; *26* — двор пом. 43; *27* — севернее пом. 69; *30* — двор пом. 43; *31* — двор пом. 15/18; *35* — шурф, VIII ярус.

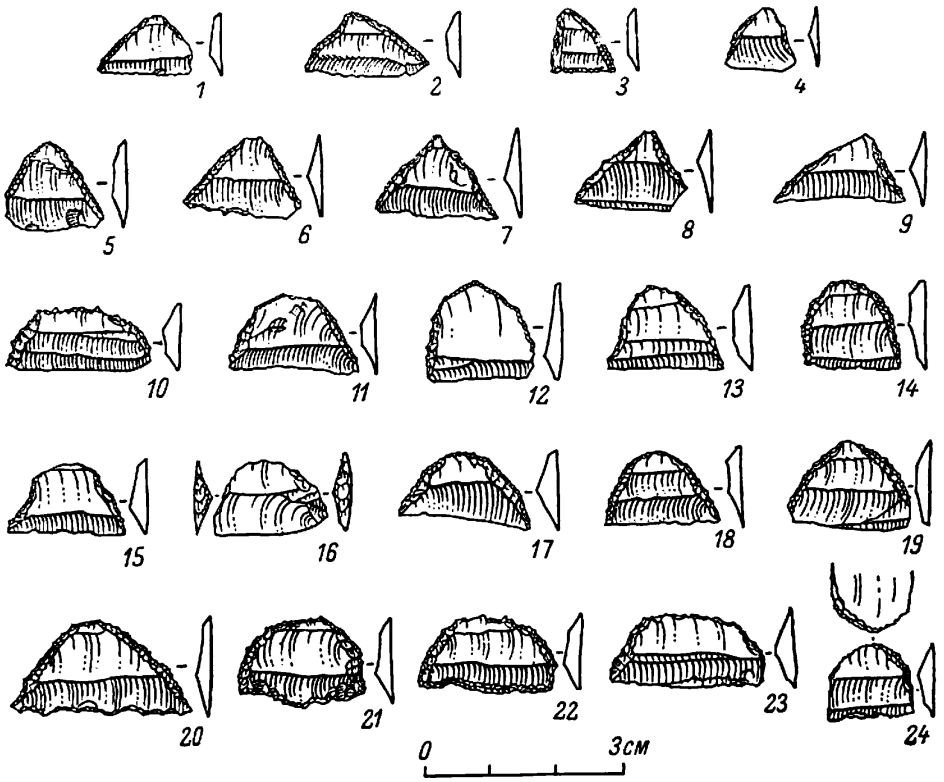

Таблица XX. Треугольники и сегменты.

4 — севернее пом. 69; *7* — двор пом. 43; *9* — южнее пом. 27

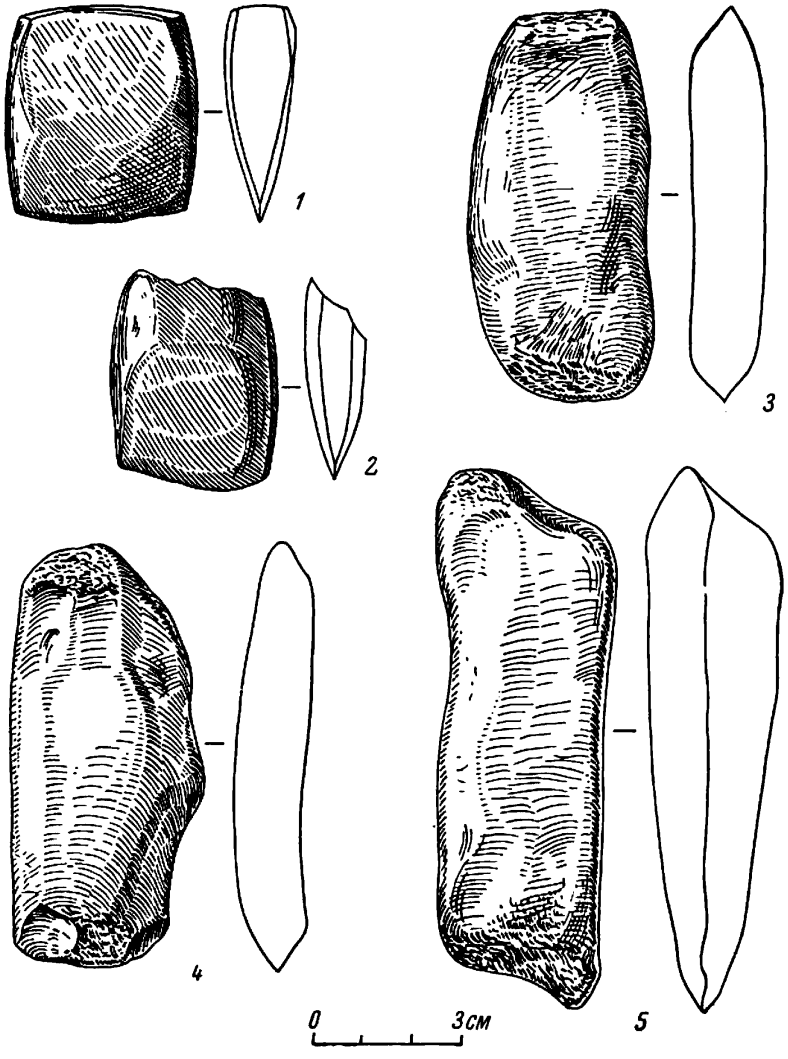

Таблица XXI. Каменные изделия.

1 — двор пом. 42; *2* — севернее пом. 51; *3* — двор пом. 41; *4* — пом. 32; *5* — пом. 31.

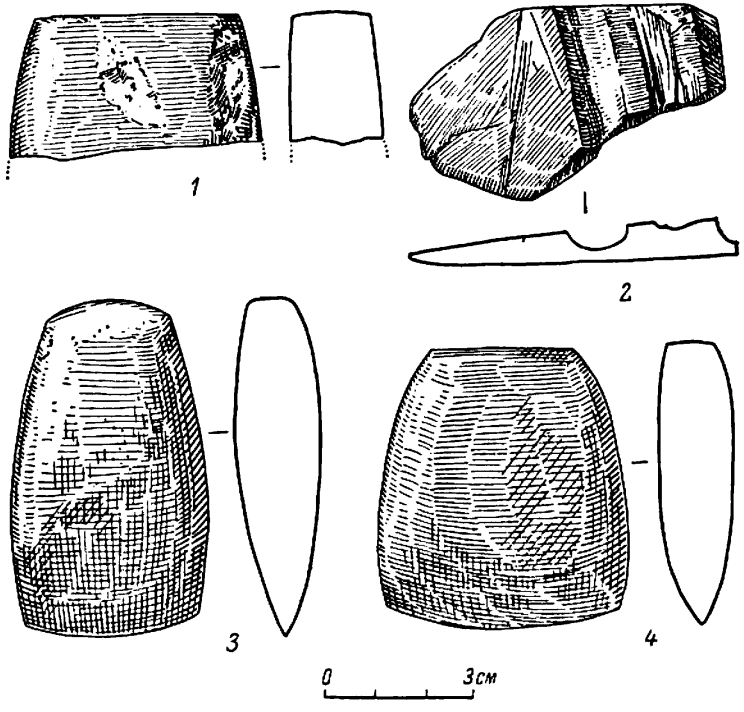

Таблица XXII. Шлифованные каменные изделия.

3, *4* — северо-западнее пом. 16.

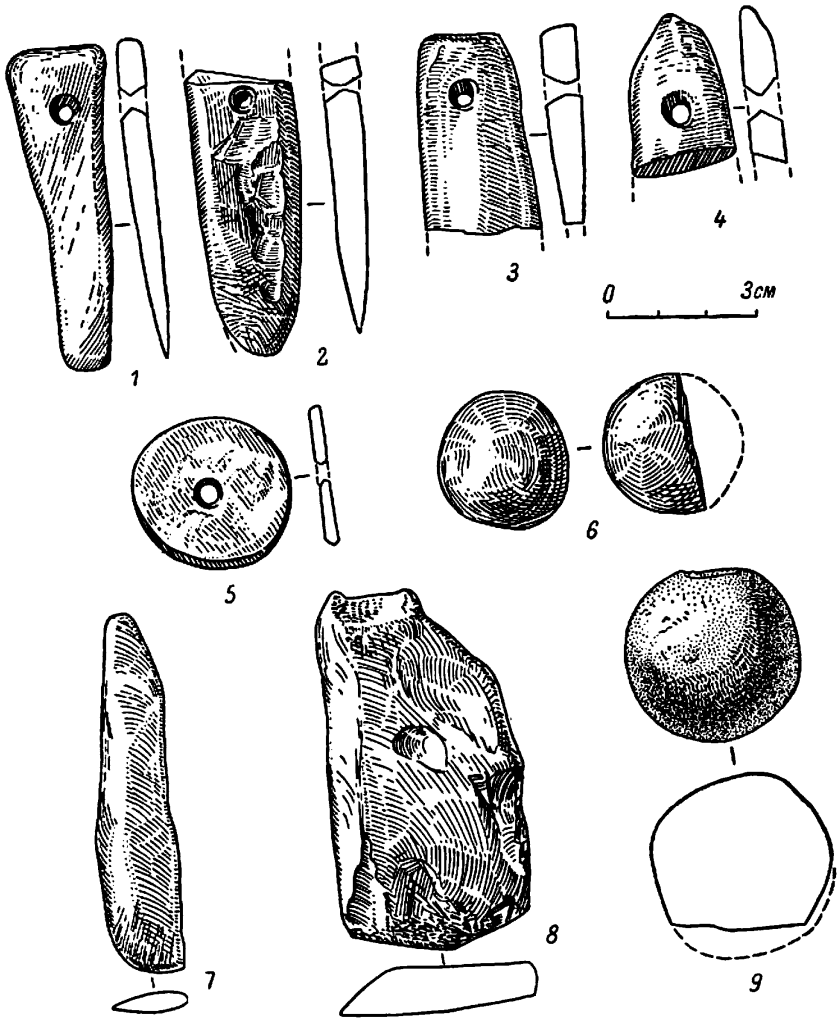

Таблица XXIII. Каменные изделия.

1 — пом. 12; *2*, *7* — пом. 4; *3* — пом. 1; *4* — пом. 17; *5* — пом. 3.

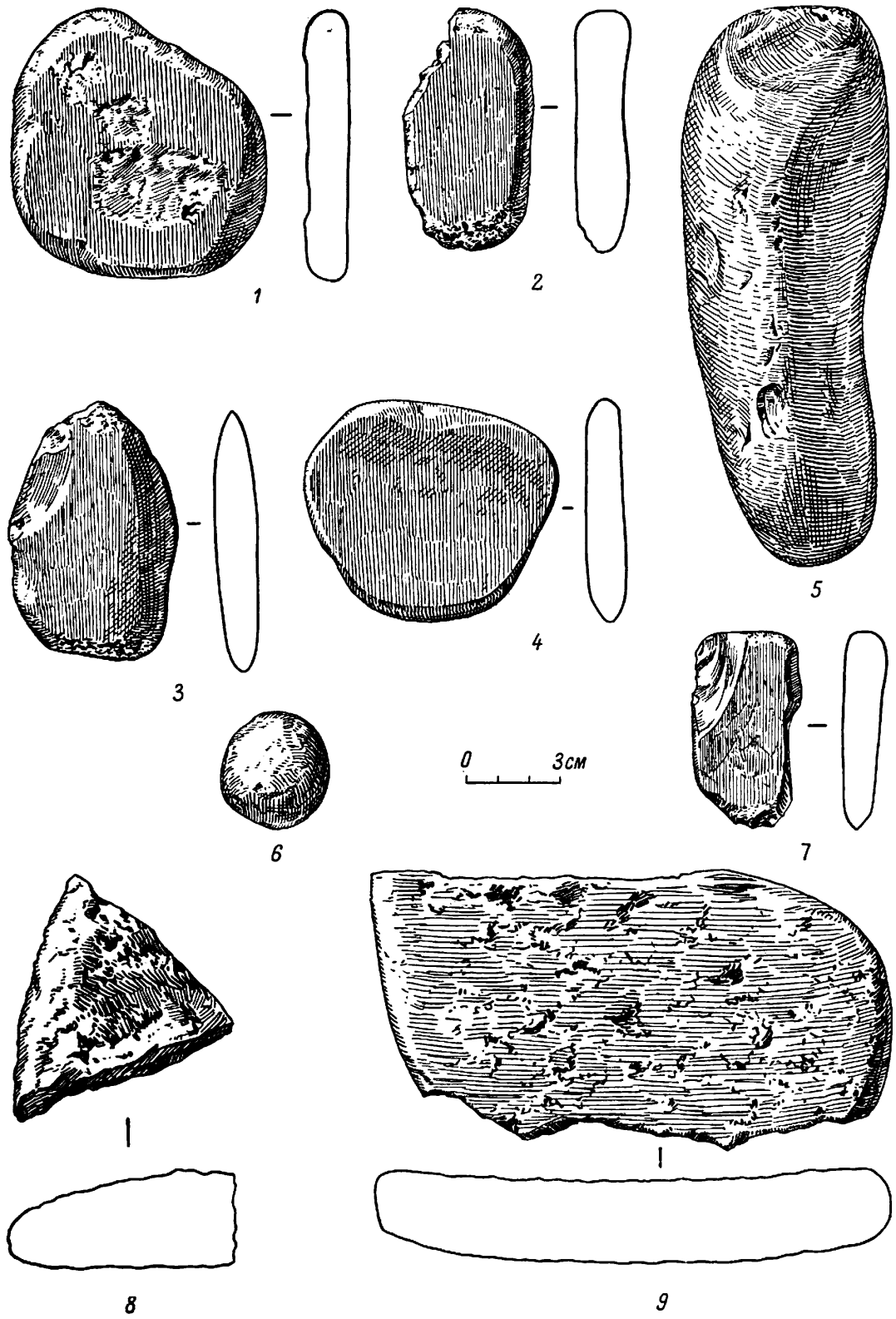

Таблица XXIV. Каменные изделия.

1 — пом. 57; *2* — пом. 35; *5* — севернее пом. 69; *6* — пом. 75; *7* — двор пом. 41; *8* — южнее пом. 41; *9* — восточнее пом. 35.

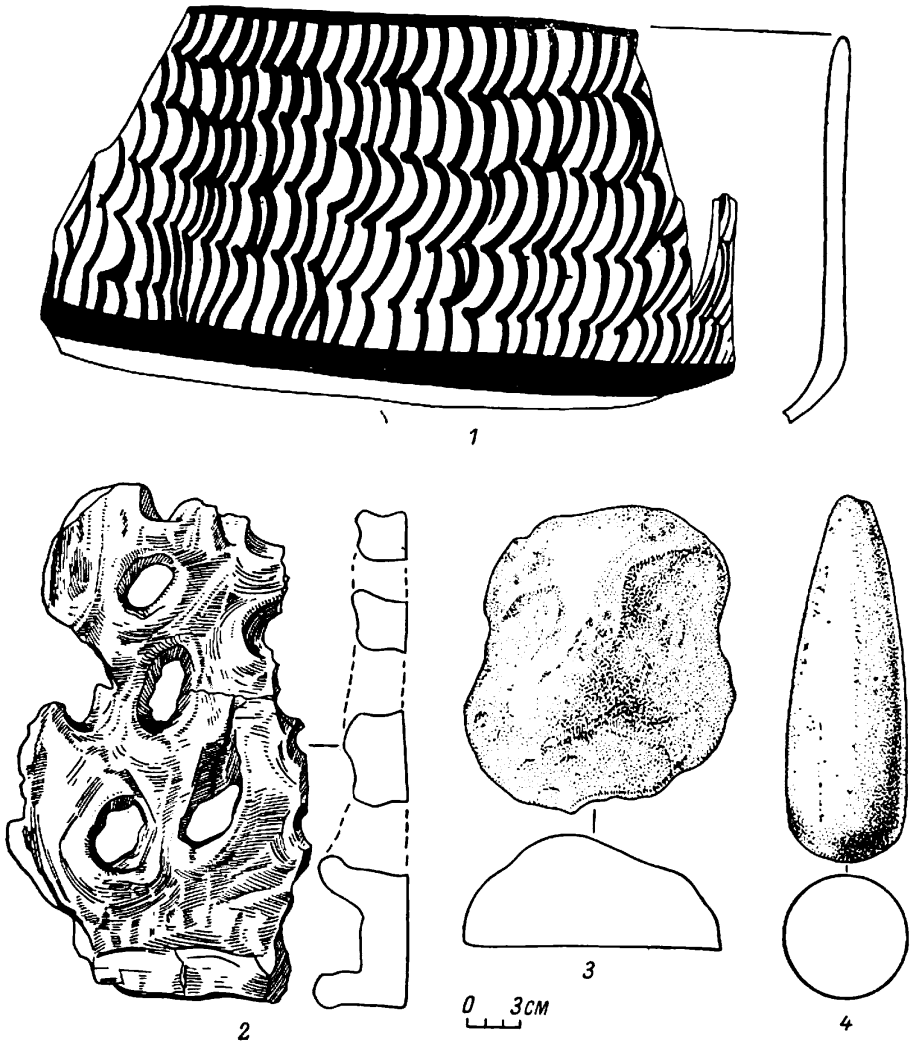

Таблица XXV. Каменные и керамические изделия.

1 — двор пом. 61; *2* — пом. 18; *3* — восточнее пом. 53; *4* — двор пом. 32.

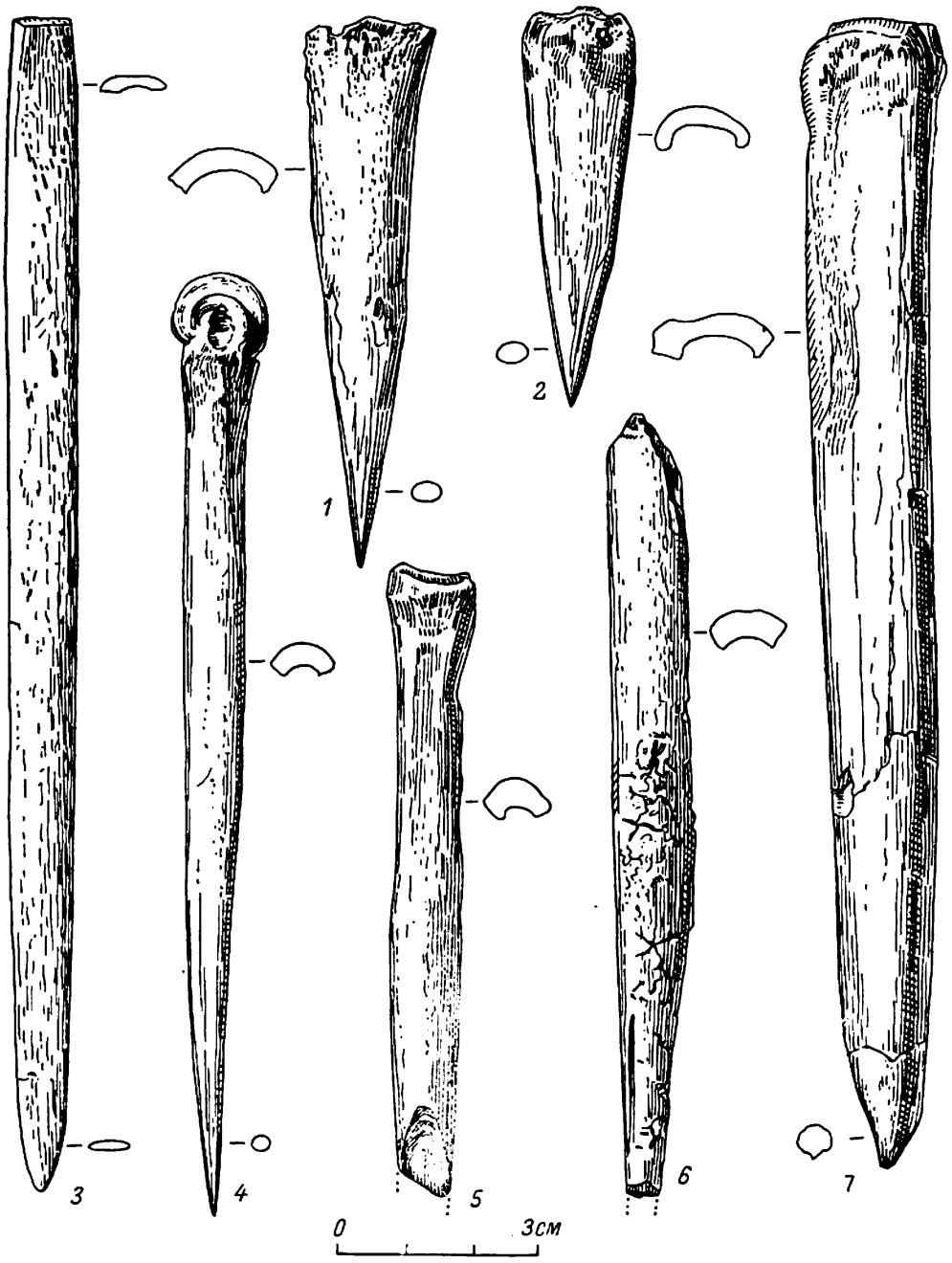

Таблица XXVI. Костяные проколки.

1—3 — двор пом. 4; *4* — пом. 9; *5, 6* — пом. 6; *7* — пом. 20

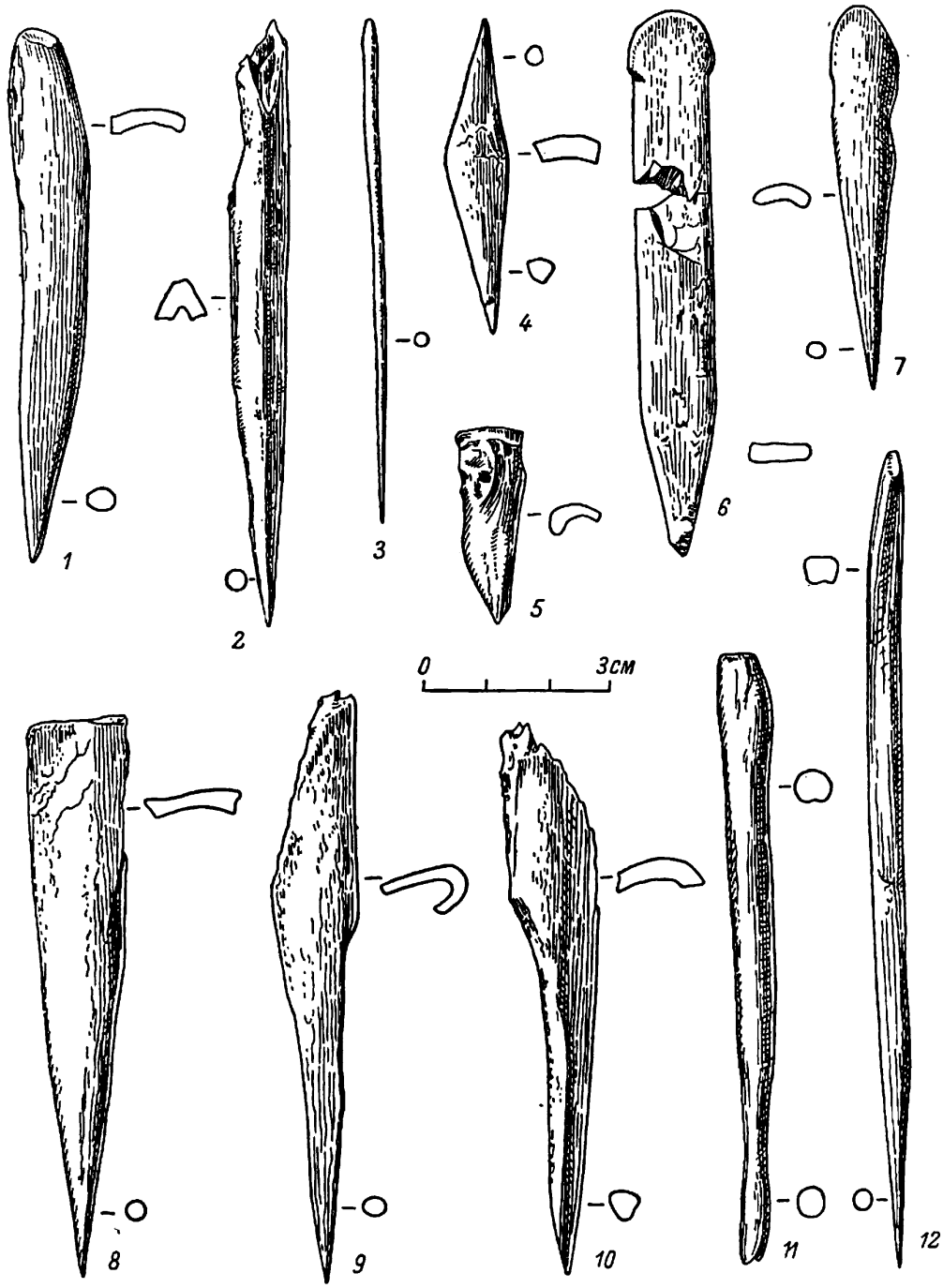

Таблица XXVII. Костяные проколки и иглы.

1, 7, 9, 10 — двор пом. 4; *2* — пом. 20; *3* — пом. 27; *4* — восточнее «платформы А»; *11* — пом. 7; *12* — «платформа А».

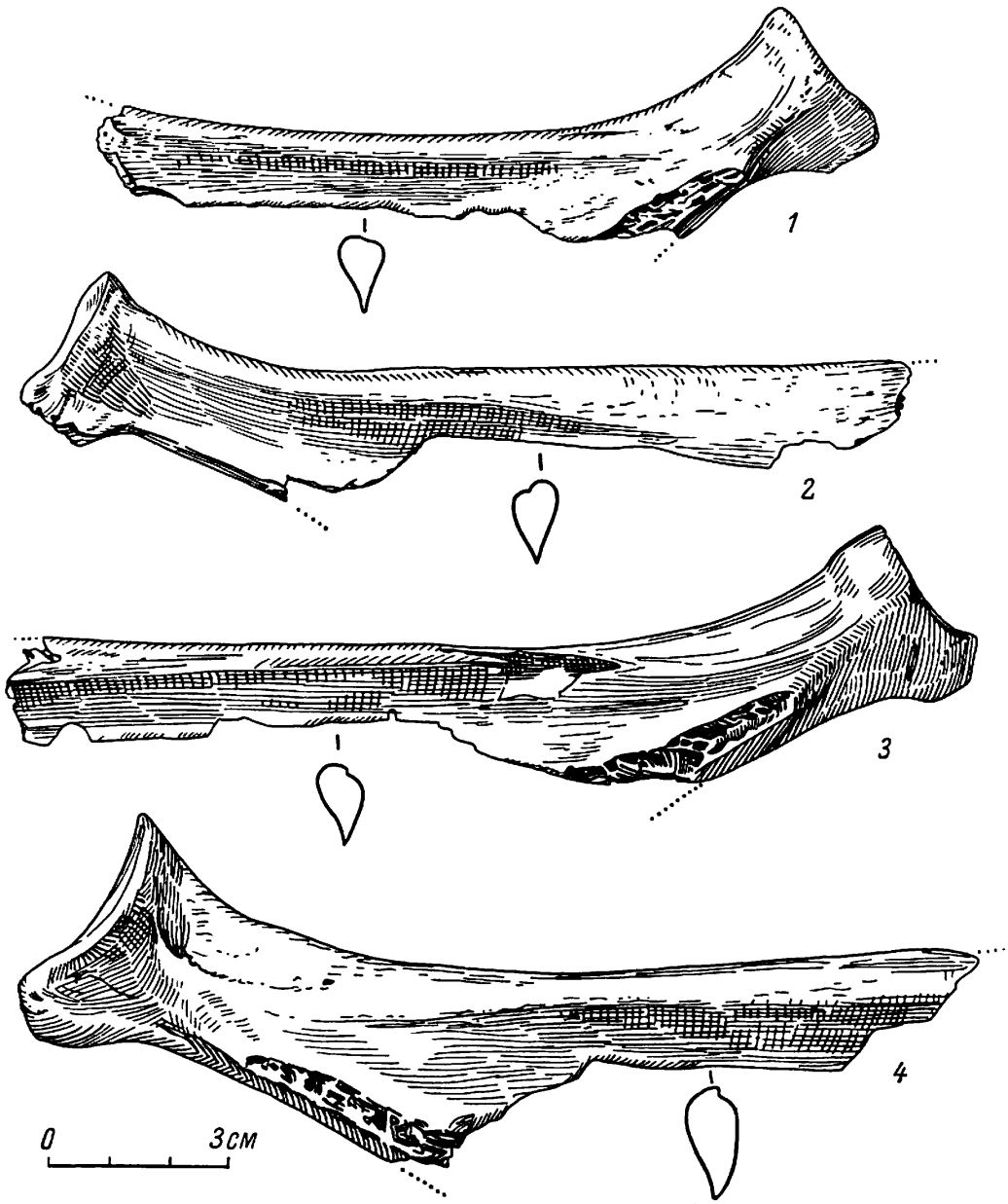

Таблица XXVIII. Костяные скобели.

1 — пом. 20; *2* — пом. 23; *3* — пом. 6; *4* — пом. 22.

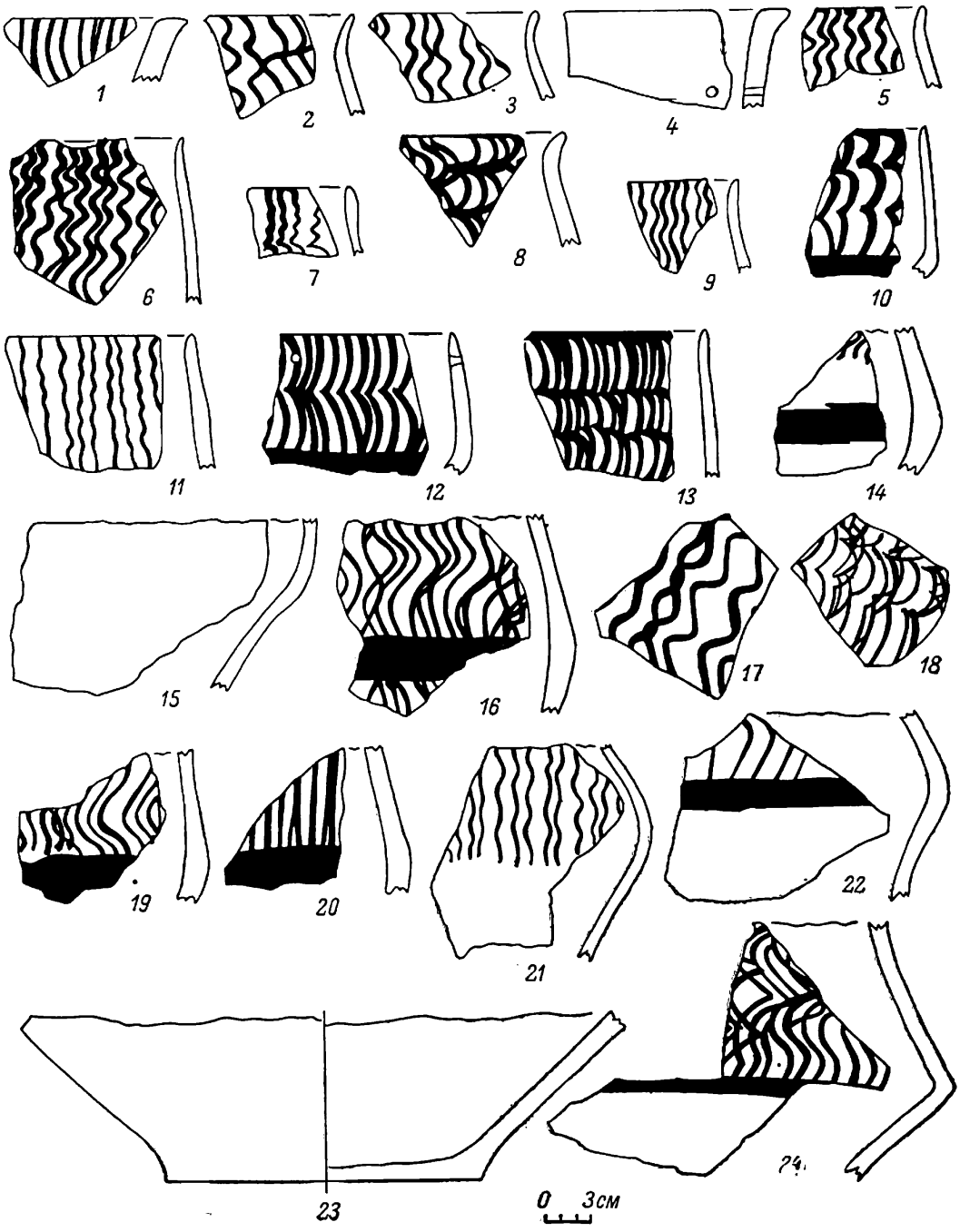

Таблица XXIX. Расписная керамика.

1 — юго-западнее пом. 15/18; *5*, *11* — пом. 6; *8* — пом. 15/18; *12* — двор пом. 41; *13*, *20* — пом. 23; *16*, *19*, *24* — между пом. 25 и 28.

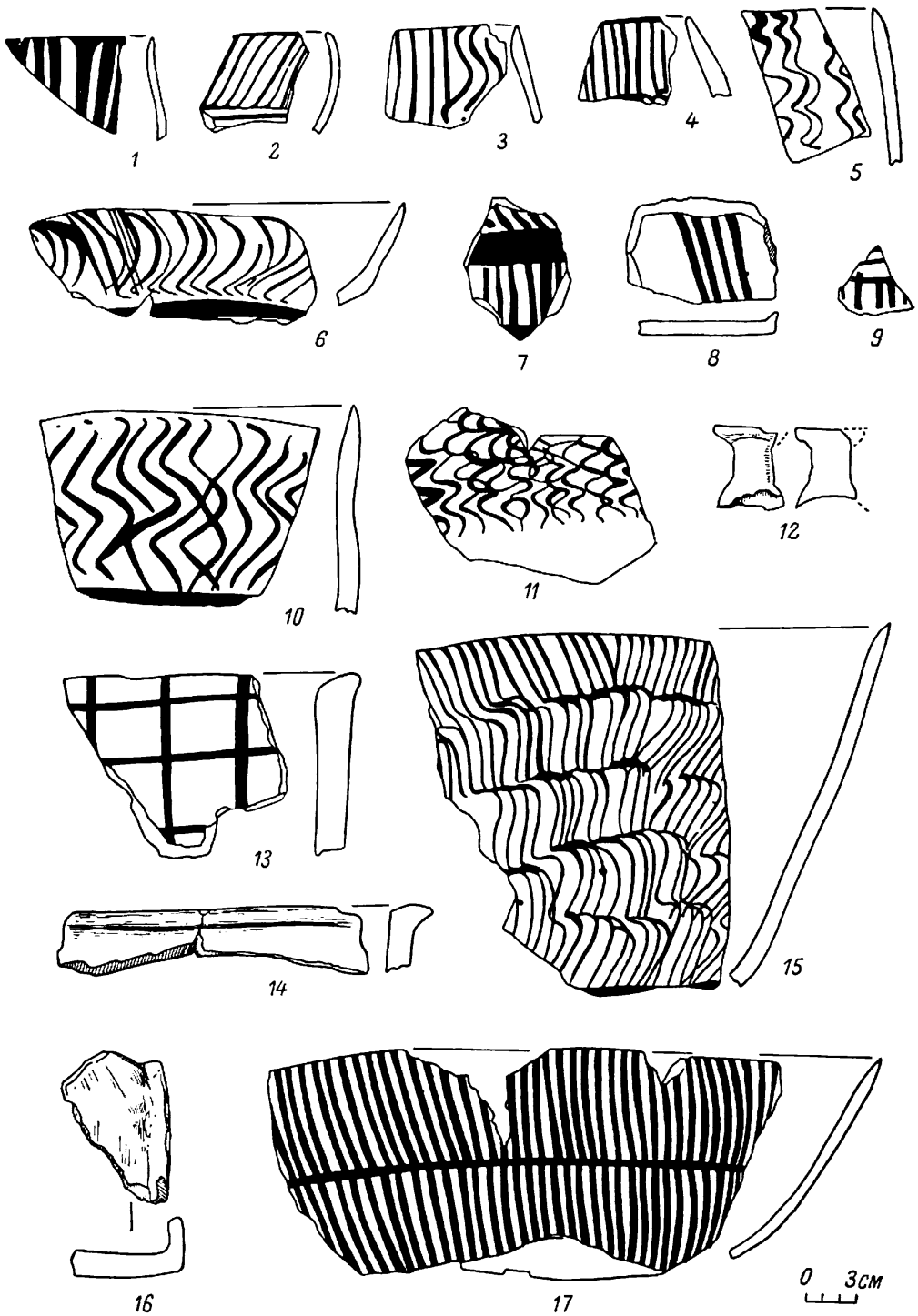

Таблица XXX. Расписная керамика.

1 — двор пом. 61; *2* — пом. 41; *3* — пом. 48; *4*, *7* — южнее пом. 27; *5*, *11*, *15* — двор пом. 41; *6* — пом. 69; *8* — восточнее пом. 69; *9* — южнее пом. 26; *10* — двор пом. 15/18; *12* — пом. 59; *13* — между пом. 34 и 39; *14* — пом. 56; *16* — пом. 37; *17* — шурф 1958 г. на восточной окраине.

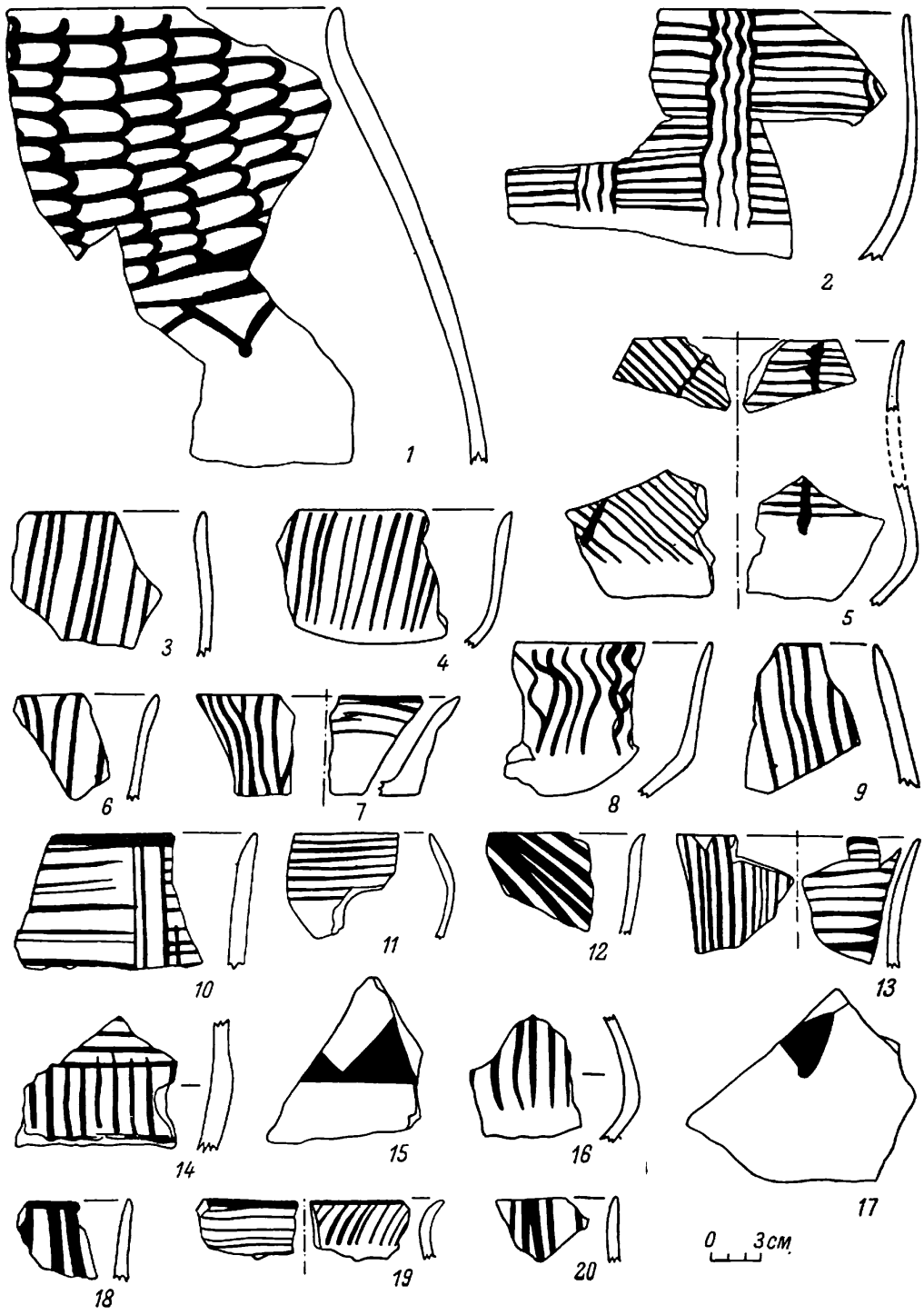

Таблица XXXI. Расписная керамика.

1 — пом. 3; *2* — пом. 2; *3*, *15* — пом. 6; *4* — пом. 23; *5* — пом. 9; *6* — юго-западнее пом. 16; *7*, *8* — двор пом. 17; *9* — между пом. 6 и 10; *10* — пом. 4; *11* — восточнее пом. 1; *12* — двор пом. 1; *13* — восточнее пом. 29; *14* — между пом. 6 и 19; *16* — между пом. 24 и «платформой А»; *17* — «платформа А»; *18* — двор пом. 4; *19* — между пом. 6 и 69; *20* — южнее пом. 57.

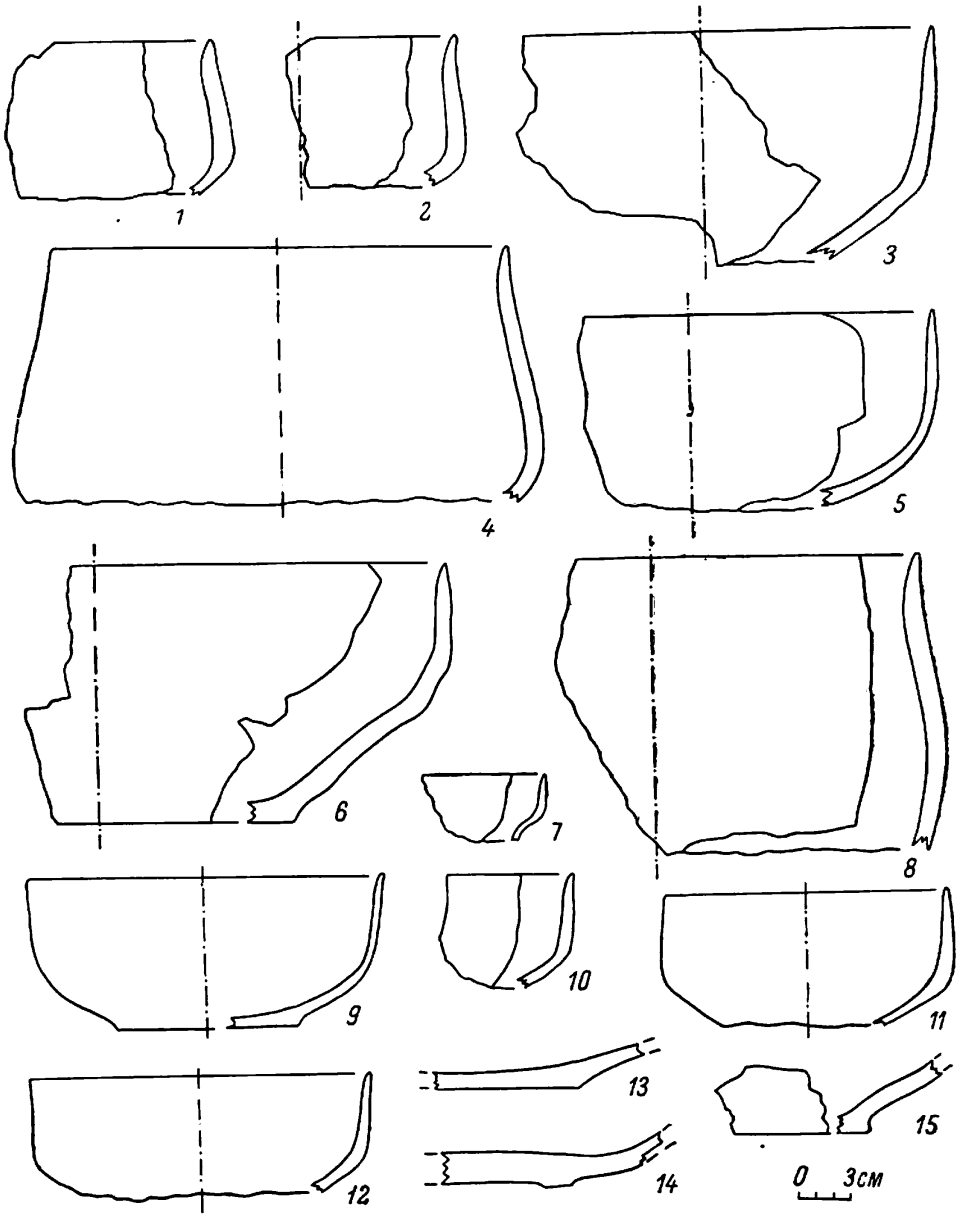

Таблица XXXII. Нерасписная керамика.

1 — восточнее «платформы А»; *2*, *11* — пом. 12; *3* — пом. 22; *4* — пом. 21; *5* — пом. 2; *6* — двор пом. 4; *7* — пом. 6; *8* — двор пом. 22; *9* — «платформа А»; *10* — пом. 15; *12* — восточнее пом. 22; *13*, *15* — западнее пом. 15/18; *14* — пом. 4.

(Таблица XXXIII и XXXIV на стр. 175—176)

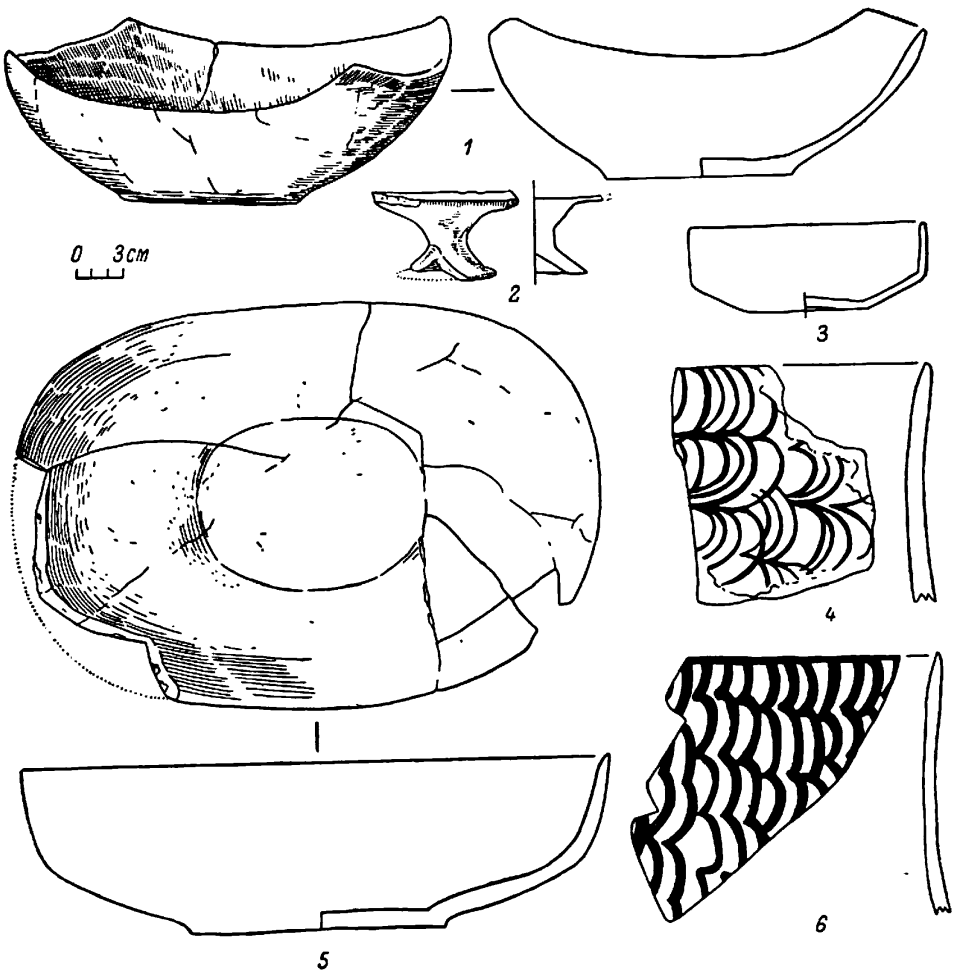

Таблица XXXV. Расписная и нерасписная керамика (*1—6*).

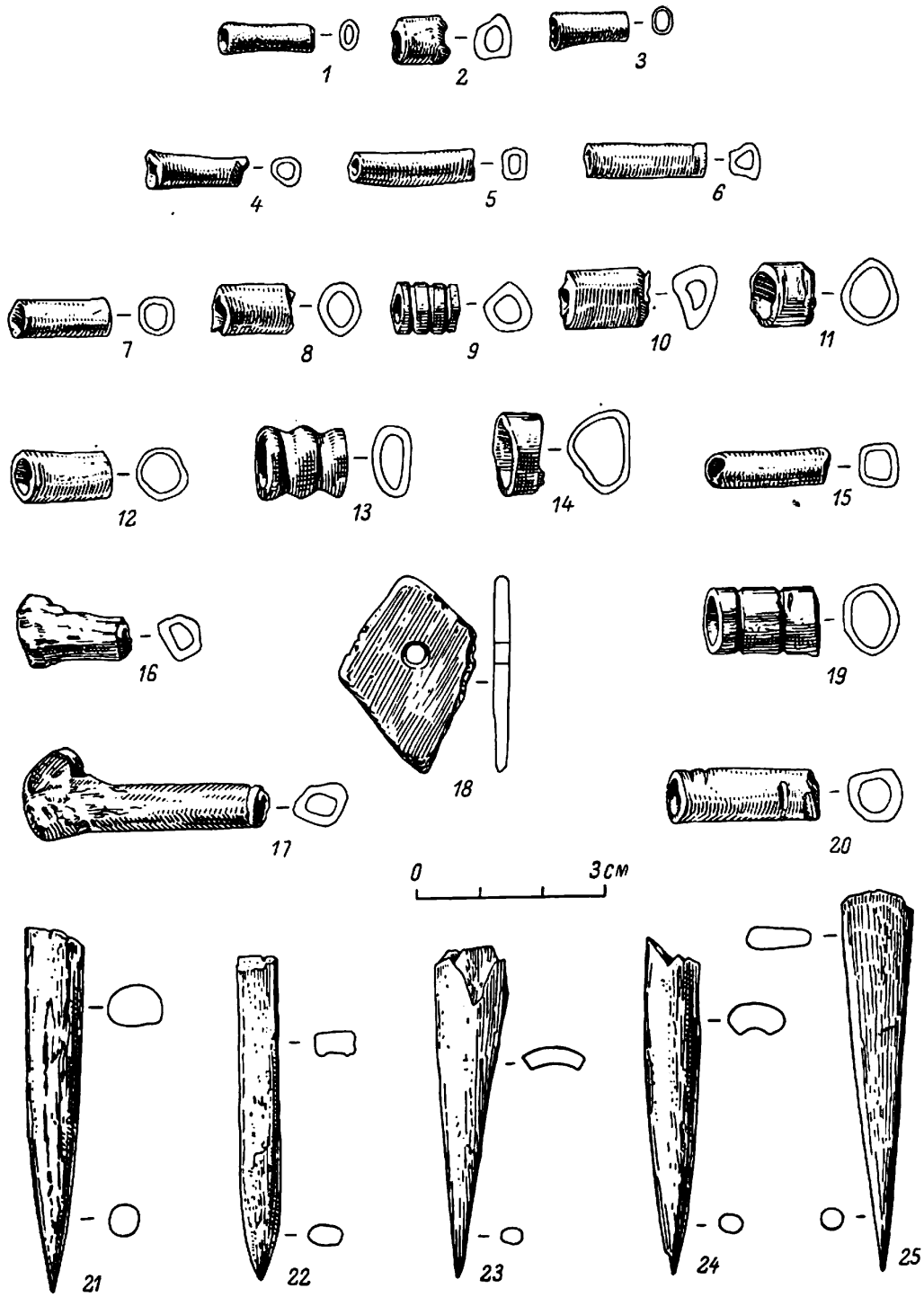

Таблица XXXVI. Костяные бусы и проколки.

1, *12* — пом. 6; *3* — пом. 17; *7*, *16* — между пом. 6 и 19; *8* — между пом. 25 и 28; *10* — восточнее «платформы А»; *11* — двор пом. 7; *13* — пом. 22; *15* — между пом. 10 и 24; *18* — пом. 4; *19*, *22* — пом. 15; *21* — двор пом. 1; *23* — двор пом. 22; *24* — двор пом. 4; *25* — между пом. 14 и 19.

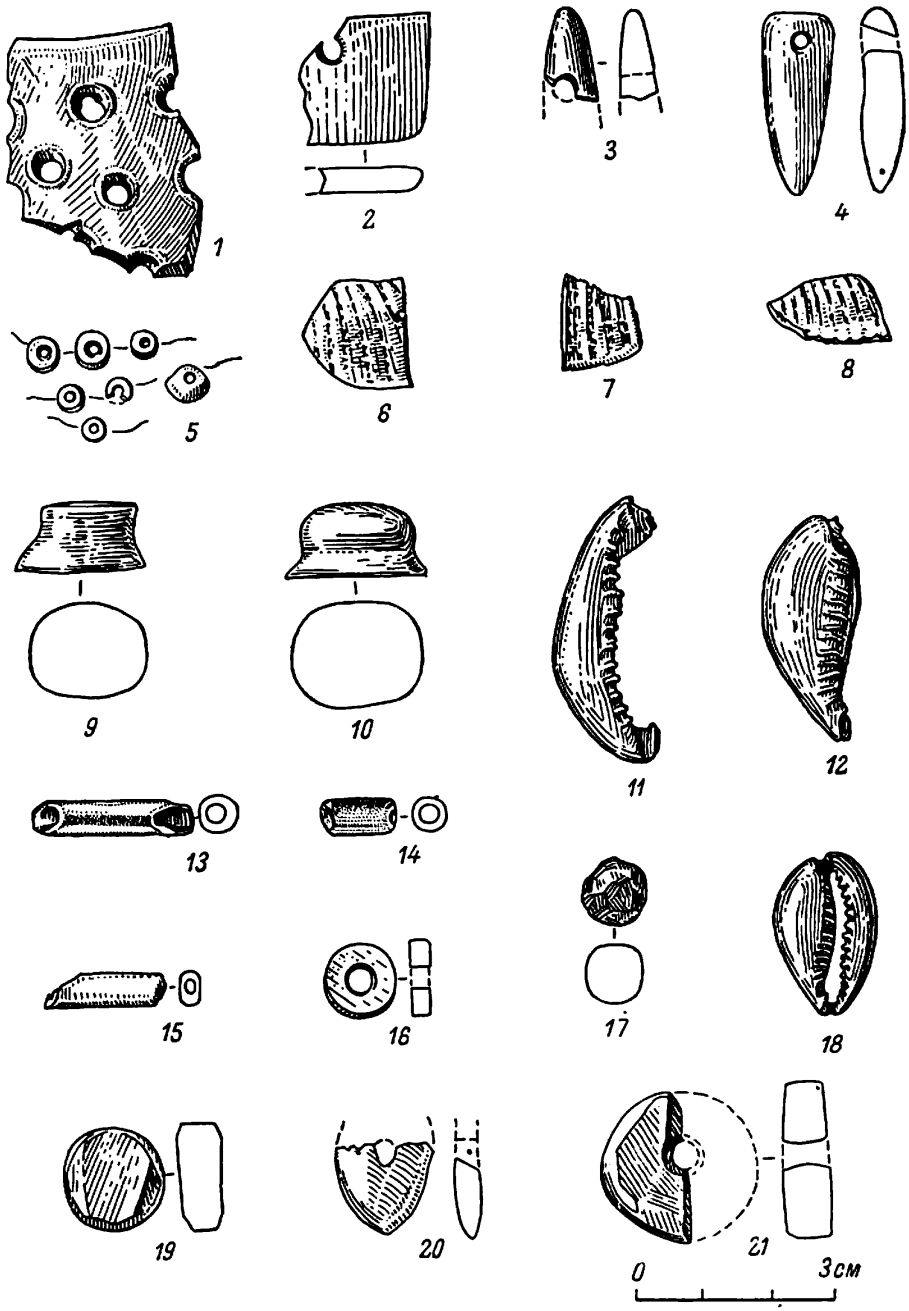

Таблица XXXVII. Бусы, глиняные и каменные поделки.

10 — двор пом. 41; *13* — двор пом. 42; *18* — пом. 32.

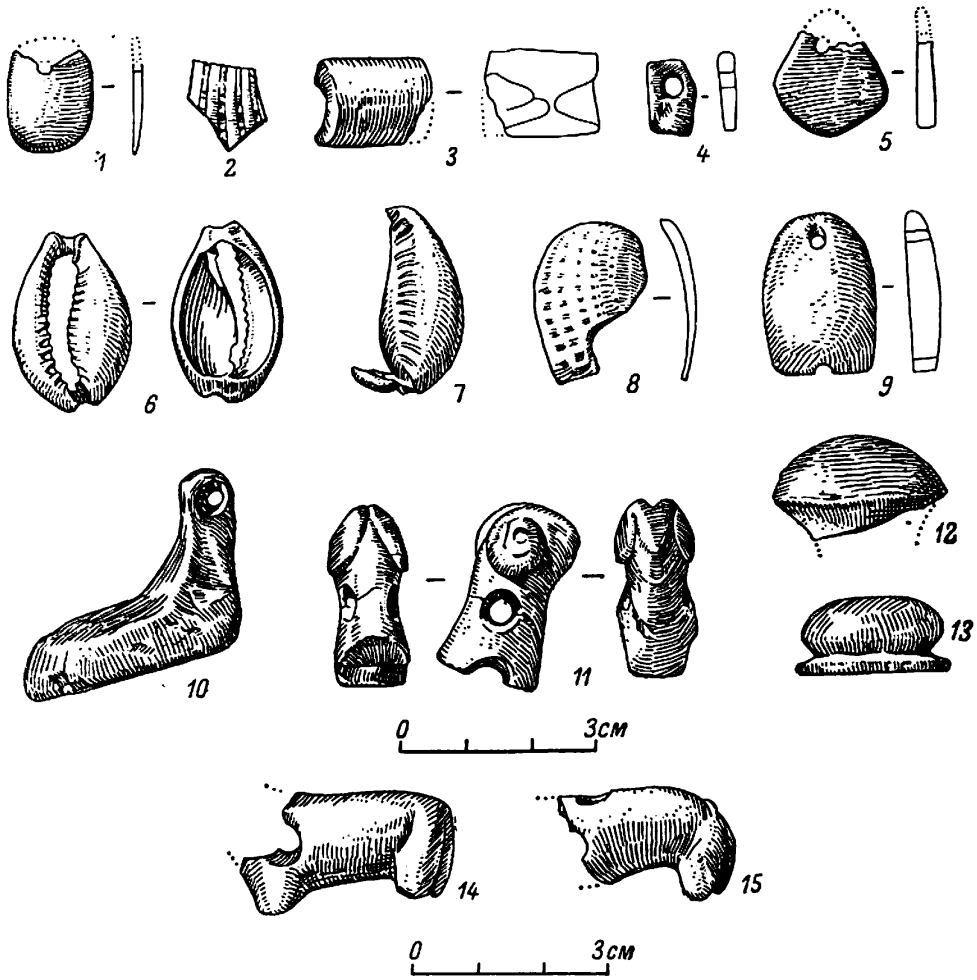

Таблица XXXVIII. Изделия из камня и раковин.

1, 15 — пом. 17; *2* — пом. 5; *3* — севернее пом. 16; *7* — пом. 7; *9* — севернее «платформы А»; *10* — между пом. 25 и 28; *12* — восточнее пом. 42; *13* — пом. 2; *14* — северо-западнее пом. 6.

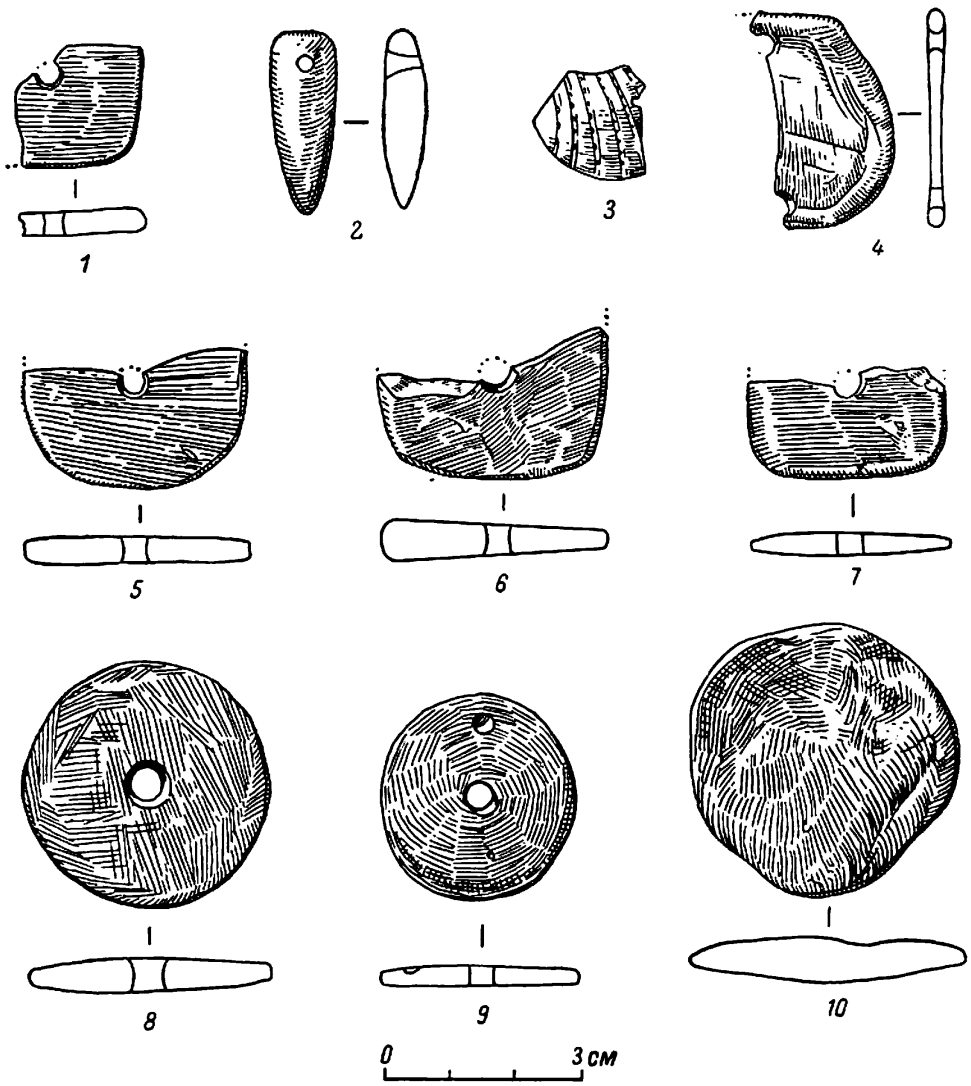

Таблица XXXIX. Изделия из камня и раковин.

4 — пом. 11; *5* — пом. 3; *6* — юго-западнее пом. 16; *8* — двор пом. 22; *9* — двор пом. 4.

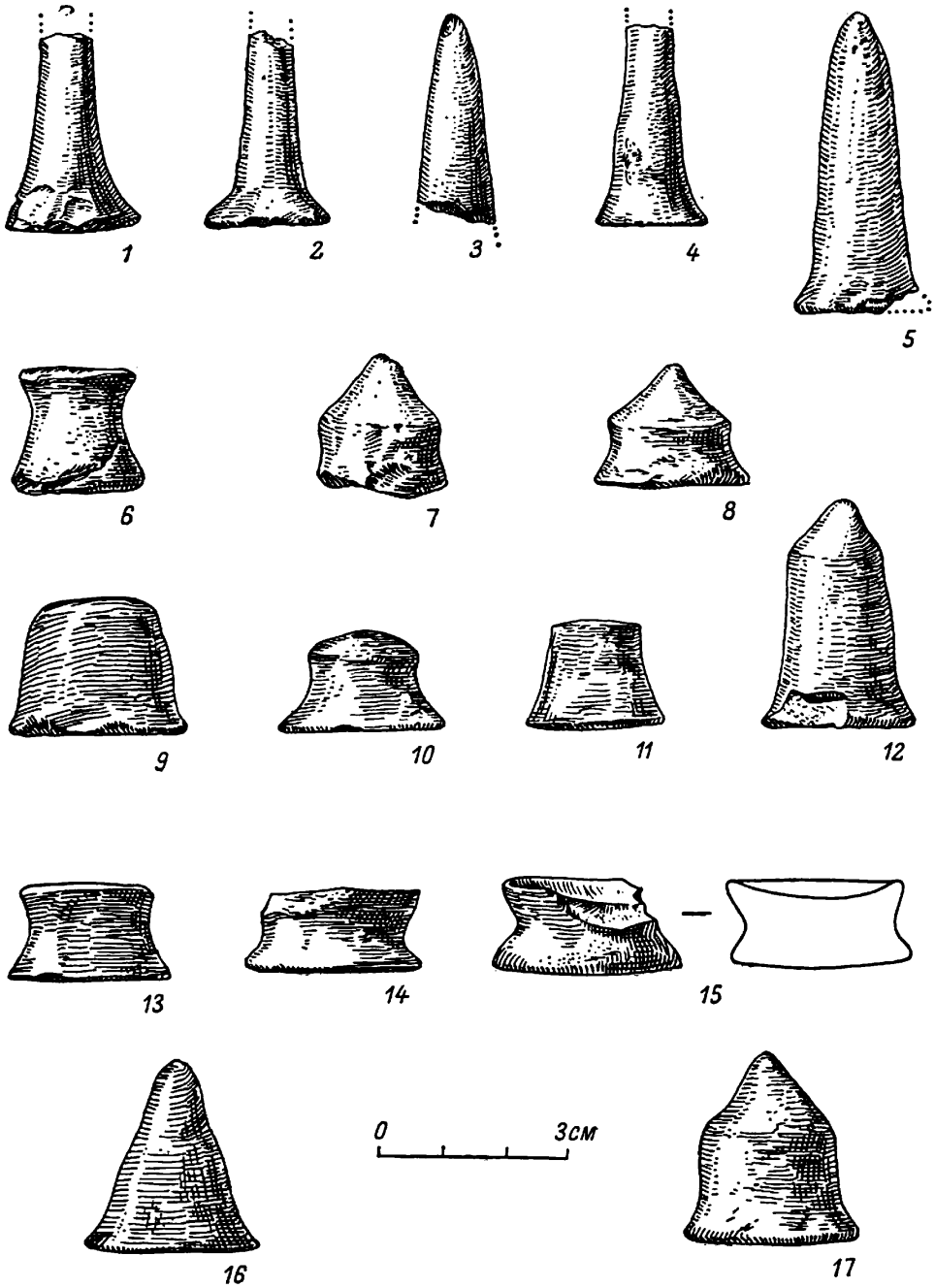

Таблица XL. Терракотовые поделки.

5 — двор пом. 4; *6* — между пом. 15/18 и 19; *9* — пом. 17; *10* — юго-западнее пом. 15/18; *11* — пом. 10; *12* — пом. 7; *13* — пом. 2; *14* — пом. 17; *16* — пом. 3; *17* — пом. 6.

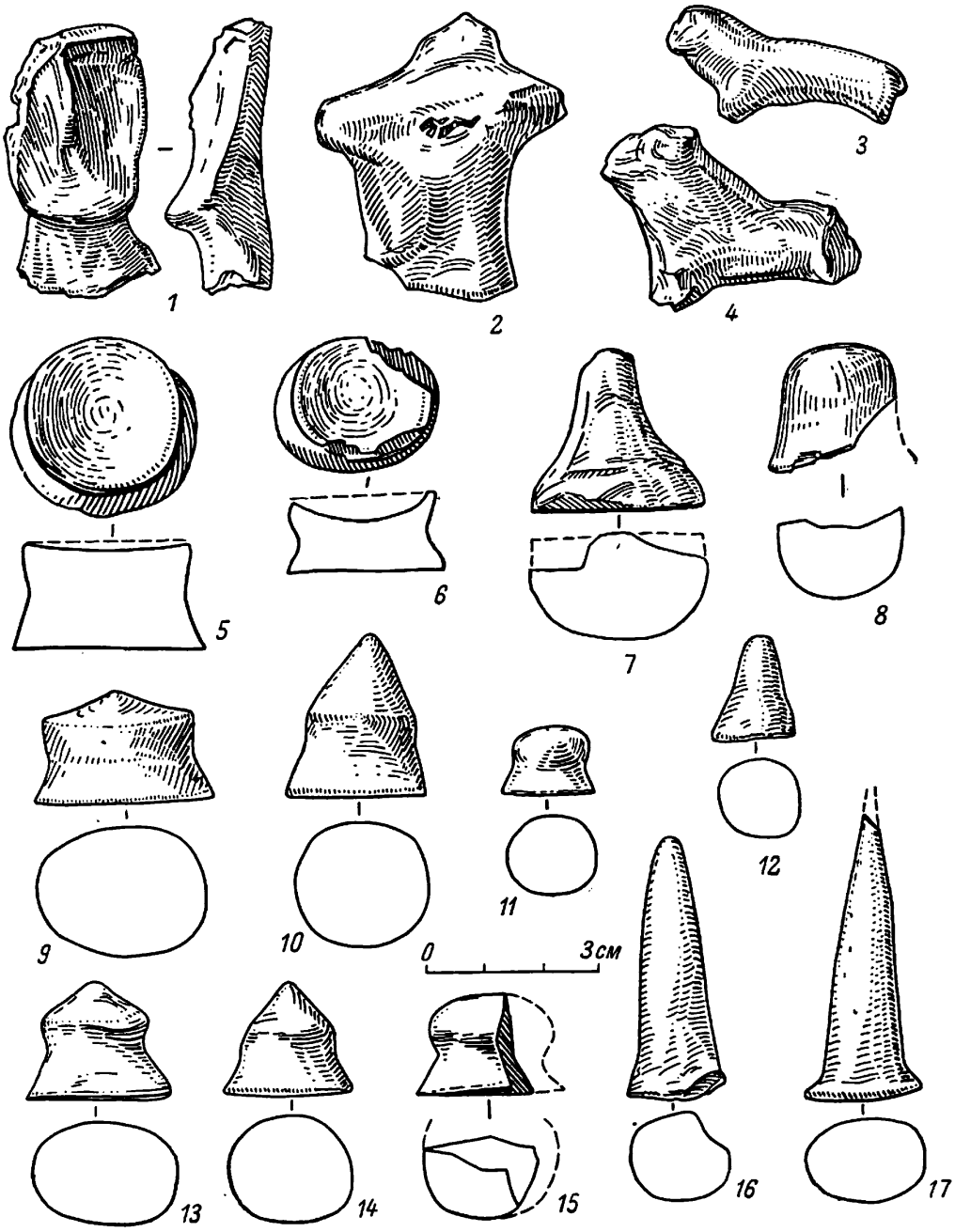

Таблица XLI. Глиняные фигурки и терракотовые поделки.

1 — пом. 35; *4*, *17* — пом. 69; *5* — пом. 28; *6* — пом. 32; *7* — пом. 19; *8* — пом. 8; *9* — пом. 6; *13* — двор пом. 15/18; *16* — двор пом. 4.

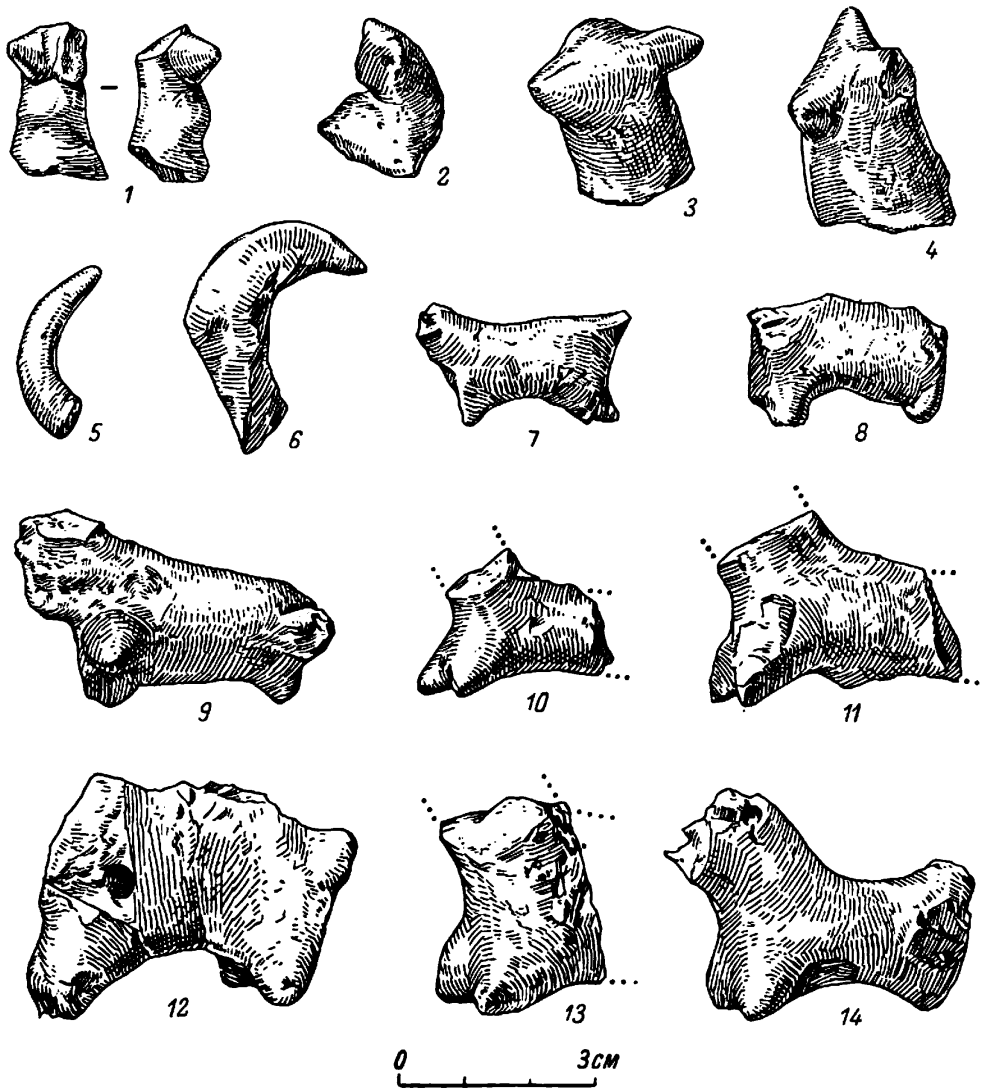

Таблица XLII. Глиняные фигурки.

1 — пом. 7; *3* — западнее пом. 6; *6* — пом. 10; *8*, *12*, *14* — двор пом. 4; *9* — между пом. 6 и 19: *11* — между пом. 9 и 10; *13* — западнее пом. 16.

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И КОМПЛЕКСОВ

Абеджас 129
Аджуерадо 127
Али-Кош 66, 71, 75, 79, 85, 101, 113, 115, 136
Алтын-Депе 51, 62
Амиранис-гора 147
Амук В 73, 75
Анау 44, 88, 115
Анау IA 5, 45, 49, 51, 58, 59, 81, 115
Анау IБ 6, 13, 37, 58, 59, 115
Арпачия 75, 147
Арухло 123, 124
Асиаб 113
Асия 132

Бага, колодец 44
Багуз 116
Бами 5, 44, 45, 47, 56, 58, 59, 65, 66, 79, 82, 83, 105
Барадост 112
Бас-Мордех 66
Бейда 71, 72, 75, 85, 120
Белдиби 117, 118
Библ 149

Гавра 17
Ганджи-Депе 112, 144
Гари-Камарбанд 43, 62—64, 76, 86, 88, 89, 122
Гари-Мар 122
Геоксюр 88, 102, 148
Геоксюр 1 61, 62, 142
Геоксюр 3 (Ялангач-Депе) 61
Геоксюр 4 (Муллали-Депе) 61
Гуанапе 133

Далма 124
Дам-Дам-Чешме 62, 63, 122
Дам-Дам-Чешме 2 63, 86, 122
Дашлыджи-Депе 53, 62
Джармо 6, 7, 8, 39, 43, 60, 64, 65, 68, 70, 71, 75, 76, 79, 81, 83, 85, 114—116, 121, 136, 138, 141, 143, 145, 147, 149
Джебел 62—64, 122
Джейтун (Чакмакдаш-Бейик) 5—9, 39—45, 47, 49, 51, 52, 54, 56, 58, 59, 62—68, 70—73, 76—83, 85—87, 89, 90, 92, 93, 95, 97, 98, 100—107, 121, 122, 134, 140—142, 144, 146, 147, 148, 158, 160

Зави-Чеми-Шанидар 75, 112—114, 134, 149
Зарзи 111, 112

Иерихон 7, 8, 60, 71, 72, 75, 77, 85, 117, 120, 121, 141, 144, 147—149
Имирис-гора 123
Инфернильо 126

Кайлю 50
Каменная могила 124, 125
Кантар, колодец 44
Кара-Депе 13, 35, 61, 62
Карим-Шахир 66, 113, 116, 133, 134, 149
Кельтеминар 121, 122
Келята, ст. Ашхабадской ж. д. 5, 44
Кепеле, колодец 5, 44
Коатепек 129
Кокскатлан 127
Куба-Тенгир 40
Кунджи 115
Кюль-Тепе 123, 124

Ла-Пьерра 127
Лас-Алдас 132
Лука-Врублевецкая 41

Мариупольский могильник 41
Мерсин 73, 149
Монджуклы-Депе 44, 49, 51, 56, 58
Мундигак 79
Мухаммед-Джафар 66

Найза-Депе 5, 44
Намазга I 13, 37, 43, 58, 59, 62, 92, 115
Намазга II 47, 61, 97
Намазга III 61, 62
Намазга IV 62
Натуф 118, 120, 133, 134
Неа-Никомедия 121
Ниневия 73
Ниса 5
Новая Ниса 5, 44, 56, 82
Ногалес 127

Овадан-Депе
Окампо 127

Палегавра 134
Паракас 130
Персеполь 102
Песседжик-Депе 50, 51, 100, 105, 144, 154, 157
Пуррон 127

Рио-Гранде 130

Самарра 67, 70, 115, 140
Сиалк 42, 59, 64, 67, 77, 81, 134
Сиалк I 6, 58, 63, 65—67, 76, 115
Сиалк III 62
Сиерра-Мадре 126, 127
Сороки 125
Сороки 1 125
Сороки 2 125
Стар-Карр 141
Суберде 117
Сунгирь 158

Тали-Джари В 64, 65
Тали-Мушки 64, 65
Тамаулипас 126, 127, 129
Телль-Малефаат 113, 114, 149
Телль-Мурейбат 118, 144
Телль-Халаф 75
Телль-Шемшара 70, 71, 116, 138
Телль-эс-Севан (Эс-Севан) 70, 71, 75, 79, 116, 117, 139, 140, 144, 146, 156, 158
Тепе-Гуран 40, 64—67, 75, 79, 114, 115
Тепе-Сораб (Сораб) 64, 65, 114, 115
Техуакан 128, 129
Техут 123
Тилькин-Депе 47, 49, 61
Тоголок-Депе 5, 44, 47, 50, 54, 56, 59, 105
Тойре-Тепе 124
Триполье 42, 81

Уака-Приета 131, 132, 144, 146
Убейд 123, 124

Фаюм 39, 83, 121, 134

Хаджи-Мухаммед 144
Хаджи-Фируз 115
Хаджилар 8, 39, 43, 72, 73, 75, 76, 83, 117, 144, 149
Халаф 75, 123
Хараппа 62, 79
Хассуна 6, 39, 43, 58, 67, 70, 71, 75, 81, 83, 115, 116, 117, 138
Хоту 62, 77

Чагыллы-Депе 7, 34, 44, 51—54, 56, 58, 59, 60, 62, 67, 76, 77, 79, 82, 83, 85, 86—89, 92, 93, 95, 98, 100, 105, 106, 142
Чайеню-Тепеси 116
Чакмаклы-Депе 45, 58, 59, 81
Чатал-Гююк 8, 43, 60, 72, 73, 75, 95, 97, 104, 107, 117, 118, 120, 121, 132, 140, 142—144, 146—156, 158, 159
Чилька 130
Чопан-Депе 5, 6, 7, 27, 29, 44, 47, 49, 50, 54, 56, 59, 67, 68, 79, 82, 89, 105, 106

Шанидар 112
Шенгавит 123, 124
Шому-Тепе 123, 124
Шулавери 123, 124

Эйнан 77, 104, 118—120, 125, 133, 144
Эль-Вад 118
Эль-Риего 127, 134
Эриду 144

Яншао 138
Ярим-Тепе 77
Ярты-Гумбез, колодец 44

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 5

История изучения джейтунской культуры. Джейтун и проблема неолитической революции.

Часть I

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ДЖЕЙТУН

Глава 1. **Архитектура Джейтунского поселка** 9

Расположение памятника и его стратиграфия. Дома первого строительного горизонта. Выделение хозяйственно-жилых комплексов. Дома второго строительного горизонта.

Глава 2. **Хозяйственно-бытовой инвентарь** 26

Орудия труда. Кремневая индустрия и принципы типологической классификации. Геометрические микролиты. Орудия из камня и кости. Глиняная посуда и типы орнаментации. Украшения. Фишки для игры. Мелкая скульптура.

Глава 3. **Памятники джейтунского типа и их хронология.** 44

Джейтунские поселения в Южном Туркменистане. Внутренняя хронология. Вопросы абсолютной хронологии. Джейтун и памятники Прикаспия. Аналогии с памятниками Ирана. Месопотамские параллели джейтунской культуры. Джейтун и памятники Палестины и Малой Азии. Радиокарбоновая хронология Ближнего Востока. Проблема происхождения джейтунской культуры.

Часть II

ПРОИЗВОДЯЩАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ ГЕНЕЗИС

Глава 1. **Хозяйство джейтунской культуры** 78

Земледельческая основа экономики Джейтуна. Вопрос о прогрессе скотоводства. Значение и формы охоты. Домашние производства неолитической эпохи. Изготовление кремневых орудий. Обработка шкур. Децентрали зованный характер домашних производств. Обработка дерева и изготовление керамики. Производство украшений. Строительство. Приготовление пищи.

Глава 2. **Палеоэкономика и общество** 101

Понятие палеоэкономики. Численность населения Джейтуна. Трудовые затраты в сфере земледелия. Баланс производственных возможностей джейтунской общины. Роль парной семьи в джейтунском обществе. Предпосылки объединения парных семей в общинные поселки.Проблема внутреннего деления джейтунской общины.

Глава 3. **Пути неолитической революции** 107

Понятие неолитической революции и три модели ее развития. Зарождение и развитие производящей экономики в Загросе. Хассунские поселения. Малоазийский центр и культура Чатал-Гуюка. Натуфийская культура и Иерихон. Становление производящей экономики в Средней Азии, на Кавказе и в Северном Причерноморье. Формирование земледельческих культур Мезоамерики. Перуанский путь развития. Комплексы Чилька и Уака-Прието. Предпосылки неолитической революции. Последствия неолитической революции в развитии экономики и культуры. Проблема «неолитического города». Искусство и идеология раннеземледельческих племен. Социальные последствия неолитической революции.

Заключение 160

Вопросы терминологии. Неолитическая революция как генеральный путь развития человечества.

Приложение. Распространение находок по комплексам 162

Список сокращений 164

Таблицы I—XLII 165

Указатель названий археологических памятников и комплексов 206